

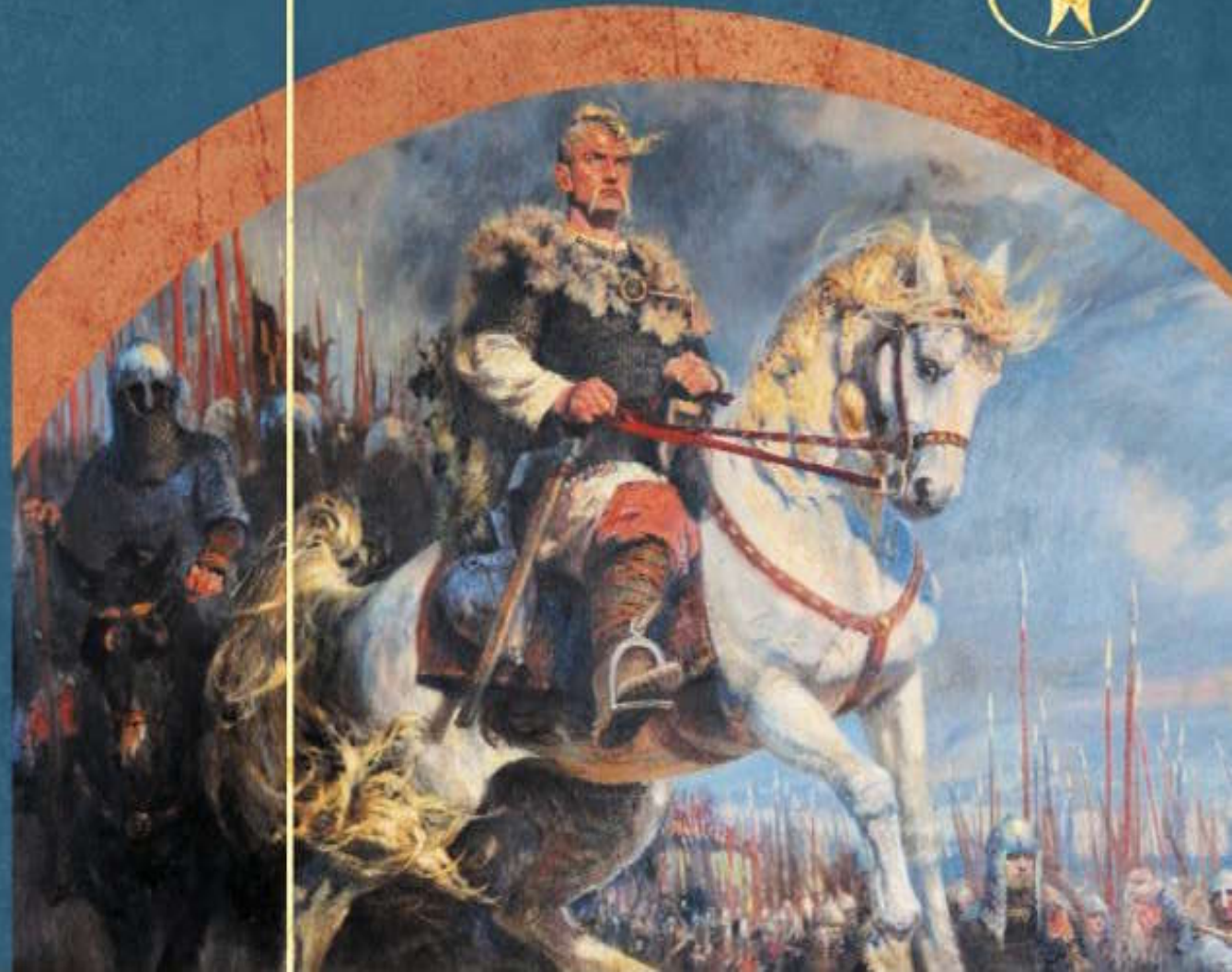
С. М. Михайлов   ОТ РЮРИКА ДО СВЯТОСЛАВА

С. М. Михайлов

МОНОГРАФИЯ

С. М. Михайлов

ОТ РЮРИКА ДО СВЯТОСЛАВА

МОНОГРАФИЯ

С. М. Михайлов

ОТ РЮРИКА ДО СВЯТОСЛАВА

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

2014

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
М 69

М 69 Михайлов С. М.

От Рюрика до Святослава : монография / С. М. Михайлов. — СПб. : СПбГИПСР, 2014. — 305 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-98238-054-8

Монография представляет собой первый том авторского исследования по теме «Логика древнерусской истории». Содержание книги охватывает период от эпохи восточного славянства до норманнской империи Рюриковичей X века. Используется обширный свод исторических и религиозных первоисточников, данные археологии, антропологии, палеографии, лингвистики. При трактовке исторических проблем автор опирается на методы концептуального и ситуационного анализа. В качестве иллюстраций приводятся редкие миниатюры, фото, рисунки и карты.

Издание предназначено для аспирантов, преподавателей и широкого круга читателей, интересующихся вопросами начального периода древнерусской истории.

С отзывами по содержанию работы можно обращаться
по электронном адресу автора repnin@mail.ru.

*В оформлении обложки использована картина «Князь Святослав»,
художник Владимир Киреев.*

ISBN 978-5-98238-054-8

© Михайлов С. М., 2014
© СПбГИПСР, оригинал-макет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СЛАВЯНЕ	4
Происхождение славян	4
Русь славянская	20
Язычество славян	31
О древнеславянской письменности	42
ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ	51
Норманны	51
Норманны на Руси	60
«Призвание» варягов	64
Славянские варяги	77
Ладога — Русское море	88
Любша — древнейшая крепость на Волхове	94
Норманны на северо-западной Руси до Рюрика	98
Старая Ладога	108
Рюрик	118
Новгород, Изборск, Псков времен Рюрика	133
Рюриково Городище, Гнёздово, Сарское Городище	146
Аскольд и Дир	153
Олег-правитель	165
Игорь	177
Княгиня Ольга	185
Святослав	207
Русская Нормандия Придонья	236
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА «РУСЬ»	246
ПРИЛОЖЕНИЯ	259
Об обожании солнца у древних славян	259
Хазары	263
Особенности этнических общностей славян и варяго-россов в Древней Руси IX–X вв.	274
О боевых действиях варяго-россов против византийского флота	280
О достоверности Иоакимовской летописи	292
СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	298

СЛАВЯНЕ

Происхождение славян

Группа российских и немецких ученых на основе новейшей технологии расшифровала генетический код одного из древнейших жителей Европы (20-летнего молодого человека), обнаруженного в 1954 г. под Воронежем в захоронении *Маркина гора* (Костенки XIV). Ученые пришли к выводу, что именно южно-славянская территория была колыбелью европейской цивилизации.

Человек белой расы современного европеоидного типа сформировался в 50–40-м тыс. до н. э. и изначально обитал исключительно в пределах Русской равнины. Исследователи древнейшей индоевропейской языковой общности пришли к мнению, что прародиной индоевропейцев является юго-восток Европы, что именно отсюда первобытные индоевропейцы совершили свое историческое расселение по Европе и странам Востока.

«Образование стад вело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: у семитов — на травянистых равнинах вдоль Евфрата и Тигра, у арийцев — на подобных же равнинах Индии, а также вдоль Оксуса и Яксарта, Дона и Днепра». [89, т. 21, с. 31]

В течение десятков тысячелетий древние европейцы постепенно расселялись по континенту в естественных географических пределах, ограниченных водными пространствами морей и бескрайними степями. В эту длительную эпоху выделяются три этнических массива европейского мира: славянский, романо-германский и финно-угорский.

Есть предположение, что начало этнической истории финно-угорских племен следует искать в среде неолитического населения лесной полосы Восточной Европы и Западной Азии III — начала II тыс. до н. э. как более или менее однородного этнокультурного массива, объединяющего охотничье-рыболовецкие племена на огромных пространствах от Зауралья на востоке и до Балтийского моря на западе. [150, с. 15]

При расселении финно-угорских племен на восток и север, вплоть до Арктики, они столкнулись с суровыми условиями обитания, скудостью средств пропитания и в силу этого остались на уровне первобытного родового строя.

При выходе романских европейцев на юг к Средиземноморью они пришли в соприкосновение с древнейшими рабовладельческими государствами Египта и Междуречья. Постепенно на юге европейцы перешли от родового строя к земледелию, домашнему скотоводству и ремеслу возникшей античной рабовладельческой цивилизации.

Племена южной культуры стали уходить вперед по уровню своего экономического развития, в сравнении со своими северными соседями, сохранявшими природный охотничий быт: «Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, изготовление растительного масла и виноделие, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города, окруженные зубчатыми стенами с башнями, гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию». [89, т. 21, с. 33]

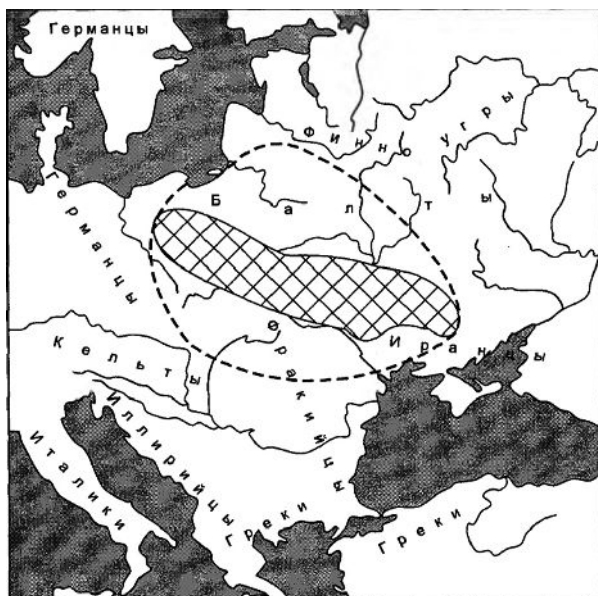
«Римское государство с его мировым господством свое право на существование основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка... римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций». [89, т. 21, с. 147]

Неравномерность социально-экономического развития племен Севера и Юга постепенно стала фактором исторического значения. Избыток населения юга на сравнительно ограниченной территории плодородной земли требовал новых жизненных пространств, что привело к эпохе «колонизации варваров», став началом образования народов древней Европы.

С другой стороны, нашествия варваров в эпоху «Великого переселения народов» по сути явились формой перераспределения богатств между изнеженным югом и суровым севером. По той же причине в эпоху викингов молодая, скудная, северная языческая Скандинавия разоряла зажиточную христианскую юго-западную Европу.

Массив германо-романских, славянских и финно-угорских племен, оседло обитая в местах своего древнейшего обитания, постепенно расселяясь и ассимилируя между собой, рождал новые полиэтнические общности.

По материалам языкознания, германцы, балты и славяне составляют особую родственную индоевропейскую группировку. При этом балто-германские связи большинством лингвистов признаются более старыми и прочными, чем связи славяно-германские. Весьма древними были и балто-финно-угорские языковые контакты. Славяне первоначально жили южнее балтов.

Предполагаемая прародина славян
(по данным: 1 — антропологии, 2 — археологии)

Славяне формировались на большей части территории Европы, имея сходные антропологические черты, что говорит об их общей прародине. По данным лингвистической географии, в древнем славянском языке не обнаруживается свидетельств о жизни славян на морском побережье. Древним славянам была чужда степь, ее растительный и животный мир. Терминология, связанная с горами, также чужда славянской древней лексике: «Прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории как единой этнической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами». [154, с. 122]

Время обособления первобытного славянского языка из других индоевропейских языков определяется приблизительно как конец III — начало II тыс. до н. э.

В числе данных, позволяющих обрисовать древнюю славянскую территорию, приводятся обычно известия о венедах, принадлежащие греческим и римским авторам.

Греческий ученый из Александрии *Клавдий Птолемей* (середина II в. н. э.) в своем труде «Географическое руководство», в частности,

описывает земли Восточной Европы на пространстве между Венедским заливом (Балтийским морем) и Меотидой (Азовским морем). Здесь он называет реку Вистулу (Вислу), дает названия некоторых рек, впадающих в Балтийское море, а также перечисляет десятки племен, некоторые из которых ассоциируются с позднейшими финнами (галинды), славянами (венеды), германцами (гитоны), гуннами (хуны). [134, с. 51]

К моменту исторических контактов с римлянами потомки венедов расселились от Адриатики до Центральной Европы и Прибалтики.

В эпоху миграции славян выделились две основные группы: юго-западная, расселившаяся в лесостепной полосе Европы, бассейне Дуная и на Балканах; и северо-восточная, продвинувшаяся до Балтики и Ладоги.

Славянский ареал обитания в II–IV вв. н. э. не был замкнутым пространством. В Висло-Одерском междуречье вместе со славянами проживали германские племена, а ранее кельты.

Н. И. Костомаров выделял два рода славян: одни — старые, жившие на Русской земле с незапамятных времен, а другие — пришлые (поляне, древляне и др.), о которых свидетельствуют древнейшие летописи как о славянах, прибывших с Дуная. [60, т. 1, с. 21]

По данным археологии, славяне появились на берегах Дуная в конце V в. По византийским хроникам, в частности по *Маврикию Стратегу*, Дунай был пограничной рекой: северный берег славянский, а южный — подчиненный Византии.

По областям расселения, проживания, культуры и языку принято говорить о южных, западных, восточных и северных славянах¹. «В настоящее время наиболее ранней группой древностей, принадлежность которых к славянской культуре не вызывает абсолютно никаких сомнений, являются места поселений и могильники VI–VII вв. н. э. во многих областях Средней, Восточной и Южной Европы... Между этими древностями и памятниками славянской культуры последующих столетий существует бесспорная преемственность, проявляющаяся в формах жилища, в облике глиняной посуды и прочего бытового инвентаря, в погребальной обрядности и т. д.». [150, с. 190]

Из ряда известий греческих, римских и арабских писателей о древних славянах, можно вывести заключение, что в эпоху их выхода на историческую сцену славяне представляли собою определенный этнический тип. Древние писатели упоминают о высоком

¹ Ст. слав. *Словѣне*, бел. славяне, укр. *Слов'яни*, русин. *Славяне*, болг. *Славяни*, макед. *Словени*, сербск. *Словени*, хорв.-бос. *Slaveni*, словенск. *Slovani*, польск. *Słowianie*, чешск. *Slované*, словацк. *Slovania*.

росте, крепком сложении, румянном цвете лица и русых волосах славян. Византийский историк Лев Диакон, толкуя о скифском (славянском) происхождении Ахилла, приводит такие характерные признаки: «покрой накидки, скрепленный застежкой, привычка сражаться пешими, белокурые волосы, светло-синие глаза». [71, с. 79]

В античных (римских и византийских) литературных памятниках название славян выглядит как «склавины» (греч. **Σκλαβηνοί**, лат. **Sklavinī**). Наиболее раннее упоминание «златокудрых саклабов» содержится в поэме придворного панегириста *ал-Ахталя* (ок. 640–710 гг.), написанной в конце VII в. Арабский этноним *ас-саклаб* восходит к греческому названию славян **Σκλαβηνοί**. [35, с. 172]

Название «славяне» возможно проистекало от обобщенного имени *слав* (лат. **Slavus**), сочетаясь, с одной стороны, с представлением о народе с известным языком, с другой — с представлением о невольном работнике, рабе, «*sclavus*» в общественном смысле. Раб в античном миропонимании представлял собой говорящее животное, обслуживающее интересы свободнорожденных людей. По определению, рабы-животные не носили оружие.

На одной из фресок римского Колизея сохранилось изображение умирающего пленника-гладиатора, характерного славянского облика, с надетой на шею *зривной*, которую так любили носить наши предки.

Патриотически настроенный В. Н. Татищев с негодованием отверг предположение, что название славян связано с олицетворением рабства: «многие европейские писатели итальянцам нерассудно последовали и, за неведение греша, склавы и склавоны именуют и оного названия значение от невольника производят». По В. Н. Татищеву, название славян проистекает от понятия «слава»: «как бы сказать славные... или славных в воинстве, мужестве и храбрости». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 33, с. 425]

Патриотические убеждения В. Н. Татищева понятны, однако история как наука весьма далека от примитивных аналогий созвучия слов — *немцы от немых, русские от русских, Псков от плескания* и т. д. и т. п.

Греки с античных времен выхода славян на историческую арену, почувствовав угрозу своему колонизаторскому гегемонизму, пустились в дикие измышления о скифских предшественниках славян. *Геродот* (ок. 485–425 гг. до н. э.) пишет о Скифах, «преисполненных наглости и презрения», по одному из мифов, произошедших от сожительства Геракла с неким существом двойной природы: наполовину змеей-ехидной, наполовину девой. [36, т. I, с. 33, 36] Скифов, живущих на крайнем севере, греки называли андрофагами, т. е. людоедами: «Андрофаги даже блюда готовят из человеческого мяса». [36, т. I, с. 224] *Помпоний*

Мела около 44 г. до н. э. пишет: «[Эсседоны скифы] тела умерших растерзывают и, смешав их с разрезанными внутренностями домашнего скота, съедают..., у воюющих есть обычай выпивать кровь прямо из ран первого убитого врага». [36, т. I, с. 233–234] По мнению *Плиния Старшего* (23/24–79 г. н. э.) к славянам относятся «скифы низкого происхождения, рожденные от рабов, или троглодиты». [134, с. 23] *Евнаний Сардский* († ок. 420) пишет о скифах: «Вид их тела, вытянутого в безобразную длину, слишком тяжелого для их ног, а в поясице перехваченного, как Аристотель описывает насекомых, внушал к ним презрение». [36, т. II, с. 27]

Римский историк VI в. н. э. *Иордан* в своей *Истории* пишет, что *вражья сила, бродя по степям* (*spiritus immondi per eremum vagantes*), сочелась с ведьмами и произвела на свет то *зверское племя*, которое сначала было очень ничтожно и принадлежало к числу людей, по имени означавшем *словеных*. Антиохиец *Георгий Писид* (сер. VII в.) *называл славян волками*. [135, с. 71] Архиепископ Фессалоникский *Иоанн* (кон. VI — сер. VII в.) пишет о «зверинном племени» славян «страшных, как змеи»: «они уничтожили плоды деревьев и ветви, и корни их... и дикорастущие травы, наконец, сам прах земли, и еще были голодны». [135, с. 113, 115]

Согласно сирийской (и развившей ее положения христианской и мусульманской) концепции народонаселения земли, славяне, как обитатели зоны «шестого-седьмого климата», органически неполноценны, они живут на севере, где солнце редко светит над их головами, поэтому «славяне больше похожи на скотину, чем на людей... ими овладевает грубость, дикость и животность». [135, с. 281] Епископ *Агапий Манбиджский* († 941) в «Книге титулов» пишет о славянах как о тупых и кровожадных существах, которых нужно подвергать кастрации. [36, т. III, с. 97]

Древние латинские источники также полны унижительных оценок славян: так, епископ *Бонифаций* в середине VIII в. характеризовал славян как «гнуснейший и наихудший род людей». Бонифаций задал вопрос римскому папе *Захарию* († 752 г.): уместно ли со славян язычников брать подать? На что последовал ответ: «Поскольку о славянах, населяющих земли христиан, подобает ли брать с них подать, спросил ты, брат. Здесь совета не нужно, ибо суть дела очевидна. Ведь если будут жить без подати, то когда-нибудь начнут считать эту землю своею собственной; ежели начнут платить подать, то будут знать, что у этой земли есть господин». [135, с. 417]

Действительная история опровергает мифы о диких животных в образе славян. В отличие от изнеженных и продажных ромеев,

славянские легионы в Риме и Византии составляли собою лучшую часть войска.

Более двадцати славян было возведено на Римский престол: Юстин I, Клавдий, Кесарь-Север и Валенций — иллирийцы; Юстиниан, Юстин II, Проб, Максимиан и Валентиниан — паннонцы; Диоклетиан — далмат; Константин-Хлор — Русин. Император Василий также был славянин.

Римляне, страшась славянских набегов, с 69 г. н. э. стали выплачивать содержание некоторым славянским вождям и старейшинам, одновременно, как сообщает *Иосиф Флавий* (37/38 — ок. 100 г. н. э.), усилив свои гарнизоны до 3 тыс. гоплитов и флот до 40 кораблей «на несудоходном прежде и суровом [Черном] море». [36, т. I, с. 131]

Когда «вечный Рим» вступил в период глубокого кризиса, наступил час расплаты за многовековое угнетение. Европейские племена объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. После падения в 476 г. Западно-Римской империи и возникновения на ее территории ряда «варварских» государств, последним оплотом рабовладельческой системы в Европе осталась Восточно-Римская империя — Византия.

Среди славян тех времен, живших на землях будущей Руси, наиболее воинственными были племена *роксоланов* и *языгов*. Греческий историк *Страбон* (64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.) пишет в своей «Географии», что «крайние из известных нам народов скифского племени — роксоланы — обитали выше Борисфена» (Днепра). Роксоланы «воевали и с полководцами *Митридата Евпатора* под водительством *Таисия...*, однако против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легковооруженное войско оказывается бесильным». По Страбону, воины роксоланов носили шлемы и панцири из сырой воловьей кожи, а их щиты были сплетены из прутьев. [36, т. I, с. 104, 108]

Славянские племена, как и другие варварские племена Европы, в эпоху Великого переселения народов не раз потрясали своими набегами рубежи Римской империи, а славянские ладьи доходили не только до Византии и Малой Азии, но и достигали самих Афин и Рима.

Феодор Синкелл (VII в.) пишет: «славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу». [135, с. 85] Особенно умелым в искусстве передвижения по рекам, заливам и прибрежным водам морей было славянское племя *венедов*, имевшее известность от Средиземноморья и древней Тавриды до сурового европейского северо-запада.

Кочевые народы, вступавшие в союзы со славянами, часто призывали славян на помощь для наведения переправ через реки, строительства плотов и легких судов-однодеревков. Так, славяне помогали аварам в Подунавье при осаде Константинополя в 626 г.

Достоверных письменных источников славян, живших во времена родового строя, нет. Но мы можем судить о славянах по письменным источникам их соседей: Византии, франков, готов и арабов. Наиболее ценные сведения о древних славянах приводят *Проконий Кесарийский* (ок. 500–560 гг.), *Маврикий Стратег* и *Иордан* (Iordanes).

Иордан пишет о славянах: «К северу от истока реки Вистулы на огромных просторах обитает многочисленное племя венетов (*Venethae*). Хотя их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами (*Slaveni*) и антами (*Antes*). Славяне живут от города Новиетуна (на Дунае) и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра (Днестра) и на севере до Висклы (Вислы). Болота и леса заменяют им города». [35, с. 33]

В начале III в. начинается движение германских племен под именем *готов* от берегов Балтики к Черному морю; без сомнения, движение это совершалось по тому же водному пути, по которому после, в половине IX в., спускались дружины варягов. [141, т. I, гл. 3, с. 114] В IV в. готский вождь *Германарих* положил основания государству в таких обширных размерах, в каких после явились славянские владения Рюриковичей. Тогда же римскому императору *Диоклетиану* удалось натравить германские племена *готов* на славян.

Славяне обосновались к северу от Дуная не позднее V в. Неизвестный латинский автор VII в. во «Франкской космографии» пишет: «Данубий (Дунай) долго течет среди великих народов, Огромная река, она дает пастбища славянам (*Sclavis*), Протекает среди гуннов и соединяет винидов». [136, с. 399]

В 559 г. началась война союзных гуннов и славян с Византией. *Проконий Кесарийский* пишет: «Множество славян недавно через Дунай перешли и великую добычу побрали, ибо землю во всю ширь и длину разорили». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 33, с. 427] Подойдя к стенам Царьграда, предводитель союзного войска гуннов и славян *Заверган*, получив огромный денежный выкуп, отошел к Дунаю.

События 581 г. описал *Иоанн Эфесский*: «народ славян... прошел через всю Элладу и по стране Фессалонике, и по фракийским провинциям», взял множество городов и крепостей, завоевал страну, сел в ней «как в своей собственной... они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем

ромеи». [134, с. 279] В июле 600 г. папа *Григорий I* (ок. 540–604 гг. н. э.) пишет епископам дунайским: «Весьма мне печально, что вы многие беды и утеснения от славян терпеть принуждены, это мне прискорбно о вас и вашем несчастьи, а тем более что они уже через Истрию в Италию нападать стали». [135, с. 351]

По сирийскому «Смешанному Хроникону» в 623 г. славяне в Средиземноморье напали на остров Крит. В 626 г. славяне в союзе с *аварами* и персами обрушились на Византию и осадили Царьград. По *Феодору Синкеллу*, греческий флот «под натиском вражеских полчищ... повернул корму и открыл врагам легкий доступ к городу». [13, с. 87] Но разразившаяся буря уничтожила легкий славянский флот челнов «однодревков»². Это было воспринято греками как чудо заступничества на виду храма *Влахернской богородицы*. В память этих событий установлена особая церковная служба Богородице — *акафист*, где славится чудо победы над «злыми славянами».

При императоре Юстиниане II (685–695 гг.) с помощью 30 тыс. отборного войска славян под водительством князя *Небула*, Византия впервые одержала победу над арабами.

Византийский историк начала VII в. *Феофилакт Симокатт* сообщает, что к императору Византии доставили трех пленных славян, при допросе которых выяснилось, что родом они из земли оконечности Западного океана (Балтийское море), к которым добрались послы аварского хагана, чтобы собрать воинские силы славян для похода на Византию: «прельщая старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них является длительность пути... ведь дорога занимает пятнадцать месяцев». [135, с. 17]

Клады византийских монет этой эпохи, найденные в низовьях Одера, могут свидетельствовать о том, что аварский Каган действительно раздавал подарки местным вождям из сумм византийской дани.

По значительности пространства, занимаемого, по свидетельству *Аль-Фазари* (772–773), славянами, почти равного Халифату, можно заключить, что во времена этого астронома арабы имели достаточно подробные и верные сведения о расселении славян. [25, с. 9]

Славяне рисуются рядом историков древности бодрыми, сильными, неутомимыми, мужественными людьми, стройными и высокими ростом. Их отличало целомудрие, крепкие семейные и моральные устои. Император Византии *Маврикий Стратег* (582–602) пишет о славянах: «Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу,

---

² В однодревке киль ладьи состоит из одного дерева — Авт.

и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщенье за него священным долгом... Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы... не считая жизнью существование вдовстве». [136, с. 17] Об этом же сообщает в середине VIII в. латинский епископ *Бонифаций*: «винеды (славяне)... со столь великим усердием блюдут взаимную супружескую любовь, что жена после смерти своего мужа отказывается жить». [135, с. 417]

Славяне

Ф. Энгельс, на основе исследования Л. Морганом родового строя, пишет: «А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямотушии, силе характера и храбрости этих варваров». [89, т. 21, с. 98]

Историки тех лет приводят многие имена, среди них вождей, склавинов и антов — Бож, Мезамер, Келагаст, Ардагаст, Мусокий, Пирогаст, Даврит, Всегорд, Доброгез, Усигард, Первуд...

Особенно поражало современников органическое свободолюбие славян: «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле... Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют

на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья». [134, с. 369]

Ф. Энгельс пишет по этому поводу: «Для человека низшей ступени варварства раб был бесполезен... Рабочая сила человека на этой ступени не дает еще сколько-нибудь заметного избытка над расходами по ее содержанию... господство над покоренными несовместимо с родовым строем». [89, т. 21, с. 58, 150]

Что касается свободолюбия славян, то оно объяснялось, в частности, особенностями их языческой веры. Воины предпочитали убивать себя собственным оружием, но не сдаваться в плен, поскольку, по их понятиям, мертвый переходит в иной мир, каким он был в последние минуты жизни. Пленных обычно обращали в рабов, а быть рабом вечно «на том свете» славяне органически не желали.

В известном мирном договоре 944 г. Игоря с греками, в числе кар, за нарушение договора, в частности, оговаривается и чисто языческое возмездие: «погибель во весь вѣкъ в будущий... и да будутъ раби въ весь вѣкъ будущий». [79, с. 47]

Лев Диакон пишет о язычниках тавроскифах (росах Святослава): «они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам, даже побежденные, — когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть». [71, с. 79–80]

Византийский историк *Менандр Протектор* сообщает, что в VI в. славяне отказались подчиниться аварскому хану *Бояну*, не желая лишиться своей исконной вольности и свободы. [35, с. 85]

Славяне, жившие в условиях родовой общественной собственности, «выходя из дому, оставляли дверь, отворенную и пищу готовую для странника... Сей народ не терпел ни властелинов, ни рабов на земле своей и думал, что свобода есть главное добро человека... Общие древние обычаи служили между ними некоторой гражданской связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия». [48, т. I, гл. III, с. 31]

Византийский историк *Прокопий Кесарийский* пишет: «племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. А также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров». [35, с. 82]

Характерные особенности славянского родового самоуправления приводит *Маврикий Стратег*: у славян было много родовых вождей, но они были равны друг перед другом, единого правителя или правительства славяне не знали, но, наоборот, много своих дел решали сообща, совещаясь вместе. [35, с. 87] Говоря о родовых собраниях, Ф. Энгельс пишет: «Народ выносит свое решение: отрицательное — ропотом, утвердительное — возгласами одобрения и бряцанием оружия». [89, т. 21, с. 142]

В эпоху славянского родового строя три типа власти: народная (собрание, сход, вече), военная (власть вождей) и жреческая (волхвы) — являли между собой неразрывное единство.

Общинность родового строя славян подразумевала такой порядок, когда отдельный член рода полностью подчинялся законам своего рода, а весь род покровительствовал своему сородичу. Безродный человек звался *сиротой*, имея самое убогое место среди людей, между которыми он жил.

Особенностью жизни славянских племен была развитая, по тем временам, экономика: пашенное земледелие в сочетании с домашним скотоводством и ремеслом. Можно определить отличие славян от других народов, как оседлых племен, живущих главным образом по рекам в лесах и лесостепях в местах удобных для земледелия.

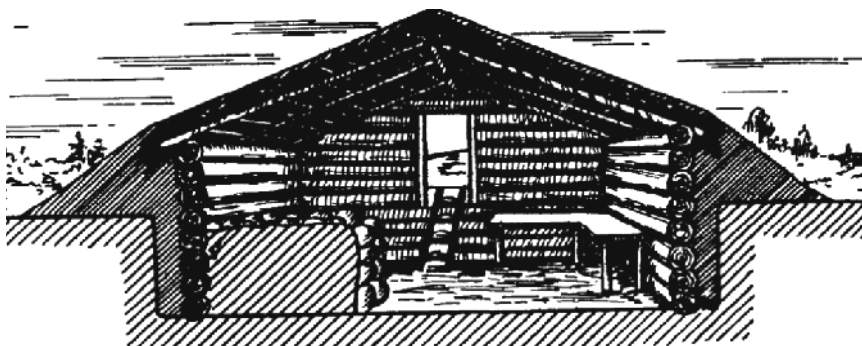
Славяне обычно селились в долинах рек, богатых плодородными почвами и пойменными лугами. Безопасность земледельческого населения чаще всего достигалась с помощью укрепленных мысовых городищ, обычно защищенных самой природой с трех сторон устьями рек и речушек.

Известные археологам славянские поселения — неукрепленные *селища* и укрепленные *городища* — зримо свидетельствовали о существенных переменах в экономике и социальной структуре первобытных обществ. Городища были необходимым средством защиты жизненно важных средств населения — домашнего скота и запасов хлеба.

В лесной полосе Верхнего Поднепровья первые городища были сооружены еще в конце II тыс. до н. э. «Эпоха железа», вызвавшая резкое увеличение производительности труда, сопровождалась ростом числа укрепленных городищ.

В селищах и городищах археологами открыты остатки небольших площадью 12–20 кв. м жилищ, различные хозяйственные постройки. Жилища представляют собой квадратные в плане полуземлянки, с облицованными деревом стенами срубной или столбовой конструкции с очагом (печкой-каменкой), обычно расположенной в северном углу.

Славянский дом

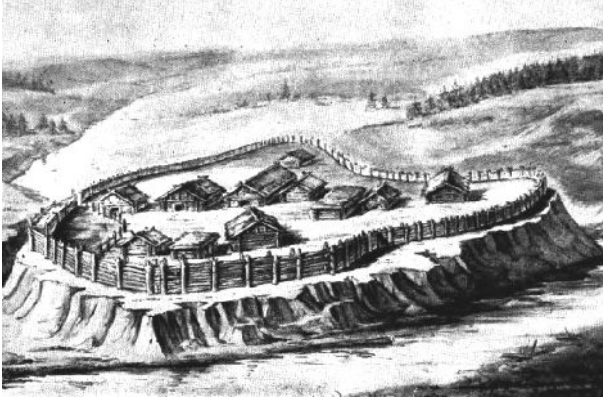
Археологические раскопки восточнославянского поселения Макаров остров, в частности обнаружение хранения в едином месте большого количества хозяйственного инвентаря, явно свидетельствуют о коллективном ведении хозяйства, о коллективной собственности на основные орудия производства и запасы продовольствия. [73, с. 191]

Подсечно-огневое земледелие требовало усилий целого сплоченного коллектива для вырубki, корчевки и расчистки поля под посев.

Первичным звеном общества стала патриархальная больше-семейная родовая община. Существование таких общин в середине I тыс. н. э. обнаружено в верхневолжском городище Березняки. Его жители вели нераздельное хозяйство, где наряду с домами отдельных семей, имелись большие постройки, обслуживающие всех членов общества. Такие же постройки больших жилых домов характерны и для древнейшего старолadoжского городища.

Данные археологии показывают, что древние городища как поселения большесемейных общин, типа «патриархального гнезда», имели схожую планировку: постройки располагались вокруг центрального дома, имевшего большие размеры. На древних городищах найдены следы больших длинных домов, разделенных на отдельные однотипные секции.

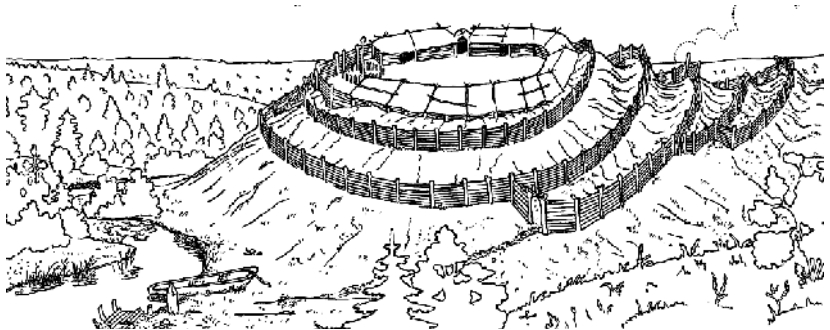
В 1934–1935 гг. П. Н. Третьяковым было раскопано славянское городище III–V вв. н. э. на Верхней Волге у д. Березняки, расположенное на границе славянских земель и владений угро-финских племен Поволжья.

Городище у д. Березняки (реконструкция)

Нет сомнения, что перед нами поселок патриархальной семьи численностью в 50–60 человек, ведшей свое хозяйство на общинных началах, имевшей общие запасы продовольствия и погребавшей остатки своих умерших в общей усыпальнице. [116, с. 20–21]

Один из раннеславянских хорошо укрепленных городков Тушемля, находящийся в 50 км к югу от Смоленска, обнаружен и обследован советскими археологами в 1955–1957 гг. Тушемля являлась весьма оригинальным крепостным сооружением — своеобразным укреплением с «жилыми стенами». [151, с. 42–71]

Славянское городище Тушемля

В пределах городища Тушемля люди постоянно не жили, городище представляло собой крепостное убежище, для укрытия близлежащего населения на случай опасности.

Городища-убежища были приготовлены для приема значительно-го числа людей, в них хранились запасы продовольствия, хозяйственная утварь, ценное имущество.

Одной из причин распада родового строя славян стал переход от примитивного *подсечного* земледелия к *пашенному*. На смену убогим орудиям труда пришли более совершенные — плуг, проушный топор и др.

Накопление агрономических знаний позволило восточным славянам перейти к посевам озимой ржи — неприхотливой культуры, дающей устойчивые урожаи. Сочетание яровых культур с озимыми на основе парового земледелия, увеличило производство хлеба в несколько раз. Тягловой силой крестьянского хозяйства славян была лошадь.

Наступивший прогресс в крестьянском хозяйстве позволил сократить трудовой коллектив по обработке земли до одной крепкой многочисленной семьи. Если раньше прокормиться можно было лишь совместным общинным трудом, то теперь уже и отдельной семьей. На смену родовой славянской общине пришла община соседская, когда пашня и луга стали собственностью отдельных семей, а леса, воды, выгоны и пастбища, как и ранее, остались общими.

Продовольственный излишек продуктов земледелия создал возможность ремеслу развиваться от патриархальной формы к специализированной. На конечном этапе родового строя ремесло отделилось от земледелия и, как результат, возникло товарное производство, рынок по товарообмену между ремеслом и земледелием.

Еще на ранней своей стадии славянские ремесленники получили известность как искусные творцы высокохудожественных изделий, в частности женских украшений, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки.

В VII–VIII вв. родовой строй восточного славянства вступил в эпоху разложения общинной собственности, подрываемой меновой торговлей и выделением богатеющей военной знати.

Дополнительная прибавочная продукция создала реальную основу для постоянного содержания вооруженных людей вокруг родовой военной знати, усилению власти которой способствовал постепенный переход от обычаев военной демократии (поголовному вооружения всех мужчин рода) к особой военной дружине вождя.

Войны славянских вождей и массовый захват пленных имели своей главной целью обогащение военной знати и ее дружин. Традиции продажи в Византию рабов-пленников в обмен на шелк и паволоки были весьма старыми и устойчивыми.

Шелк и паволоки были одними из ценных меновых товаров, к обладанию которым стремилась знать. В начале X в., судя по договорам Руси с Византией, одного пленного обменивали на два куска шелка.

Выделение сильнейших родовых вождей привело к появлению устойчивых территориальных племенных княжений.

Со временем некоторые славянские селища и городища *становились* центрами ремесла, торговли и княжеской власти: «Разделение труда в пределах той или иной нации, прежде всего, приводит к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым — к отделению города от деревни». [89, т. 3, с. 20] Гарнизоны городищ занимались сбором проездных и торговых пошлин — мыта.

Рост населения городов, дружин и челяди князей, необходимость их *кормления* вызвали «феодализацию» славян, когда свободные крестьяне-общинники (*смерды*), в обмен на свою защиту князьями от других феодалов, облагались данью, а затем и земельно (удельно) закрепощались.

Данничество устанавливалось в ходе завоеваний, когда побежденное племя не истреблялось, а превращалось в подданных, обязанных платить дань. Дань представляет собой форму договорно-зависимой кабалы: сначала силой отнимали, сколько могли и желали, затем перешли к оговоренному и обязательному *по закону* грабежу.

Хожение за данью, наряду с военным предводительством, было основным занятием князей. Князь не только собирал дань, но и распорядился ей. Экспедиция за данью называлась *полюдьем*. Города дань не платили: «город не был объектом дружинной деятельности... если на город накладывалась дань, то это имело такое же значение, как современная контрибуция». [114, с. 133]

Становление института княжения у славян заняло собой целую историческую эпоху перехода от позднего родового строя к раннефеодальному обществу.

Если военный вождь был лицом выборным, то характерной особенностью княжеской власти был ее династически наследственный характер. При этом на стадии племенных княжений продолжали сохранять обычаи родового общинного самоуправления, а авторитет языческих жрецов (волхвов) был независим от княжеского влияния.

Несомненно, что слово князь не славянское. У славян близких по смыслу слов к понятию князь нет, но есть ближайšie корневые понятия — на востоке *Коган*; на западе — *king* (король), *конунг*, *кнехт* (княжеский наемник), *ксендз* (князь церковного прихода).

Русь славянская

По ряду свидетельств античных писателей и историков, уже в древности плодородные берега Борисфена (Днепра) были густо заселены, как пишет *Геродот*: «скифами-земледельцами на расстоянии десяти дней плавания». [36, т. I, с. 46] Имеется в виду нижняя, до порогов, судоходная степная часть Днепра.

Помпоний Мела около 44 г. до н. э., сообщая о Северном Причерноморье, писал: «Борисфен — великолепнейшая река Скифии; в то время как другие [реки] бурны, он протекает чрезвычайно плавно, вода его спокойнее, чем у других рек, и самая приятная для питья. [Борисфен] орошает прекраснейшие пастбища, в нем водятся большие рыбы, у которых и вкус замечательный, и костей нет». [36, т. I, с. 232]

По мнению *Псевдо-Схимна Хиосского* (III–II вв. до н. э.), выше днепровских порогов движение невозможно «вследствие снегов и льдов». [36, I т., с. 99] О людях и племенах, живущих на севере, образно пишет римский поэт *Вергилий* (70–19 гг. до н. э.) в поэме «Георгики»: «там держат скот взаперти на скотных дворах... бесформенная широко лежит под снежными сугробами и глубокими льдами земля... стоячие волны целиком превращаются в крепкий лед, и колючие сосульки твердеют в нечесаных бородах... [жители] проводят свои безмятежные досуги в вырытых пещерах глубоко под землей, прикатывают к очагам собранные дубы и целые вязы и предают их огню. Здесь они проводят ночи в играх и весело в чашах заменяют вино кумысом и кислым соком рябины». [36, т. I, с. 212–213]

Греческий ученый II в. *Птолемей* дает точные географические координаты с севера на юг ряда городов, стоящих на берегах Борисфена, именуя их: Азагарий, Амадока, Сар, Серим, Метрополь, Ольвия³ или Борисфенида. [36, т. I, с. 187]

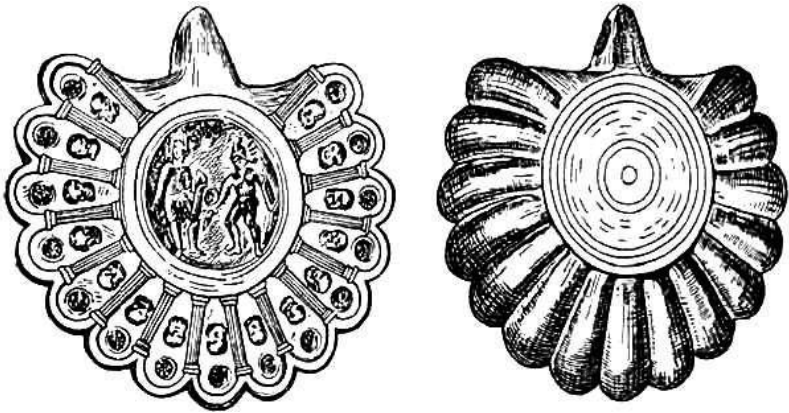
К числу дискуссионных проблем относится, прежде всего, вопрос об этнической принадлежности жителей Поднепровья античных времен. По мнению Б. А. Рыбакова и П. Н. Третьякова, славяне были автохтонным (коренным) населением Среднего Поднепровья, выступая в античное время под именем антов. Таким образом, геродотовские скифы-пахари были предками восточных славян. Это предположение ничем не подтверждено и носит умозрительный характер.

³ Ольвия находилась не на Днепре, а рядом с его устьем — Авт.

Многочисленные клады римских монет, ювелирных изделий и вещей артефактов античной эпохи говорят о развитой торговле поселений Поднепровья с римскими провинциями Причерноморья.

Торговля посредством римских денег со стороны имперского Рима носила колониальный характер неэквивалентного товарообмена, обогащавшего, прежде всего, римскую и племенную знать провинций.

Племенная, дружинная и жреческая знать, существующая за счет грабежа соседних племен и своих обедневших соплеменников, была заинтересована в торговле с Римской империей: «Продавая рабов, скот, меха, воск и другие товары, «варварские» князья и старейшины получали вино, дорогие ткани, украшения, посуду, золотые медальоны». [63, с. 10]

Римский светильник, найденный на территории Киева

Находки кладов римских монет в Средней и Восточной Европе тянутся широкой полосой вдоль северных границ римских провинций от Вислы, Рейна, Прикарпатья к Среднему Поднепровью.

Данные археологии позволяют охарактеризовать «варварское» общество Поднепровья и Поднепровья как крупный племенной союз, сложившийся в Причерноморье под гегемонией готов и просуществовавший до эпохи вторжения гуннов в Восточную Европу в 375 г. [63, с. 33]

Большие земледельческие поселения располагались на берегах рек в таких местах, которые способствовали крестьянскому труду. Помимо земледелия, люди занимались скотоводством, рыболовством, охотой, лесными промыслами. Ремесленники обслуживали свои общины, продукция изготовлялась на заказ, но не на рынок.

Внешняя торговля касалась, главным образом, предметов роскоши, т. е. обслуживала интересы племенной знати, жречества и дружинников. В частности, значительный ввоз вина для зажиточных слоев «варварского» общества археологически документируется многочисленными находками причерноморских амфор, краснолаковой и стеклянной посуды. Богатые монетные и вещевые клады свидетельствуют о накоплении знатью сокровищ.

Значительный экспорт зерна из сельскохозяйственных районов Днестра, Среднего Поднепровья и Подонья для целей товарообмена в эпоху разложения первобытного родового строя практически невероятен: в силу неразвитости средств производства и транспорта о такой возможности нет источников.

Полибий (ок. 205–123 гг. до н. э.) следующим образом характеризует торговлю в Причерноморье: «В Понте есть много полезного для жизни другим народам, и византийцы держат все это в своих руках. Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с [нами], то доставляя его в случае нужды, то получая». [36, т. I, с. 96–97]

Большинство кладов римских монет IV в. н. э. было зарыто, по видимому, в эпоху гуннского вторжения в Восточную Европу, которое сопровождалось гибелью многих причерноморских городов и истреблением оседлого сельскохозяйственного населения. Многочисленные поселения на берегах Днепра, Буга и Днестра погибли в огне пожаров.

Падение Западной Римской империи и последующая эпоха переселения варварских народов вызвали исчезновение обмена посредством денег и регрессивный возврат к патриархальному безденежному натуральному обмену.

Процесс натурализации хозяйства сопровождался падением роли ремесла и торговли, перенесением центра экономической жизни из города на село, обусловив примитивизацию товарного производства.

В частности, были утеряны навыки античного гончарного ремесла на основе гончарного круга, на смену которым пришла грубая лепная керамика.

В истории Восточной Европы в начале V в. наступил длительный исторический период, растянувшийся на четыре века, когда денежное обращение прекратилось и межрегиональная торговля замерла.

Ф. Энгельс пишет о германцах и славянах тех лет: «Деньги употреблялись редко и мало, притом только римские. Изделий из золота

и серебра они не изготавливали и не ценили, железо было редко и, по крайней мере, у племен, живших по Рейну и Дунаю, по-видимому, почти исключительно ввозилось, а не добывалось самостоятельно».

[89, т. 21, с. 141]

Только в конце VIII в. восточные купцы и купцы норманнов начинают активную торговую деятельность на Волге и Дону, используя в качестве средства денежного обращения арабские серебряные дирхемы.

Великое переселение народов коренным образом изменило этнографическую карту Восточной Европы. В Поднепровье, где раньше обитали фракийские, скифо-сарматские и готские племена, постепенно расселяются многочисленные славянские племена из области северо-западной Европы. Коренные славянские земли не были затронуты нашествием гуннов.

Славянские племена, по мере своего расселения, постепенно вытесняли местных коренных жителей, или ассимилировали их в среду своего обитания. Массив славянских племен от Вислы до Днепра медленно расселялся к востоку.

К настоящему времени в распоряжении археологов есть свыше 40 тыс. славянских погребальных комплексов.

История восточного славянства начинается с того периода, когда из общеславянского (праславянского) языка стал выделяться самостоятельный восточнославянский язык. Это произошло, как свидетельствуют многие лингвистические данные, в VII–VIII вв.

Во второй половине I тыс. н. э. завершилось первоначальное расселение славян. *Повесть временных лет* рисует нам картину этнического расселения славянских племен по землям будущей Руси: полян, древлян, дреговичей, полочан, словен, кривичей, радимичей, меря, мурома, вятичей, северян. [137, 79, с. 5–12]

Многолетними исследованиями в Киеве установлено, что древнейшее городище на Старокиевской горе (городок Кия) возникло в конце V — начале VI вв. Возможно, что это укрепленное поселение было племенным и культовым центром полян.

Древнее киевское городище было окружено рвами и валами, за пределами которых располагался огромный языческий курганный могильник IX–X вв. Территория этого могильника была весьма значительна, во много раз превосходя площадь городища.

Поляне первыми из славянских племен стали называться *русью*. Отсюда, из Киевской земли, этот этноним постепенно распространился на все восточнославянские племена, входившие в состав древнерусского

государства. К киевскому центру полян со временем присоединяются окружающие его племена древлян, вятичей, радимичей⁴.

По мнению М. К. Каргера, Киеву предшествовали три древних поселения — на Андреевской горе, Киселевке и Щековице, лишь к концу X в. слившиеся в единый город Киев. [49, с. 62]

Киевский Подол, т. е. место находящееся в долине, низменности на берегу Днепра, стал активно заселяться и осваиваться для торговли лишь в начале X в. Самые ранние остатки строений из дерева датируются 900 г. и позднее.

В 1787 г. императрица Екатерина II, будучи в Киеве, отметила: «Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь — все ищу: гдѣ городъ; но, до сихъ поръ ничѣго не обрела, кромѣ двухъ крѣпостей и предмѣстій; всѣ эти разрозненные части зовутся Киевомъ»⁵.

По Киевскому Синописису, выписанному по большей части из польских историков Длугоша, Стрыйковского и др., Киев был основан в 430 г., [165, с. 116] что, по мнению А. Л. Шлѣцера, является выдумкой и самой бессовестной ложью. [164, с. 184]

Летописи рисуют весьма противоречивую картину, касаясь происхождения киевского первокнязя Кия. По мнению М. И. Артамонова, имена основателей Киева братьев Кия, Щека и Хорива «не носят никаких признаков славянской принадлежности и могли принадлежать дославянскому населению Среднего Поднепровья». [3, с. 292] По Г. В. Вернадскому, имя «Кий», возможно, происходит от тюркского слова *kiу* (*берег реки*)⁶.

По славянской летописной версии, были люди в давности, которые в районе Киева основали перевоз, а Кий, один из трех братьев, был таким перевозчиком. По Нестору, семейство Кия из трех братьев и сестры Лыбеди «створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ». [79, с. 8]

Держать перевоз, быть перевозчиком через реку — означало контролировать переправу, обеспечивать безопасность судам, исключать нападения. Это касалось не только киевского перевоза через Днепр, но и безопасности перехода по стоящим неподалеку днепровским порогам.

М. К. Каргер считал: летописная легенда о трех братьях — основателях города — заключала в себе, по-видимому, отголоски реального

---

⁴ «Славяне Поднепровья»: иллюстрации, рис. 1.

⁵ «Русская старина», т. VIII, 1873, ноябрь, с. 671.

⁶ [18] Гл. VIII. Образование Киевской Руси (839–878 гг.). Распространение Хазарского и Мадьярского контроля над южно-рускими племенами.

существования трех самостоятельных древнейших поселений на территории Киева. [49, с. 62]

В этом плане легендарных киевских братьев можно характеризовать как родовых старейшин трех древних киевских поселений. Комментируя такую возможность, М. Щербатов пишет: «Великая темнота, которою Российская история покрыта сего времени, где некоторые мнят, что якобы Кий был перевозчиком у реки Днепра, и потом, усилившись, основал города и сочинил себе царство. Хотя в сии варварские времена сие и не было возможно, чтоб из самой подлости произошедший человек, или сперва был главой разбойников, а после Царем учинился». [165, с. 117]

Князю М. Щербатову, так же, как и Нестору, рассуждать о существовании рода человеческого без княжеской власти было невысказанным делом.

Летописец пустился в измышления о княжеской генеалогии Кия, по которой жил в свое время князь-Кий, ходивший в Царьград и принявший большую честь от царя. [79, с. 9] Однако в византийской историографии нет ни малейших намеков о визите «князя» Кия.

По определению существование княжеской власти предполагает ее территориальную локализацию с центром типа града. Поскольку Киев как единый *град* сформировался лишь к концу X в. во времена Владимира, то рассуждать о киевских князьях до владимировой эпохи, по сути, неправомечно.

По археологическим данным, эпоха полян времен Кия весьма скудное время. Судя по отсутствию находок арабских и византийских монет, торговли практически не было. Лепная керамика свидетельствует о крайней нищете полян тех времен.

По летописям, княжение Кия оказалось недолговечным, по кончине Кия власть над полянами захватили Козары (хазары), обложившие полян тягостной данью.

Полян от хазар освободили в 866 г. варяжские конунги Аскольд и Дир. Когда киевляне им сообщили, что у них нет своего князя, Аскольд и Дир предложили или, возможно, попросту навязали им свои услуги.

Летописные Аскольд и Дир княжили в Киеве до 882 г., будучи вероломно убиты варяжским конунгом Олегом. Явившись с сурового новгородского северо-запада, Олег был пленен красотой и удобством града на днепровских берегах, воскликнув: «Да будет Киев матерью градам Русьским». [79, с. 23]

Этот летописный возглас имеет сугубо символическое значение, подобное предвидению апостола Андрея великого будущего *места на Горах*. Олег в Киеве, как территории сообщества небольших

поселений, не мог княжить, ему там по существу негде было жить. Об уровне жизни Киева VIII–IX вв. говорит то обстоятельство, что древним киевским гончарам был неведом гончарный круг, убогую кухонную утварь они лепили вручную.

Летописные фантазии о княжеском Киеве времен Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава — варяжских князей-конунгов в древнескандинавских источниках не имеют никакого подтверждения: «О Киеве (*Konugardr*) вообще нет конкретных сведений... Киева нет в рунических надписях X–XI вв., нет его в скальдических стихах IX–XII вв., нет и в королевских сагах». [32, с. 64–65]

Первые упоминания в древнескандинавских сагах о княжеском Киеве относятся к конунгу Вольдемару (Владимиру). В конце X в. городские укрепления Киева были уже недостаточны для разросшегося города. Князь Владимир Святославович обносит новым валом и ровом выросший город.

Древний языческий курганный могильник, очутившийся теперь в центре Киева, был застроен и уничтожен. На его территории в 989 г. была поставлена первая каменная христианская церковь, затем другие храмы и монастыри. Остальная площадь могильника застраивается княжескими дворцами и теремами знати, вокруг которых ютились киевские *люди* в небольших полуземлянках. [49, с. 103]

Летописец наряду с полянами отмечает их северо-западных соседей — древлян. В сравнении с полянами, древляне экономически были более развиты и имели совершенную племенную организацию.

На землях древлян стояло много хорошо укрепленных городищ. По летописцу у древлян было княжение с центром в Искоростене. В летописях есть сведения о древлянских князьях, племенной знати («лучших мужах») и дружине.

В центре восточной Европы в области стыка истоков Днепра, Западной Двины, Ловати и Волги обосновалась большое восточно славянское племя кривичей⁷. По одной из версий, этноним кривичи есть производное от имени родоначальника племени *Крива*.

Кривичи как отдельная племенная единица восточного славянства формировались в бассейнах реки Великой и Псковского озера, а также в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье. В их сложении приняли участие местное прибалтийско-финское и балтское население и расселившиеся здесь носители славянского языка. Постепенно местное население было ассимилировано и вошло в состав восточнославянской народности наравне со славянами.

---

⁷ «Земли славян кривичей»: иллюстрации, рис. 2.

Кривичи имели ряд племенных центров: Смоленск на Днепре, Полоцк на Двине, Псков (Изборск) рядом с Чудским озером. Однако единого княжения у славян кривичей не было.

Географическим центром земель кривичей были земли Смоленщины — края бесчисленных древних городищ. Наиболее древние из них относятся к дославянским временам середины I тыс. до н. э., характерных могильниками длинных курганов.

Для выяснения истории происхождения Смоленска наиболее важно было бы открытие поселений времени первого упоминания города летописцем, т. е. середины IX в. Несмотря на упорные поиски, результатов нет никаких. Славянские напластования относятся здесь к концу XI в. и позже. Ни один из раскопов не дал слоев более древних. [138, с. 7–8]

Длинные курганы являются балтскими и восточнославянскими погребальными памятниками, типичными для территории расселения кривичей. Они распространены в области Верхнего Поднепровья, на Верхней Волге, в области Валдайской возвышенности, в верхнем течении Западной Двины, по берегам Псковского озера и его многочисленных притоков, в верховьях Западного Буга и Немана.

Наиболее ранние из длинных курганов расположены вокруг Псковского озера и в бассейне реки Великой. Они относятся к середине I тыс. н. э. Возможно, что именно отсюда славяне кривичи мигрировали в другие области, по летописям: «наверх Волги, Двины, Днепра».

Насыпь длинного кургана была непосильным делом для одного человека или группы его родственников. Длинные курганы насыпались силами всей первобытно-семейной общины и являлись усыпальницами такой общины. Иногда курганы строились заранее. Часть из них осталась неиспользованной.

Каждая группа длинных курганов принадлежала одному роду, а все известные нам длинные курганы — одному племени или одному племенному объединению.

Наблюдая распространение длинных курганов, мы можем сказать, какую территорию занимало племенное объединение, погребавшее своих умерших в этих курганах.

Обычай погребений в удлиненных курганах держится до VIII–IX вв. н. э. и затем заменяется обрядом захоронения в круглых курганах.

Первоначально укрепленные поселения в лесных областях были основной формой поселений людей, уступив в середине I тыс. н. э. место селищам открытого типа, рядом с которыми нередко располагались городки-убежища, куда люди бежали в случае опасности.

Постепенно славяне кривичи расселились по северо-западу вплоть до Балтийского побережья, встретив на этих землях коренные

балтские и финские племена. Так, древности Псковской земли и области бассейна верхней Ловати принадлежат к культуре текстильной керамики, оставленной местным финно-угорским населением.

Данные языкознания вполне определенно указывают на связь кривичей бассейна Великой и Псковского озера с Висло-Одерской группировкой славян.

В конце IV в. в Западной Европе, в частности в Прибалтике, произошло резкое изменение климата в сторону похолодания и излишней увлажненности. Почти все поселения римского периода в Среднем Повисленье в этот период прекращают существование, основная часть населения покидает регион, мигрируя в сторону Псковского Приильмья.

Этот путь славянского переселения прослеживается по характерным признакам курганных захоронений, керамике и языковым диалектам.

Древние новгородцы говорили на наречии, близком к польскому языку. [42] Конструктивные особенности музыкальных инструментов, например, гуслей, найденных в Новгороде, Гданьске и Ополе, имеют одинаковое устройство и восходят к общим корням. [129, с. 32]

В VIII в. климат в Европе улучшился и потеплел, вызвав вторую волну славянского расселения в Приильмье (культура сопки). Сопки — высокие крутобокие насыпи с уплощенной или горизонтальной вершиной и с кольцом, выложенным из валунов, в основании.

Основным районом распространения сопок является бассейн озера Ильмень. Более 70 % могильников, в которых имеются такие насыпи, расположено в Приильмье. Хронологические границы погребений в сопках определены временем от VI до IX вв., при этом основная масса сопок относится к VIII–IX вв.

Население культуры сопок вместо подсечно-огневого земледелия использовало пашенное земледелие плодородных пойменных земель. Приильменских славян летописец называл Словенами⁸.

По мнению П. Н. Третьякова, словени новгородские образовались за счет выходцев из Верхнего Поднепровья. Новгородские круглые курганы-сопки схожи со смоленскими. Древнейшая керамика городища Старой Ладogi, по заключению Я. В. Станкевич, напоминает верхнеднепровскую. [150, с. 284–285]

Племенным центром словен стало новгородское городище, где вместе со словенами проживали славяне-кривичи, финские и балтские племена. Древние новгородцы до явления норманнов на свои земли не знали института княжеской власти.

---

⁸ «Земли словен»: иллюстрации, рис. 3.

В XI в. словене новгородские активно осваивают Ижорское плато и нижние течения Луги и Плюссы, прежде занятые финской *водью*.

В ходе смешения славян с водским населением в северо-западных районах Новгородской земли формируется своеобразная культура — симбиоз прибалтийско-финской и славянской. Словенами новгородскими в юго-восточном Приладожье были также освоены области, заселенные финской *весью*.

Ильменские словене и смоленско-полоцкие кривичи в X–XI вв. приняли участие в формировании древнерусского населения Волго-Клязьменского региона. Эти земли были освоены славянами еще в третьей четверти I тыс. н. э.

Раннее славянское население этого края не знало курганного обряда погребения, который принесли в эти края кривичско-словенские переселенцы, пополнившие население Северо-Восточной Руси. Миграция осуществлялась через бассейн Мологи в сторону Ярославского Поволжья и Ростово-Суздальской земли. [22, с. 159]

Показателен сопоставительный анализ славянских топонимов. Для южнославянского диалекта характерен певучий гласный «и», поэтому так созвучны названия крупных городов тех мест — Киев, Искоростень, Чернигов...

Славянский диалект кривичей характерен особым произношением согласных «ск», звучащим в названиях городов: Смоленск, Менск, Витебск, Луцк, Полоцк, Изборск...

Диалекту словен характерна распевная гласная «о», звучащая в названиях: Волхов, Новгород, Порхов, Гдов, Опочка, Вологда, Белоозеро...

Особенности названия городов Псков и Ладога связаны с этническими причинами их появления. Псков носит обобщающее имя, идущее от «ск» кривичей и «о» словен, что исторически совершенно верно, ведь Псков, помимо коренной чуди, вначале заселяли кривичи, потом словене.

Налицо двойственное звучание в названии города Ладога: от варажского имени города *Альдигейя* и словенско-новгородского распевного «о».

В середине X в. арабский ученый *Ибн-Хаукаль* писал: «Земля славян обширна, длиной около двух месяцев пути». На ней живут русы в трех областях — *Кюяба, Славия и Артания*. [36, т. III, с. 88, 89]

Кюяба — это киевское княжение норманнов-русов в ареале Верхнего и Среднего Поднепровья, Славия — земли новгородского княжения Рюриковичей.

Что касается легендарной Артании (Арсании), то, судя по всему, речь идет о землях Волго-Окского междуречья. В древнеперсидском

языке слово **arsa** переводится как *медведь*, т. е. Арсания означает лесную медвежью страну. Именно в такой местности неподалеку от озера Неро находилось *Сарское городище* — племенной центр финнов Меря.

В Сарском городище работали ремесленники, этот населенный пункт в течение IX–X вв. поддерживал торговые связи с дальними краями. Это единственное место, кроме Старой Ладogi, где найдены скандинавские предметы, датирующиеся около 800 г., а также клады арабских монет примерно тех же времен.

На землях Артании неподалеку друг от друга находился ряд крупных поселений. В одно из них — Ростов — был послан из Новгорода наместник Рюрика.

В 70 км от Сарского городища, неподалеку от Волги, находилось Тимеревское поселение, раскопки которого открыли картину большого торгово-ремесленного города. Один из кладов арабских дирхемов, обнаруженных здесь, содержал 2750 монет, как предполагают, до 870 г. [161, с. 61] Тимерево находилось рядом с Волгой и с самого начала своего существования участвовало в торговле на дальние расстояния.

Геополитический ареал расселения восточных славян был весьма выгоден, находясь на обширных территории между *восточным (волжским, арабским, серебряным)* и *варяжским (греческим, парчовым)* мировыми торговыми путями. Волжский путь был более древним, восходя к эпохе античных времен.

Мировые торговые пути, *волжский* и *греческий*, связали внутренний славянский рынок с арабским и европейским миром. В. Н. Татищев пишет: «Константин Порфирогенит [Багрянородный] в Администрации, 9 гл. 42, о руссах рассказывает, что издревле морем с торгом в Сирию и до Египта ездили; все северные древние писатели показывают, что руссы на север чрез море Балтийское в Данию, Швецию и Норвегию ездили». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 1, с. 5]

Число памятников восточных славян превышает 600. На землях древней Руси совместно со славянами проживало более 200 финно-угорских и прибалтийских народностей и племен.

Начало процесса градообразования на Руси, как говорят данные археологии, относится к концу X в. Культурных городских слоев на Руси в IX в. не обнаружено. Нестор же в это время «населил» Русь целым сообществом древнерусских городов — Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Изборск, Ладога, Белоозеро, Ростов, Муром и Любеч.

Язычество славян

Славянское язычество в общем смысле представляло собой мировоззрение первобытных людей, часть племен которых изначально жила на землях будущей Руси.

В узком смысле под славянским язычеством понимается комплекс сложившихся религиозных представлений, которые христианство застало в V–X вв. на славянских землях.

Язычество издревле имело народный характер. Языческая религия доклассового родового строя не знала господства одних людей над другими.

Образно пишет об одном древнеевропейском языческом племени *феннов* Корнелий Тацит: «беспечные по отношению к людям, беспечные по отношению к божествам, они достигли самого трудного — не испытывать нужды даже в желаниях». [36, т. I, с. 250] Арабский ученый *ал-Макдиси* в труде, написанном около 966 г., сообщает, что среди славян есть солнцепоклонники и идолопоклонники и среди них [есть] такие, которые ничему не поклоняются». [36, т. III, с. 51]

Страх первобытных людей перед неведомыми им силами природы привел к тому, что в основу языческих верований легло желание замирения, обожествления природы, понимания добра и зла в магически обрядном виде.

Религия древних славян была пантеистична: они не отделяли богов от самой природы. Ясным взором смотрели славяне на окружающий их мир, не знающий злобных безжалостных богов. Язычник всегда ощущает себя частью вечного природного Мироздания, поэтому он спокоен, а при необходимости отважен и смел, ведь божества Природы, если нужно, всегда помогут ему, не оставят в беде.

Древнейшими языческими мифами были обожествление солнца (солярные мифы), луны (лунарные мифы) и звезд (астральные мифы). «Нестор... о славянах говорит, что почитали солнце, луну, огонь, озера, колодцы и деревья за богов». [146, кн. I, ч. I, гл. 2, с. 14] «Земля и солнце въ ихъ представлении святы». [98, с. 87] «В народе князем и княгиней называли солнце и луну»⁹. [37, с. 147]

В VI в. византийский историк *Прокопий Кесарийский*, говоря о вере славян, отметил: «почитают они реки и нимф и некие иные божества». [134, с. 185]

⁹ Приложение: «Об обожании солнца у древних славян»

По И. И. Срезневскому: «Воду почитали Славяне стихией, изъ которой образовался міръ. Земля, по ихъ понятію, выплыла изъ моря: это видно изъ преданій, сохранившихся у разных Славян до нашего времени». [143, с. 19]

С верованием в божественность воды соединялось представление о том, что на берегах вод или водою, должно совершать богослуженные обряды, крещение водою. К числу древнейших обычаев относится новгородский Суд Божий водою, когда преступников или иных людей сбрасывали с моста в Волхов на милость Бога, невинные и праведные, спасаясь, выплывали.

В былинах о Садко упоминается морской царь и обычай приносить Волге и морю-окияну хлеб-соль как жертву благодарности. Обычай бросать в воду серебряные деньги, как жертву на удачу, исцеление или возвращение существует до сих пор. По языческим поверьям, воды были заселены чудными существами: морянами, водяными, русалками...

Поклонение огню одно из древнейших у славян. Огонь, подобно воде и земле, был первородной стихией, участвовавшей в сотворении мира. Прыгнуть через огонь символизировало собой очищение огнем. Языческий обряд погребения усопших был связан с огнем. Огню молились на очагах и кострах.

Несомненно языческое поклонение земле, что до сих пор образно звучит в словах: «Мать-сыра земля... предавать земле... пусть земля тебе будет пухом». Известно целование родной земли и клятва ею. Отдельному поклонению служили земные феномены: горы, скалы и камни.

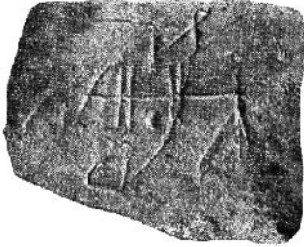
Леса, рощи и деревья почитались славянами как жилища богов. В Житии *Георгия Амастрийского* IX в. сообщается, что варвары росы поклонялись лугам, источникам и деревьям. [36, т. II, с. 130] До сих пор существует поверье, что лесное эхо символизирует собой голос судьбы.

Языческий культ богослужения состоял в молениях, жертвоприношениях и гаданиях. В жертву приносили яства, животных и вещи, гадали по знаменаниям.

Символика славянского язычества до сих пор прослеживается в этнографическом фольклоре, в частности, в свадебных обрядах (небесные браки в отношении неба и земли, солнца и земли, месяца и солнца, солнца и зари, месяца и звезд, утренней звезды и зари, громовника и облачной девы, участия небесных светил в устройении человеческих браков, времени совершения свадеб, соотношения небесного брака с браком человеческим, в свадебных символах солнца,

грома и дождя, обрядовом употреблении на свадьбах воды, свадебных жертвоприношениях, значение растительного царства в свадебных обрядах), обряды приметы и обычаи, связанные с хлебом (житные духи, хлеб как предмет жертвоприношения солнцу, земле, домовому духу, водяным и растительным духам, хлеб как символ небесных светил, встреча весны хлебом, хлеб в гаданиях и приметах). [145]

Находки памятников языческой культуры свидетельствуют о развитии мышлении древних славян, а их символику представлений об окружающем мире, в частности, знаменитые «вавилонны», до сих пор сложно понять и объяснить¹⁰.

При раскопках городища Камно близ Пскова были найдены рисунки на каменных плитках. Эти уникальные находки дают представление о культурном уровне северо-западного славянства середины I тыс. н. э. На одной каменной литейной формочке имеются резные загадочные знаки, состоящие из ломаных линий, соединенных в раз-

личной комбинации. [116, с. 209–210]

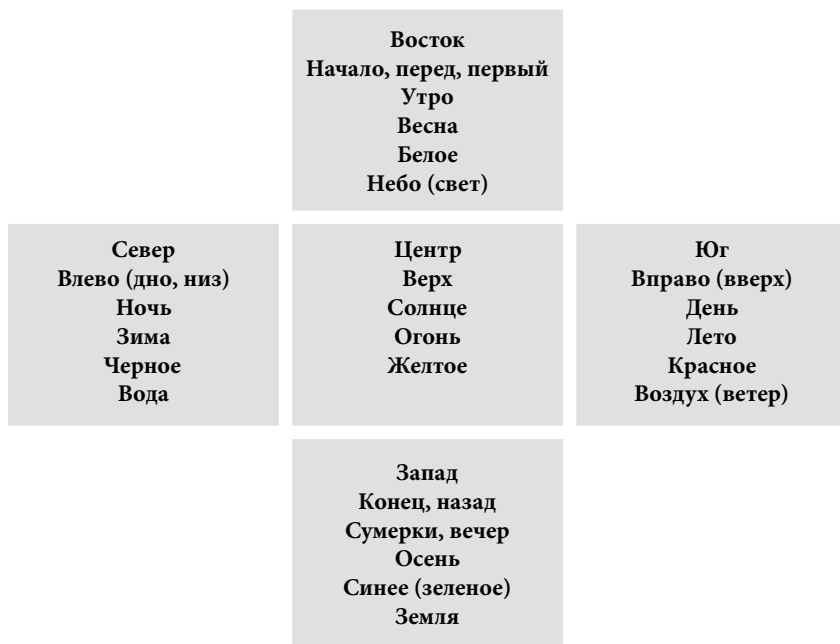
«Арабский Геродот» — ученый энциклопедист *ал-Мас'уди* (ок. 896–956 гг.), описывая систему хазарского суда, отметил: «славян, русов и других идолопоклонников, судят языческим законом, а это — право разума». [36, т. III, с. 113]

Природное языческое мировоззрение древних славян имело практический характер, в частности, выражаясь в сакральном отношении ориентации к странам света.

Основываясь на типологических параллелях, М. В. Попович обрисовал гипотетическую розу ветров символической классификации стран света, направлений, частей суток, сезонов, цветов и элементов у древних славян. [113, с. 67]

Как показывают данные археологии, древние полуземлянки и наземные жилища восточных славян, будучи всегда прямоугольными в плане, при всей взаимной разобщенности часто своими сторонами были ориентированы относительно стран света — вход обычно находился с южной стороны, а к северной (северо-западной, северо-восточной) стене землянки примыкал очаг (печь-каменка). Север у язычников символизировал холод, несчастье, гибель.

¹⁰ «Соловецкий лабиринт, Изборский петроглиф»: иллюстрации, рис. 5, 7.

Символическая классификация стран света по М. В. Поповичу

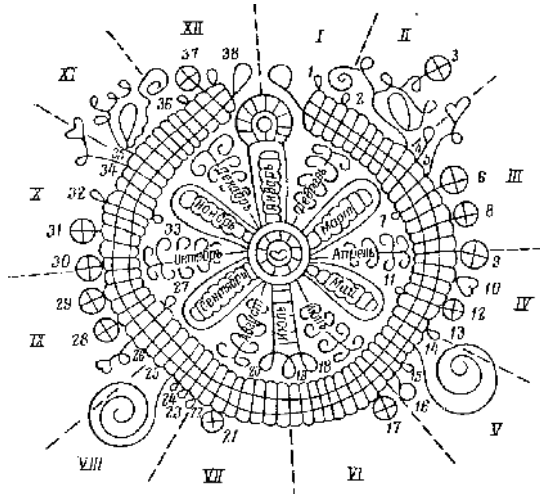
Примером языческого земледельческого календаря могут служить каргопольские народные вышивки-месяцесловы¹¹. Вышивки эти были помесячными росписями года. Полотенца с кругами висели как календари, их берегли, передавая из поколения в поколение. Круг состоит из *цветка-солнышка* и описанного вокруг него незамкнутого *кольца-месяца*. По древнеславянским языческим поверьям, у Солнца 12 царств. Каждым из них владеет один из его сыновей, живущих на звездах. [37, с. 144]

Шитый месяцеслов напоминал крестьянам о сроках полевых работ, времени посева и сбора урожая. Наряду с шитым был еще и устный месяцеслов, имевший массу поправок и уточнений, в зависимости от погодных условий.

Славянскими служителями языческого культа были волхвы. Они были хранителями святилищ, верований, исполняли богослужебные обряды, толковали религиозные понятия и знамения, выступали как посредники между божествами и людьми, были хранителями и сказителями языческих *мифов-кощун*.

---

¹¹ «Каргопольский месяцеслов»: иллюстрации, рис. 6.

Календарная прорисовка месяцеслова

Арабский писатель X в. Масуди в своих «Золотых Лугах», описывая храмы Славянские, замечает, что в одном из этих храмов сделаны были в куполе отверстия и настройки для наблюдения точек восхождения солнца, и что там были вставлены драгоценные камни с начертаниями, предсказывающими будущее¹². Н. М. Карамзин считал славянских волхвов «древнейшими мудрецами нашего отечества». [48, т. I, гл. X, с. 86]

Волхвы толковали таинства природного мироздания и, по Нестору, размышляли о причинах происхождения людей, [44, с. 81] они обладали даром целения телесных и душевных болезней, знали¹³ народную и природную фармакологию («зеленичество»): «Женщины носили больных детей к волхвам». [141, т. III, гл. 6, с. 69]

Сила знаний волхвов отмечена в летописной легенде о смерти Олега-Правителя. Гордый властитель Руси не поверил предсказанию волхва, что примет смерть от своего любимого коня. Узнав о его смерти, Олег «тогда посмеявшись волхвованию, радуясь, что такое пророчество с ним не сбылось... и увидя голову ее уже голу (т. е. череп), тогда ругаясь волхвованию, толкнул ее ногой, говоря: «от сего ли голо лба мне умереть» [165, с. 208] — но пророчество волхва сбылось — змея¹⁴ насмерть ужалила Олега.

¹² Срезневский И. Об обожании солнца у древних славян // Журнал министерства Народного просвещения. 1846, № 7, с. 1.

¹³ Люди обладающие знаниями такого рода слыли «знахарями» — Авт.

¹⁴ Змея выступает в виде библейского символа знания — Авт.

О том, какую роль играли волхвы в жизни древних новгородцев, говорит и то, что название реки Волхов однокоренное с волхвами.

В письменных памятниках упоминаются многочисленные «идольские храмы», идола и места молений — «требища». Образы богов зримо воплощались в идолах, или кумирах, в виде человекоподобных или звероморфных изображений, которым поклонялись и приносили жертвоприношения.

Обычно славяне предпочитали обращаться к богам на открытом воздухе — в культовых святилищах, священных рощах или на островах.

Поклонение языческим богам¹⁵

При раскопках древнего городища неподалеку от Смоленска было обнаружено языческое святилище, в центре которого стоял идол, представляющий собой столб, увенчанный настоящей медвежьей головой. [151, с. 99] Судя по всему, медведю поклонялись как символу защиты от врагов.

На всей славянской территории на начало 1990-х гг. привели данные о 74 святилищах и культовых местах. Наибольшая концентрация известных языческих святилищ наблюдается на землях западных славян, а также в районе Прикарпатья.

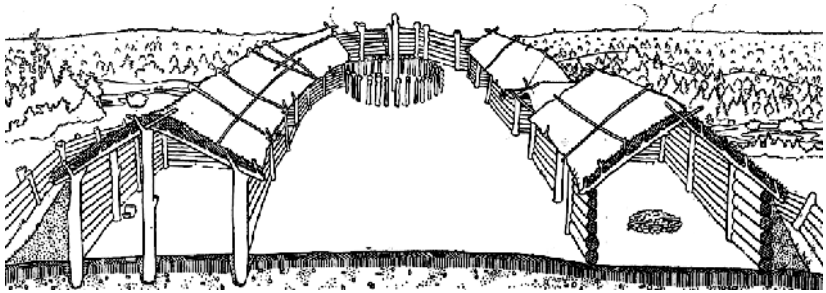
Характерным типом культовых памятников на данной территории оказались «городища-святилища» с соответствующим перечнем археологических признаков: площадка для идола — капище; наличие

¹⁵ Языческое капище Абрамово городища близ Нижнего Новгорода.

культовых валов и рвов с площадками-алтарями; длинные дома общественного назначения.

Со временем вокруг святилищ размещались могильные курганы-захоронения, перейдя в традиции появления христианских кладбищ при церквях.

Примером языческого святилища VI–VIII вв. является округлое культовое сооружение, открытое в городище Тушемля на смоленской земле. [151, с. 17] Святилища круглого типа смоленского типа характерны также для языческой религии балтийских племен.

Площадь Тушемля с языческим святилищем

Особенностью языческой веры было многобожие. Наиболее известные славянские божества на Руси: *Перун* — творец молнии, Бог Вселенной, *Хорс* — бог сущего огня, *Дажьбог* — бог Солнца, *Стрибог* — бог ветра, *Симаргл* — бог растений и земли, *Макошь* — жена Перуна, богиня плодородия, *Сварог* — творец труда, *Велес* — покровитель простых людей тружеников охотников, скотоводов, земледельцев и животных.

Летописец пишет: «И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора тюремнаго: Перуна древяна, а главу сребряну, а усь златъ, и Хръса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла и Мокошь». [79, с. 77] Но в сонм узаконенных языческих богов Владимир не ввел бога тружеников Велеса.

Академик Б. А. Рыбаков отмечает, что культ языческого бога Велеса — один из древнейших, и в своих особых охотничьих истоках отношений людей с животным миром, безусловно, восходит к праславянской эпохе. [128, с. 427] Культ Велеса был более распространен на северных лесных окраинах славянского мира, а также карелов и финнов. Одна из первых улиц древнего Новгорода — Волосова, несомненно, связана с именем Велеса.

В числе остатков различных сооружений, вскрытых раскопками, особое внимание привлекают псковские языческие жертвенники. Их найдено несколько. Все они расположены близ сыродутных горнов. Расположение псковских жертвенников около сыродутных горнов было не случайным. Имеются свидетельства письменных источников о русском языческом боге — кузнеце Гефесте — Свароге.

В летописях отмечено поклонение славян горам, водным источникам, роцам и отдельным растениям. Священным деревом славян-язычников был дуб. Культ этого дерева тесно связан с культом Перуна.

В славянской мифологии Перун был наиболее чтимым, верховным божеством. Идола Перуна торжественно водружали, а при введении христианства, с особой яростью низвергали в Киеве и Новгороде.

В окрестностях Новгорода *Перыни* в 1951–1953 гг. проведенными археологическими раскопками было открыто округлое святилище, диаметром в 21 м, посередине которого стоял деревянный идол Перуна.

Сохранилось основание столба, диаметром 60 см, на котором стояла статуя. По периметру этого круга был вырыт кольцеобразный ров с дугообразными выступами, служивший также ритуальным целям. Выступы использовались для разжигания кострищ. В плане святилище имело форму огромного восьмилепесткового цветка. В каждом лепестке горел костер, а в лепестке, обращенном к Волхову, — «священный неугасимый огонь Зничь». [161, с. 202]

Объяснима и странная форма сооружения. С именем Перуна народное поверье связывало некоторые травы и цветы, которым приписывались магические свойства. В планировке святилища, вероятно, отражена форма одного из таких посвященных Перуну цветков.

Очевидно, что Перынь являло собой центральное святилище не только новгородских словен, но и совместно живших с ними славян кривичей и племен финской чуди и еми, а в дальнейшем варяжских дружинников и князей норманнов, живших рядом в крепости Городище.

Перун впоследствии стал древнерусским дружинным богом, подобным греческому Зевсу. По Нестору, *законом русским* была клятва на оружии в присутствии языческих богов. [44, с. 39] Над алтарем святилища помещался старый меч, которому поклонялись воины, освящавшие свое оружие. [165, с. 15]

В 971 г. дружина Святослава клялась одновременно Перуном и «Волосом скотьем Богом». [79, с. 72] О равном значении на языческой Руси Перуна и Велеса говорит одинаковая процедура их *проводов-похорон*.

В отличие от других кумиров, которых иссекли и сожгли, идолов Перуна и Велеса препроводили с земли в воду (реку), т. е. отправили подальше *на другой свет*.

Среди языческих племен религиозные войны были неизвестны, их богам нечего было делить. Стремясь опорочить языческих богов, церковники используют вымыслы, утверждая, что древнерусский пантеон богов состоял из чужеземных божеств, обличая «темное, озлобленное, мстительное язычество», а славянское общество как «смрадный, жестокий мир». [29, с. 16]

В действительности боги славян-язычников несли людям свет, тепло, плодородие, защиту, а сказания «злых челоноконенавистнических библейских пророков» [128, с. 447] заполнены карами за *грех неверия* и изуверскими наказаниями людям, народам (*Вавилон*) и всему человечеству в целом (*Всемирный потоп*). По догматам христианства: *ад* — это место *вечных и безмерных страданий* бесчисленного числа неверующих душ грешников.

Церковники, конкурентно подавляя предшествующую им народную языческую веру, толковали о ней лишь негативно, как о темных божовских силах суеверий грубых умом славян, заблудших во «мраке идолопоклонства религии аборигенного уровня». [122, с. 76] Языческое богослужение квалифицировалось как «творяше норовы поганьския», [79, с. 62] «смрадное кумиробесие», [55, с. 23] а все язычество изощренно клялось как «поганое идолище, лютое хайлище, черная собачища псища, кобелище-объедище» [1] и т. п.

В франкской «Хронике Фредегара» (VII в.) по поводу отношений христиан и язычников пишется: «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи установили дружбу с псами». [135, с. 369] Уподобление язычников «псам» восходит к евангельской аллегории «брось хлеб псам» (Матф. 15.26). В слове Златоуста, обличающим язычников, Макошь, жена Перуна, богиня плодородия, ставится в один ряд с упырями.

Православные летописцы обрушили на язычество потоки лжи и клеветы. О язычниках-древлянах летописец пишет: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядыху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица». [79, с. 12] Дословно с летописцем о христианстве пишет русский митрополит (1051–1054) *Илларион*, объявляющий мир, не знающий христианство, миром зверей и скотов, молящихся своим идолам нечеловеческим языком «гугнивых». [45, с. 64]

С. А. Гедеонов об измышлениях такого рода пишет: «Прямых свидетельств о внутреннем состоянии Руси в IX и предшествующих веках до нас не дошло; но мы имеем известия Эйнгарта, фульдских

летописателей, Видукинда и пр. о прибалтийских Славянах; византийских историков о Славянах болгарских и адриатических; ни те, ни другие не представлены американскими дикарями или Израильтянами времен Авраама». [27, ч. I, с. 106]

Отношение церковников к язычеству перешло в официальную русскую дореволюционную историографию. В. Н. Татищев отмечает жертвы бесчувственным (? — Авт.) славянским богам. [146, 1773, кн. II, с. 5] Говоря о язычестве, он пишет: «в каком мерзком зловерии и злосключении до проповеди нам Христовой предки наши пребывали», называя язычество *болванохвальством*, а славянских богов *божишками* с их «безумием и мерзостью богослужения». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 2, с. 9]

Этнограф конца XVIII в. М. Д. Чулков в исследовании «История», сделав подробные выписки о языческих волхвах из Никоновской летописи, пишет: «Некоторые истории, и летописи наши наполнены многими суеверными повествованиями, которые и до ныне служат великим развратам непросвещенным Россиянам: я удовольюсь выписать некоторые из летописца названного Никоновским; где грубость невежества прошедших веков довольно откровенна, а оный напечатан без всякой вычистки, не смотря на то, что о случаях наносящих соблазн, никто б сожалеть не стал, ежели бы они в печатании и пропущены были, понеже для просвещенного человека служат они вздором, для простолюдина соблазном; а для истории излишеством». [161, с. 208]

Античную культуру православные ортодоксы понимали лишь как прельщенье «треклятых еллинских кощунов». [23, с. 275] Но ведь тысячелетняя мировая культура народов Востока, Египта, Ассирии, Индии и Китая была языческой. Интеллектуальным цветом язычества стали античная философия, наука, искусство, литература.

Летописцы-монахи усердно измышляли фантазии о человеческих жертвоприношениях, принятых среди язычников, пугая людей жуткими картинами: «Омраченные суеверием идолопоклонства (волхвы) обагрят свои требища кровию христиан, выбранных жребием из пленников. Они думали, что идолы увеселятся христианской кровью, и к довершению ужаса пили ее». Жрецы же при языческих храмах-капищах «питались жертвою, приносимую их божествам». [48, т. I, гл. X, с. 37]

Здесь Н. М. Карамзин не мудрствуя лукаво достославно воспроизводит фантазии католического монаха — священника хрониста XII в. *Гельмольда* из Басау (**Helmold von Bosau**) — из его «Славянской хроники» (**Chronicon Slavorum**).

Однако за полтора века археологических раскопок сотен древних городищ восточных славян, открывших десятки языческих святилищ,

не обнаружено ни одного факта человеческих жертвоприношений. В частности, возле псковских жертвенников найдены лишь кости жертвенных животных (скелеты двух лошадей разных пород). [116, с. 214]

Византийский историк середины VI в. Прокопий Кесарийский, особо подчеркивающий, что пишет о том, что видел сам, сообщает о древних славянах: «они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных». [35, с. 82] Константин Багрянородный пишет о языческих жертвоприношениях на Руси, на так называемом острове святого Григория, во время переезда из Киева в Царьград: «на этом острове справляют они свои жертвоприношения, потому что там стоит огромный дуб. И приносят они в жертву живых петухов и кур... другие кладут хлеб, мясо или что другое, что у кого найдется, таков их обычай. Они бросают также жребии на петухов и кур, о том следует ли их убить или съесть или оставить в живых». [35, с. 98] О подобном совершенно (славянском) обряде возношения хлебом, мясом, луком, молоком, хмельным напиткам, петухами и курицами, говорится и у *Ибн-Фадлана*. [54] *Ал-Массуди* сообщает о приношении одному из идолов проса. [143, с. 67]

О человеческих жертвоприношениях среди росов пишет Лев Диакон, но сам он этого не видел: «Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы... начав подбирать своих мертвецов, они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра. [71, с. 78]

Росы Святослава — это его варяжские воины, отправляющие свой языческий культ жертвоприношения, к этому культу восточные славяне не имели никакого отношения.

Церковная пелена домыслов о человеческих жертвоприношениях среди славян Руси отнюдь не скроет того, что христиане средневековой Европы отправили на костры сотни тысяч живых людей¹⁶. В Киевской Руси из числа первых жертв известны: монахи Адриан и Дмитр (XI в.), осужденные в 1157 г. киевским собором и сожженные в Константинополе.

Предельная жестокость христианских казней выражалась еще и в том, что представляло собой чуть ли не праздничное действие,

¹⁶ «Аммоний (Андрей) уведомляет письмом своим Ерасма, что дрова вздоржали от того, что всякий день еретиков сожигали. Сие было в начале XVI в.» [11, с. 67].

значительная часть жертв сжигалась живо на глазах огромной толпы и, как правило, в присутствии самих королей; по вполне достоверным сведениям, в XVI в. было сожжено живьем 28 540 человек. [84, с. 262]

Отнюдь не случайно летописец отмечает, что для неверующих: «вѣра хрестьяньска уродство есть». [79, с. 61–61] Дословно с летописцем о христианстве пишет русский митрополит (1051–1054) *Илларион*: «иным уродством (это) кажется». [45, с. 87]

О древнеславянской письменности

Письменность материально зиждется на особом типе носителя — папирусе, специально обожженной отформатированной глине, пергаменте, шелке, дереве, бумаге. К письменности не относится нацарапывание символических или магических знаков на камнях, дощечках, монетах, оружии.

Отделение славянских языков друг от друга стало следствием исторического процесса расселения славянских племен, относящегося к VI–VII вв. н.э. *Проконий Кесарийский* пишет о едином варварском языке у славян. [35, с. 82]

К древнейшим славянским государствам относится Болгарское царство, первые дорукописные свидетельства письменности (эпиграфика, нумизматика, сфрагистика) которого относятся к VIII–IX вв. За более чем полутора вековую историю археологических раскопок множества древних славянских городищ памятников письменности, относящихся к славянам, жившим на землях древней Руси до IX в., не найдено.

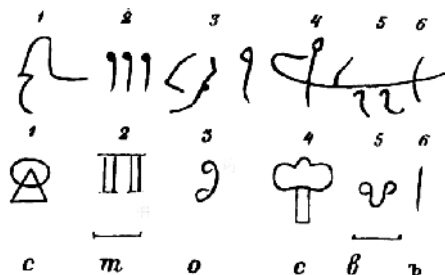
К настоящему времени славянских кириллических надписей до христианской эпохи известны всего четыре. На двух мечех X в. обнаружены имена славянских кузнецов: «Людота коваль» и «Славомир». На «гнездовской корчаге» середины X в. начертана славянская надпись: «Горух писал». В Новгороде в слоях X в. найдена деревянная бирка сборщика меховой дани: «Мечничь мех в тех метах». [119, с. 21–24]

Летописец под 898 г. излагает христианскую апостольскую версию происхождения письменности у южных славян. Первым на придунайские земли прибыл апостол Павел, который обучил южных славян: «Словеньску языку учитель есть Павелъ». [79, с. 28] Просветительское дело апостола Павла продолжил его наместник епископ Андроник. По летописцу, язык славян в то время был един и у них была своя

А. Я. Гаркави по поводу истинности сообщения Эль-Недима о *русских письменах* отмечает, что он сообщает о письменах различных народов не всегда верные сведения, в частности, утверждая, что Булгары употребляли китайское письмо. К тому же, в оригинале «Книги росписи» Эль-Недима изображения различных письмен столь сходны между собой, что их можно считать или вымышленными или до крайности искаженными. [25, с. 242 — 243]

С. А. Гедеонов счел возможным для расшифровки *русской надписи* Эль-Недима попытаться прочесть ее по глаголице: перед нами возникает имя варяго-славянского владетеля Руссов — Святослава: «По всей вероятности Недимова дощечка была русским паспортом времен Святослава». [27, ч. II, пр. 291, CVII]

Ибн-Фадлан, путешественник и писатель, пишет о Руссах дохристианских, что они на столбе намогильном писали всегда имя знатного покойника. [54, с. 83]

Нарезание знаков на дерево у норманнов-русов восходит к традициям их древних предков германцев. В конце I в. н. э. римский историк Корнелий Тацит писал о германцах: «Срубленное плодовое дерево они нарезают плашками, нанеся на них особые знаки». [35, с. 414] Предполагают, что эти знаки были буквами особого германского письма, которое возникло в I–II вв. н. э. Такое письмо было названо руническим от слова «руна» — буква германского алфавита: «Рунические письмена (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайнопись и служили только для религиозно-магических целей». [89, т. 21, с. 141]

Древнеисландское слово **run** переводится как *скрытное, секретное знание, тайна*. Содержание надписей древнейших рун ограничивается личным именем или магической формулой (заклинанием). Надписи рунами на деревянных стержнях составляли неотъемлемый элемент скандинавской культуры.

Рунический камень,
XI в. Эланд. Швеция

Камней с руническими надписями только в одной Швеции около 3000. Как правило, это мемориальные стелы, посвященные знати, реже — отдельным событиями, надписи бытового характера. Рунические камни не были связаны с захоронениями.

Цель, с которой заказывались рунические памятники, — сохранить память о погибшем члене рода и, возможно, подтвердить, права его родственников на наследование имущества.

«Рунические надписи являются ценнейшим историческим источником. Они современны упоминаемым в них событиям. В мемориальных надписях было невозможно сознательное искажение фактов: неверное изложение событий могло оскорбить дух умершего и навлечь его гнев на живых». [36, т. 5, с. 24]

Основная масса памятников с руническими надписями, содержащих сведения о Восточной Европе и Византии, относится к XI в., лишь 5 из них можно датировать X в. Рунические надписи содержат обширный топонимический материал, ряд надписей содержат сведения о целях пребывания скандинавов на Руси и Византии: в основном это наемничество и торговля.

В скандинавских сагах славян Винетов называют образованными людьми. Предметом многовековой дискуссии стал вопрос о возможности славянской *рунической письменности*. В. Н. Татищев отметил, что, по шведскому писателю Лакцению, славяне около 550 г. из Вандалии пришли на земли северной Руси и, несомненно, имели знакомство с древнегерманскими рунами. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 1, с. 5–6] В скандинавских источниках они называются «**Venda Runir**», т. е. «вендскими рунами».

Есть ряд свидетельств древних скандинавских писателей о руссах на берегах Прибалтики: «благодаря чему руссы могли иметь готическое письмо». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 1, с. 5] «Скандинавы в IX в. знали употребление рунических букв, однако же мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка славянского»¹⁸. [48, т. I, гл. X, с. 86]

¹⁸ Скандинавский рунический алфавит к IX в. состоял из 16 букв.

Группой предметов, имеющих рунические надписи, являются культовые статуэтки, особенно частые в области поморских славян. Надписи сделаны, так называемыми, «северно-вендскими» рунами. Найдена бронзовая статуэтка с изображением льва и надписью рунами: «чернебог»; на бронзовом ноже стоит надпись: «свантевит». Краковский медальон несет надпись: «белбог». [75, с. 208]

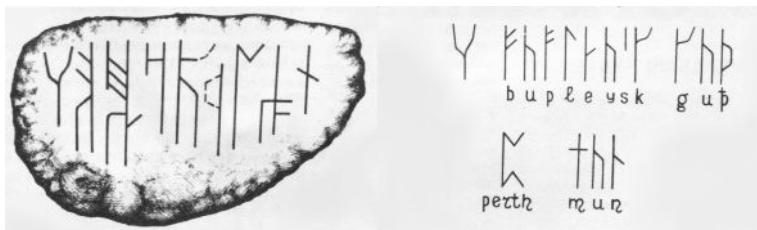
В. Н. Татищев считал, что остатки рунических письмен можно найти на северо-западе, в районе Новгорода и Изборска, [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. I, с. 5–6] что подтверждается находкой Е. Лазарева на ладожском острове Валаам.

Название *Валаам* в коренном финском — *Валамо*. Этот же корень входит в скандинавское слово *валгалла* — обитель богов и павших в битве героев. На финском языке «вало» — означает свет, клятва.

На острове Дивном, к югу от Валаама, сохранились остатки языческого святилища — площадки с огромным кругом из камней, заросших вокруг дремучим, колдовским лесом.

В октябре 1989 г. на Валааме по дороге из монастыря во *Всехсвятский* скит краевед Е. Лазарев обратил внимание на полустершиеся знаки на огромном валуне близ дороги.

Первый отделенный знак — явно не руна, его можно идентифицировать как знак княжьего двузубца властвования ранних Рюриковичей времени до середины X в. Остальные знаки подобны младшим рунам шведско-норвежского типа, по которым можно примерно прочитать надпись как: «Незабвенно таинство Божества твердыни (сей)». [67, с. 6]

Общий вид рунической надписи (прорисовка)
и ее предлагаемая расшифровка

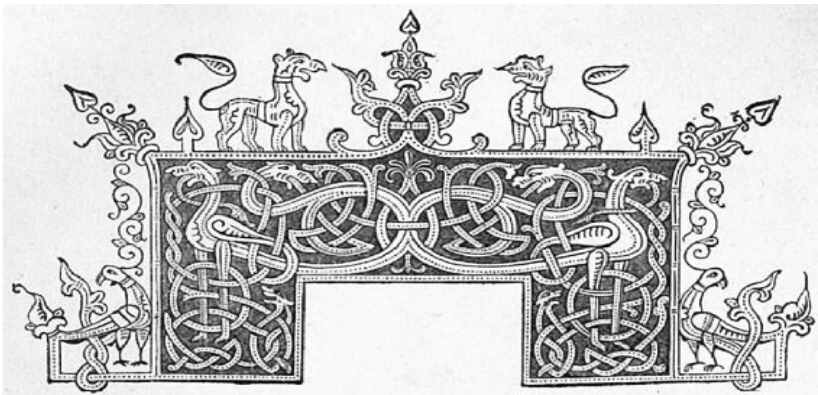
Появление надписи на Валаамском валуне как «знаменном камне» в северо-западном ареале пути *из варяг в греки* вполне объяснимо: «в Скандинавии употребление рунических письмен было известно до времен христианства». [48, т. I, гл. X, с. 84]

Если говорить о вероятных видах древнеславянской письменности, то есть мнение, [5, с. 28–32] что она, в частности, могла иметь оригинальный символический характер письма узелкового типа.

Узелковая письменность — одна из древнейших в мире, известна в индейской цивилизации инков, у древних китайцев как предшественник иероглифического письма. Узелковое письмо было и у древних карелов и финнов, будучи упомянуто в карело-финском эпосе «Калевала».

Узелковая письменность по форме пиктографического типа прежде всего касалась деятельности языческого жречества. Возможно узелковым письмом славянские волхвы сохраняли и передавали друг другу важные заклинательные символы и обрядность культа языческих божеств.

В длительный переходный период «двоеверия» *вязаные* символы язычества были перенесены на стены христианских храмов и стали украшениями христианских рукописных книг.

Заставка из рукописи XII в.

Память о древнейшем славянском узелковом письме сохранилась в русском языковом фольклоре, часто можно слышать: «завязать узелок на память», «связать мысли», «путаная речь», «хитросплетение сюжета», «узел проблем» и т. п.

В сказках Иван-царевич, прежде чем отправиться в путешествие, получает клубок от бабы-Яги. Разматывая этот древний своеобразный путеводитель, он, возможно, читал узелковые записи и таким образом узнавал, как добраться до места.

«Узелковые мотивы» явно прослеживаются в орнаментах и украшениях, древних книжных заставках и художественной лепке на храмах.

Сложность длительного хранения *вязаных клубков* узелковой письменности подвигла языческих жрецов перенести, путем высекания *черт и рез*, важнейшие символы веры на деревянные стены культовых святилищ и обрядные магические камни, этим положив основания «вязаной» славянской рунической письменности.

Приводя мнение *Диодора Сицилийского*, В. Н. Татищев полагал, что славяне, жившие в Сирии и Финикии, по соседству еврейское, египетское или халдейское письмо могли от них иметь, а находясь в близости и сообществе с греками и итальянцами, могли знать и их письменность и язык. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 1, с. 2]

Однако при этом, нужно иметь в виду, что речь идет не о славянах вообще, а о лицах славянского происхождения, как правило, светской или духовной знати, купечества. Римские и византийские императоры-славяне были грамотны. Великий Князь Русский Святослав Игоревич свободно обратился по гречески к императору Византии Иоанну Цимисхию.

Известна находка клада серебряных арабских монет в Старом Петергофе в 1940 г. Клад попал в землю в IX в., на одной из монет нацарапано имя ее обладателя на греческом языке — его звали *Захариас*. [161, с. 54]

Исторически у славян были две формы письменности — *глаголица* и *кириллица*. Глаголица почти полностью совпадает с кириллицей по составу, расположению и звуковому значению букв. Зато резко отличается формой букв.

Название глаголица проистекает от славянского *глаголить* — говорить. Судя по всему, глаголица («речевица») использовалась вначале готскими, а затем и славянскими жрецами, в том числе для тайнописи.

От готской глаголицы родилась особая форма готического и рунического славянского шрифта. Долгое время церковники считали глаголицу шифрованным алфавитом еретиков, и лишь в 1248 г. папа Иннокентий II признал глаголицу «изобретением святого Иеронима».

Древнейшими из сохранившихся памятников, написанных глаголицей, являются *Иверская грамота*, *Киевские листки*, *Зографское Евангелие* и др., датируемые концом X в. По мнению И. И. Срезневского, несомненно следы глаголицы в списках обязательной грамоты «Руссаго князя Святослава императору Иоаниу Цимисхию»¹⁹.

Замена славянской глаголицы кириллицей, по сути, стало культурной катастрофой для восточных славян. Исчезла исконная славянская

---

¹⁹ Срезневский И. И. Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы. СПб., 1866, с. VI.

Из древнеславянских образцов письменности наибольший интерес представляет до сих пор не расшифрованная, так называемая, *алекановская надпись*, нанесенная на глиняном сосуде X–XI вв., открытая в 1897 г. В. А. Городцовым во время раскопок у села Алеканово под Рязанью.

Алекановская надпись

Что касается получивших в наше время известность, якобы памятников древнеславянской письменности: «Боянова гимна», «Опыта древней и новой летописи Валаамского монастыря», «Оповеди», каталога «Книгорек», опубликованных в первой половине XIX в. А. И. Сулакадзевым; «деревянных дощечек Изенбека» о «Влесовой (Велесовой) книге», открытых в середине XX в. Ю. П. Миролубовым, то факт их подложной фальсификации не вызывает сомнения. [160, с. 314–326]

Если говорить о так называемых славянских рунах, то по мнению чешского историка письма Ч. Лоукотки: «Славяне, позднее выступившие на европейском культурном поприще, научились писать лишь в IX в. Так называемые славянские руны, на которые часто ссылались, оказались при подробном исследовании фальсификацией». [33, с. 140]

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Норманны

«Не подлежит сомнению, что германцы вплоть до переселения народов были организованы в роды. Они, по-видимому, заняли территорию между Дунаем, Рейном, Вислой и северными морями только за несколько столетий до нашей эры; переселение кимвров и тевтонов было тогда еще в полном разгаре, а свевы прочно осели только во времена Цезаря... Германцы, по свидетельству Тацита, были очень многочисленным народом. Приблизительное представление о численности отдельных германских народов мы получаем у Цезаря; он определяет число появившихся на левом берегу Рейна узипетов и тенктеров в 180 000 человек, включая женщин и детей». [89, т. 21, с. 134, 145]

Часть германских племен под именем тевтонов (северо-готов) освоила Ютландию и через Ютландский пролив проникла в Скандинавию. Память о переселении готов в Скандинавию хранит название островного государства Готланд (страна готов).

Цезарь считал свевов (шведов) одним из самых сильных германских народов. *Тацит* (50-е гг. I в.) отождествлял земли Свевии (*Suebiae*) практически со всей территорией Германии. [134, с. 25, 39]

Со временем стала складываться скандинавская кровная межплеменная общность, антропологически характеризуемая понятием *нордической* (северогерманской) расы, а этнически — понятием *норманны*. Норманны (др. рус. *Урмане*) *северные люди* — общее имя датчан (данов), норвежцев (норгов), шведов (свеев) и исландцев.

Классовая организация древнескандинавского общества типична для раннефеодальной Европы. Ее составляли родовая военная и земельная знать (викинги, конунги, ярлы) свободные крестьяне общинники («бонды») и рабы («троллы»).

Рабами становились пленные, есть данные, что викинги покупали рабов на невольничьих рынках в Дублине и Византии. Рабы делали самую тяжелую и грязную работу. Хозяин по закону имел право забить раба до смерти, как собаку или лошадь. Рабов зачастую

не хоронили, их тела выбрасывались на съедение воронью и одичавшим псам.

Институт рабства являлся необходимым условием жизни викингов, поскольку без труда невольников бонды фермеры не могли существовать. В X столетии, например, когда вольный норвежец и владелец скромного состояния оставлял имение для службы в королевском ополчении, согласно закону считалось достаточным, если трое рабов возьмут на себя обязанность по поддержанию дел на ферме, однако крупное имение могло потребовать труда 30, а то и более невольников. [162, с. 19]

Древнескандинавским институтом родового самоуправления были общие собрания взрослых членов соседских общин.

Норманнами руководили их военные вожди *викинги*. Древнее северогерманское слово *викья* означало схватить, что удастся. Некоторые исследователи считают слово викинг производным от древнескандинавского слова **vik** — залив, устье, с добавлением суффикса **ing**, обозначающего принадлежность, происхождение. Связь понятия викинг с древнескандинавским словом **vik** — залив, не случайна, поскольку характеризует ареал обитания норманнов по широкой дуге вокруг Балтийского моря.

Жизнь норманнов была неразрывно связана с морем, в этом их коренное отличие от оседлых народов феодальной Европы. Еще *Плиний Старший* (ок. 23/24–†79 г. н. э) отметил мореходство торгующих *свевов* (**Sueborum**), потерпевших кораблекрушение на берегах Германии. [134, с. 23]

На острове Олс в Южной Дании в болоте Йортспринг обнаружилось первое сделанное из досок судно, которое датируется примерно 350 г. до н. э. Ладья представляла собой крупное боевое каноэ, приводимое в движение силами 20 гребцов. [162, с. 143]

Скандинавия богата железом и древесиной, поэтому у ее жителей было более чем достаточно материалов, необходимых дляковки оружия и строительства кораблей.

Корабль играл в жизни скандинава огромную роль. Нередко, наряду с гребцами и воинами, на кораблях находились и их домочадцы со своим имуществом. Норманны были прирожденными искусными корабельщиками и мореходами: «больше они жили на воде, нежели на полях». [8, с. 36–37] В прибрежных водах и реках они использовали небольшие (12–32 пар весел) суда, в которых размещалось около 40 воинов. Суда норманнов были одинаково приспособлены как к весельному, так и парусному ходу.

Для походов в Атлантике норманны использовали большие суда — драккары, называвшиеся так по имени «дракона», украшавшего

носовую часть корабля: «носовые украшения состояли из голов различных мифологических животных, их старались делать сколь возможно больших размеров и как бы желая поразить чудовищными изображениями глазающую толпу; помещая их преимущественно на больших судах, так как размеры этих последних, в свою очередь, внушали к себе почтение... Самые украшения были или из цельного металла, кованые или отливные, а иногда деревянные, обложенные золочеными или посеребряными листами. Такая роскошь обыкновенно поддерживалась влиятельными особами и богатыми людьми». [9, с. 106] Исландский скальд *Ярлов* образно пишет: «нос судна устремлялся вперед; и волны, смешанные с инеем, сотрясали украшенные голову и хвост дракона». [36, т. V, с. 63]

Длина драккара достигала 25 м, ширина 4 м, высота мачты 13 м. Мачта была съёмной. В 1893 г. прототип драккара викингов пересек Атлантический океан от Норвегии до Ньюфаунленда менее чем за месяц, временами развивая скорость до 10 узлов. [140, с. 106]

Вооружение драккара обычно составлял металлический пояс. Назначение его составляло в нанесении судам противника возможно больших внешних повреждений. Таранным ударом стремились сбить руль, переломать весла, снести мачту с парусами, проломить борта и окончательно затопить корабль врага.

Искусство мореплавания норманнов носило природный характер: знание направления ветров, их силы в известное время года и в известных местах, посещаемых норманнами. Они изучали силу и направление течений, величину и направление волн, время и высоту приливов и положение звезд на небе, когда удалялись от берегов. В походе норманны ориентировались главным образом по солнцу и звездам. Флок пишет, что полет птиц также принимался в соображение при плаваниях, известны случаи, когда при переходах к Исландии и Шотландии норманны брали с собой ворон, выпуская их по пути, они следовали за их полетом. [9, с. 110]

По понятиям норманнов-мореплавателей, твердь земная была круглой, омываемой со всех сторон океаном. В этом они следовали миропониманию античной географии, в частности, Плинию Старшему, который писал: «Так разлившиеся вокруг и разделенные надвое со всех сторон земным шаром моря отнимают у нас часть небесного свода непреодолимым ни оттуда сюда ни отсюда туда течением». [134, с. 23] В «Орозии» короля Альфреда (конец IX в.) пишется: «земля норманнов очень длинная и очень узкая. Вся земля, пригодная для пастбищ или для пахоты, лежит у моря; однако и она очень камениста в некоторых местах». [36, т. V, с. 18] «Воспитанные в суровом климате, на почве

непроизводительной, окаймленной пустынными скалистыми берегами, Норманны, терпя нужду и голод, искали удовлетворение потребностей своих в набегах и разбоях». [9, с. 94]

«Вожди в скандинавских сагах называются *конингами* и *викингами*. Оба этих термина перешли и в наш язык, получив славяно-русские формы князя и *витязя*». [52, с. 163] «Конунг, т. е. король, сохранял свое звание при морских походах и сражениях. Во всякое другое время все были равны, все садились за общий стол без соблюдения какого либо старшинства... Морской король норманнов, как храбрейший из храбрых, пользовался между ними безграничным доверием». [9, с. 94–95]

«Слово **Konig (Kuning)** происходит от **Kuni, Kunne** и означает «старейшина рода... Возникновению королевской власти содействовал один институт — дружины. Грабеж стал целью». [89, т. 21, с. 107, 143] Дружины норманнов являли собой сплоченные кровными связями родовые отряды.

Среди норманнов развилось *варяжество* как организация походов с целью грабежа и разбойных набегов на окружающие их земли. Другой особенностью варяжества было военное наемничество. Варяжество считалось среди скандинавов почетным промыслом, а иногда было и единственным источником средств существования.

Одна из причин возникновения варяжества заключалась в скандинавском родовом праве наследования, по которому имущество и ценности переходили только по старшинству. Молодежь, младшие члены рода оставались ни с чем, что вынуждало их собираться в отряды и оружием и воинским мастерством добывать себе средства на пропитание и содержание семей.

Другая причина варяжества имела под собой религиозные основания: «Многочисленность находимых в Скандинавии кладов объясняется и самой (скандинавско-языческой) религией (поклонения верховному богу) Одину; блажен был тот, кто мог явиться в *Валгаллу* с богатым имуществом; сокровищами, потаенными в земле, обуславливались наслаждения другой жизни. К Одину было плохо являться с пустыми руками... Отсюда, думает Гейер, и непреодолимое стремление Норманнов к грабежу и морскому разбою». [27, ч. II., прим. 46, XIX] За деньги отряды варягов были готовы сражаться с кем угодно, даже со своими соплеменниками.

По мнению Г. Ф. Миллера, под именем Варягов «никакой в Скандинавии народ особливо не назывался, однако сие можно заподлинно доказать, что они ни из какой другой земли выехали как из Скандинавии. Варягами они назывались либо от искусства в мореплавании, в чем наиболее упражнялись, и для того, что морем

в Россию пришли... либо от искусства воинского, от старинного слова *Var*, что войну у Скандинавов значило, в какой силе у Англичан и поныне употребляется. Потому и служившие из Скандинавов в гвардии при дворе Греческих Императоров в Царе граде Варанги назывались». [123, с. 80]

Ф. С. Беэр пишет, что у Иоанна Магна: «Скандия от некоторых называется Вергион, и что оно значит, остров Волков... однако же в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля». [8, с. 31] По летописцу, древляне, убив варяжского князя Игоря, через послов пришедших в Киев, объявили княгине Ольге: «Мужа твоего убихомь, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищя и грабя». [79, с. 54] В этом смысле, на Руси возникло выражение *явились злые вороги*, т. е. враги.

Объяснение этимологии понятия варяг весьма обширно: «Имя варягов — вне памятников русской письменности, является впервые под формою **Vaeringjar** в исландских сагах, около 1020 г.; под формою Варанг, у Абу-Рейхан Мухаммеда Эль-Бируни, в 1029 г.; у византийца Кедрина, под формою **Βάραγγοι**, в 1034 г.». [27, ч. I, с. 159] Древнескандинавское *varringr* от *varr* («друзья, верность, порука, обет»); в раннем латинском средневековье *varangus* (телохранитель, воин из наемной стражи византийских императоров). «*Waring`ami* звали телохранителей шведских конунгов... многие Норвежцы, Исландцы, Датчане, Шведы ходили в Константинополь через Русь для вступления за изрядную плату в греческую службу, как то делали за несколько веков до того их готские единоплеменники». [27, ч. II, прим. 232, LXXXVI] У финнов *varas* значит вора и разбойника; *Varga* у древнего племени мери значит разбойническое море; *варяг* украинский («борец, крепкий, рослый человек»). Дитмар говорит, что у бодричей были особенные вооруженные стражи, наблюдавшие за целостью товара. Известно, что у бодричей товар назывался «вара», охранитель товара «варагайче». У вендов в Лаузице сберегатель товаров назывался «воорагай». По кирилловски «варяю» — значит, разбегжаю; *варяг* — разбегжающий. До сих пор слово «варять» означает в Тамбовской области: заниматься развозной торговлей. Ф. С. Беэр пишет, что Матвей Преторий растолковал слово варяг от Прусского языка «будто бы Варяги были Вареями... т.е. как бы согнанными». [8, с. 3] «Слово *Vaere, Vara* есть древнее готфское, и значит союз: толпы скандинавских витязей, отправляясь в Россию и Грецию искать счастья, могли именовать себя варягами в смысле союзников или товарищей». [48, т. I, гл. II, с. 24]

Под варягами, в общем, следует понимать некое собирательное понятие: «Читая рассказ писателя конца XI-го и начала XII вв.

о Варягах не следует думать, чтобы народы, о которых идет речь в IX в., действительно назывались Варягами, а слово Варяг лучше перевести нам для себя выражением: обитатели берегов Варяжского моря, т. е. прибалтийцы. Слово Варяг в XI–XIII вв., значило в некотором смысле то же, что теперь слово Немец у простолюдинов, означающее вообще западного Европейца, или Черкес в смысле жителя Кавказских гор, хотя под этими именами могут скрываться разноплеменные народы. Варягов, по известиям летописцев было много родов: одни назывались Русь, другие Сvei, третьи Урмяне, четвертые Готы». [61, с. 23]

Балтийское море как ареал обитания и господства норманнов звалось *Варяжским* морем («разбойническое море»²⁰).

Подвижность викингов являлась их огромным стратегическим преимуществом. Основой военной тактики норманнов были внезапные набеги с моря, заливов и рек и быстрый обратный отход на судах. С норманнами было трудно бороться из-за их маневренности, быстроты действий и полного превосходства на море. Они умели пользоваться приливом и отливом для входа в реки стран Европы. Воины норманнов одновременно были и гребцами.

Скандинавы прилагали немало труда для того, чтобы морское сражение уподобить сухопутному. При боевом построении суда норманнов строились в линию, чтобы составить большую массу, которую старались поддерживать без разрывов: «Торфей, сообщая нам об этом, говорит о том же сражении, что носы кораблей, для большей плотности, связывались между собой». [9, с. 23]

В первой фазе сражения противоборствующие флотилии со спущенными парусами и сложенными мачтами подходили друг к другу, останавливались на расстоянии полета стрелы друг от друга и убирали весла. Без парусов передвижения в бою осуществлялись только на веслах, поэтому утрата весел при столкновении серьезным образом снижала боеспособность судна.

Затем на обеих сторонах суда сводились вместе и составлялись нос к носу, корма к корме в компактное скопление. Самые крупные суда с наилучшими командами обычно располагались на среднем участке строя, при этом командирская ладья находилась в самом центре, поскольку — что естественно — он имел, как правило, самый большой корабль. Торговые суда с их более высокими бортами обычно дислоцировались на флангах строя. Носы наиболее длинных ладей выдавались из него вперед, а потому такие суда, называвшиеся «бардами» (**bardi**) и принимавшие на себя основной груз боя, обивались железом на баке

---

²⁰ Беэр Ф. С. Диссертация о варягах, 1747, с. 32.

и юте. Некоторые снабжались рядами из нескольких железных копий в носу, образовывавшими железный «шегг» (*skjegg*) для пробивания вражеского судна, который приблизился бы для абордажа.

После первого натиска строй кораблей нарушался, бой вступал в индивидуальную фазу: «Те, кто стоял на штевнях, были на расстоянии удара. Кто был на носу, наносили удары копьями, а те, кто был ближе к корме, бросали копья с наконечниками и дроты. Некоторые пускали стрелы и камни, а те, кто стоял позади мачты, стреляли из луков». [47, с. 30] Каждого гребца обычно прикрывал щитом его товарищ, не сидевший в тот момент на веслах. На самой последней стадии перед абордажным боем щиты держали над головой «так плотно, что они прикрывали воинов полностью, не оставляя ни одной части тела открытой». [162, с. 89]

Сцепляясь на абордаж, употребляли все свое воинское искусство и мастерство. Взяв на абордаж и очистив от врага неприятельское судно, его нередко — особенно если оно находилось на краю — отсекали от строя, после чего атаковали другой корабль. Считалось, что победенной стороне повезло, если ей удавалось спасти треть своих судов.

Гибель в бою была для викингов почетной, по Стурлуссону, воин-викинг находил себе последний приют в «Зале Павших», или в *Вальгалле*. Смерть же от болезни и старости была унижительна. Викинг предпочитал «умереть, как муж, а не валяться, словно корова». [47, с. 71]

Экспансия норманнов шла в трех направлениях: 1) По европейскому атлантическому побережью к Гибралтару и в Средиземноморье; 2) Через север Атлантики в направлении Исландии, Гренландии и Америки; 3) По землям восточным славян Прибалтики и Приладожья в направлении Приильменя, Верхневолжья, Придонья и Поднепровья.

В VI в. датчане приплыли к берегам Галлии. В 789 г. три корабля норманнов напали на Дорсет в юго-западной Англии. *Карл Великий* (742–814) организовал защиту атлантического побережья от норманнов с помощью крепостей. «С 830-х гг. до конца века там не проходило почти ни одного года без норманнского нашествия. На сотнях судов реками, впадающими в Немецкое море и Атлантический океан, Эльбой, Рейном, Сеной, Луарой, Гаронной, даны проникали в глубь той или другой страны, опустошая все вокруг, жгли Кельн, Бордо, самый Париж», [52, с. 167] получая огромные деньги от французских королей в качестве откупа.

В ходе рейдов викинги предпочитали вытаскивать ладьи на небольшой островок или на полуостров в излучине реки, насыпая вал или даже ставя палисад, который бы прикрывал любые подступы к стоянке с суши. Получавшиеся в результате полевые укрепления оборонял

небольшой гарнизон, поскольку викинги всегда особенно заботились о том, чтобы сохранить в целости линии коммуникаций и обеспечить себе гарантированную возможность отхода.

Бенуа описывает характерные особенности набега норманнов на Сен-Флоран около 1015 г. Высадившись на остров и желая оградить себя от нападений местных жителей, норманны вытащили свои суда на берег и устроили из них укрепленных лагерь, установив суда в виде круга таранами наружу. Мачты не снимали, чтобы иметь возможность поражать неприятеля с высоты, а реи положили поперек судов, перекинув их с одного судна на другое и связали их вместе. [9, с. 110]

При набегах норманны применяли весьма изощренные способы передвижения. Переправляясь по Сене, не доходя столицы Франции, норманны сноровисто вытащили свои суда из воды и поволокли их посуху, обходя город, на расстояние более полукилометра, потом опять спустили на воду выше Парижа и проследовали далее по Сене для захвата города Шампани.

Когда приходилось биться на суше, викинги предпочитали строиться «стеной щитов» (**skjoldborg**), представлявшей собой плотную и глубокую фалангу (пять рядов или более), в которой лучше вооруженные и защищенные воины занимали передовые шеренги. На каменном надгробье X в. в Госфорте (Камберленд) вырезана как раз такая стена щитов, в которой они прикрывают друг друга примерно на половину ширины. [162, с. 91]

В начале боя норманны держали щиты так, чтобы те перекрывали друг друга, что позволяло лучше отразить первый бросок неприятеля, после чего стена из щитов «расслаивалась» для получения пространства, необходимого для замаха мечом или секирой и метания копий в строй неприятеля.

Еще один способ военного построения норманнов известен как **svinfylka**, или «боевой порядок свиный», представлявший клиновидное построение и придуманный — как говорили, в доказательство того, сколь древней являлась подобная организация — самим Одином. Однако исторически такой же строй в IV–V вв. применяли римские легионы, он назывался *roscinum capet* — «свиная голова».

Одной из эмблем викингов был ворон: «Близ Харлипулапил ворон теплую кровь» [47, с. 37] — так скальды обычно описывали поле битвы. С символом птицы связана одна из самых изуверских пыток-казней («кровавого орла»), применяемых викингами, при которой жертве вырубали часть ребер в спине, вытаскивали через огромные раны легкие, кровь пульсировала в них до тех пор, пока человек не умирал, и все зрелище напоминало трепещущие красные крылья на спине казнимого. [162, с. 36]

Набеги норманнов носили сезонный характер: весной и летом они внезапно появлялись с севера, а осенью и зимой уходили обратно в Скандинавию.

С начала IX в. участники набегов начали зимовать во временных поселениях, а со второй половины IX в. норманны перешли к колонизации выгодных мест обитания. Для варяжской знати и бывалых воинов стало весьма важным получение прав на владение землей как источник постоянных доходов.

Колонизация новых земель не означала прекращение норманнских разбоев. Из колоний-поселений норманны уже по рекам отправлялись в набеги вглубь территорий, пересаживаясь из ладей на лошадей. В течение ряда веков в феодальной Европе не было силы, способной противостоять норманнам.

Европейский христианский мир трепетал перед этим бедствием раннего средневековья, которое ставили в один ряд с чумой и набегами неверных *сарацинов*. Об этом звучат слова католической *литании*: «**A furore normanorum libera nos, Domine**» («От неистовства норманнов упаси нас, Господи»).

К тому времени церкви и монастыри Запада скопили огромные богатства. Однако против норманнов язычников все кары духовенства, обеспечивавшие безопасность святых и сокровищ Церкви, были бессильны. Очевидец набега норманнов на Ирландию пишет: «Даже если бы было на одной шее сто железных голов хорошей закалки и по сотне острых, быстрых, дерзких, нержавеющей, бронзовых языков в каждой голове, и по сотне велеречивых, громких, неумолкающих голосов у каждого языка, они бы не смогли ни перечислить, ни рассказать, ни сосчитать, ни поведать о том, какие страдания претерпел весь Гаэдхил, мужчины и женщины, миряне и клирики, старые и молодые, благородные и простолюдины, о бедствиях, о ранах, об угнетении в каждом доме от этого доблестного, яростного, чужеземного языческого народа». [140, с. 44]

Норманны не только поглощали ресурсы, но значительную часть их сохраняли в виде кладов как капитал накопления в монетном золоте и серебре. В Скандинавию в течении IX–XI вв. поступила огромная масса серебра по линии транзитной торговли: «Хотя подсчитать общий вес серебра, имевшего хождение в эпоху викингов, нет возможности, этот объем, скорее всего, был колоссальным. Это был настоящий серебряный век Скандинавии». [140, с. 139] Эпоха викингов продолжалась триста лет.

Постепенно в регионах скандинавского мира возникают первые раннегосударственные образования «дружинные» государства. Власть избираемого «вождя-короля» осуществляется с помощью дружины,

которая выполняет, наряду с военными, и функции управления: сбор дани, административную власть, суд.

Первое монархическое государство, порядком выше клановой и племенной организации норманнов, появилось в датской Ютландии. В половине XI в. возникло мощное государство *Кнуда Великого* (ок. 995–1035 гг.), охватившее Данию, Норвегию и Англию — положившее конец набегам норманнов на Европу.

Последней битвой викингов стало сражение при *Стамфорд Бридже* осенью 1066 г., где пал в бою с англичанами *Харальд Суровый*, последний вождь викингов, поэт и зять Ярослава Мудрого.

Норманны на Руси

Хорошо обученные дружины варягов имели явное превосходство при столкновении с племенами славян, привыкшими сражаться бесстрашным напором воинственной толпы. В «Хронографии» *Пселла* пишется о варягах: «Воины с мечами и племя тех, кто потрясает секирой на правом плече» (Psell.VI.III). Описывая события константинопольского восстания 1042 г., *Пселл* пишет: «Одни сжимали в руках секиры, другие потрясали тяжелыми железными топорами... простой же народ бежал беспорядочной толпой с большими камнями за пазухой или в руках» (Psell.V.27).

О войске славян византийский историк середины VI в. *Проконий Кесарийский* сообщает: «Вступая же в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами». [35, с. 82]

По *Маврикию Стратегу*, славяне: «ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся». [35, с. 87] Начиная сражение, славяне, как правило, подбадривали себя особыми боевыми кличами. *Маврикий*, рассказывая об обычаях славян, писал, что «они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед, воздействуя таким образом устрашающе на противника». [135, с. 189, пр. 50]

На землях Древней Руси обнаружено много памятников с элементами скандинавской культуры и даже целые скандинавские комплексы. Это, прежде всего, поселение и курганы *Плакуна* напротив Старой

Ладоги, Гнёздово близ Смоленска, могильник Шестовицы рядом с Черниговом. Ряд скандинавских остроугольных курганов обнаружены в низовьях Волхова. Подобные треугольные кладки характерны для курганов эпохи викингов.

В ключевых пунктах, имевших важное торгово-административное значение, воздвигались остроугольные курганы захоронений варяжской знати конунгов. Чем могущественней они были, тем выше насыпали могилу-курган. В одной из скандинавских саг говорится: «Достославному человеку следует возводить курган, чтобы память о нем не исчезала, а всем тем, кто проявил мужество, нужно ставить памятные камни». [47 с. 71–72]

Рунические надписи — древнейшие тексты, где встречается специальное обозначение Руси, которое характерно также и для скальдической поэзии и ранних до XIII в. саг — **Gardar**. Этот топоним присутствует в 11 надписях. Нередко его сопровождает уточняющее наречие **austr** — «на востоке в Гардах». [36, т. V, с. 37]

Топонимы, относящиеся к Древней Руси, названы в 18 рунических надписях на камнях. Наряду с общим обозначением Древнерусского государства (в 11 надписях), в 8 упоминаются и другие объекты, по преимуществу города.

Русь называется в рунических текстах несравненно чаще, чем любая из восточно-прибалтийских земель. Обозначаемые ими объекты — либо страна в целом (Гарды), либо города, лежащие вдоль пути «из варяг в греки», в первую очередь Новгород (**Holmgard**). Так, на одном из рунических камней сообщается о некоем *Sigvide*: «Он пал в Хольмгарде, будучи кормчим боевого корабля со [своими] корабельщиками». [36, т. V, с. 39]

Данные источников со всей определенностью говорят о том, что топонимы **Gardar** и **Holmgard** возникли примерно в одно и то же время. Скандинавское наименование Руси должно было сложиться в IX в., поскольку археологически скандинавы на Руси (за исключением Старой Ладоги, где их следы датируются 760-ми гг.) [Stalsberg 1982, 283] прослеживаются начиная со второй половины IX в. Первая же фиксация топонима **Gardar** — 996 г. [32, с. 54, 56]

Одна из наиболее интересных берестяных грамот, найденных на территории древнего Смоленска, — руническая, в ней говорится о приобретении неким *Вискаром* участка земли. Вискар — имя скандинавское. Известие о приобретении скандинавом участка земли свидетельствует о проживании норманнов в древнем Смоленске. Ротонда одной из древних церквей Смоленска имеет прямые скандинавские аналогии. [138, с. 11]

Скальдические стихи и королевские саги сохранили уникальную информацию о пребывании на Руси четырех норвежских конунгов: *Олава Трюггвасона* (977–986 гг.), *Олава Харальдссона* (1029–1030 гг.), *Магнуса Олавссона* (1029–1035 гг.) и *Харальда Сигурдарсона* (в начале 1030-х и в 1043–1044 гг.).

Весьма уникальны сведения древнескандинавских источников о матримониальных связях русской княжеской династии со скандинавскими дворами в XI первой половине XII вв.

По *варяжскому пути* по землям Руси с севера на юг норманны шли на военную службу в дружины русских князей и гвардию византийских императоров. Надпись на одном из рунических камней гласит: «Руны велел высечь Рёнгвальд. Он был в **Грикланде** [стране греков] вождем дружины». [36, т. V, с. 45]

Обычно договор с отрядом наемников норманнов заключался на один год. Сумма оплаты исчислялась по числу воинов в дружине и от успешности службы наемников. Годовая плата дружинника была примерно равна эйриру, 27 г серебра или его эквивалентом в пушнине. [36, т. V, с. 124]

Источниками обогащения варяжских наемников, помимо денежного содержания, были военная добыча, грабежи и личные дарения за особые заслуги от князей и императоров. Подарки императоров наемникам обычно представляли собой драгоценную одежду из паволоки, дорогое оружие и доспехи.

В древнескандинавской саге «О людях с Лососьей долины» живописуется триумфальное возвращение варяжского наемника *Болли Болассона* из Византии: «Болли привез с собой большие богатства и много драгоценностей, которые ему подарили высокопоставленные люди. Болли так привык к пышности, когда он вернулся из своего путешествия, что не желал носить никакой одежды, кроме одеяний из пурпурных и других дорогих тканей, и все его оружие было украшено золотом. Его называли Болли Горделивым... На нем был пурпурный плащ, а за поясом у него был меч Фотбит. Его крестовина и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоятка была обвита золотой нитью. На голове у него был золоченый шлем, а на боку красный щит, на котором был изображен золотой рыцарь... Женщины оставляли свои дела и только смотрели на Болли, и на его великолепие, и на его сотоварищей». [155, с. 237]

Варяжские наемники отправляли часть своего имущества домой, пользуясь услугами торговцев. В саге, повествующей о богатстве и славе варяжского наемника *Харальда Сурового*, в частности, сообщается, что часть своего богатства, золота и всяких драгоценностей,

полученных им в Грикланде (Византии), он посылал с верными людьми на север в Хольмгард (Новгород) под власть и охрану конунга Ярицлейва (Ярослава), где скопились огромные сокровища. [36, т. V, с. 152–153]

Норманны отличались не только воинственными походами и военным наемничеством, но и прибыльной торговлей. Из ареала Балтийского моря купцы норманнов проникли на торговые пути Европы, Ладоги, Днепра и Волги. «Эти варяги-скандинавы вошли в состав военно-промышленного класса, который стал складываться в IX в. по большим торговым городам Руси... Варяги являлись к нам с иными целями... у нас варяг — преимущественно вооруженный купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию, там с выгодой послужить императору, с барышом поторговать, а иногда и пограбить богатого грека, если представится к тому случай... Осаживаясь в больших торговых городах Руси, варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них». [52, с. 157–158]

По данным археологии скандинавские древности в начале IX в. сосредоточены лишь на севере Руси в Приладожье и Приильменье. Варягами вначале осваивается Волжский торговый путь *в арабы* от Ладоги через Белоозеро выходящий к верховьям Волги. Окский участок торгового пути аккумулировал значительную часть монетного серебра, поступавшего через Хазарию на север, в Верхнее Поволжье, Новгородскую землю и Скандинавию.

По количеству монет, обнаруженных на островном шведском городе Бирка на озере Меларен, можно сделать вывод, что «Бирка, как и вся восточная Прибалтика, поддерживала связи скорее с Волгой, нежели с Днепром». [140, с. 249]

Лишь позднее, в эпоху Владимира Святославовича, осваивается путь «из варяг в греки» по Днепру. О варяжском присутствии в этих местах зримо свидетельствует мемориальный камень с острова Березань в устье Днепра, найденный в 1905 г. На нем помещена надпись: «Грани сделал этот холм в память Карла, своего сотоварища». [123, с. 215] Камень датируется XI в. В целом, по данным археологии, количественное распределение кладов куфических монет на Руси свидетельствует, что торговля с Востоком в VIII–IX вв. не касалась Среднего Поднепровья. [49, с. 124]

О деятельности варяжских купцов-русов свидетельствует ряд арабских источников: *ибн Хардабех* (ок. 812–920), *ибн Хамадани* (ок. 903), *ибн-Фадлан* (923) и др. Арабские авторы, как правило, различают славян и русов. Так, в книге «Ряд драгоценных камней» или «Шнурок

жемчужин» Саида аль-Батрика или Евтихия Александрийского (†939–940) в перечислении народов мира как «потомков Яфетовых», в частности, упоминаются: Рум, Bizантия, Русь, Дайлем, Булгар, Славяне... [25, с. 179]

Судя по описанию русов, под ними подразумеваются норманны: «Купцы-русы везут меха и франкские (так называемые каролингские) мечи, попадавшие из Западной Европы на Русь, к Черному морю, где платят пошлину византийским властям. Другой путь идет по некоей реке славян, возможно, это Танис (Дон) или Атиль (Волга). Во всяком случае, подразумевается какая-то река, путь по которой ведет к Каспию. Хазарскому Каганату для пропуска в Каспийское море также платится пошлина. Привозя товары к городу Джурджуану (Гургану) на южном побережье Каспия; они отправляются с караванами в Багдад». [35, с. 206]

Арабские источники свидетельствуют, что торговый путь через земли Хазарского каганата на Каспий и дальше на восток по Волге и Каме вплоть до Урала был русами (норманнами) к середине IX в. уже освоен.

Путь по Волге выходил также к Ладожско-Ильменскому региону северо-запада Руси. По *Аль-Масуди* (середина X в.), многочисленное племя Русов живет в Лудане (Лудаия, Ладагия, Лудагия). Они путешествуют с товарами в Испанию (Андалузию), Италию (Рим), Константинополь и Хазарию. [25, с. 130]

«Призвание» варягов

По Нестору, легендарному *призванию варягов* предшествовало хронологически точное событие: в 859 г. «Имаху дань Варязи изъ заморья». [79, с. 18] Через три года поработанные норманнами племена изгнали варягов за море, перестав им платить дань.

С середины XVIII в. среди историков начались идейные споры о сути сообщения Нестора. Немецкий ученый Г. С. Байер (G. S. Bayer, 1694–1738) в сочинении «De varagis», ссылаясь на Нестора, выдвинул положение: «От начала Руссы, или Россияны владельцев Варягов имели», [8, с. 1] а первые русские правители были скандинавскими варягами Г. З. Байера поддержали немцы Г. Ф. Миллер (1705–1783) и А. Л. Шлёцер (A. L. Schlozer (1735–1809), подвизавшиеся в Российской Академии наук.

Патриотически настроенный М. В. Ломоносов считал взгляды *немцев* «позором России, русских государей и русского православия», а диссертацию Г. З. Байера назвал «заклятой». [53, т. VII, с. 190–193] На что А. Л. Шлёцер, ссылаясь на Делиуса, ответил: «Худо понимаемая *любовь к отечеству* подавляет всякое критическое и беспристрастное обрабатывание истории». [164, с. 430]

Сорок лет занимаясь древнерусской историей, А. Л. Шлёцер писал: «Несторъ былъ для меня какъ старый другъ... (ставший) невъроятно драгоценномъ богатствъ Рускія средняго вѣка исторіи». [164, с. 1, 3]

Г. Ф. Миллер знал источники по русской истории, в том числе летопись Нестора, не хуже М. В. Ломоносова, и с позиций объективной исторической науки его аргументация безупречна. Для Г. Ф. Миллера была важна истина, тогда как М. В. Ломоносов видел в «норманнском вопросе» прежде всего основания для попраiania русского (славянского) национального достоинства. Собственно, немцы Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлёцер ничего нового в сравнении с Нестором не «изобрели», они просто озвучили его мнение понятиями середины XVIII в. По сути, опровергать «норманнизм», значит опровергать Нестора — единственный полнокровный источник по древнерусской истории.

Центральным вопросом развернувшейся полемики стал вопрос об этническом происхождении варягов, *призванных* на северо-запад Руси.

Под 839 г. в франкских «Бертинских анналах» первой половины IX в. приводится случай, когда в посольстве греческого императора Феофила к императору франков *Людовику Благочестивому* обнаружались люди, утверждавшие: «что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король (rex) их, именуемый хаканом (chakanus), направил их к нему (Феофилу), как они уверяли, ради дружбы. Он (Феофил) просил..., чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться [на родину], так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цели] их прибытия, император узнал, что они из народа шведов (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями, или нет. Об этом он не замедлил... сообщить Феофилу, а также о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они

окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его (Феофила) очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить». [35, с. 288–289]

«Умение Людовика опознать одного или несколько людей как «шведов» не подвергается современным учеными серьезным сомнениям. Людовик и его советники были достаточно осведомлены в подобных вопросах. Несколькими годами ранее Людовик снарядил к шведам миссию во главе с Ансаром, который добрался до Бирки». [156, с. 52]

Послы россов к императору франков Людовику I

Дальнейшая судьба послов россов неизвестна, но, как показали последующие события, они, судя по всему, все же вернулись к **chacanus** народа **Rhos**.

Возникает немаловажный вопрос: почему послы от народа шведов (**Sueones**) титуловали своего властителя **chacanus**? Ответить на этот вопрос отнюдь не просто. Так, еще в 871 г. в послании византийскому императору Василию I король франков Людовик II писал: «Хаганом (**chaganus**) же, как убеждаемся, звался предводитель (**praelatus**) авар (**Avares**), а не хазар (**Gasani**) или норманнов (**Nortmanni**)». [36, т. IV, с. 23]

По мнению Г. В. Вернадского, норманны обосновались в Придонье уже в середине VIII в., прямо у границ Хазарии²¹.

---

²¹ [18] Гл. VII. Скандинавы и русский Каганат (737–839).

Послы народа **Rhos** шли в посольстве византийского императора Феофила и, судя по всему, имели понятие о могущественном сопернике Византии — Кагане Хазарии. Возможно, желая придать больший вес властителю народа **Rhos**, послы титуловали его *казаном* (*chacanus*), а не обычным европейским *князь* или скандинавским *конунг* (**konung**).

Латинский историк *Бертинских анналов* одновременно именуется повелителя народа **Rhos** двумя высшими титулами: восточным **chacanus** и западным **rex** (король).

Для скандинавов (народа **Sueones**), в то время живших в условиях родового самоуправления, титул **chacanus** определял собой статус властителя вышестоящего над родовыми конунгами и викингами. **Chacanus** народа **Rhos** обладал не передаваемой по наследству пожизненной властью «вождя-короля», выполняя высшие административные, судебные и военные функции на подвластной ему территории.

Куда возвращались послы россов, где именно располагалась резиденция **chacanus** народа **Rhos**? «Трудности с возвратом посольства на родину свидетельствуют о северной локализации руси. Только при этом обратный путь русов через земли франков обретает смысл». [109, с. 53]

Есть предположения, что эта резиденция находилась в самой Швеции, на приграничных к ней землях или на землях славян, возможно в приильменском Городище, в Старой Ладоге, верхневолжском Сарском городище.

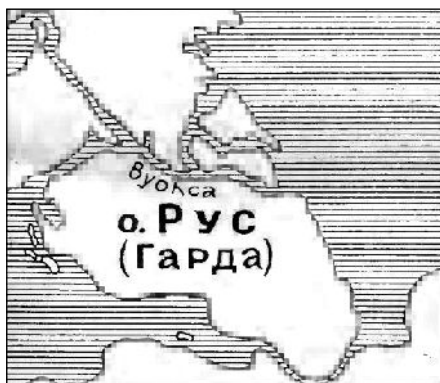
Что касается Швеции, то нет никаких источников и археологических артефактов, хоть в малейшей степени говорящих о нахождении на ее территории резиденции **chacanus** народа **Rhos**. К тому же путь от Германии до Швеции через Балтику не «пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов».

Приильменское Городище, по данным археологии, в середине IX в. как крепость-поселение норманнов лишь зарождалось. Старая Ладога, хотя и существовала, но ее население, включая скандинавов, было незначительным. Лишь спустя двадцать лет, по Нестору, *призванный* на княжение Рюрик обустроил свою резиденцию в Старой Ладоге, *срубив* в ней крепость, однако, ее следы до сих пор не обнаружены.

Что касается верхневолжского Сарского городища (поселения племенного центра меря), то его сложно считать резиденцией **chacanus** народа **Rhos**, ее следы отсутствуют в данной местности, к тому же весьма отдаленной от Швеции и Германии.

Наиболее вероятным местом нахождения резиденции **chacanus** народа **Rhos** были земли северо-восточного Приладожья и южного

Прионежья в районе Белоозера. Отсюда через Вуоксу был прямой выход к Швеции, а через Волхов, Приильменье и Чудское озеро – к западной Европе.

По мнению В. И. Паранина, речь идет о землях западного Приладожья: «о территории, которая в настоящее время носит название Карельского перешейка и которая действительно в прошлом представляла собой остров, поскольку система Вуоксы в районе Выборга соединялась с Финским заливом... Вуокса была одной из протоков, соединяющих Финский залив с Ладогой; другой протокой была Нева,

а между ними простирался остров, который и размерами, и ландшафтами, и своим географическим положением совпадает с островом Рус из арабских источников. Они служат еще одним основанием для локализации исторического ядра Древнерусского государства на территории нынешнего Карельского перешейка». [109, с. 116–117]

Относительно географии «острова Русов» точка зрения В. И. Паранина весьма правдоподобна, однако, при этом, он намеренно игнорирует сообщения арабских источников о том, что на «острове Русов», по *Ибн Русте*, «было много городов», [36, с. 49] а по *ал-Макдиси* на «сыром острове русов, окруженном озером... стояла крепость, защищающая их от врагов». [36, с. 51] Как известно, на Карельском перешейке времен Рюрика никаких городов и крепостей не было, эта земля получила характерное историческое имя *Ингардия*, т. е. страна без городов. Первые крепостные сооружения на Вуоксе и Неве появились лишь к концу XIII в.

Главу народа **Rhos** звали **chacanus**, поскольку он властвовал и обогащался торговлей рабами и пушниной севера с Булгарией и Хазарским Каганатом и, вероятно, считал себя наравне с Каганом Хазарским. Именно к нему, как **chacanus** народа **Rhos**, за море (на другой берег Ладожского озера), «к руси за князем» в 862 г. было отправлено легендарное летописное посольство от славян, чуди и меря.

О скандинавском происхождении русов, помимо «Бертинских анналов», свидетельствуют: «Венецианские хроники» *Иоанна Диякона* (Ioannis Diaconi Chronicon Venetum, рубеж X–XI вв.), в которых русь, напавшая на Константинополь в 860 г., названа «народом норманнов»,

византийские источники X в.: *Константин Багрянородный*, хроника *Псевдо-Симеона*, *Георгий Амартол* (по Ватиканскому списку), *Продолжатель Феофана*.

Нестор как монах-славянин в текстах договоров Руси с Византией мог и не упомянуть имен варяжских вельмож, но как правдивый историк он этого не сделал. Летописец приводит текст первого (911 г.) договора русских с Византией, который от имени *рода Рускаго* подписали лишь варяги: «Карлы, Инегелдъ, Фарлѡвъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Флелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемидъ (Karli, Ingjaldr, Farulfr, Vermundr, Hrodleijr, Gudi, Hroaldr, Fridleijr, Hrбarr, Prondr, Leidulfr, Fasti, Steinvidr). [79, с. 32]

Н. М. Карамзин замечает: «Надобно также отметить, что между именами 14 вельмож, употребленных великим князем (Олегом) для заключения мирных условий с греками, нет ни одного славянского²². Только варяги, кажется, окружали наших первых государей и пользовались их доверенностью». [48, т. I, гл. III, с. 51]

Сходная картина наблюдается при заключении в 944 г. мира с греками. В мирном договоре, заключенном от *рода Рускаго* великим князем *Руским* Игорем, присутствуют 7 славянских и 45 норманнских имен. [79, с. 46] «Имена первых русских князей-варягов и их дружинников почти все скандинавского происхождения; те же имена встречаем и в скандинавских сагах: *Рюрик* в форме *Hrorek*, *Трувор* — *Thorvardr*, *Олег Helgi*, *Ольга* — *Helga*, у Константина Багрянородного — *Елѡа*, *Игорь* — *Ingvarr*, *Оскольд* — *Hoskuldr*, *Дир* — *Dyri*, *Фрелаф* — *Frilleifr*, *Свенальд* — *Sveinaldr* и т. п.». [52, с. 157]

«Варяги, изгнанные народами Северной Руси, были Скандинавы, и именно Шведы. И прежде, как это видно из преданий, они делали набеги на русский материк и овладевали Гольмгардом, называя таким образом Новгород... Есть в скандинавских сагах известие об оставлении Шведами Северо-западной России, которое подходит именно к половине IX в., к тому времени, когда, по нашей летописи, совершилось изгнание Варягов за море. Это место в саге Олафа-святого». [61, с. 24] «*Рурикъ*, *Синеусъ*, *Труворъ*: настоящие Германские, а особливо древнеШведские имена, только немного изпорченные въ чужой землѣ. RURIK, *Ruricus*, *Rürik*, *Rorek*, *Rhrorekur*, *Ruricus* архіепископъ Реймскій, *Roderich*; TRUWOR, *Thruwar*, *Truere*, *Truve*, *Trugye*, *Trygr*; SINEUS, *Snio*, *Sinniuter*, *Signiauter*, *Siniam*, *Sune*. Такъ назывались Датские и Шведские

²² Характерные летописные славянские имена: Святослав, Ярослав, Ростислав, Мстислав, Изяслав, Брячислав, Владислав, Всеслав, Святогор, Святополк, Ратибор, Святобор, Ратмир, Добрыня, Претич... — Авт.

Короли, герои и морские разбойники, которые во множествѣ встрѣчаются у Саксона, Сноррона и вЪ ИсландскихЪ сказкахЪ». [164, с. 337]

«Имена трех князей варяжских Рюрика, Синеуса, Трувора — призванных славянами и чудью, суть неоспоримо норманнские... в *Исландских повестях*, между именами князей и витязей скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувра, Снию, Синия*». [48, т. I, гл. II, с. 24] Имя Трувор по древнескандинавски **Pǫrvarr** или **Pǫrvardr**, буквально означает «страж Тора», то есть скандинавского бога грома. Скандинавская этимология Синеуса — **Signjǫtr** (**Signiatus** — лат.) означает «победу использующий». Оба имени представлены в скандинавском именовании — **Signjǫtr** известно в рунической письменности, а **Pǫrvarr** встречается и в рунических надписях, и в исландских сагах. [123, с. 225]

Н. М. Карамзин отмечает, что варяги, обладая рунической письменностью, несомненно, часть своих законов привнесли в древнерусское право: «Законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны с норманнскими. Слова *тиун, вира* и прочие, которые находятся в *Русской Правде*, суть древние скандинавские. [48, т. I, гл. II, с. 25]

С. М. Соловьев отмечает наличие варяжского обычая у древнерусских князей, когда сбор дани одновременно сопровождался вершением судебных дел на подвластных им землях. [141, т. I, гл. 8, с. 216]

Как у родовых общин скандинавов, так и на Древней Руси существовал древний обычай корпоративной ответственности общины по выплате дани и возмещении убытков за преступления, совершенные на территории общины, у скандинавов *вергельда*, [47, с. 55] у древних славян — *верви*.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан в 923 г. наблюдал у приволжских *русов* варяжский обычай сожжения знатного покойного в корабле вместо гроба. [54] По языческим верованиям скандинавов, умерший человек в загробном мире продолжал вести тот же образ жизни, что и на земле.

Серьезным доводом в пользу этнической близости варяжской и древнерусской элиты являются данные археологии. Монеты, циркулировавшие в Скандинавии, были очень похожи на те, которые в то же самое время обращались на Руси.

Состав русских и шведских кладов в третьей четверти IX в. почти идентичен. Клады этих двух групп очень близки и по происхождению монет, например, 56,3% монет из Руси были отчеканены на монетных дворах Ирака, в то время как из тех же мест происходят 54,1% монет,

найденных в Швеции, а соотношение серебра из других областей также почти совпадает. [140, с. 161]

Поселения варягов на Руси обнаружены в Приладожье в урочище Плакун, в Гнёздове близ Смоленска, в Шестовицах недалеко от Чернигова, в Тимерево близ Ярославля.

Погребения скандинавских женщин на Руси выделяются по племенному убору — парным скорлупообразным фибулам, скреплявшим бретели юбки. Их находки достаточно многочисленны на кладбищах дружинных погостов и встречаются в древнерусских городах (Киев, Новгород, Псков), свидетельствуя о присутствии там скандинавов. [111, с. 174–181] В 15 из 40 одиночных женских погребений Гнёздово были найдены элементы скандинавского женского костюма и предметы скандинавского языческого культа. [138, с. 216]

В пользу норманнской теории говорят данные антропологии. По результатам Русской антропологической экспедиции 1955–1960 гг., выделено девять характерных антропологических регионов-кластеров, в том числе северный ильменско-белозерский. Распределение представителей этого типа по славянским землям практически совпадает с направлением варяжской колонизации Приладожья, Поднепровья и Приволжья. [22, с. 36, рис. II-5] «В настоящее время мы располагаем тремя черепными сериями скандинавского облика с древнерусских территорий. Все они датируются по разному. Шестовицкая группа относится к X в. — времени активного взаимодействия славян и варягов. Староладожская датируется XI–XII вв. — завершающими период масштабных славяно-скандинавских контактов. Группа из Куреванихи существовала в XII–XIII вв., когда эпоха непосредственного влияния норманнов ушла в прошлое. В каждой из названных серий в той или иной степени наблюдаются результаты смешения с местным населением... Все сказанное свидетельствует о существовании в составе населения древней Руси довольно устойчивых (в антропологическом отношении) норманнских коллективов. Говоря о роли норманнов в сложении антропологических черт древнерусского населения, следует помнить, что последнее не отличалось гомогенностью расового состава. По данным краниологии, принято выделять собственно славянский, финский и балтский компоненты... Не будет преувеличением включить сюда и скандинавский компонент, по крайней мере в отношении населения северо-западной и северной Руси». [130, с. 94]

Древнескандинавские саги, помимо летописных источников, также содержат сведения о конунгах страны *Rassia*, *Gardar*, *Gardariki*, относящиеся к IX–XI вв. Некоторые поименованные в древних сагах исторические персонажи, например *Оддр* и *Ингварр*, очевидно соотносятся

с правителями древней Руси Олегом и Игорем. Сведения о варяжских конунгах стереотипны, в основном они посвящены семейно-брачным отношениям и службе в войсках русских князей.

Немаловажен вопрос о том, где летописец почерпнул сведения о варягах вообще, и о Рюриковичах в частности, откуда им взята столь точная хронология дат?

Судя по всему, в начале XII в. Нестор посетил северо-западную Русь для сбора нужных ему исторических сведений. В летописи есть характерные эпизоды, связанные с нахождением Нестора в Пскове²³ и Новгороде²⁴.

Новгород времен Нестора, как свидетельствуют обнаруженные в нем берестяные грамоты, был отличен повсеместной грамотностью населения, а храм новгородской Софии²⁵ (1045–1052) был средоточием документов и сведений по истории новгородской земли.

При Несторе в ареале Старой Ладоги еще проживали норманны, потомки легендарных Рюриковичей: «А. А. Шахматов отмечал, что в городах Северной Руси были широко распространены предания о варяжских князьях. Существование предания о пребывании Рюрика в Ладоге отмечал А. Н. Насонов. По мнению А. Н. Кирпичникова, Ладога была «фамильным владением первых Рюриковичей». [28, с. 16]

В сообщении Нестора принципиально важной была постановка вопроса о причинах становления российской государственности в полиэтнически разнородной среде северо-запада. Из призвавших варягов племен — два были славянские (словене и кривичи), а три — финские (чудь, меря и весь). Власть варягов, в этом плане, была внешней и стояла выше местных родовых интересов, опираясь на превосходство военной силы.

Мнение Нестора о причинах и событиях, связанных с явлением варягов на славянском северо-западе легло в основу *теории норманнизма*, по которой варяги сыграли решающую роль в политическом процессе рождения древнерусского государства. «О сем народе (варягах) русские древние историки нередко упоминают, особенно потому, что от оных колено Рюриково на престоле русском от 862-го по 1607-й гг., итого 745 лет, с переменным счастьем наследственно продолжалось». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 31, с. 387] «Установление наряда (общего

---

²³ Местные жители показали летописцу сани, на которых к ним когда-то приезжала княгиня Ольга: «и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне» [79, с. 59].

²⁴ Имеется в виду описание летописцем новгородских бань [79, с. 7–8].

²⁵ София от древнегреческого «софос», мудрость, знание. Знаменитым софистом был Сократ, известна школа античных софистов — Авт.

судебного права), нарушенного усобицами родов, было главной, единственной целью призвания князей». [141, т. I, гл. 4, с. 121] «Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов. Отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 г., по летоисчислению Нестора, обязано своим величием счастливому введению монархической власти». [48, т. I, гл. IV, с. 41]

В то же время особенности призвания варягов, приводимые Нестором, вызвали многочисленные и разноречивые комментарии. С. М. Соловьев пишет: «странным было бы предположить, чтобы отдельные племена, имея крепкое (вековое) внутреннее устройство, захотели бы подчиниться чуждой власти потому только, что не могли сладить с соседями? Это был бы действительно пример, неслыханный в истории». [141, т. I, пр. 159, с. 293]

«Трудно представить себе зачем надо было воевать племенным центрам, если бы они существовав в удалении на сотни километров один от другого. Им проще было бы разойтись, а не воевать за призрачную власть в расплывающейся федерации племен». [168, с. 54]

«Не скоро варяги могли овладеть всею обширною странюю от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ меря; не скоро могли в ней утвердиться, так, чтобы обложить всех жителей Данию... и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, немедленно захотели снова отдаться под власть чужеземцам... не зная иного (народного правления) в течение многих столетий, ужели в несколько месяцев они возненавидели его и единодушно уверились в пользе самодержавия?... Обычаи и нравы (славян) не могли перемениться в два года варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцов своих... Как мог Нестор знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно он не имел никаких письменных памятников для нашей древней истории... Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями византийскими хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Сама краткость его в описания времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям... Впрочем, мы не можем заменить летосчисление Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть, ни исправить его». [48, т. I, гл. II, с. 26]

Вопрос о *призвании варягов* в российской историографии с времен Нестора и до конца XIX в. рассматривался главным образом в русле патриархальной теории возникновения государства, впервые озвученной

в античные времена Аристотелем, согласно которой государство рождается в лоне родоплеменного строя по линии семья — род — племя, являя собой высший уровень их политической организации.

По патриархально-самодержавной идеологии, понятия родового вождя и князя по существу тождественны, что вступает в существенное противоречие с реальной историей. Родоплеменной строй не знал государственности по причине своей имущественной и классовой однородности, находясь в политической системе исконно родового самоуправления. В этом плане рассуждения о варяжских или славянских князьях неправомерны, таких князей не было, но были родовые военные вожди, власть которых не передавалась по наследству, а их легитимизация осуществлялась путем общеродового признания на основе их харизматического влияния на соплеменников. Именно о таких военных предводителях славян свидетельствуют многочисленные греческие, латинские и восточные источники.

Варяги с Балтики проходили на земли восточных славян по ряду речных путей. Наиболее удобный из них шел по Западной Двине (Dune), в частности, здесь объявился варяжский конунг *Рогволд*²⁶, основавший Полоцк. Другой путь шел по реке Нарве к Чудскому озеру, третий, по реке Луга²⁷, четвертый, самый известный, *варяжский*, связан с рекой Невой.

Призвание варягов *из-за моря* с берегов Балтики, по причине общего решения кривичей, словен, веси и меря, географически, по масштабу расстояний, совершенно невероятно.

Призвание словенами варягов не могло состояться, ведь от прильменских словен до Балтики более 200 км *суши* где, обитали коренные племена чуди, ижоры, еми и води, не знавшие по своей нищете²⁸ института княжения.

Еще более невероятно призвание варягов *из-за моря* для племен веси и меря, живших на расстоянии более 500 км от Балтики. Если бы варягов призвали западные кривичи, то норманны вначале появились бы на берегах Чудского озера, Рюрик объявился в Пскове (Изборске).

---

²⁶ «В Несторе о Рогволде написано: Рогволд пришел из заморья, т. е. откуда и Рурик призвано» [11, с. 80].

²⁷ В верховье Луга подходит к Мшаге притоку Шелони, впадающей в Ильмень.

²⁸ Князей, их челядь и дружины нужно кормить. На это способны лишь племена, обладающие развитым производством излишков продуктов питания. Скучные почвы прибалтийского северо-запада могли обеспечить местным племенам лишь нищенский уровень жизни. Поэтому здесь не было ни больших поселений, ни обирающей их княжеской власти — Авт.

Нестор сообщает, что за море к варягам отправилось посольство от племен северо-запада — чуди, словен, кривичей, веси и меря — живших на огромной территории. Каким образом в те времена могли договориться враждующие между собой племена, кто и как собрал единое посольство от них — покрыто пеленой вымыслов и предположений.

Сложно вразумительно ответить на вопрос: *на каком языке шло общение представителей многоэтнического посольства от балтов, финнов и славян с родовыми конунгами норманнов?*

Древний Новгород (археологические слои в этом городе прослеживаются не ранее X в.) возник на месте трех племенных селищ с этнически разным населением.

Со временем эти селища дали начало трем древнейшим «концам» (районам) Новгорода: Славенскому, Неревскому и Людину. Судя по всему, в этих названиях отражены этнонимы племен — славян (Славенский), финно-угров: чуди (Людин), еми и мери (Неревский). I Новгородская летопись также свидетельствует о древнейшей структуре Новгорода, состоявшего из нескольких обособленных поселений: «и вѣсташа град на град». [103, с. 5]

Первоначальное население Новгорода являло собой объединение трех разноэтнических групп: словен, кривичей и мери, что отражено в тексте Новгородской первой летописи: «Новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря». [103, с. 4]

Совместные действия по призыванию варягов представителей нескольких племен, живших в сообществе древних новгородских поселений, выглядят вполне возможными.

Немаловажен вопрос: *по какому «адресу» за море отправилось новгородское посольство?* Варяги в то время не имели единой государственности, живя обособленными родами и племенами.

В этом плане сходная проблема возникла перед имперским Римом, потрясаемом набегами многочисленных варварских, в том числе и славянских племен. Укротить римлянам славян было весьма трудно, т. к. славяне не имели государственности, их племена и рода жили сами по себе, где им удобней, т. е. неясно было с кем договариваться, никто не отвечал за соседей, но всякий род и племя, выжидая случай, нападали сами по себе, двигаясь грабить чужие земли.

К кому отправилось посольство за князем? Известное сообщение из Бертинских анналов под 839 г. дает ответ на этот вопрос. Речь идет о **chacanus** народа **Rhos**, судя по всему, именно к нему направилось совместное посольство от славян, чуди и меря.

По мнению князя М. Щербатова, из Иоакимовской летописи следует, что призванные новгородским старейшиной Гостомыслом братья

Рюриковичи имели родство с ним, быв или его зятями, или внуками. [165, с. 191] Тем самым снимается вопрос об общеплеменном посольстве к варягам, поскольку его вообще не было. Гостомysl попросту призвал к себе своих же скандинавских родственников.

Из византийских источников известно, что славяне были отличны органическим свободолюбием и жили в условиях родового самоуправления вообще без института княжения, что весьма поражало греков. Братья Рюриковичи были не князьями, но конунгами — скандинавскими военными вождями.

Ситуационно очевидно, что причиной, по которой легендарный старейшина Гостомysl и родовая славянская знать призвали братьев Рюриковичей, была не внутренняя, не собственное политическое неустройство, ведь славянская знать властвовала на своих землях веками, а причина внешняя, по которой славяне, вследствие межплеменные распри, не могли справиться с набегами и грабежами своих соседей.

Г. Ф. Миллер по этому поводу замечает, что «три брата были призваны не как владык, а как *оберегатели границъ*». [164, с. 337] По сути, это стало историческим праобразом знаменитого новгородского призвания князей, которых за корм нанимали на воинскую службу.

Нестор неоднозначно освещает причины призвания варягов: с одной стороны, он сообщает о племенных распрах, с другой — общеплеменное посольство обратилось к Рюриковичам с просьбой: «Идите княжить и владеть нами», как будто племена северо-запада не имели своей родовой знати, а если и имели, то совершенно никчемной и ни на что не годной.

Призвание варягов (рисунок XIX в.)

Если Рюриковичей призвал на княжение словенский старейшина Гостомысл, то это было призвание келейного типа, и не всем оно было по нраву: «С великой радостью не были приняты Новгородцами сии три Варяжских князя». [165, с. 192]

С военной точки зрения, объяснимо летописное местоположение призванных братьев Рюриковичей, они встали с воинскими отрядами в стратегически важных пунктах: Рюрик — в Ладоге, Синеус — в Белоозере, Трувор — в Изборске, как политических центрах приграничных новгородских земель.

P. S. По ситуации тех лет, имея в виду нашествия норманнов на западную Европу, вторичное добровольное призвание на княжение своры скандинавских грабителей явно абсурдно. Вооруженных бандитов никогда никто не звал на новые грабежи своей родной земли. Речь может идти лишь о суровой безысходности судьбы, необходимости подчинения, ради сохранения своей жизни. Если в 859 г. славянским, финским и балтским племенам удалось выгнать прочь со своей земли пришлых варяжских порабощителей, то через три года явилась такая толпа вооруженных грабителей норманнов-русов, сопротивление которым было уже практически невозможно.

Славянские варяги

Первым в начале XVI в. по внешнему сходству понятий «Вагрия» и варяги» возможность славянского происхождения варягов попытался обосновать посол в Московии Сигизмунд Герберштейн.

В раннем средневековье Вагрией называлась область проживания западных славян, населявших южное побережье Балтийского моря. Главным городом вагров был Старгард.

С начала X в. вагры подверглись германской экспансии и в ходе немецкого натиска и последующей колонизации к концу XII в. практически прекратили свое существование, будучи истреблены или онемечены.

Герберштейну казалось вполне возможным предположение, что славяне севера Руси обратились в поисках князей к славянам юга Балтики, но не к скандинавам. В этом плане топоним Новгород можно понимать как новый город относительно старого Старгарда вагров.

Ряд историков XVI–XIX вв. обратили внимание на балтийских славян, выступавших в древности под именем вендов (венеты, лат. Venet, греч. Ενετοί).

Народов с именем веныды в Европе было несколько. Адриатических венетов, или энетов, греческие легенды выводили из Трои. С другой стороны, древние греки рассказывали о реке Эридан (Яридон), находившейся на севере, что у этой реки живут *венеты*, которые добывают янтарь.

О венедах как прибалтийских племенах упоминали *Плиний Старший* и *Корнелий Тацит* в своем сочинении «О происхождении германцев и местоположении Германии». *Птолемей* сообщает о Венедских горах неподалеку от гор Карпатских и называет Гданьский (возможно Рижский) залив Балтийского моря *Вендским заливом*. [36, т. I, с. 185, 182]

К мореходам венетам относится и кельтское племя на юге полуострова Бретань на северо-западе Галлии (Франции).

Птолемей, наряду с Плинием и Тацитом, определяет венедов I–II вв. как «великий народ или очень многочисленные племена», [36, т. I, с. 186] т. е. как коренное население.

Венедов принято считать славянами, а на основании их появления на берегах юго-восточной Балтики — говорить о продвижении древнеславянских племен к Балтийскому морю.

Наиболее известным городом венетов был *Дариоритум* (ныне Ванн), упоминаемый в «Географии» Птолемея.

В VI в. готский историк Иордан в сочинении «О происхождении и деяниях Гетов» отметил, что три крупных славянских народа «*венеды, анты и славы* по сути единых предков имеют». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 33, с. 427]

В так называемой франкской «Хронике Фредегара» (VII в.), в частности, пишется: «В год 40-й царствования Хлотаря (623–624 гг.) человек по имени Само, по рождению франк, из округа Санского, увлек за собой многих купцов и отправился торговать к славянам, называемых *винидами* (Winidi, Winedi, Winodi, Winita, Wenedi, Venedi, Vinedi). Славяне уже начали восставать против аваров, прозываемых гуннами». [135, с. 367]

В начале VII в. купцы из Франкского государства продавали славянам качественное оружие и предметы конской упряжи. Вполне возможно, что экспедиция франков, руководимая Само, рассчитывала на прибыльную торговлю оружием в связи с войной аваров и славян в Подунавье.

Название *венеды* долго сохранялось за северо-западными славянскими племенами Прибалтики. Активное участие выходцев

из античного полиэтноса венедов в формировании Руси и России навсегда запомнили финно-угорские народы, в древности жившие рядом с венетами. Для финнов до сих пор Россия — Венейя, для эстонцев — Венемаа. В. Н. Татищев отмечает: «Ладожское озеро, которое финны зовут Венеем мери, т. е. Русское море, ибо они Славян, обладавших русью, а также и Вендов, именуют Венелайн, как и Адам Бременский Русских *Винулями* именовал». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 17, с. 269]

И. Н. Болтин пишет: «Венеты или Венды, завладев обоими берегами залива Финляндского, все племена жившие по оным себе покорили, почему и Финляндия в старину Венетию называлася, но, или не полюбилася им тамошняя сторона, или по другим каким причинам, оставя они ее, на Ильмень озеро и по Волхову жилища свои основали, почему и доднесь Финны называют Россию *Wenaeja*, а русского человека *Wenalaieinen*, с того самого времени как Венды или Венеты в Новгород поселилися». [10, с. 81] М. Щербатов в числе исторических названий России упоминает *Ваннема*, т. е. земля вендов. [165, с. 4]

По мнению С. А. Геденова, призванные князья пришли из прибалтийской области Вендов: «Темное предание о выселении целого рода славянских князей из балтийского поморья в глубину европейского материка сохранилось у арабского писателя Эдриси... *Dicuil* писавший *de mensura orbis* около 825 г. полагает Вендов на чюдском берегу Балтийского моря». [27, с. 137, с. 347]

В позднем Средневековье вендов стали отождествлять с вандалами — знаменитым народом эпохи Великого переселения. Основанием для этого служила внешняя схожесть имен, а также то, что вандалы когда-то обитали на землях, позднее занятых славянами. На самом же деле никакой преемственной связи здесь нет — вандалы относились к древнегерманским племенам и предками славян считаться никак не могут.

В 455 г. вандалы под предводительством конунга Гейзериха (Гензериха) захватили Рим и грабили его в течение четырнадцати дней.

Наиболее известная версия теории славянизации варягов связана с приводимым В. Н. Татищевым копированным отрывком одной из поздней (середина XVII в.) *Иоакимовской* летописи, по ряду ее сведений представляющей собой одну из первых масштабных фальсификаций древнерусской истории²⁹.

Значимость измышлений на славянскую тему в *Иоакимовской* летописи заключается лишь в одном — их рациональной критике, позволяющей отчетливой понять особенности становления государственности на славянском северо-западе Руси.

²⁹ См. приложение: «О достоверности *Иоакимовской* летописи».

В Иоакимовской летописи излагается предыстория Руси с времен легендарных князей *Славна* и *Скифа* (правил в Скифии). Их потомки княжили сотни лет. Первым князем словен был Славен, потом княжили его сыновья — *Избор*, *Владимир Древний* и *Столпосвет*.

При этом в летописи, на означенный исторический период не приводится ни одной конкретной исторической даты. С равным успехом можно было придумать и дать другие имена первым славянским князьям, проверить это невозможно, славяне в древности не имели письменности.

В 1771 г. бывший актер Придворного театра М. И. Попов издал книгу «Славенския древности, или Приключения славенских князей», содержащую беллетризованный рассказ о приключениях князей дохристианской Руси, в жанре сказочно-рыцарского романа. Перед нами выступает вереница персонажей с характерными славянскими именами: один из старейших и мудрейших князей *Богослав*, его дочь *Милослава*, ее брат *Светлосан*, его слуга *Бориполк* и т. д., и т. п. [115]

Хотя «Славянския древности» относятся к первым в русской литературе опытам псевдоисторической славянской сюжетики, многие читатели XVIII в. воспринимали книгу как историческое сочинение.

По Иоакимовской летописи, потомком Владимира Древнего в десятом поколении был князь *Гостомысл*. Четыре сына Гостомысла погибли в войнах, а дочери были отданы замуж в соседние княжения. У Гостомысла был внук Рюрик, княживший, по Ипатьевской и другим летописям, в Ладоге.

В. Н. Татищев предположил, [145, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 32] что, умирая, Гостомысл или вызвал Рюрика, или написал в его пользу завещание. По смерти Гостомысла (†860), Рюрик с дружиной явился на княжение. Из Иоакимовской летописи следует *славянизация* Рюрика, которого по деду можно звать как *Рюрик Гостомыслович*.

Легенда о новгородском князе Гостомысле не соответствует исторической реальности. По данным археологии Новгорода как города во времена Рюрика не было, но было крупное селище разноэтнического состава из финнов, балтов, славян и словен, живших в обособленных концах на берегах Волхова.

Политически древние новгородцы жили в условиях родового самоуправления, решая свои дела сообща, властные полномочия отправляли доверенные лица посадники. Власть посадников была не наследственной, но выборной.

Гостомысл, если он действительно существовал, был не князем, но первым из летописно известных нам по имени новгородским посадником. Варягов, пришедших на новгородские земли, вели не князья

норманнов, но их конунги — родовые военные вожди. Конунги норманнов жили обособленно с дружиной в Городище, рядом с новгородским селищем.

Монархическая легенда о том, что новгородский посадник Гостомысл был князем, — сугубо западного толка.

В западной Европе правили короли и князья, по мнению латинских историков, это же относилось и к славянам. *Бертинские анналы* извещают, что в 844 г. «Людовик,³⁰ король германцев, атаковав народы и земли славян, принудил тех самых к сдаче, перебил их, всех почти тех краев царьков или силой или влиянием подчинил». [176] *Фульденские анналы* о том же: «В 844 г. Людовик усмирил ободритов, замысливших отпасть [от франков], пойдя на них войной и убив их короля Гостомысла. Землей же их и народом, который Бог сделал ему подвластным, он распорядился через князей». [169, р. 35] *Ксантенские анналы* о том же: «844. В том же году король Людовик выступил с войском против вендов. И там погиб один из их королей по имени Гостимусл. Остальные же [короли] пришли к нему и принесли клятву верности. Когда он ушел, они тотчас нарушили ее». [65, с. 146]

На основании сходства имен новгородского посадника и князя ободритов,³¹ живших в одно время, возникла теория, что под именем Гостомысл выступает одно и то же лицо. Таким образом *Рюрик Гостомыслович* князь славянской крови.

Однако следует иметь в виду, что латинское известие об ободритском Гостомысле относится к IX в., в древнерусских летописях

³⁰ Людовик Немецкий (826–876) — восточнофранкский король.

³¹ «Бодричи, ободриты, племя полабских славян, населявшее берега Мекленбургской бухты. В VIII–IX вв. возглавляли союз родственных им племен в нижнем течении Лабы (Эльбы). Основные занятия бодричей — плужное земледелие, промыслы (рыболовство, бортничество, охота), торговля. Опираясь на сеть городов-замков (Рарог, Ратибор, Зверин, Старград и др.), бодричи успешно сопротивлялись набегам датчан и саксов. В хрониках X–XI вв. упоминаются «первейшие» люди и даже князья (duces); власть князя, сначала выборного (его утверждало вече), со 2-й половины XI в. делается наследственной. При Отгоне I часть бодричей обязалась принять христианство и уплачивать дань, в Старграде появилось католическое епископство. Восстановив независимость в ходе восстания 1002 г., племена бодрицкой Группы и лютичи отстаивали ее до немецкого крестового похода против Славян в 1147 г. Раннефеодальное государство во главе с бодричами (Вендская держава) оказалось непрочным и распалось в 20–30-х гг. XII в. Это облегчило завоевание земель бодричей немецкими феодалами; образованное в 1170 г. Мекленбургское славянское княжество подверглось насильственной германизации» (Пензев К. А. Феномен Руси, или Народ, которого не было. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012. С. 15).

он явился не ранее XV в., а отрывок копия из Иоакимовской летописи о Гостомысле относится к первой трети XVIII в.

В первой половине XVIII в. ряд мекленбургских историков-краеведов (Маттиас Иоганн Бэр, Самуэль Бухгольц и др.) приняли версию о происхождении Рюрика от рода ободритских князей уже как вполне официальную. [91, с. 8–28] Ксавье Мармье (1809–1892) изложил в 1840 г. в книге «Письма с севера» предположение, что князь ободритов Годлав (Готлиб) имел трех сыновей Рюрика (миролюбивого), Сивара (победоносного) и Трувара (верного), которые пришли на Русь и стали князьями в Новгороде, Пскове и Белоозере. [123, с. 129]

Выступая с позиций героизации русской истории и категорически неприемля *немецкий норманнизм*, М. В. Ломоносов решил доказать, что под варягами следует понимать славянских князей — выходцев с земель Прусской Прибалтики.

Аргументация М. В. Ломоносова строилась в основном на «Сказании о князьях владимирских» — псевдоисторическом сочинении, в котором происхождение русских князей возводилось к римскому императору Августу через легендарного Пруса, что идейно подкрепляло теорию «Москвы как третьего Рима». Другим источником М. В. Ломоносова был созданный в XVII в. «Синописис» — историческое сочинение, которое уже к середине XVIII в. выглядело наивным и безнадежно устаревшим.

В. О. Ключевский пишет, что М. В. Ломоносов руководился чувством патриотического упрямства «и поэтому не имеющего научного значения. Ему никак не хотелось вывести Рюрика из Скандинавии, поэтому он отовсюду собирал догадки, скомбинировал новую теорию: Рюрик был вызван из Пруссии,³² пруссы были славяне, Рюрик был варягорус, значит, варягорусы — славяне». [53, т. VII, с. 197–198]

Г. Ф. Миллер по поводу прусских изысканий М. В. Ломоносова замечает: «У какого ученаго историка достанѣтъ терпѣнія разсматривать всю нелѣпость етой родословной». [164, с. 287]

Вольная интерпретация М. В. Ломоносовым древних источников позволяла отодвигать историю славян «за многие веки до разорения Трои» и приписывать им всевозможные исторические свершения. Рассуждая

---

³² Ф. С. Беэр отметил, что пруссы этнически не имели никакого отношения к славянам: «Преторий и Прусов древних с поколениями Славенских народов смешал; и что он сие весьма коварно учинил, дабы Полякам прислужиться, то я о том показать могу. Прусский народ прежде Рурика за двести почти лет в оной стороне тот же был, который потом Кавалеры Немецкие покорили... прусский народ... с литвинами, курунами и леттами единого языка, а от словенских народов различного языка и рода». [8, с. 3]

о происхождении славян, М. В. Ломоносов сочинил версию об их азиатских корнях, считая их предками Сарматских Амазонок. [85, с. 14]

«Теорию» происхождения российских варягов, якобы ведущих свою родословную от кесарей римских, подверг критике А. Л. Шлёцер. По его мнению, в Смутное время XV–XVI вв. является какой-то монах-летописец, которому попались в руки Польские временники (ибо в то время большая часть России была под властью Польши): «Етотъ монахъ прельстясъ примѣромъ Поляковъ началъ съ простоты выдумывать свою исторію и следующимъ безуміемъ обезобраилъ ума наго старика Нестора: *Прввйй Князь вЪ Руси РюрикЪ, от рода суца Августа Кесаря Римьскаго...* Какъ обезчещено названіе льтописей! Пустыя бредни монаха жившаго вЪ 1570 г. выдаются за слова Нестора, жившаго вЪ 1100 г!». [164, с. 277, 284]

А. Л. Шлёцер замечает, что русские летописатели заразились «язвой баснословия» гораздо позже своих (польских) соседей. Умышленная подделка древнерусской политической истории, помимо премножества чудес и знаменій, начинается со *Степенной книги*, составленной митрополитом Макарием при Царе *Иване Васильевиче*. «В то время и в Германии была глупая мода все знатные роды выводить из Италии и, если можно, из Рима. Московский монах верно слышал об этом, и из лести к своему государю выдумал с достойным осмеяния невежеством поколенную роспись, по которой произвел *Рюрика* и всех его потомков, а следственно и его, *Ивана*, от побочной линии *Императора Августа*». В *Степенной книге* об этом пишется: «Рюрик... был от племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется. Прус же брат был единачальствующаго на земле Римскаго Кесаря Августа... сему Прусу было поручено иметь властедержительство в районе Вислы и Немана, впадающих в море, иже до ныне зовется Прусская земля». [164, с. 280–283]

Иван Васильевич не только поверил этой глупой сказке, но и обосновал на ней свои требования на Польшу и Литву. Стефан Баторий язвительно ответил на претензии московского царя: «Каким образом царь Иван ведет свою родословную от Пруса, который никому не был известен среди смертных и нигде не был рожден». [164, 282–283] Возможно, отсюда возникла известная сентенция об «Иване не помнящим родства».

А. Л. Шлёцер отмечает, что глупая прусская сказка о римских августейших предках московских царей возникла еще до *Ивана Васильевича*, так, С. Герберштейн, бывший в Москве еще в 1525 г., писал о русском сказании, что братья Рюриковичи происходят от Римлян, от которых и нынешний Князь Московский ведет свое происхождение.

Основанием для этой легенды, по мнению Ф. С. Байера, было древнее упоминание о том, что когда-то буря занесла Римлян в Балтийское море. [164, с. 288] Речь идет о сообщении римского историка Плиния Старшего (ок. 23/24–†79 г. н.э.) о кораблекрушении торгующих *свевов* (*Sueborum*) на балтийских берегах Германии. [134, с. 23]

Во второй половине XIX в. казенно патриотические основания толкования древнерусской истории поддержали С. А. Гедеонов, И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский и др., обосновывающие идею славянизации варягов исходя из *чувств народности*: «Мнение о происхождении Руси от варягов противно народному чувству». [27, ч. II., прим. 236, LXXXVI] «Из явлений, относимых к скандинавскому началу русской истории, нет ни одного, которое не нашло бы себе естественного и непринужденного объяснения в частых и многообразных сношениях Норманнов с Русью IX–XI столетий... Вообще воззрение норманнской школы на русскую историю имеет нечто отвлеченное, мертвое; до призвания норманских князей, какие нибудь двадцать или тридцать славянских народцев, не соединенных между собой живою, внутреннюю связью, живут разбросанные по огромному пространству России, дикарями... без имени, без князей, без торговли; являются триста-четыреста Шведов и вдруг все преобразовалось; есть народ, есть имя, города, торговля, государство». [27, ч. I., «Предисловие» с. I, с. 225]

С. А. Гедеонов отмечает, что призвание варяжских грабителей и насильников противоречит элементарному здравому смыслу и исторически невероятно: «Шведские дружины, изгнанные и вновь не прощенные, разъезжают свободно по славяно-чудским рекам и озерам да приискивают себе новых данников, глядя на них, Славяне и Чюдь не нарадуются своей дипломатической предусмотрительности». [27, ч. II., с. 410–411]

В своем труде «История русской жизни с древнейших времен» (1876) И. Е. Забелин считал варягов балтийскими славянами, сближая это слово с названием «вагры», а название «Русь» связывал с Ругией, областью между реками Одером и Травою. При этом он относил начало истории славянской руси еще к позднеантичным временам.

По мнению Ю. Ю. Кондуфора: «норманнская династия потому и удержалась на Руси, что поступила на службу к русской правящей верхушке, быстро слилась с ней и, по существу, в ней растворилась. Подтверждением этого является, в частности, договор киевского князя Олега с греками, написанный не на шведском, а на славянском (болгарском — Авт.) языке». [58, с. 339]

А. Г. Кузьмин считал, что славянские варяги жили по побережью Балтики и на острове Рюген. [123, с. 108] А. Нечволодов пишет:

«Варяжские купцы принадлежали преимущественно к славянским племенам, сидевшим по южному побережью Балтийского моря». [99, ч. I, с. 81]

Однако до сих пор не обнаружено никаких исторических и археологических свидетельств оседлого обитания славянских народностей, обладавших *варяжской силой*³³ на Балтийском северо-западе. «Славянское племя при движении своем с юга на север не утвердилось в первой половине IX в. нигде на берегах моря; навстречу медленному движению славян видим быстрое движение варягов». [141, т. I, гл. 1, с. 59] «Балтийские варяги, как и черноморская Русь, по многим признакам были скандинавы, а не славянские обитатели южнобалтийского побережья или нынешней южной России, как думают некоторые ученые». [52, с. 156]

Домыслы о славянизации варягов противоречат древнерусским летописям. Нестор пишет о «варязи» как скандинавах разных родов, выделяя среди них Русь, Свие (шведов), Урманов, географически отделяя их от их соседей — Англиан (англичан), Готье, Чуди, Словен, Веси, Кривичей. [79, с. 19] Летописец знает и о южно-прибалтийских славянах, именуя их: *ляхове, пруси*, но не относит их к исчислению народов варяжских.

С. М. Соловьев пишет: «К тому же, если бы словенские новгородцы, кривичи и меря, вдруг, и захотели бы иметь над собой прибалтийских славянских вождей, то финно-угорские племена чуди и веси, навряд ли могли бы иметь такое же желание, т. е. северо-западное общеплеменное «призвание варягов» не состоялось». [141, т. I, с. 118]

Центральным вопросом, разделяющим сторонников норманизма от их славянских противников, является вопрос о том: *куда идоша послы за море — к варяжской Руси или из славянской Руси?* По большинству древнерусских летописей, послы отправились за море к варягам **к Руси**, об этом свидетельствуют — древнейшая (1377 г.) *Лаврентьевская летопись*: «идоша за море къ Варягомъ к Руси, сице бо ти звахуся»; [79, с. 18] *Ипатьевская (Ипатская) летопись* (конец 1420-х гг.): «Идоша за море к Варягомъ к Руси, — сице бо звахуть ты Варягы Русь»; [78, с. 11] *Новгородская четвертая летопись* (1428 г.): «послаша за море къ Варягамъ, къ Роусь; сице бо звахоу Варягы»; [104, с. 11] *Софийская первая летопись* (20–40-е гг. XV в.): «I послаша за море къ Варягомъ к Руси»; [164, с. 312] *Радзивилловская летопись*

³³ Ф. С. Беэр пишет: «Но свидетеля я имею Саксона Грамматика, что все славяне на оном берегу поздно начали разбойничать». [8, с. 7–8] Наиболее воинственные жители острова Рюген — руяне стали пиратствовать на Балтике лишь с XI в. — Авт.

(список XV в.): «И идоша за море к Варяго... Ру... Сице бо тиі звахуся Варязи РусѢ»; [164, с. 310] *Западно-русская (Литовская) летопись по Супральскому списку* (1519): «и послаша зо море ко Варягом к Роуси, сице бо зовяхоус к Роусью»; [41, с. 3] *Тверская летопись* (1534 г.): «послаша къ Варягомъ за море къ Руси»; [147, с. 30] *Псковская первая летопись* (1547 г.): «Послаша Словяне, Чюдь къ Варягомъ къ Руси за море»; [102, с. 173] Что послы отправились за море к Руси также сообщают *Троицкая, Симеоновская, Львовская* и ряд других летописей.

В ряде летописей вопрос о том, к каким варягам отправились послы за море, не оговаривается: это древнейшая *Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку* (или *Первая Новгородская Летопись XIII–XIV вв.*), *Рогожский летописец* (середина XV в.), *Устюжская летопись* (начало XVI в.), *Архангелородский летописец* (середина XV в.), *Никоновская летопись* (ок. 1530 г.).

Надежных летописных свидетельств о том, что послы отправились за море к варягам из славянской Руси, по сути нет. А. Л. Шлѣцер приводит лишь два сообщения по этому поводу: один из списков *Полетикова* неясного происхождения, где пишется: «послаша к ВарягомѢ изѢ Рузи за море», а также сообщение «столь часто лстящей деспотизму» *Степенной книги* (середина XVI в.): «въ льто 6370 послаша Русь кѢ ВарягомѢ... и придоша изѢ за море на Русь». [164, с. 311, 358, 316]

«И так, здесь следуют два положения: I. Между Варягами (общее название всех Германского племени жителей Балтийского и Немецкого моря) был народ, особенно называвшийся *Руссами*. Это положение ясно обозначено в летописях. II. Под сими *Руссами* разумеются *Шведы*... тем более, что сам Нестор именно различает *Шведов* и *Руссов*». Этноним **Ruotsi**, означающий по фински «шведский пришелец», по мнению А. Л. Шлѣцера ведет происхождение от названия, как издревле так и теперь, Упландского берега *РОСлаген* (Roslagen). [164, с. 316–317]

Помимо лингвистических данных, решающим доводом в пользу понимания *Руссов* как части народа, т. е. рода *Шведов*, можно считать то, что независимо от древнерусских летописных источников, сообщение Нестора подтверждается известным эпизодом в «Бертинских анналах» о явлении в 839 г. германскому императору *Людовику Благочестивому* группы лиц, назвавшихся *Россами (Rhos)*, которые при дознании их происхождения оказались СВЕОнами (**Sueones**), т. е. шведами.

В 2007 г. были опубликованы первые данные генетического анализа потомков Рюрика, инициированных журналом «Русский Newsweek»³⁴. Результаты исследования ДНК ныне живущих за рубежом

---

³⁴ Исследования проводятся в рамках проекта Family Tree DNA.

Рюриковичей — Шаховского, князей Гагариных, Лобанова-Ростовского, Хилкова, Кропоткина, Вадбольского, Оболенского и др. — показали бесспорную генеалогическую преемственность от древнерусских князей, их принадлежность к той Y-хромосомной гаплогруппе, которая распространена прежде всего среди финно-угорских, а также скандинавских народов. Таким образом, генетика подтверждает североευропейское, скандинавское происхождение Рюрика.

При этом некоторые потомки черниговской ветви Рюриковичей такие, как Оболенские и Волконские, относятся к другой Y-хромосомной гаплогруппе — R1a1, распространенной у славян, что подтверждает ассимиляцию варягов в славянской среде.

От этнической принадлежности правящего рода процесс образования государства не зависит. Государство рождается не братьями, сестрами, отцами и женами, но классовыми, объективными социально-экономическими факторами.

Поскольку теория норманнизма касалась вопроса происхождения княжеского единодержавия на Руси, то проблемы толкования рождения древнерусской государственности приняли идеологически-политический характер. Так, украинские историки (М. Грушевский и др.) начинают политическую историю Украины, непосредственно с истории Киевской Руси, относя сообщение Нестора о варягах и Рюрике к области вымыслов. Характерным примером искажения государственной идеологией объективных событий древнерусской истории служит вводная часть IV главы «Истории государства российского» официального государственного историографа Н. М. Карамзина.

Александр I был первым чтецом рукописи, выражая свое мнение, с которым нужно было считаться. К *царственным фантазиям* можно отнести рассуждения о *добровольном и единодушном* отказе славян от исконной свободы в пользу власти их поработителей варягов; о введении монархического единодержавия как *счастья* для славян; о том, что варяги правили среди славян *без угнетения и насилия и брали легкую дань, соблюдая справедливость*; что варяги были обузданы *человеколюбивым духом христианства*; и *несли собой выгоду и спокойствие правления норманнского*³⁵; а Новгородский *старейшина Гостомысл*, убедивший славян призвать варяжских князей, *достоин бессмертия и славы в нашей истории*. [48, т. I, гл. IV, с. 41]

³⁵ Известные исторические факты говорят о другом — разбое варягов над славянами. На самом деле несколько поколений правителей князей-варягов (Рюрик, Олег, Игорь, Святослав) были язычниками — Авт.

Известна эпиграмма А. С. Пушкина [121, т. 1, с. 66] о идеологической сути «Истории государства российского» Н. М. Карамзина:

«В его «Истории» изящность, простота,
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья,
И прелести кнута».

Ладога — Русское море

Существенной стороной сообщения летописца о варягах *из-за моря* является выяснение вопроса, о каком море идет речь. С. М. Соловьев отмечает особенность одномерно географического видения летописца, у которого Балтийское (Варяжское) море находилось не на северо-западе, а прямо на севере. [141, с. 117]

Нестор рисует географические ориентиры начала пути *из Варяг в Греки*: Балтика-Нева-Ладога-Волхов. [79, с. 6]

Для словен начала IX в. *морем*³⁶ к северу от них было огромное Ладожское озеро. По В. Н. Татищеву, призвание варягов *из-за моря* «разумеем Ладожское озеро». [146, 1769, кн. II, с. 361, прим. 45] «Ладожское озеро... может рассматриваться как внутреннее море... как звено водной системы, соединяющей Балтийское море с бассейном Волги и Белым морем». [62, с. 63]

Бассейн Ладожского озера огромен: 258,6 тыс. кв. км. Длина Ладожского озера более 200 км, ширина свыше 100 км. Общая вытянутость Ладожского бассейна с юга на север обуславливает неоднородность климатических явлений в бассейне, в частности, резкие перепады давления над поверхностью озера, за которым следует штормовой ветер.

Для древнерусских княжений границами являлись земли, до которых можно было добраться на конях не более, чем за трое суток, т. е. около 200 км. Это именно то расстояние, которое отделяло Новгород от берегов Ладожского озера.

Наиболее вероятно, что *призвание варягов из-за моря* состоялось в устье Волхова на берегу Ладоги. Это место удобно именно для общеплеменного призвания варягов от кривичей, словен, веси и меря,

³⁶ «Ладожское озеро в летописях называлось морем» [11, Оглавление, XXVI].

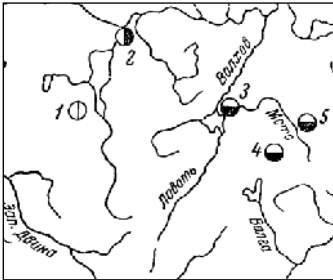
живших на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга в ареале западных, восточных и южных берегов Ладожского озера. Судя по всему, именно здесь, на берегах Ладоги, в VIII–IX вв. сошлись воедино лесная и озерно-речная цивилизации карельских, финских, балтских и славянских племен с морской цивилизацией пришлых варягов.

Призвание варягов из-за моря как Ладожского озера подтверждает свидетельство *Абу Райхана ал-Бируни* (973–1048). В труде «Книга вразумления начаткам науки о звездах» (1029–1030 гг.) ал-Бируни среди прочих сведений дает описание различных земель и перечисление обитающих там народов: «на севере страны славян (есть) большой залив вблизи страны булгар-мусульман, этот залив известен под названием Варяжского моря; варяги (варанки) — это народ, живущий на его берегу». [124, с. 206] В другом месте соседями варанков аль-Бируни называет народы «ису» (*весь*) и «йура» (*югра*), т. е. именно те коренные народы, которые издревле жили в Приладожье.

Во времена неолита побережья Ладожского и Онежского озер граничили с зоной проживания волго-окских, карельских и протофинских племен. В VI в. в Приладожье появляются люди, знакомые с земледелием и умеющие обрабатывать железо, — это славянские племена кривичей.

Древнейшим свидетельством пребывания людей в Приладожье является находка, сделанная в *Антреа*. Здесь при разработке торфа была найдена рыболовная сеть, сделанная из ивового лыка. Возраст сети был определен в 7300 лет до н. э. В Приладожье древнейшие находки каменного века имеют возраст 7000–4000 лет до н. э., в основном это каменные топоры.

По П. Н. Третьякову, выделяется вполне однородная *восточнобалтийская неолитическая культура* с характерной керамикой от Онежского и Ладожского озера и далее на запад в южную Скандинавию, относящаяся к середине III тыс. до н. э.

Известны неолитические поселения людей в Приильменье (Коломцы), Мсте (Кончанское) и Бологое, относящиеся к середине II тыс. до н. э. Особенно интересны результаты раскопок в Кончанском, где было обнаружено множество изделий из прибалтийского янтаря, свидетельствующих о наличии связей между Валдаем и Прибалтикой. [150, с. 43–44, 52, 55] Об этом же говорит сходство раннесредневековой керамики балтийских и ильменских словен.

Через Приладожье шли водные пути на Север, край глухих лесов, богатых дорогой пушшиной. Один из таких путей начинался от Ладожского озера и по системе рек и озер позволял добраться до Ботнического залива в районе Оулу и Белого моря в районе Кеми. Скупщики пушнины зимой устремлялись по этому пути в земли *карелов* и *саамов*.

Торговля, также как и мореплавание, получила развитие у скандинавов в очень отдаленные времена. Меха высоко ценились в Римской империи, а ютландский янтарь вывозили в различные части Европы, в том числе и в страны Средиземноморья, еще в бронзовый век. Повсеместно в Скандинавии находят римские монеты эпохи республики и империи, но особенно часто их встречают на острове Готланд. Готский историк Иордан писал в VI в. о *свеях* (шведах), что это «народ знаменитый темной красотой своих мехов», который посылает на продажу римлянам (в Византию — Авт.) через земли множества других народов шкуры цвета сапфира»³⁷.

Норманны в VIII в., в начале своих завоевательных походов, шли в Приладожье по кратчайшему речному пути из Финского залива в Ладожское озеро по Вуоксе. Вуокса (карел. Vuokša, Vöksa, Vuoksi, швед. Vuoksen) — озерно-речная система, самая крупная река Карельского перешейка. В раннем средневековье путь по Вуоксе (около 160 км) был оживленным торговым путем, о чем говорят монетные клады тех лет.

Упоминания о племенах Приладожья встречаются в древних скандинавских сагах. В них отмечено существование страны Корелов с замками и правителями. По В. Н. Татищеву, земли корелов зовутся страной *Бьярмия* «у оных писателей довольно воспоминаемая, как область великая». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 29, с. 373] По сагам, Бьярмия предстает как богатая страна. В «Саге об Олаве Харальдссоне» описывается торговая экспедиция норманнов: «И когда они приплыли в Бьярмаланд³⁸, то остановились они в торговом месте. Началась там торговля. Все те люди, у кого были для этого средства, приобрели там огромное богатство. Торир приобрел много беличьего меха, и бровового, и собольего». [36, т. V, с. 113]

Торговля норманнов перемежалась грабежами, насилиями и военными набегами. В «Саге о Стюрлауге» описывается один из таких набегов: «Одним летом объявляет Стюрлауг о том, что он хочет

---

³⁷ [172, р. 59] «Через земли множества других народов» — во времена Иордана это были волжский и дунайский мировые торговые пути. «Шкуры цвета сапфира» — северные серебристые меха.

³⁸ Бьярмаланд — в общем смысле страна возле Белого моря.

отправиться в Бьярмаланд. Собирает он тогда себе большое войско... Сжигают и палат они все, что могут, и совершают одно злодеяние за другим. Раундольв, конунг бьярмов, узнав об этом и собирает тотчас войско, но было у него, однако, мало людей. И тотчас, как они встретились, завязалась у них тяжелейшая битва и [начались] тяжелейшие бои. Там можно было видеть множество сильных ударов, и расколотых щитов, и разрубленных кольчуг, и копий без древка, и много [воинов], упавших обезглавленными на землю. А закончилась эта битва тем, что пал конунг Раундольв, а с ним и много воинов. А после этого великолепного деяния (? — Авт.) подчинил себе Стюрлауг весь Бьямарланд». [36, т. V, с. 271–272]

Вывоз северной пушнины и моржовой кости в Бирку и Готланд был весьма выгодным торговым предприятием. Торговля носила вид неэквивалентного товарообмена. Для скупки пушнины скандинавские купцы везли дешевые украшения из цветного стекла³⁹, керамику, ткани, вино, изделия из низкопробного железа; обратно — дорогую пушнину и моржовые бивни. Сходным образом в начале XIX в. меховые компании извлекали из своих меновых операций с индейцами огромные барыши. Особенно отличалась Английская компания Гудзонова залива. Агенты этой компании давали индейцам в долг грешные вещи и требовали уплаты за них ценными мехами.

В шведские Бирку и Готланд наезжали европейские купцы перекупщики из фризского Дорестада и ютландского Хедебю, скупая пушнину за наличное монетное золото и серебро. Они также меняли меха на франкское оружие рейнских мастерских.

Освоив Приладожье и наладив прибыльную торговлю с карельскими племенами, купцы норманнов обратили алчные взоры в сторону волжского серебряного пути *в арабы*.

На северо-восток от Приладожья и Прионежья, через земли племен веси и меря, было недалеко до верхнего Приволжья: «Путешествие из Бирки в Булгарию было короче и легче, чем в Византию, к тому же путь лежал преимущественно по водам, удобным для судоходства. Более того, начиная с западного входа в Финский залив путь проходил по местности с финно-язычным населением. Любому путешественнику, способному изъясняться по-фински, на пути к Волге, скорее всего, не приходилось сталкиваться с особыми языковыми проблемами, поскольку Средняя Швеция расположена очень близко к финно-язычным регионам». [140, с. 249]

³⁹ Стеклярус был эрзац заменителем прибалтийского янтаря — Авт.

Европа в IX–X вв.

Летописец сообщает, что по морю Варяжскому (по Балтике) «сѣдять Варязи сѣмо къ вѣстоку до предѣла Симова (волжской Булгарии)». [78, с. 2] Одним из таких мест «сидения» норманнов в Верхнем Приволжье было Сарское городище вблизи озера Неро. Здесь найдены клады арабского серебра, скандинавские украшения, инструменты и оружие, причем два предмета можно датировать началом IX в. [156, с. 42]

В. Н. Татищев считал, что *призванными варягами* были выходцы с западных финских ладожских берегов. [146, 1769, кн. I, часть II, гл. 31, с. 390] Вероятно, речь идет о месте впадения Вуоксы в Ладожское озеро, в районе поселения Корела, впоследствии шведского Кексгольма. Налицо финская близость сообщества этнонимов *русь, весь, сумь, емь*.

Возможно, Рюрик был родом из этих мест. Есть некоторые (достаточно легендарные) сведения о том, что Рюрик был рожден на Карельском перешейке, где еще в XV в. имелось озеро с характерным названием Рюрик-ярви. [119, с. 53–54] По некоторым источникам конца XVI в., Рюрик скончался в 879 г. у себя на родине в районе Корелы.

Важнейшим форпостом торговли норманнов был Белозерск (Белоозеро) в Прионежье. Белозерск издревле был центром

племенного союза веси. Пушнина и моржовый клык, доставляемые с Севера, в Белозерске разделялись на два товаропотока — западный в шведскую Бирку и восточный в Приволжье. Белоозеро, находясь в бассейне Приволжья, было наиболее удобно купцам норманнов для торговли с арабским Востоком.

Есть все основания полагать, что именно в районе Белозерска располагалась резиденция **chacanus** народа **Rhos** — властителя не только рода руси норманнов, но и местной веси и меря. По летописцу **chacanus** народа **Rhos** выступает под именем *Синеуса* — брата легендарного Рюрика. В память о Синеусе в окрестностях Белозерска стоит величественный курган.

Курган Синеуса близ Белозерска (гравюра XIX в.)

В древнескандинавских сагах и договорах Ладожское озеро называется *Альдога*, а у Нестора зовется как «озеро великое Нево», [79, с. 6] «которое море Русское именуемо». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 43] *Нево* по-фински значит «море».

Название Ладожского озера как *Русского моря* связано с обитанием здесь могущественного рода норманнов — Руси. Сходным образом Балтийское море, как ареал обитания варягов, звалось Варяжским морем.

«Русами» звали варягов, напавших на Севилью в 844 г. Арабские, византийские и древнерусские летописные источники единодушно пишут о норманнах в Приладожье, Приволжье, Причерноморье, выступающими под именем росов, русов, руси. По Масуди: «Руссы состоят из многих, различных народов. Один из них называется Лодагия (Ладожане) и есть многочисленнейший. Сии производят торговлю в Испанию, в Рим, Константинополь и Хозарию». [27, с. 508–509]

В XIII в. Нево стали называть Ладожским озером: свое новое имя оно получило от Ладоги — самого старого города Северной Руси. Имя Нево, как Нева, отошло к единственной реке вытекающей из Ладожского озера.

Любша — древнейшая крепость на Волхове

Уже в XIX в. историкам и краеведам стало известно, что всего в двух километрах от Старой Ладоги ближе к устью Волхова существовала древняя крепость.

Первичное обследование остатков древних руин, произведенное в 70-е гг. XX в. советским археологом В. Петренко, открыло историческую картину, отличную от традиционной летописной точки зрения на историю славян.

В урочище Любша был обнаружен археологический комплекс большой исторической ценности. Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 и № 392 от 16.09.1985 Любша была

объявлена охранной зоной. В описи предметов охраны указаны:

- А) Селище в устье реки Любша (I тыс. лет до н. э.);
- Б) Городище в устье реки Любша (VIII–XII вв.);
- В) Селище II в устье реки Любша (XI–XII вв.);
- Г) Курганный могильник в устье реки Любша (VIII–X вв.).

Любша в конце 1990-х гг. была обследована экспедицией Е. А. Рябинина института археологии РАН. Раскопаны предметы быта и остатки стен-укреплений, которые позволяют сделать вывод, что дерево-земляная *Любшанская крепость* — старейшая обнаруженная крепость на землях Древней Руси.

Крепость названа археологами Любшанской по ее местонахождению: на возвышенности правого берега Волхова при впадении в него речки Любша.

На месте крепости с III в. прослеживаются следы стоянки рыболовов племен приладожской лопи. При раскопках был вскрыт древнейший слой автохтонного (финно-угорского) населения нижнего Поволховья. Найдены следы проживания на еще неукрепленной площадке «чудских» насельников.

На рубеже VII–VIII вв. на месте древней стоянки появляется деревянный сторожевой финский острог на валу. В начале VIII в. острог

был сожжен, предположительно славянами. После на месте финского острога строится каменно-земляная Любшанская крепость, характер сооружения которой позволяет отнести ее к постройке западнославянского типа.

Крепости любшанского типа появились у славян, которые в первые века первого тысячелетия столкнулись с Римом. Славяне строили нечто среднее между каменной кладкой античных городов и временными деревянно-земляными укреплениями римских легионов.

Крепостная стена Любшанской крепости являет собой глиняный вал высотой около 3 м, укрепленный двумя подпорками из свободно сложенных камней. На валу была возведена защитная стена из деревянных клетей (каркас из бревен с утрамбованной землей внутри). Высота оборонительного сооружения составляла до 7 м. Общая площадь городища с учетом валов — порядка 1800 кв. м. Обширный посад-селище Любши вокруг крепости практически не исследован.

Раскопки в городище Любша дали более 150 уникальных находок — лепная керамика, многочисленные обломки тиглей для выплавки цветного металла, металлические выплавленные слитки (бронза, свинцово-оловянистые сплавы). Это — полуфабрикаты для изготовления предметов из цветного металла, развозившиеся торговцами.

Рисунок на деревянной фишке из Любшанской крепости. Видимо, гадательный жребий (середина IX в.), на котором в пря-

мом изображении видна птица, летящая с гнезда, и маска предка. Если же рисунок перевернуть, то виден цветок под солнцем.

Древние любшанцы занимались обслуживанием сухоходного пути. При раскопках найдена серия железных корабельных заклепок. Значимость их обнаружения заключается в том, что такие детали в корабельной технике использовались только для соединения деталей крупных морских судов. Находки свидетельствуют о связях древних волховян с Востоком, Поволжьем, Прибалтикой.

750-х гг. Старая Ладога начинается с деревянных мостков, тех самых, которые дендрохронологически помогли датировать ее основание с точностью до года. Значит, в те времена на ладожском городище было весьма топло. Любшанское городище было на целых десять метров выше. По этой причине урочище Любша возникло и заселилась раньше Старой Ладоги.

Во 2-й половине IX в. Любшанская крепость прекращает существование. По одной из версий, ее оставили из-за изменения гидрологического режима в регионе — Ладожское озеро понижает уровень и отступает к северу, речка Любша мелеет.

Любшанская крепость стала сухопутной, которую одной крепостной стеной уже было невозможно защитить. Крепость потеряла свое значение сторожевого поста на Волхове, которое переходит к Ладоге. Ни Рюрик, ни Олег не восстанавливают Любшанскую крепость, ведь она больше не контролирует устье Волхова, а отсутствие гавани делает ее и вовсе бесполезной.

Еще одна особенность Любши связана с тем, что норманны никогда не штурмовали ее крепость, стрелы, застрявшие в земляном крепостном валу, сугубо славянские. В 30-х гг. IX в. в Любше бушевал пожар, вероятно вызванный межусобицами местных племен.

Помимо выяснения исторического значения Любшанской крепости как древнейшей славянской крепости, не менее важно определение этнической принадлежности жителей Любши.

Этнотип древнейших жителей устья Волхова и урочища Любши не вызывает сомнения — это были финны. Однако, вопрос, какие племена славян пришли в эти места в начале VIII в. и на месте финского острога построили дерево-земляную крепость, не решен окончательно.

По летописцу, славянские этнонимы в «Повести временных лет» распадаются на коренные и особенные. К числу коренных славянских этнонимов (суффиксы **ян-ап-ен**) относятся, в частности, поляне, древляне, бужане, северяне... К числу особенных этнонимов топографического типа (суффикс **ич**) — кривичи, вятичи, дреговичи...

Топоним Любша древний, явно славянский и, очевидно, топографический. Если исходить из летописной точки зрения, что первыми славянскими насельниками берегов Волхова были словене с характерной топонимикой названий — Новгород, Волхов, Гдов, Остров, Опочка, Болхово, Волосово, Порхов... — то эти словенские топонимы не соотносятся с названием Любши.

Топоним Любша состоит из двух совмещенных корневых оснований. Под первый из них подпадают существующие топонимы северо-западных поселений — Любань, Любытино, Любавец, Любовец, Любенск...

Ко второму корневому основанию Любша близки северо-западные топонимы названий — Авдоши, Авиници, Белуши, Богдаши, Луковищи, Метищи, Рудовши, Ропша...

Ропша наиболее близка к имени Любша. Ропшу с Любшой роднит ряд исторических обстоятельств. Оба поселения одни из древнейших,

где люди селились еще в эпоху неолита. Первыми в них жили финские племена. В VIII в. в Ропшу и Любшу пришли славяне, принесшие с собой культуру земледелия, подсечно-огневого метода массового выжига лесов.

По мнению Е. А. Рябинина, Любшанскую дерево-земляную крепость построили славяне кривичи, как западные славяне, исторически и географически наиболее близкие к поздней античной и ранней средневековой европейской цивилизации.

По данным археологии, древнейшие славяне кривичи в середине I тыс. н. э. обитали в районе Псковского озера. Расселяясь на северо-восток по направлению топонимов Шелонь, Шимск, Щирск..., кривичи заселили земли в северо-западном ареале с характерными названиями поселений Боровичи, Влешковичи, Гладыши, Дедовичи, Евановичи, Жадиновичи, Мордовичи, Тарковичи, Умковичи, Шероховичи...

Распространенность топонимов названий поселений славян кривичей равномерна на территории северо-запада от Чудского озера вплоть до балтийского побережья, что зримо свидетельствует о славянской колонизации этого региона в местах удобных для развития культуры земледелия.

Миграция славян кривичей в область верхнего Поднепровья, в частности, характерна топонимами Орша, Олыша, Любеч.

По территории Гнёздовского комплекса памятников течет река Олыша, впадающая в Днепр. Здесь обнаружены городища, одно из которых, древнейшее славянское городище середины I тыс. н. э. «Олышанское-Батеки», нижние слои которого относятся ко II в. до н. э. [151, с. 141]

Топоним Любша весьма близок топониму Любеч — одному из древнейших городов на Днепре. Любеч впервые упоминается летописцем в «Повести временных лет» как город, который в 882 г. захватил Олег-правитель, направлявшийся в Киев.

Сердце древнего городища Любеча — Замковая гора. Неподалеку стоит группа курганных могильников, среди которых безмолвным свидетелем глубокой древности, дошедшим до наших дней, возвышается насыпанный вручную курган, высотой более 40 м.

Если предположить этническую связь поселений кривичей Любша на Волхове и Орша и Любеч на Днепре, то это означает, что уже в начале VIII в. славянам был известен путь: Волхов-Ильмень-Шелонь-Ловать-Днепр, который позднее был назван варяжским, хотя исторически он был освоен славянами еще до прихода норманнов. Об этом же говорит и легенда о хождении апостола Андрея от Поднепровья до Приильменя по славянским землям.

С исторической точки зрения немаловажно выяснение соотношения этапов колонизации Приволховья славянами кривичами и словенами.

Раскопки в Любше и Ропше свидетельствуют, что кривичи пришли на земли северо-запада в начале VIII в. В IX–X вв. в Приильменье отошла часть славянских прибалтийских племен бодричей (ободритов), выступающих под летописным именем Словен.

Судя по всему, миграция Словен была вызвана изменениями климатических условий, так и вследствие вековой религиозной войны католиков и славян язычников.

Словене шли на северо-восток к Чудскому озеру по рекам Эмбах и Нарва. На восточном берегу Чудского озера на реке Великой на месте древнейшей стоянки людей возникло совместное поселение славян кривичей и словен, получившее в дальнейшем характерное совмещенное имя — топоним Псков.

В отличие от славян кривичей, словене расселились и жили более компактно в ареале Приильменья, Мсты и Волхова.

Норманны на северо-западной Руси до Рюрика

С древних времен, благодаря плодородной наносной почве, в обширной пойме реки Ижоры и ее притоков жили люди. В эпоху Великого переселения народов на берегах реки Ижоры обосновалось финское племя *инкери* (*ижерян*), относящееся к европеоидной расе восточно-балтийского типа. Ижорский язык произошел от древнекарельского языка-основы.

Ижеряне, как и другая местная коренная народность *вожане* (водь), исторически не имели общеплеменного центра, проживая отдельными поселениями на обширной территории от реки Нарвы и побережья Балтики до Приладожья и земель финской еми.

В Новое время, вплоть до 30-х гг. XX в., бытовало название этой земли как *Ингерманландия* (шв. *Ingermanland*, фин. *Inkeri* или *Inkerinmaa*, эст. *Ingeri* или *Ingerimaa*; Ингрия, Ижора, Ижорская земля).

Историческое название территории Усть-Ижоры: «Ингрия — или Ижора». [11, **Оглавление XX**] Первое письменное упоминание об Ингрии встречается во второй половине XII в. в булле папы Александра III к шведскому Упсальскому епископу Стефану,

написанной между 1164 и 1189 гг., где говорится о язычниках *инграх*. Ижорская земля под названием *Ингардия* упоминается в Ливонской хронике Генриха в 1221 г. в связи с походом сакаласких эстонцев: «Гард значило в старинном Готическом языке *область, предел*». [11, с. 32]

Одно из европейских названий Руси — *Гардарика* (область, страна городов), т. е. *Ингардия* означает область, земля без городов. Центром Ингардии были ижорские земли Ингрии.

Один из первых существенных эпизодов древнерусской истории связан с сообщением летописца: «Имаху дань Варязи изъ заморья». [79, с. 18] Что значит *взимали дань* — какую именно и для какой надобности? В большинстве случаев, помимо прямого грабежа, раннефеодальная дань, прежде всего, связана с *кормлением* (продуктовая рента) феодалов, их слуг и дружины.

Финнам, балтам и славянам, находящимся в то время на примитивном уровне родового производства, кроме продуктов питания, охоты, рыболовства и изделий убогого ремесла, платить дань варягам было больше нечем. «Добычу Балтика давала скудную. Там не было ни аббатств, которые можно было бы разграбить, ни чужих земель с новыми, невиданными богатствами, которые можно было бы захватить». [47, с. 18]

Византийский историк середины VI в. Прокопий Кесарийский пишет о славянах: «А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга». [35, с. 82] О крайней нищете русов, напавших на Константинополь 18 июня 860 г. сообщает патриарх Фотий. [175, р. 98] По данным археологии, славяне VIII–IX вв. не знали гончарного круга и вручную лепили убогую утварь для приготовления пищи на огне и хранения припасов жита. Лишь с середины X в. на землях славян появляется гончарная керамика.

По картине А. Васнецова «Призвание варягов»⁴⁰, племена, призвавшие Рюрика с братьями, в качестве даров предложить особо ценного ничего не могли. Среди даров мы видим звериные шкуры, рога, несколько глиняных горшков и один сосуд арабской формы. Понятно, что варягам плыть 3–5 дней за едой, звериными шкурами и рогами не имело смысла, ведь это все находилось рядом с ними на землях еми, суми, карелов.

Известно, что в раннем европейском средневековье практиковалась колонизация земель, удобных для поселения. Норманны искали такие земли, природные условия которых напоминали им покинутую родину и находились неподалеку от нее.

⁴⁰ «Призвание варягов»: иллюстрации, рис. 18.

Восточная Прибалтика наиболее часто посещалась скандинавами уже в первые века нашей эры. В *Sage o гутах* (около 1220 г.), в частности, сообщается, что «население Готланда настолько размножилось, что страна не могла всех прокормить. Тогда они выслали из страны по жребию каждого третьего мужчину... Они не хотели уезжать... Но жители той земли не захотели терпеть их и изгнали их. Тогда они... поплыли на один остров близ Эстланда, который называется Дагё (о. Хийумаа), и поселились там и построили укрепление, остатки которого видны еще и теперь. Но и там они не могли себя прокормить и поплыли по реке, которая называется Дюна (Западная Двина), а по ней через Русаланд (Русь). Они плыли так долго, что приплыли в Гриккланд (Византию)». [35, с. 460–461]

Уже с VI в. скандинавские погребения в ладье появляются в Западной Финляндии, в VII в. скандинавы проникают на Карельский перешеек и Ладожское озеро. По мнению А. Л. Шлёцера: «Норманы открыли реку Неву». [164, с. 273] По Неве, наряду с Вуоксой, был прямой речной путь из Финского залива в Ладожское озеро. По географической близости, норманны прежде всего освоили бассейн реки Вуоксы, вскоре ставший оживленной торговой магистралью, по которой богатства Севера шли в Скандинавию, Готланд и Ютландию.

Путь по Неве из-за порогов представлял сложности и в начале использовался норманнами в поисках новых поселений. В то время норманны жили в условиях родового строя: «и благородные люди, и крестьяне вместе работали на полях, ухаживая за скотом и выращивая ячмень и рожь, и это делало их идеальными колонистами». [47, с. 62]

Часто в истории название местности связано с названием народности, которая на ней длительно обитает. Можно предположить, что название *Ингрия* земель по Усть-Ижоре связано с именем обитавших здесь варяжских колонизаторов рода *ингров*.

Из истории известно, что первоначальным поселенцем острова Исландии, по преданиям, был *Ингольф* с своим родом и дружиной. Но *Ingolf* есть только изменение имени *Ingue*, род его относился к владельческому в Скандинавии роду *Yngue*.

Древнейшая история Норвегии и Швеции начинается с легендарного *Ингона*, соответственно древних жителей этих мест звали *Инглингами*. [36, т. V, с. 171] «Сага об Инглингах» XIII в. (*Ynglinga saga*) по хронологии описываемых в ней событий относится к V–IX вв. В ней рассказывается о представителях династии Инглингов.

К началу восьмого века Ливония и Эстония являлись частью королевства Ивара, короля Южной Швеции и Дании. [174]

В. Н. Татищев, по Сноронну, приводит сходные между собой имена норманнской знати: «Ингельдъ, Ингеальдъ Раумундальский Король, Инггальдъ Датский Король... в древней надписи имя Ингердисъ... на гробовых камнях Ингибиарнъ и Ингибирнъ». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 32, с. 405] «В самом начале IX в. два представителя византийской знати носили имя Ингерос, данное имя происходит от скандинавского Ингер». [156, с. 53]

М. Щербатов приводит одно из древнейших шведских преданий о явлении варягов на славянские земли. Первого шведского короля звали *Ингемар*, он имел войну с россиянами, в которой был убит. Время этих событий от 460 г. до 816 г., когда в сагах были упомянуты 15 других последующих имен шведских королей. [165, с. 124]

Имя шведского короля Ингемар могло быть связано с землями Ингрии. Возможно, что часть рода *Yngue* поселилась в Усть-Ижоре, выступив под именем Ингров.

Ассимиляция варяго-ингров с племенем ижерян этнически явила собой, отличный от славян, кровно нордический тип, сохранившийся до наших дней. Средний рост ижерян 164–167 см., выше, чем у местных русских, а внешний облик имеет характерные скандинавские черты. По исследованию В. В. Седова, славянская колонизация Ижорского плато началась лишь в X–XIII вв. [137, с. 170–174]

Ларин Параске

Фольклор ижоры известен по устному народному творчеству — песням-рунам сказителей-рунопевцев. Одна из известных ижорских сказительниц — *Ларин Параске* (Прасковья Никитина) — жила в начале XX в. на Карельском перешейке.

Есть все основания предположить, что род *варяго-ингров*, обосновавшийся в Усть-Ижоре, относился к тем легендарным летописным варягам, которые *из-за моря* (Ладожское озеро) приплывали для сбора дани с меря, чуди и славян.

Плодородные земли в ареале Усть-Ижоры были относительно небольшими, будучи ограниченными невскими берегами и простирающимися на запад обширными болотами, за которыми жили приильменские словене. По мере роста численности колонии варяго-ингры в поисках *дани кормления* постепенно освоили бассейн Невы и вышли к Ладожскому озеру.

По Неве сложился естественный водораздел сфер влияния — по правому берегу норманнов русов, по левому — ингров. Русы освоили северное и восточное Приладожье, ингры — западные и южные ладожские берега.

Варяги в низовьях Волхова

По внешнему облику, ингры и русы отличны: ингры имеют характерный изгиб носа⁴¹, более высоки; русы — прямоносые, с массивным подбородком, менее высоки.

Одной из целей колонизаторской экспансии ингров был сбор *дани кормления*. Дань кормления бралась норманнами с подвластных им племен как правило осенью, когда был уже собран урожай и сделаны запасы *жита* (по данным палеоботаники — это просо, ячмень, овес, рожь, пшеница, горох) на зиму.

Приладожье богато глухими лесами с промысловым пушным зверем, пушнина была именно тем товаром, сбыт которой был налажен норманнами региона Белоозера. Сбор пушной дани был одной из главных целей норманнских колонизаторов.

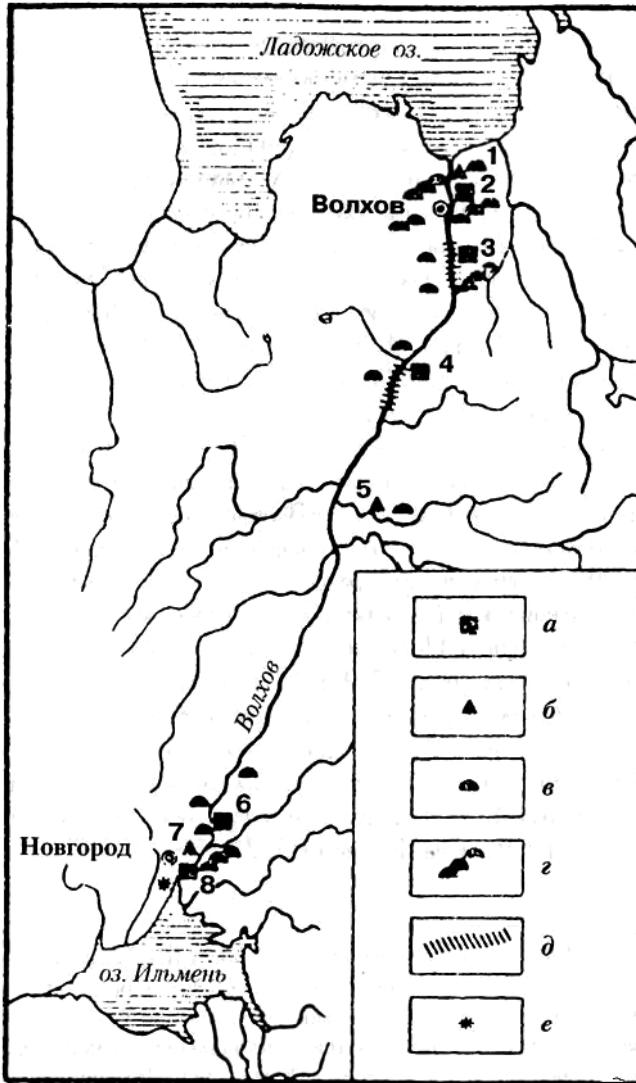
Для сбора дани ингры могли выслать из Усть-Ижоры по Неве к Ладоге сравнительно небольшие силы — нескольких шнеков с сотней, другой вооруженных людей.

В устье Приладожье в устье Волхова ингры обнаружили небольшую славянскую Любшанскую крепость, знать которой собирала дань с местных племен. Ингры наложили дань на жителей Любши и вскоре наладили с ними меновую торговлю.

После падения урвня Ладожского озера Любшанская крепость оказалась плохо защищенной со стороны реки. В середине VIII в. варяго-ингры на крутом левобережье Волхова от Любши обосновались в староладожском поселении.

---

⁴¹ В этом можно убедиться по портретам коренных ижерян усопших на Усть-Ижорском кладбище при Владимирской церкви — Авт.

Археологические памятники по реке Волхов

Условные обозначения: *a* — укрепленное поселение; *b* — неукрепленное поселение; *v*, *z* — погребальные памятники; *d* — пороги; *e* — Перины; 1 — Горча-Городище; 2 — Любша; 3 — Новые Дубовики; 4 — Городище; 5 — Серебряницы; 6 — Холопий городок; 7 — Мыза Сметанина; 8 — Новгородское (Рюриково) городище

Пороги выше Старой Ладogi делили Волхов на две неравных части — нижнюю, где стояли поселения Любша и Старая Ладoga и было возможно морское судоходство, и верхнюю — где находились славянские земли, многочисленные поселения, плодородные почвы, густые леса.

Практически невероятно, чтобы варяго-ингры волоком перетаскивали свои шнеки через волховские пороги. У них было мало судов, рисковать которыми, углубляясь на славянскую часть Волхова, идя против течения реки, было весьма опасно.

Гораздо проще и эффективней было использование конных варяжских отрядов для освоения Приволховья. А. Л. Шлёцер приводит мнение *Снорро* о городе Алдейборге (Старой Ладoge), стоявшем неподалеку от Ладожского озера, имевшем славную пристань, от него *сухим путем* (т. е. берегом — Авт.) отправлялись в Гольмгард (Новгород). [164, с 273]

Постепенно в течение многих десятилетий варяго-ингры осваивали бассейн Приволховья. По Волхову и в низовьях рек, впадающих в озеро Ильмень, обнаружено не менее 20 укрепленных поселений как опорных пунктов на водных дорогах. Они расположены не равномерно по Волхову, но приурочены к наиболее важным и сложным участкам реки — порогам (гостинопольским и пчевским), раздвоению Волхова на рукава. Поселения стояли на ключевых участках, будучи этапными и контрольными пунктами плавания по реке.

Выйдя к истокам Волхова, варяго-ингры обнаружили близ Ильменя славянскую крепость Городище. В первой трети IX в. Городище перешло под контроль норманнов: «Убеждение в ведущей роли Городища в районе истока Волхова в IX–X вв. опирается на выгоды его топографического положения (первый холм на острове при входе в Волхов из Ильменя при раздвоении реки на рукава, то есть «запирающий» исток реки), хронологию слоев, облик материальной культуры... Это подкрепляется открытием в последние годы на поселении мощных деревоземляных укреплений, возведенных в IX в.». [106, с. 29]

В ареале Приильменя было развито производство продовольственного и кормового зерна. Местные жители разводили коров, свиней, овец и лошадей. Судя по материалам *городища Георгий*, роль ячменя постепенно снижалась, количество выращиваемого проса возрастало, как самостоятельная культура появилась рожь.

Изменение климата Приильменя в конце I тыс. н. э. привело к достаточно жарким летним месяцам, поскольку выращивание проса характерно для областей с жарким и сухим климатом. Просо являлось основной зерновой культурой обитателей Поволховья, включая древнюю Ладogu в IX–X вв. [106, с. 146]

В этом плане вполне вероятно, что славянская колонизация кривичей и словен региона Приильменья была обусловлена улучшением климатических условий для земледельческой деятельности.

Со временем в Приильменье стал складываться товарный рынок. Варяго-ингры в обмен на жито и воск поставляли изделия ремесла, металлы, предметы роскоши, дорогие ткани и утварь. Важнейшим меновым товаром была пушнина.

Раскопки городища Георгий, стоящего близ северо-западного берега Ильменя по реке Вереже, выявили определенную роль охоты в его хозяйстве. Найдены кости лося, бобра, медведя, рыси и белки. Вплотную к поселению примыкали обширные глухие и дремучие леса.

Городище Георгий было единственным укрепленным поселением Приильменья задолго до появления древнего поселения Рюрикова Городища в верховьях Волхова возле Новгорода.

В 1979 г. при раскопках так называемого *Холопьевого городка*, находящегося в 14 км от Ильменя, были случайно обнаружены остатки клада восточных монет, самая ранняя из которых датируется 810–812 гг. [106, с. 148] Значение обнаружения этого клада трудно переоценить, перед нами прямое свидетельство торгово-экономических отношений в верховьях Волхова за полвека до появления здесь «призванных» братьев Рюриковичей.

Это не означает, что в это время норманны торговали с местными словенцами, финнами и балтами за деньги и что здесь по Волхову, как считает Е. Н. Носов, «начиная со второй половины VIII в., проходил один из важнейших участков крупнейшего торгового пути средневековья, связавшего Балтику с исламским Востоком, по которому на север устремлялись потоки серебра». [106, с. 153]

Клад, обнаруженный в Холопьем городке, — единственный на начало IX в., о каких «потоках серебра» по Волхову можно толковать, если местные жители еще двести лет будут лепить свою убогую утварь из глины руками.

Как свидетельствуют «Бертинские анналы» под 839 г., послы шведов, находясь в Германии, утверждали, что не могут вернуться на родину, поскольку путь их «пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов», по сути речь идет о землях европейского северо-запада.

Кому принадлежал клад восточных монет, обнаруженный в Холопьем городке? — судя по всему, богатому торговцу норманну, оседло жившему здесь и решившему часть своих барышей сохранить в виде клада на потом.

Коренным местным жителям в то время деньги были неведомы, даже как украшения подвески.

Холопий городок являл собой небольшое приволховское городище (100×20 м), находящееся на всхолмлении и примыкающее к нему селище. Стратегически Холопий городок контролировал место, где Волхов распадался на рукава.

Археологические находки говорят, что местные жители занимались земледелием. О проживании норманнов в городище свидетельствует найденная часть массивного бронзового ладьевидного браслета, имеющего аналоги в древностях Скандинавии IX в., бронзовый бубенчик, похожий на бубенчик из Бирки.

Е. Н. Носов отмечает совпадение латинского названия **Drelleborch** (буквально — Холопий городок) — пристани как последней остановки перед Новгородом в плавании по Волхову с наименованиями военных лагерей викингов в Дании и Швеции — **Trelleborg**, которые являлись опорными пунктами власти конунгов. [106, с. 152]

Весьма показательны найденные бутылковидные привески, характерные для финно-угров Волго-Окского междуречья, имеющие аналоги из могильников Ярославского Поволжья. [106, с. 151]

Становится очевидным происхождение клада арабских монет в Холопьем городке. Деньги привезли купцы норманнов с верхнего Приволжья, прибывшие в Приладожье и затем на Волхов для торговли, в ходе которой обогащались не только варяго-ингры, но и подвластная им родовая знать местных славянских, балтских и финских племен. Племенная знать быстрее втягивалась в экономику торговли, чем рядовые земледельцы.

P. S. После прихода Рюрика на княжение в земли славян еще долгое время прослеживается деятельность варяго-ингров на невыхских берегах.

В списке варяжской знати, подписавшей мирный договор с Византией от 911 г., есть имя *Ингерд*. [165, с. 205] Весьма вероятно, что это был варяжский конунг из Ингрии.

Можно предположить, что доминирующее положение Олега правителя по отношению к сыну Рюрика Игорю было вызвано не только родовым старшинством Олега, но и кровными факторами. Олег был варяго-русом, а Игорь по матери варяго-ингром.

Варяго-ингры оказали серьезную помощь Ярославу (978–1054) в захвате им великого киевского княжения. Ярослав женился на Ингигерд (в летописях ее звали Ириной), дочери (или сестре) [165, с. 306] шведского (или норвежского) короля Олафа.

Возможно, что Ингигерд была родом из Ингрии. В «Саге об Эймунде» говорится, что Ингегерд имела свой отряд варягов, принявший деятельное участие на стороне Ярослава в его войне с Брячиславом. В начале 20-х гг. XI в. Ярослав подарил Ингигерд город Ладогу.

Норвежский конунг *Олав Харальдссон* (995–1030), будучи поклонником Ингигерд, написал ее лирический портрет в духе поэзии скальдов: «Так случилось однажды, когда конунг Олав был в Гардарики, что княгиня Ингигерд отправилась из страны по своим делам. Посмотрел конунг Олав на ее отъезд и сказал: «Я, красивый, стоял на кургане и смотрел на женщину, как ее нес на себе конь; прекрасноокая женщина лишила меня моей радости; приветливая, проворная женщина вывела своего коня со двора... Властитель в Гардах [Ярослав] связал липу льна [Ингигерд] золотым листом». [36, т. V, с. 62]

С XII в. на стратегически важной территории Ингрии развернулось многовековое соперничество новгородского государства и шведов. Не случайно, что Невская битва в июле 1240 г. произошла именно на землях Ингрии.

В 1348 г. шведский король Магнус, подстрекаемый папским Римом, двинулся крестовым походом на Русь. Магнус захватил земли Ингрии, сделав ее плацдармом для войны с Новгородом. Разгром Магнуса новгородцами и псковичами вернул Ингрию под протекторат новгородского государства.

В XV в. Ингрия, как и вся новгородская Русь, была завоевана Московским царством: «Толпы злодеев⁴² были посланы в пятины-области новгородские губить достояние и жизнь людей без разбора», [48, т. IX, гл. III, с. 709] в живых осталось лишь 6% жителей Водской пятины.

В результате Северной войны (1700–1721) Петр I основал на землях Ингерманландии *герцогство Ижорское*, первым и последним *Ижорским герцогом* был Александр Меншиков.

Если легендарная платоновская Атлантида была поглощена пучиной Атлантики, то материальные следы варяжской Ингрии были смыты руслом Ижоры в Неву за прошедшие 1300 лет. Пойма реки Ижоры в 3–5 раз больше ее русла, и все, что с глубокой древности было построено на ижорских берегах, со временем бесследно исчезло навсегда⁴³.

⁴² *Зондеркоманды* опричников Скуратова лютовали на территории до 250 верст от Новгорода. Грабили все, что можно, остальное уничтожали и жгли, скот и домашних животных убивали вместе с людьми — Авт.

⁴³ Ладога и Городище археологически хорошо сохранились, поскольку стояли на твердом скальном грунте. В обустройстве Ладоги и Городища применялся камень и известняк, а в Ингрии лишь дерево — Авт.

Старая Ладога

Название *Ладога* восходит к финскому **Laatokka**. Финские племена издревле обживали устье Волхова. Окружающие Ладогу небольшие поселения и могильные памятники принадлежали финнам.

По берегам Ладожского озера жили племена приладожской лопи, а выше волховских порогов начинались земли приильменских словен.

Существует ряд мнений по поводу объяснения происхождения названия Ладога. Есть мнение, что название *Ладога* было сначала обозначением озера (финск. **aaldokas** — бурный). По другой версии название города проистекает от гидронима **Aladjogi** — *Нижняя река*⁴⁴.

В вопросе о том, что первично в топониме Ладога — название озера, нижней части реки Волхов или города, к настоящему времени доказано, что сначала возникло название реки, затем города и лишь затем озера. [35, с. 463]

Многолетние археологические работы позволили сделать одно из важнейших исторических открытий наших дней. Методом дендрохронологического анализа деревянных оснований первых строений Ладоги было определено время возникновения поселения — не позже 753 г. В результате точного определения времени основания Ладоги, хронология Нестора обрела достоверную точку отсчета, стройно дополненную последующим несторовским летописанием.

По древнескандинавским сагам, поселение Ладога (**Aldagen, Aldeigjuborg** (borg = крепость)) основали шведы. Анализ домостроительства и топографии Ладоги VIII–X вв. показывает, что первыми поселенцами в Ладоге в начале 750-х гг. действительно были выходцы из Северной Европы, а появление в ней славян надо относить лишь к концу 760-х гг. [35, с. 464]

Скандинавские древности, обнаруженные в археологических слоях Ладоги, свидетельствуют не просто о скандинавах, а именно об их проживании здесь. В древнейшем культурном ладожском слое найден набор кузнечных инструментов в составе производственного комплекса по обработке дерева и металла. К двадцати шести орудиям труда, найденным в этом комплексе, есть абсолютно точные аналоги, найденные в самой Скандинавии. Таким образом, приезжие в поселение мастеровые ремесленники, несомненно, скандинавы, они работали в Старой Ладоге с самого начала ее существования.

⁴⁴ Имеется в виду нижний участок Волхова от порогов до Ладожского озера.

«По хронологии, восстанавливаемой для королевских саг, о Ладоге идет речь только при описании событий, относящихся к эпохе викингов (до середины XI в., до отъезда с Руси Харальда Сигурдарсона). Ладога предстает прежде всего как промежуточный пункт на пути из Швеции в Новгород и обратно». [32, с. 64]

В культурном древнейшем слое практически отсутствуют местные финские артефакты, т. е. староладожское поселение основали скандинавы. Это достоверно подтверждается находками кожаной обуви, гребней и других личных вещей, характерных для жителей Скандинавии. Гребни находят в древнейших слоях, они не были предметами торгового обмена, а представляли собой предметы повседневного пользования взрослых скандинавов обоюбого пола, которыми они часто расчесывали свои длинные волосы. Гребни ценились и даже украшались, но не являлись предметами роскоши.

Напротив Ладоги на правом берегу Волхова в урочище *Плакун* обнаружен курганный комплекс скандинавских захоронений. [94] Это первая в Приладожье группа могильных памятников, которую определенно и надежно можно связать с норманнами. Основанием для этого вывода послужило обнаружение в первых раскопанных курганах остатков сожженных ладей — элемента, безусловно, скандинавской погребальной обрядности.

Насыпей, достоверно содержащих захоронения остатков кремации в ладье, на Плакуне четыре. Все они относятся к курганам, вытянувшимся рядами вдоль берега Волхова.

Археологические данные раскопок показали, что курганы в урочище Плакун не могилы заезжих купцов или воинов-наемников, а кладбище скандинавского происхождения, живших здесь в небольшом поселении людей в IX–X вв.

Группа сохранившихся курганов, не смытых рекой, состоит примерно из 18 погребальных насыпей (из которых 15 исследованы), высотой до 1 м, диаметром 4–20 м, являя собой захоронения незнатных людей. Об этом говорят погребения как мужчин, так и женщин, захороненных вместе и порознь, т. е. речь идет о семьях, живших, судя по найденным артефактам, совсем небогато.

Особенности погребальной обрядности, представленные в курганах на Плакуне, а именно: сожжение в ладьях, погребение в камере, порча и особое расположение оружия подтверждают, что могильники действительно принадлежали скандинавам.

Дендрохронологический анализ спилов с бревен из кургана № 11 говорит, что деревья срублены между 880–900 гг.

Н. И. Костомаров отмечает, что в одной из древнейших скандинавских саг о Святом-Олафе пишется, что король Эрик, сын Эдмунда, в знак своей власти над покоренными им землями оставлял о себе память в высоких островерхих курганах. [61, с. 24] Величина кургана-могильника олицетворяла собой социальный статус захороненного человека, от небольших холмиков бедноты до внушительных насыпных холмов варяжской знати.

В 300 м от курганной группы Плакуна на самом берегу Волхова расположилась солидная сопковидная погребальная насыпь высотой 6 м и диаметром 25×37 м. Раскопки, проведенные Е. Н. Носовым в 1971–73 гг., в частности, открыли погребение воина с богатым сопровождающим инвентарем и двумя конями. Вероятно, он принадлежал к военно-дружинной прослойке населения поселка или был одним из скандинавских викингов, прибывших в Ладогу. Об этом говорят обнаруженные остатки погребальной тризны по умершему, в частности, рога жертвенных животных козлов. Это типичный для Скандинавии обряд жертвоприношений по мифологии заклания богом-громовержцем Тором его козлов с их последующим воскрешением.

Полиэтнический состав населения Ладоги включал в себя основные племенные группы Балтийского региона. Каждый этнически разный район города имел свое кладбище-могильник, в том числе скандинавское (урочище Плакун). Скандинавские языческие могилы содержали в себе сожжения, что практически исключало их антропологическое исследование.

Из раннесредневековых христианских кладбищ в Ладоге исследованы курганы XI–XII вв. и грунтовый могильник на Земляном городище. Единственная серия черепов из древней Ладоги происходит именно с этого кладбища. Этническая принадлежность могильника не поддается определению. Погребения христианские и не содержат вещей. Судя по всему, на кладбище хоронили зажиточных людей. Датировка кладбища установлена археологически: могилы располагались непосредственно над горизонтом городской застройки X в. и были перекрыты сверху слоем строительных остатков XII в.

Собиратель и первый исследователь могильника на земляном городище Старой Ладоги А. Н. Юзефович в 1941 г. отмечал: «При первом знакомстве с костяками XI в. бросились в глаза их нордические особенности, резко отличающие старолadoжскую серию от славянских». Простое сравнение позволило обнаружить «бесспорные аналогии» старолadoжским черепам «в скандинавских и датских сериях ранней поры железного века», что касается славян, то антропологически отмечается их близость к кривичам. [130, с. 81,83]

Дополнительное исследование краниологического и остеологического материала с городского кладбища на Земляном городище, проведенное в 1989–1990 гг., показало, что большинство захороненных взрослых мужчин 25–30 лет высокорослы, в среднем 170,6 см, что характерно для европейцев той эпохи, в то время как средний рост славян тех времен был порядка 166 см. Это единственная на северо-западе краниологическая серия XI–XII вв., которая может быть отнесена к кругу норманнских форм. Могильник, откуда она происходит, является уникальным для своего времени и не имеет аналогов на данной территории.

По мнению известного антрополога Т. И. Алексеевой, черепа с кладбища принадлежали варягам, входившим в IX–XI вв. в состав дружин русских князей. [130, с. 83] Варяжские захоронения датируются последним пребыванием на Руси норманнов. Не позднее XII в. (время постройки на кладбище каменной церкви Климента) захоронения на могильнике прекращаются до XVII в.

В сентябре 1950 г. экспедицией ИИМК АН СССР под руководством В. И. Равдоникаса, производившей раскопки в Старой Ладoge, был обнаружен обломок круглого обтесанного деревянного стержня с нанесенной на нем рунической надписью.

В 1957 г. в «Сообщениях Государственного Эрмитажа», № XI появилась статья лингвистов В. Адмони и Т. Сильман, где делалась попытка расшифровки текста надписи. Авторы этой статьи установили, что знаки являются младшими рунами, т. е. употреблявшимися в Скандинавии в VIII–IX вв. Надпись содержит 52 знака, по числу рун предположительно 48.

В определении рун и в истолковании всей надписи имеется целый ряд затруднений, особенно в связи с тем, что младшие руны многозначны.

Вся надпись распадается на две части с точки зрения возможности ее расшифровки: до и после 25-й руны. Вторая половина надписи более четко обозначена, и поэтому имеется возможность дать ее более или менее обоснованное толкование. Первая же половина надписи не ясна.

В. Адмони и Т. Сильман в своем предварительном сообщении делают попытку толкования только второй половины надписи, приводя одну из гипотез, которую сами авторы вовсе не считают окончательной. По их мнению, вторая часть надписи представляет собой развернутое обращение, имеющее значение магического заклинания, выраженного типической формой эддического стиха. Они читают эту часть надписи так: **fran mana(al) fr (fr)a(n)t fi(m)bul si niblu(n)ka** — *Сверкающий лунный альф, сверкающее чудовище, будь под землей!*

Содержание исследуемой надписи резко отличается от содержания подавляющего большинства других надписей младшими рунами. Обычно такие надписи, сделанные на поминальных камнях, сообщают, кто поставил данный камень в честь усопшего. В данном же случае речь идет об отрывке из литературного произведения.

С этим мнением согласна норвежский рунолог Герд Хёст (Gerd Høst), работающая в университете в Осло, которая ознакомилась с находкой Староладожской надписи. В своей статье «Поразительная находка рунической надписи в России», опубликованной в газете «Афтенпостен» 13 декабря 1957 г., [170] она предлагает расшифровку как первой, так и второй половины надписи: **taufr of varið: tjold Variðs fræninga nágrand: fimbul sé niflunga** — *Шатры Вальрида объаты колдовством. Урожай трупов от копий Нибелунгов будет ужасен.*

Расшифровка Герд Хёст, конечно, не является последним и окончательным словом, но она, несомненно, ближе к истине, особенно ее вторая половина. Однако уже сейчас несомненно одно: мы имеем дело не только с редким археологическим памятником, но и с документом, проливающим новый свет на историю древнескандинавской литературы.

Ладожская руническая надпись наиболее литературная из всех известных надписей, в том числе из двух других литературных надписей, найденных в Швеции — в Рек и Спарлёса (Rök, Sparlösa). Шведские надписи датируются самое позднее началом — серединой IX в. Надпись из Старой Ладogi датируется советскими археологами, по чисто археологическим признакам, VIII — началом IX вв.

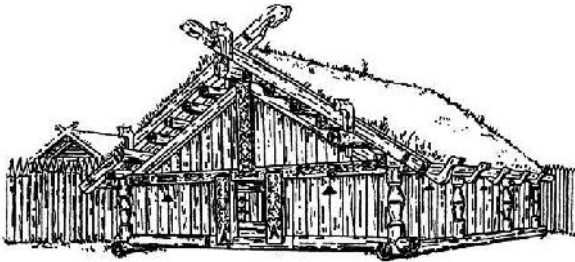
По мнению Герд Хёст, трудно переоценить историческое значение Староладожской надписи в совокупности с двумя ранее найденными шведскими надписями подобного характера. Они дают нам основание думать, что не только древне-западно-скандинавская, но и общая древнескандинавская поэзия несомненно древнее, чем первые походы викингов. «Походы викингов, которые многие буржуазные ученые, особенно в Германии, склонны рассматривать как период, подтолкнувший создание выдающихся литературных произведений в силу якобы самой героики битв и военных подвигов, на самом деле, по-видимому, бесследно похоронил более раннюю, более древнюю и, быть может, более богатую культуру, судить о которой мы можем лишь на основе редких и случайных следов, вроде Староладожской надписи». [4]

Как один из центров торговли в ареале Приладожья, Ладога стала естественным местом полиэтнических контактов финских, балтских и славянских племен с норманнами.

Структура староладожского поселения была достаточно бесплановой, дома стояли там, где людям удобней было жить.

Население на протяжении всей истории Старой Ладоги было сравнительно небольшим, будучи ограничено скудными ресурсами продовольствия сурового северо-запада. В Ладоге отдыхали, готовились к дальнейшему пути по Волхову вглубь словенских земель, занимались товарным ремеслом, ремонтировали суда, хранили товары, вели торги. Люди жило небогато, дворцы, замки и виллы здесь не строились. Если кто и имел деньги, то их предпочитали зарывать в горшках на огородах в виде монетных кладов, на всякий случай до лучших времен.

Первоначально Ладога не имела укреплений, представляя собой небольшое поселение из крепких и основательных строений. Постройки являли собой большие дома-залы площадью 60–80 кв. м, окруженные складами и загонами для скота. Большой дом с одной печью требовал меньше затрат на обогрев, чем несколько хижин полуземлянок. «Народ большую часть зимы проводил в домах. Мужчины, женщины и дети, свободные и рабы собирались вместе в огромном бревенчатом доме, срубленном и покрытом соломой наподобие наших старых казарм. В нем все они сидели каждый за своей работой, покашливая в клубящемся дыму. Зимнее солнце, просачивавшееся сквозь расположенные поверху окна щели, давало мало света». [47, с. 63–64]

Дом в Старой Ладоге

Показательно обнаружение в древней Ладоге стеклодельной мастерской начала IX в., выпускавший весьма качественный товар — бусы, выделанные под серебро и золото. Цветные бусы — высоколиквидный товар раннего средневековья, на который купцы норманнов и арабов выменивали у славян и северных племен — пушнину и моржовую кость, которые с выгодой перепродавали на рынках Бирки, Готланда, Булгарии, Хазарского Каганата и Арабского халифата.

Судя по найденным корабельным доскам и ладейным заклепкам, в Ладоге было налажено производство судовой оснастки для ремонта и, возможно, строительства кораблей. Так, в «Саге об Оркнейцах»

сообщается, что знать норманнов, прибыв из Новгорода в Ладогу, приобрела там себе корабли. [36, т. V, с. 175]

Если финны главным образом занимались охотой и рыболовством, славяне земледелием и домашним скотоводством, то варяги собирали дань с поработанных ими местных племен и вели торговлю в Приладожье. В окрестностях Ладоги найден самый ранний на северо-западе клад арабского серебра датируемый 786 г., клады серебра 808, 847 гг., средиземноморские стеклянные бусы, передневожосточная керамика, балтийский янтарь, фрисландские кувшины и резная кость.

О сухопутном пути между Ладогой и Новгородом сообщает «Сага об Оркнейцах», где говорится, что когда знатные норманны прибыли в Альдейгьюборг (Ладогу), они наняли лошадей и отправились вверх в Хольмгард (Новгород) к конунгу Ярицлейву (новгородскому князю Ярославу). [36, т. V, с. 175–175]

Судоходству в низовьях Волхова мешали пороги. Норманны, пройдя Старую Ладогу, были вынуждены сгружать товары с морских шнеков и по суше обходить волховские пороги. Затем вновь загружать уже на речные лоды и по рекам и озерам доставлять товары в Приильменье.

Пороги на реке Волхов (рисунок А. Оллария, 1634 г.)

Поскольку норманны в военном плане доминировали в Приладожье, то в течение первых 150 лет в Старой Ладоге не было никаких крепостных сооружений, а археологические находки оружия весьма редки. Первые насельники Ладоги обживались на низком берегу реки Ладожки, впоследствии названной Варяжкой, прежде всего из-за удобного доступа к Волхову.

Волок в обход порогов

Ладога была открытым поселением, доступным для тех, кто мог сюда добраться. Ладожский посад не ограждался.

Вероятно, что между изгнанием и призыванием варягов славянские и финские племена пребывали некоторое время в межусобной распри, результатом которой стал тотальный пожар в Ладоге, случившийся около 863–871 гг. «Старая Ладога ни разу более не подвергалась такому разрушению в той мере, в какой это случилось между 863–871 гг. Важно при этом отметить, что город был застроен очень свободно... (жилье) было отделено друг от друга открытыми пространствами... (но, при пожаре) одновременно вспыхнули все постройки». [156, с. 91]

Из семи наиболее ранних списков летописи Нестора в пяти сказа-но, что первоначально Рюрик «сел» в Ладоге. По этой причине сложи-лось мнение, что Ладогу можно считать первой столицей древней Руси. Так, И. Н. Болтин в оглавлении своего труда пишет: «Альдейгобург, древняя Русская столица». [11, II]

Называть Ладогу «столицей» на основании того, что в ней «сede» Рюрик за деревянным забором крепости, неправомерно. По лето-писям Ладога столицей нигде и никогда не называлась. К тому же,

стоящая неподалеку крепость Любша с посадами, возникла веком раньше Ладоги.

По сути, историческим статусом первой «столицы» Руси, т. е. страны, где правили русы норманны, правомернее наделять Белоозеро, где, судя по всему, находилась резиденция **chacanus** народа **Rhos**, откуда явились в Ладогу «призванные» братья Рюриковичи.

По Ипатьевской летописи, Рюрик «срубиша город Ладогу», т. е. поставили в ней деревянную крепость: «И седе старейший в Ладозе Рюрикъ». [78, с. 11] А. Л. Шлёцер замечает, что в те времена ставить или рубить города означало, прежде всего, возводить укрепления, остроги. [164, с. 297]

Ладога стала родовой резиденцией Рюриковичей. Помимо жившего в Ладоге Рюрика, в ней обитали: жена Рюрика, Олег и его жена, дети Олега и Рюрика. По одним преданиям Рюрик в 879 г. скончался в Ладоге, по другим — на своей родине в северном Приладожье в районе Корелы.

Ладога была последним местом, где Олега-правителя видели живым. По летописной легенде, Олег скончался будучи «уклонутый в ногу» змеей и был похоронен в кургане близ Ладоги на берегу Волхова⁴⁵.

На рубеже IX–X вв. Олег-правитель ладожскую деревянную крепость усилил каменной стеной из известняковых плит, высотой около 2,5–2,8 м. Она охватывала собой окружность мыса, образованного слиянием рек Ладожка в Волхов. Плиты стены клались прямо на грунт без всякого фундамента и не скреплялись раствором. Сторожевая прямоугольная башня площадью 2 × 3 м с входом шириной 0,8 м была построена к внутренней стороне стены. [51, с. 23, 29–32]

Обнаруженные в 1972 г. в ходе работы Староладожской археологической экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова, каменные крепостные сооружения в Ладоге относятся к древнейшим. В начале X в. на восточных землях не известно чего-то подобного этим сооружениям.

С военной точки зрения, примитивный «каменный забор» высотой кладки не намного выше поднятых рук взрослого человека отнюдь не являлся надежной защитой от врагов и по этой причине со временем развалился за ненадобностью.

В 997 г. норвежский конунг (ярл) Эйрик напал на Гардарики конунга Вальдамара (князя Владимира): «стал он грабить и убивать людей, и жечь повсюду, где он проходил. Он подошел к Альдейгьюборгу (Ладоге) и осаждал его, пока не взял город, убил там много

---

⁴⁵ «Олегов курган в Старой Ладоге»: иллюстрации, рис. 32

народа и разрушил и сжег всю крепость, а затем воевал во многих местах в Гардарики». [36, т. V, с. 58]

Известное мнение С. М. Соловьева о Киеве времен Аскольда и Дира, как «притона многочисленной сбродной варяжской шайки искателей приключений» [141, т. I, гл. 5, с. 130] в большей степени относится к Ладоге. «Здесь образовалось около 1020 г. своеобразное русско-скандинавское ярлство». [51, с. 40]

Исторически Ладога никогда не была в вассальной зависимости от киевских князей.

В начале 20-х гг. XI в. Ярослав в борьбе за киевский стол решил опираться на династический союз с норманнами. С этой целью он посватался к Ингигерд — дочери объединителя Норвегии *Олава Харальдссона* (†1030). Ингигерд согласилась на брак с Ярославом на условии передачи ей и ее родичу Рёнгвальду Ладоги в ярлство как наследственного владения.

Ярослав пригласил отца Ингигерд Олава в Гардарики (на Русь) и «предложил ему остаться у него и взять там столько земли, сколько ему нужно, чтобы содержать свое войско. Конунг Олав охотно согласился на это и остался там», [36, т. V, с. 111–112, 115–116] пробыв на Руси около года.

При Ярославе ярл Рёнгвальд отвечал за оборону Гардарики с северного направления: «он держал оборону по летам, а зимами был в Хольмгарде (Новгороде). Конунг Ярицвейл (Ярослав) высоко ценил его, а вслед за ним и весь народ». В «Саге об Оркнейцах» сообщается, что Рёнгвальд десять раз вступал в сражения в Хольмгарде в Гардах. [36, т. V, с. 174]

После смерти Рёнгвальда Ладогой правил его первый сын Ульв, а затем второй сын Эйлив. Третьего же сына Рёнгвальда Стейнкиля в 1056 г. вызвали из Ладоги в Швецию, где он был избран королем и стал основателем новой шведской династии.

Ладога была важным центром Приладожья. Норманны этого региона кормились славянским хлебом (житом) шедшим к ним по линии транзитной торговли из Приволховья. Лишь в конце XI в. новгородцы смогли окончательно выдворить норманнских ярлов и конунгов из Ладоги.

После изгнания норманнских ярлов и конунгов, Ладога обретает статус «младшего брата» Новгорода, имея право, при необходимости, на созыв новгородского веча.

В 1114–1116 гг. в Ладоге новгородским посадником Павлом по приказанию князя Мстислава Владимировича ставится каменная крепость, о чем сообщает киевская (1114) и новгородская (1116) летописи.

Ладожская крепость (рисунок А. Оллария, 1634 г.)

В это же время Ладогу посещает летописец, писавший Новгородскую первую летопись. Вероятно, именно в Ладоге летописец, от еще живущих потомков норманнов почерпнул сведения о родословной «призванных» братьев Рюриковичей, о том: «ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ».

Рюрик

В раннем средневековье у многих европейских народов бытовали легенды об удачливых братьях. У сербов три брата основали города; у западных славян братья *Лех*, *Рус* и *Чех* основали народы; у англосаксов братья *Хенгист* и *Хорст* устроили государство. В готландской «Гута-саге» рассказывается о выселении с острова каждого третьего мужчины.

Схожие истории о *братских троицах* на древней Руси излагает и Нестор — на юге страны братья *Кий*, *Щёк* и *Хорив* основали Киев; на северо-западе Рюрик с братьями стал родоначальником княжеской

династии. О предках Рюрика летописи сведений не сохранили, скандинавские генеалогии русских летописцев особо не интересовали.

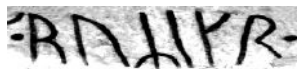
По вымыслам Иоакимовской летописи славяне объявились на землях Руси во главе с князем Вандалом, а князь Боривой, отец новгородского князя Гостомысла, был девятым от Вандала. Гостомысл имел четыре сына и три дочери, сыновья померли не оставив наследников, а от дочери средней, бывшей женой короля Финского, родился сын Рюрик. [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 47, с. 556]

Среди историков бытует множество мнений о Рюрике и его братьях. [122, с. 16–35] Имена Рюрик, Синеус и Трувор явно не славянские. Ф. С. Беэр приводит европейскую выборку сходных имен: «О Рурике V и X Датском короле Саксон Сиаланденский объявляет, онъ у Эрика Короля или Королевского Монаха, в Истории Датской Рориком называется. В расписании жь Рунском Королей Датских от Олая Вормия изданном, Рорек. У норвежцев знатный есть Грорекур или Рорекур. Олай Верилий при конце истории Герравда и Бозы между протчими древняго народа именами от гробовых камней издал Рорикра и Рурика... У Германцев (немцев) было Рутерик и Рогерик брату Рурикову Тревур, Трубарь, Тровур имя было. Между Герцогами Короля Шведского против Гаральда Тилдейнского и Ингварь Труваром проименован... из древней Датской книги — Игерь Труере. Другого брата имени, Синея, еще я между северными народами не нашел. Были ж имена почти бесконечные: и недовольно известно, что сие от Россиян не испорчено ли было. У Саксона Грамматика и у Эрика Короля находится Король Снию, на оное имя похоже. Остались имена Скандинавские также и в потомстве, и в доме Руриковом. Примером тому есть сын Игорьь, как имя его Россияне выговаривают: ибо у Константина Порфирородного есть **Ἰγγωζ** Ингорь, у Лиупранда Тизинского, у Сигеберта Гемблацкого и у Еггерда Урагского Ингерь... в гробовых камнях из карт Ларентия Буря означено Сигвидр и Ингвар... К родству той же фамилии принадлежал и Олег, которого имя на камнях скандинавских есть Алак... Именем Рогволда Псковского Князя, так в книге степенной написано: Рогволд от Варягов владети во Псков пришел. Летописец Российский сей был Князь в Полоцке и заморе, и Полтеском, и Муромом, и Торунью владел». [8, с. 11–13, 20, 22]⁴⁶

⁴⁶ Ф. С. Беэр [8, с. 16–17] проводит мысль, что и первые славянские имена русских князей Святослав и Владимир имеют общеевропейские корни: Святослав как совмещенное имя от норманнского Свен и славянского Слав; а имя Владимир, очевидно, близко к немецкому Вольдемару — Авт.

В кладке стены церкви в Норрсунде (Швеция) был найден рунический камень в скандинавской транскрипции *Hrærek*.

В середине IX в. в Приволховье разразился кризис в отношениях между варягами и местной славянской и финской знатью. Обстоятельства конфликта не известны, но варяги были изгнаны с берегов Волхова. Изгнание варягов из Старой Ладogi и приильменского Городища было не столь сложным делом по причине малочисленности норманнов.

После изгнания варягов местная племенная знать стала делить между собой сферы влияния и жизненные средства не «по правде» и «быша усобица в нихъ». Данные археологии говорят, что действительно в середине 860 гг. как в Ладoge, так и в Городище бушевали пожары.

Характер усобиц летописи рисуют многоплановым образом. В общерусских летописях (Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской, Никоновской) сообщается, что «восстал род на род», т. е. конфликт принял характер межэтнических столкновений. В местных северных летописях (Новгородской, Софийской, Архангелогородской) сообщается, что «восстал город на город», т. е. конфликт носил внутри региональный характер.

Неурядицы парализовали торговлю по Волхову, вдобавок выяснилось, что речные плоскодонные лодьи славян, если их волоком и перетаскать в обход волховских порогов, то они все равно мало пригодны для плавания по бурной Ладoge.

Три года несправедливого дележа и убытки из-за упадка торговли привели к осознанию того обстоятельства, что возврат к прежнему уровню состоятельности финской, словенской и балтской знати без торговли с норманнами невозможен.

Торгово-экономические предпосылки стали решающими причинами появления общеплеменного ладожского «посольства», которое отправилось *за море* к варягам с вестью о том, что земля их «велика и обильна, а наряда (т. е. порядка) въ ней нетъ».

По мнению В. Н. Татищева, из картины *призвания варягов*, данной летописцем, следует, что это были не традиционные норманны, явившиеся с берегов Балтики (Варяжского моря). Наиболее вероятно, что это были *ближние* к славянам варяги, жившие на северо-западе, а Рюрик был сыном Финского Короля. [146, 1769, книга I, часть II, гл. 47, с. 556]

Важно и то, что как пишет летописец, знать приволховья, отправляя посольство *за море*, решила так: «поищемъ сами в собѣ князя» [78,

с. 11] — это классическая (новгородская) политическая формула призвания на княжение. У посольства был выбор, какого рода князя к себе звать и с какой земли. Посольство хотело приискать такого князя, который бы «рядилъ по ряду», т. е. соблюдая оговоренные права тех, кто платил дань. Таким образом, призвание по существу имело договорной характер.

Когда варяго-ингры в VIII в. начали грабежи и насилия на побережье Волхова и в Приильменье, они ни с кем не договаривались. Со временем, грабежи норманнов обрели форму сезонного сбора дани кормления.

В принципе, были возможны два варианта *призвания на княжение*: или звать прежних конунгов рода варяго-ингров, или варягов другого рода.

По мнению историка XVIII в. Г. Леклерка: «Государи варяжские были призваны из Ингрии», [11, с. 57] т. е. через три года были вновь приглашены на княжение те, кто десятилетиями угнетал, поработал и грабил финнов, балтов и славян, что ситуационно, совершенно невероятно.

Историк средневековья С. Гербернштейн считал, что славяне, послали к варягам за море к «части оногo моря, которое между Ингрию и Финляндию обретається». [8, с. 6]

Летописец однозначно указал имя рода призванных варягов как рода Руси: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля». [78, с. 19]

Весьма существенным было и то, что решение о выборе и призвании варягов рода Руси было единодушным: «Выбираем Русь — решили Чудь, Словене, Кривичи и Вель»⁴⁷.

Норманнский род Руси был одним из могущественных. Уже в VI в. встречается известие о Русах. В истории Табаристана говорится, что один из кавказских владетелей, по имени Фаруз наследовал своему отцу Нарси: «во всѣхъ владѣніяхъ Русовъ, Хазаръ и Славянъ» (وبرهه املاك روس وخرر وسفلا ب). [25, с. 79] В «Анналах Сен-Бертена» сообщается, что в 839 г. объявились люди именовавшиеся *росами (Rhos)*. В «Книге стран», написанной около 891 г. арабским путешественником *Ал-Йа'Куби*, упоминается о нападении язычников на арабскую Севилью в 844 г.: «Неверные, именуемые Русью (*el-Rus*), и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли». [36, т. III, с. 38]

Призвание варяго-русов было выгодно племенной знати Приволховья. Если прежние варяго-ингры сезонно наезжали для сбора дани и проживали «вахтовым методом» в поселениях при Ладоге и приильменском Городище, временами обирая подвластные им племена не «по правде», то Рюриковичи рода Руси призывались на постоянное княжение «рядить по праву».

⁴⁷ «Ркоша Русь Чудь, Словене, Кривичи и Вель». [78, с. 11]

В «Анналах Сен-Бертена» сообщается, что россы в 839 г. имели властителя, выступающего под титулом **chacanus** народа **Rhos**. Судя по всему, именно к **chacanus** народа **Rhos**, «к Руси», отправилось в 862 г. «за море» легендарное общеплеменное посольство просить «собе князя». «За море» — на другой северный берег Ладожского озера, где в районе Белоозера, общеплеменного центра веси, вероятней всего, обосновался **chacanus** народа **Rhos**.

Выполняя просьбу посольства, **chacanus** народа **Rhos** определил идти на княжение своим ближайшим по роду братьям. По летописцу, Рюриковичи были братьями, но своих родов, т. е. братьями не кровными.

Вероятно, речь идет о единой фратрии «братского рода». Ф. Энгельс отмечает: «Фратрия встречается еще у Гомера в качестве военной единицы». [89, т. 21, с. 104]

В раннем скандинавском обществе привычным воинским соединением являлось, по сути, все племя. Дальнейшее деление на части принимало форму семьи или клана. Семья являлась основополагающей боевой единицей. В «Старшей Эдде» описываются *Ангантюр* и его сыновья, фактически военный отряд, похороненные в общей могиле после поражения и смерти в бою.

«Некровная лояльность базировалась по большей части на основе явления, называемого «экономикой пожалований», основой которой служили взаимоотношения вожака и его сподвижников. Такие связи часто могли оказаться подняты на самый высокий уровень, становясь более привычным явлением, чем родственные. Фактически подобные тенденции приводили к формированию «искусственных кланов». Другой версией некоего псевдоклана могли служить объединения маргинальной безземельной молодежи, добывавшей себе пропитание разбоем и войной». [162, с. 81]

Нестор сообщает, что вызвались идти на княжение с «родом своим» три «брата» — Рюрик, Синеус и Трувор.

По летописцу, центральным звеном «братской троицы» был старший из них, Рюрик, который обосновался в Старой Ладогге, Трувор в Изборске, а Синеус в Белоозере. При объяснении имен братьев Рюрика — Синеуса и Трувора, их реальность ряд историков считают летописным вымыслом⁴⁸.

---

⁴⁸ Это просто устойчивые шведские словосочетания «*truvar*» («дом», «семья», «хозяйство») и «*sinehus*» («верная дружина»). [14, с. 230] А. Б. Широкоград считал Синеуса и Трувора плодом фантазии летописца: Если считать, что «синеус» (*sine hus* — свой род), а «трувор» (*thru varing* — верная дружина), то это значит, что Рюрик прибыл на княжение со своим родом и верной дружиной, но отнюдь не со своими мифическими братьями, которых, за ненадобностью летописец вскоре умертвил. [163, гл. 1]

Братья Рюриковичи

Сообщение летописца о призвании на княжение Рюрика, Синеуса и Трувора рисует весьма противоречивую картину. По этнонимам, имена Рюрик и Трувор явно отличны от имени Синеус. Если резиденция **chacanus** народа **Rhos** находилась в районе Белоозера, то получается, что Синеус, по сути, никуда не отбывал на княжение, он остался там, где и жил.

Имя Синеус прямо соотносится с этнонимами норманнского рода *Руси* и финской белозерской *Веси*. Синеус упоминается летописцем как властитель Белоозера, на его легендарной могиле высится огромный насыпной курган, чего не скажешь о неизвестной могиле Рюрика и парадоксальном «христианском захоронении» близ Изборска в XV–XVI вв. язычника Трувора.

По обычаям норманнов, чем знатней был усопший, тем выше насыпался над ним могильный курган. В этом плане, в смысле почестей усопшему вождю, Синеус был старшим в роде Руси по отношению к Рюрику и Трувору. Есть вполне резонные основания считать именно Синеуса **chacanus** народа **Rhos**.

Когда легендарное общеплеменное посольство прибыло в Белоозера к Синеусу просить «собе князя», он отрядил двух своих нижестоящих *братьев* Рюрика и Трувора. Прибыв в Приволховье, они встали на княжение в двух важнейших поселениях — Рюрик в Ладоге, а Трувор в Изборске (точнее в Пскове), очертив тем самым реальные границы княжения норманнов, исторически сложившихся еще во времена варяго-ингров.

В Старой Ладогe времен Рюрика обнаружены несколько внушительных домов, возможно, в них проживали норманны. Ибн-Фадлан описывает сходные обширные рубленые дома-общежития росов в Приволжье. [54, с. 79]

Рюрик «седе» в Ладогe, помятуя недавние события изгнания варяго-ингров на всякий случай срубил деревянную крепость-резиденцию. Комментируя это обстоятельство, С. М. Соловьев пишет: «Почему Рюрик избрал Ладогу, а не Новгород, объяснение найти нетрудно: положение Ладоги относительно близости моря важнее положения Новгорода... Рюрику нужно было удержаться при непосредственном сообщении с заморьем в случае, если бы дело его пошло не так успешно в новой стране... В некоторых известиях сказано, что князья боялись сначала суровости призывающих племен». [141, т. I, гл. 4, с. 122]

В действительности, Рюрик мог обосноваться только в Ладогe, Новгорода как города в это время не было. Древнейшая новгородская мостовая настлана через сто лет в 953 г.

Пребывание Рюрика с дружиной за ладожским крепостным забором доставляло трудности из-за периферийного положения Ладоги. Центром Приволховья было приильменьское Городище. Но переселяться в Городище Рюрик не решался по немногочисленности своей дружины, числа воинов которой хватало лишь для поддержания порядка в Ладогe и ее окрестностях.

О численности варяжских дружин можно судить по древнескандинавским сагам. В одной из них сообщается, что знатный конунг *Торольв* (ок. 858–928) «зимой поехал в горы, взяв с собой большую дружину — не меньше 90 человек... Когда Торольв приехал на восток в страну квенон и встретился с конунгом *Фаравидом*, они стали собираться в поход. У Фаравида было тридцать дюжин своих воинов, а норвежцев было десять дюжин». [36, т. V, с. 205–206] Дружина конунга *Олава Святого* (1015–1030) состояла из 60 дружинников (**hirdmenn**), 30 купцов (**gestir**), и 30 слуг (**húskarlar**). [144, с. 196]

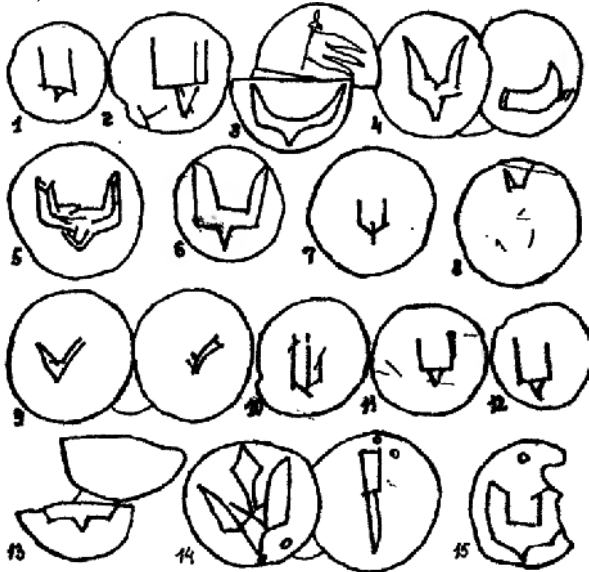
Положение Рюрика в Ладогe было не простым. С одной стороны, с Волхова нависала масса этнически сплоченных племен финнов, балтов и славян, с другой — на невско-ижорских берегах затаились изгнанные варяго-ингры, вынашивающие планы восстановления своего утраченного господства.

В сложившихся условиях Рюрик принимает решение, коренным образом изменившее политическую ситуацию: имеется в виду его брак с *Ефандой* — дочерью урманского (варяжского) князя. Вероятно, что речь идет о князе Ингрии, ведь сына Рюрика называли Игорем.

Игорь — от древнескандинавского Ингварр — «тот, которого хранит бог богатства, изобилия Ингвио»⁴⁹.

В. Н. Татищев сообщает, что первокнязь Рюрик *Ефанде*, по случаю рождения Игоря (Ингоря): «даде ей обещанный град с Ижорою в вено (в подарок)», [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 34] а наименование *Ингрия* есть производное понятие от имени князя Ингоря Старого и Ингегерды [146, 1769, кн. I, часть II, гл. 17, с. 242] — жены великого князя Ярослава.

Наличие возникшего династического родства русов и ингров несомненно. Имя Рюрик лингвистически многообразно: Рюрик, Рорик, Рерик, Рурик... Тотемный символ-герб рода русов был сокол (*рерик*) — стремительная птица хищник. Известен и другой герб Рюриковичей — двузубец, как знак их князьего властвования до середины X в. Двузубец можно понимать как символ единства двух в одном — русов и ингров, единства, адекватно выражаемом общим именем Рурик (Русь-Ингрия).

Знаки Рюриковичей на восточных монетах⁵⁰

⁴⁹ «Игорь, как имя его Россияне выговаривают: ибо у Константина Порфирородного есть $\Gamma\upsilon\omega\zeta$ Ингорь, у Лиупранда Тизинского, у Сигеберта Гемблацкого и у Еггерда Урагского Ингерь... в гробовых камнях из карт Ларентия Буряя означено Сигвидр и Ингвар... К родству той же фамилии принадлежал и Олег» [8, с. 20, 22].

⁵⁰ [90, с. 48].

Семейное родство русов и ингров обеспечивало Рюрику надежный тыл и новые дружинные подкрепления, что дало ему возможность из Ладоги перебраться в центр словенских земель — в приильменское Городище: «и пришедь къ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ». [78, с. 11]

Речь идет не о том, что Новгород основал Рюрик, ведь Новгород как город возник век спустя, а о том, что Рюрик срубил *Новый град* (по скандинавски **Negardr**) над Волховом, т. е. поставил крепость в Городище близ Ильменя.

Прокормить и обслужить интересы массы вооруженных людей, постоянно живущих в Городище с семьями, было отнюдь не просто. Рюрик обратил внимание на близлежащее от Городища древнее новгородское *селище* славян и финнов.

В то время, как говорят археологические находки плугов с железными зубьями, пригодными для обработки земли недавно очищенной от леса, местное население само обеспечивало себя продовольствием.

Рюрик наложил дань кормления на новгородское селище, что вызвало недовольство части местной знати: «Того же лета (863) оскорбися Новгородци глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его». Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иных многихъ изби Новгородцевъ съвѣтников его». [77, 1862, т. IX, с. 9]

Древнерусский глагол *вадить* означает сеять *смуту*, т. е. имя Вадима характеризует собой новгородского *смутьяна* против «законной» власти Рюрика.

С явлением на княжение Рюрика складывается новая социально-классовая организация общества. На смену старой патриархально родовой власти племенных союзов приходит военно-дружинная власть, служащая интересам норманнских вождей. При этом коренным образом изменилась сама дружинная организация: «Примитивная форма дружины — это организация военных отрядов для одного похода; у германцев она описана Цезарем и продолжала существовать у викингов. Такая дружина соответствовала прежде всего обществу, в котором еще не сформировались или только начинали складываться классы, и была зафиксирована у славян Тацитом в известии о венедах. Такого типа временные союзы не обременяли вождей содержанием дружинников и не приводили к значительному имущественному расслоению. Настоящая развитая дружина была отрядом, остающимся под крышей и на содержании вождя; ее начало падает на время усиливающейся военной деятельности, которая была характерна именно для периода становления государственности, когда дружина благодаря грабительским походам стала

важным средством добывания богатств. Такой тип дружины хорошо известен и германскому, и славянскому обществу». [83, с. 47–48]

Для большей части знати местных племен, по образному выражению Н. М. Карамзина, вскоре стала ясна *выгода правления норманнского* [48, т. I, гл. IV, с. 41] — т. е. правление по закону и разворачивание норманнами прибыльной торговли, в сферу которой постепенно вовлекалось местное население.

Укрепившись в Городище, Рюрик стал вводить *новый порядок* на подвластной ему земле: «призванные князья начали воевать всюду». [141, т. I, гл. 5, с. 128] Возможно, что в ходе боевых столкновений с жителями Изборска, погиб «брат» Рюрика — Трувор.

Война по всей земле

Вскоре скончался другой «брат» Рюрика — Синеус, **chacanus** народа **Rhos**. Если судить по его легендарной могиле — огромному насыпному кургану, он умер естественной смертью и был погребен с большими почестями.

Титул властителя **chacanus**, как старшему в роде русов (**Rhos**), перешел по родовому праву к Рюрику, обосновавшемуся в приильменском Городище. К Рюрику на услужение пришли норманны других родов, в частности, конунги *Аскольд* и *Дир*.

За время правления 862–879 гг. Рюрик расширил свои владения: «князю и раздавая мужемъ своимъ волости, и города рубати, овому Польшескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницѣ Варязи; пѣрвии населници в Новѣгородѣ Словенѣ, и в Полотьскѣ Кривичи, Ростовѣ Меряне, на Бѣлѣозерѣ Веси, Муромѣ Муромы, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ». [78, с. 11]

В сообщении летописца по сути содержатся основания экономических причин экспансии норманнов русов в Приладожье. Не имея преимущественного доступа к северным источникам пушнины, которая в массе своей шла в Приволжье, Бирку и Готланд, Рюрик отправил мужей в волости (земли) восточного Приладожья, в глухие муромские и ростовские леса, для сбора дани пушниной с местных племен Меря.

Важнейшими племенными центрами меря были Муром и Ростов. Древний Муром находился на нижнем течении Оки и, судя по большому количеству найденных возле него кладов с арабским серебром, активно участвовал в торговле, а найденный франкский меч и черепаховидная фибула указывают на присутствие в этих местах норманнов в X в., если не раньше. [156, с. 66]

Ростова как города во времена Рюрика не было, но неподалеку располагался племенной центр Меря, известный как *Сарское городище*. Вероятно, что именно сюда был послан наместник Рюрика для сбора дани пушниной: «доступность мехов, например, от Северной Двины, и арабского серебра с Прикаспия, привлекала скандинавов в Сарское городище». [156, с. 45]

В Полоцке сын наместника Рюрика получил норманнское имя Рогволд, его дочь Рогнеда, сыграла роковую роль в братоубийственной войне новгородского князя Владимира и киевского Ярополка.

Сообщение Нестора о власти норманнов в древнерусских протогородах находит свое подтверждение в скандинавских сагах. Так в «Саге об Одде Стреле» (ок. середины XIII в.) сообщается, что норманнские конунги управляли в Гардарики (Руси) городами — Морамаром (Муромом), Радствовам (Ростовом), Сурсдалем (Суздадем), Хольмгардом (Новгородом), Палтескью-боргом (Полоцком), Кэнугардами (Киевом). [36, т. V, с. 263–264]

Упоминание летописцем о вхождении Полоцка во властный ареал Рюрика имеет важное значение. Рюрик стал контролировать обширный регион от Верхневолжья (Муром и Ростов) до Прионежья (Белозеро), Приладожья (Ладoga), Приильменья, Причудья (Псков, Изборск) и западного Подвинья (Полоцк) по огромной — 1500 км — дуге с северо-востока на запад. При Рюрике возник новый торговый путь от Севера в Европу (Прионежье-Ладoga-Волхов-Ильмень-Ловать-Двина).

Центральное место на этом торговом пути занимало новгородское селище, превращающееся во все более многолюдный город-посад. Новгород развивался как полиэтничный центр близлежащих племен, вовлеченных в орбиту торговой деятельности — кривичей, балтов, чуди, словен, финнов, меря, веси.

Выход норманнских купцов на европейские рынки во времена Рюрика придал мощный импульс экономическому развитию региона Приильменья. Об уровне прибыльности торговли в то время можно судить по дани, которую оставил за собой ушедший на киевское княжение сородич Рюрика — Олег-правитель: один Новгород ежегодно платил Киеву 300 гривен. [78, с. 23] «География находок различных типов стеклянных бус, свидетельствует о существовании единого торгового пространства, охватывающего Старую Ладогу и другие северные рынки с районом среднего и нижнего течения Дуная». [156, с. 136]

Помимо налаживания торговли с Европой, Рюрик направил к Поднепровью двух своих мужей «бояр» — Аскольда и Дира, испроотившихся идти «къ Царюграду с родомъ своимъ».

Поход Аскольда и Дира, вероятно из Изборска, к смоленским верховьям Днепра не вызывал затруднений. Не случайно, что в древнейшем скандинавском географическом сочинении «Описание Земли I» приводятся названия четырех главных городов Руси: Киева, Новгорода, Полоцка и Смоленска. [35, с. 443]

По Н. М. Карамзину, главным результатом княжения Рюрика стало «твердое присоединение некоторых финских племен к народу славянскому в России, так что весь, меря, мурома, наконец, обратились в славян, приняв их обычаи, язык и веру». [48, т. I, гл. IV, с. 45] С этим мнением Н. М. Карамзина, превратно рисуя картину межэтнических взаимоотношений северо-западных племен тех лет, согласиться нельзя.

Рюрик не присоединял племена друг к другу, как коренные племена жили на своих местах до прихода Рюрика на княжение, так и остались жить там же после его кончины. Первоначально новгородские словене по своей малочисленности не могли колонизировать окружающие их коренные племена, тем более заставлять принимать их свой язык и свою языческую веру.

Во времена Рюрика из-за малочисленности населения европейского северо-запада межплеменная колонизация по существу была не возможна, рождая не колонизацию, а межплеменную ассимиляцию, как это наблюдалось в древнейших поселениях селищах приволховья — любшанском, ладожском, новгородском, где складывалась единство этнически разных посадов (концов) селищ в целостную общность городищ.

По современным данным антропологии, несмотря на две волны славянской колонизации новгородского северо-запада — славян кривичей в VII–VIII вв. и словен-ободритов в IX–X вв., «собственно славянский компонент фактически «затонул» на Новгородской земле»,

[131, с. 9] образовав единство с местными коренными финскими племенами, а по граничным землям с племенами балтов и карел.

Что касается религиозных взаимоотношений языческих племен тех лет, то в регионе северо-запада известные славянские святилища немногочисленны, в сравнении с западными и южными славянами. Это, в частности, объясняется сложной полиэтнической ситуацией европейского северо-запада, где не было племенного доминирования одних народностей над другими.

Отсутствие племенного доминирования на северо-западе привело к формированию культа этнического единства языческого многобожия. Центральное языческое святилище Перынь, близ древнего новгородского селища, было местом религиозного поклонения для всех живущих здесь племен славян, словен, финнов и балтов. Характерно и то, что язычники норманны, живущие рядом в Городище, весьма охотно приобщились к культу верховного бога Перуна.

О единой межплеменной культуре в северо-западном регионе говорят многие факты: финские истоки летописных волхвов, летописное известие 1071 г. о «кудеснике в Чюди», использование славяноязычным населением Новгорода и Новгородской земли финских мотивов в женском наборе украшений... Выявленная «большая постройка» на территории Старой Ладogi, очевидно, демонстрирует смешение этнических традиций при строительстве культового сооружения. [133]

Несомненен процесс ассимиляции пришлых норманнов в местную этническую среду обитания. Так, в Нормандии большинство вновь прибывших норманнов восприняло религию и язык французов уже к середине X в. В Англии поселенцы вскоре также приняли христианство, и после очень немногого отличало их от англичан, не считая языка.

Об ассимиляции варяго-руси со славянами говорит то, что варяжская дружина сродника Рюрика князя Олега клялась уже не скандинавскими богами Тором и Одинom, но славянскими богами Перуном и Велесом. Если два первых поколения варяжских князей носили скандинавские имена Рюрик (Hrorekr), Олег (Helgi), Игорь (Ingvarr), то последующие — уже славянские: Святослав, Владимир, Ярослав...

В середине IX в. арабский географ *ибн Хардабех* (ок. 812–920) отмечал: «Что же касается купцовъ Русскихъ — они же суть племя изъ Славянь». [25, с. 49]

В политическом отношении ассимиляционным процессам новгородцев с пришлой *варяго-русью* способствовали сходные институты родового самоуправления, наличие института военных вождей, межродовой братчины.

Судя по сообщениям древнескандинавских саг, в походах норманнов участвовала главным образом неженатая молодежь. Языческий институт многоженства содействовал тому, что явившись *из-за моря*, варяго-россы, обустроиваясь на новых местах, приводили в свои семьи местных жен⁵¹.

Ассимиляция варяжских переселенцев *рода руси* с местным населением со временем привела к появлению новой этнической общности *славянских варяго-россов*. На это кровное обстоятельство прямо указывает летописец: «Новгородъци отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣни». [78, с. 11] По мнению Г. Ф. Миллера: «некоторая часть Россиян произошла от Варягов, которая хотя и не столь многочисленна, чтоб с происшедшею от Славян могла сравниться; однако и не так мала, чтоб вовсе об оной умолчать». [123, с. 81]

Фактор малочисленности норманнов в этнически отличной от них среде компенсировался длительностью их присутствия на северо-западе Руси на протяжении IX–XI вв.

По данным Чепурковского, относительно населения Приильменя, как и областей по Белоозеру и Шексне, антропологический этнотип населения (длинноголовые, рослые, светлоглазые) говорит о кровных связях древних новгородцев с балтийскими народами с признаками «тевтонской расы». [22, с. 18, 20] По новейшим исследованиям, древние новгородцы антропологически ближе к балтам, чем славянам ободритам. [130, с. 51]

Древний новгородец (деревянная скульптура XII в.)⁵²

⁵¹ Приложение: «Особенности этнических общностей славян и варяго-россов в Древней Руси IX–X вв.».

⁵² [116, с. 241].

Особенностями *варяго-росса* были нордический, мужественный вид и особая стать, богатырская удаль, смелость и отвага, нашедшие свое воплощение в новгородском былинном эпосе, в сказаниях о *Садко* и *Василии Буслаеве*.

Арабский ученый *аль-Марвази* в начале XII в. писал о русах (**ар-русийа**) Приильменя: «Они — люди сильные, могучие... отправляются пешими к отдаленным местам для разбоя, и идут также на кораблях в Хазарское море». [36, т. III, с. 61]

Р. S. Для полноты исторической картины событий тех лет, связанных с легендарным призванием Рюриковичей, можно рассмотреть эти события в плане особенностей мировоззрения самого летописца.

Нестор жил в начале XII в. в эпоху распада киевской Руси на удельные княжения, когда количество князей желающих с помощью вооруженной наемной дружины ходить за данью, т. е. грабить сельских тружеников, превысило по их хаотическому размножению все разумные пределы.

В это время князей «призывали» не только *из-за моря*, но и из дальних дремучих лесов и даже с другого берега реки, впрочем, и выгоняли их в том же направлении, не столько подневольные им люди, сколько их другие княжеские конкуренты. В княжеских усобицах людей калечили, ослепляли, резали и убивали совершенно зверским образом.

Историческое мировоззрение Нестора не выходило из реалий своего времени, поэтому, рассуждая о событиях становления княжеской власти на Руси, летописец описал их в понятиях того, что видел вокруг себя — это когда князья брали дань несправедную, т. е. грабили все и всех подряд, а иногда приходили те, кто брал дань в разумных пределах, т. е. оставляя что-то людям на *жито*, при этом навсегда закабалия их *полюдьем*.

Еще одна особенность «призвания» связана с эпохой перехода от родового строя к раннефеодальному. Местную родовую знать, существовавшую с древнейших времен, не «призывали», по летописцу, «призвали» пришлых конунгов норманнов.

Коренная разница между славянской знатью и знатью пришлых варяжских порабитителей весьма характерно показана летописцем в эпизоде явления посольства древлян к княгине Ольге. Древляне объяснили Ольге причину убийства ее мужа князя Игоря, который как волк расхищал и грабил, в то время как *наши* древлянские «князи добри суть, иже распасли (распахали) суть Деревьску землю». [79, с. 54]

Политическая формула: «Идите княжить и владеть нами» — не новгородского, а сугубо киевского происхождения, вставленная, судя

по всему, Сильвестром (†1123), переписчиком Нестора, по впечатлениям современности.

Сильвестр рассуждения Нестора *о призвании на княжение Рюрика* уподобил призванию на княжение в Киев Владимира Мономаха. Известно, что после смерти Святополка, несколько раз был зван на киевское княжение Мономах. «Спаси нас от бед» — обращались к нему послы от жителей Киева. Когда Мономах согласился, «народ изъявил необычайную радость... видя князя великодушного на главном престоле российском». [48, т. II, гл. VII, с. 131]

Новгород, Изборск, Псков времен Рюрика

Раскопки, проведенные В. С. Передольским, на небольшом волховском острове Коломцы, недалеко от Новгорода, открыли жилища неолитических поселений, явив множество археологических находок.

Новгород относительно Старой Ладоги занимал срединное географическое положение, находясь в глубине славянских земель, в отдалении от студеных ладожских ветров, отличаясь более мягким климатом. По причине удобного положения на берегу Волхова, новгородское селище издревле стало местом поселения местных племен.

Возникший среди болот, на реке с пологими берегами, под дождливым небом севера, Новгород существовал на влажной почве, идеально сохраняющей органические вещества. Предметы из дерева, кости, войлока, кожи, коры, ткани сохраняются в его культурном слое без искажения их первоначальной формы. Металлические предметы покрываются лишь тонкой пленкой коррозии, сохраняющей их от дальнейшего разрушения. Это значит, что интересующие археологию остатки жизнедеятельности не исчезают, а открываются в ходе раскопок.

Что касается хронологии древностей, то прекрасная сохранность древесины, на базе применения метода дендрохронологии, дала возможность определять время новгородских построек и мостовых с точностью до одного года.

В летописях Новгород упоминается впервые под 859 г., это упоминание содержится в сравнительно позднем Никоновском своде, сочинители которого сообщили, что в этом году среди древних новгородцев объявились первые русские князья — Рюрик, Синеус и Трувор: «Поидоша изъ Нѣмечь три брата со всѣмъ родомъ своимъ». [77, с. 9]

Раскопки в Новгороде пока не раскрыли конкретной картины возникновения города. Под 953-м г. датируется самая древняя из построек, исследованная археологами. Самые ранние новгородские деревянные мостовые относятся к середине X в. В очень тонком (30 см) культурном слое под деревянными мостовыми найдены предметы, которые можно отнести к VIII в. [168, с. 32–61]

Археологические наблюдения, данные геологического бурения и письменные свидетельства позволили предположить, что Новгороду предшествовали три разноплеменных селища — Славянский, Людский и Неревский концы, возможно, бывшие племенными центрами словен, кривичей, чуди и меря.

Если кривичи, а затем словене, обосновались в Приильменье в ходе миграции, то *чудь* служит общим этнонимом обозначающим местные коренные финские племена. Еще Г. С. Байер отметил, что повсеместно в России «слово Чудь означает неизвестных старинных тамошних жителей. Если спросишь у обывателей: от кого остались какие-нибудь развалины? То они отвечают: не от Русских, а от Чуди, которая давно уже здесь жила, так что и памяти нет». [164, с. 64]

Топография этнически районированных селищ (концов) древнего новгородского поселения исторически соответствует миграционной картине заселения этих мест. Славяне, мигрируя с юго-запада, заселяли правобережье Волхова. На его северо-восточном правобережье селились финские племена меря, а с северо-запада — финская чуда.

Началом Новгорода послужило объединение этнически районированных селищ в общегородское объединение. В этом коренная особенность города — Новгород по мере своего роста не распался на концы, а образовался из этих концов. Согласно М. Фасмеру, название *Новгород* «сохраняет память о тех временах, когда данная территория была еще новой, неосвоенной». [96, с. 123]

Исследованиями, проведенными в самое последнее время, доказано, что внешний вал Новгорода сооружен лишь в конце XIV в. В более

раннее время городской посад защищался лишь временными частокотами, спешно строившимися в момент опасности.

К основанию Новгорода норманны не имеют отношения. Варяжские конунги, опасаясь местного населения, в древнерусских городах, как правило, не жили, свои укрепленные лагеря они ставили в 10–15 км от них.

Не жили варяги и в Новгороде, количество обнаруженных в городе варяжских артефактов, относящихся к IX–X вв. ничтожно. Говоря о скандинавах в Новгороде, «письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках и опальных знатных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях, для которых город был только временным пристанищем в поисках удачи, богатств или княжеской защиты». [106, с. 29] В Новгороде нет топонимов, связанных с варягами, в то время как в Ладого, куда был призван Рюрик, есть Варяжская улица и речка Варяжка, впадающая в Волхов под стенами крепости.

У шведов Новгород совместно с Городищем выступает под именем **Holmgardr** (город-остров) в качестве столицы (центра) Гардарики, Гардов (Руси). Известно и другое древнее скандинавское название новгородской земли — *Хольмгардарики*. [36, т. V, с. 277]

Стремясь обосновать «исконный» характер присутствия норманнов на новгородской земле, скандинавские саги заполонили сказочные вымыслы о Новгороде (Хольмгарде), который выступает в весьма обобщенном виде в качестве столицы *Гардарики* (Руси), где находятся «главный стол Конунга гардов», специально построенные палаты для княгини *Ингигерд*, палаты для варягов, нанимающихся на службу к конунгу Ярославу, где имеется торговая площадь и церковь св. Олава. «Почти все события, происходящие на Руси, связываются в сагах с Новгородом: здесь сидят все русские князья (сочетание «конунг Хольмгарда» становится стереотипной формулой), сюда приходят скандинавы искать прибежища или наниматься на службу, отсюда отправляются к себе на родину или плывут в Иерусалим, сюда приезжают и скандинавские купцы». [32, с. 63]

Адам Бременский также называет Новгород **Ostrogard**, т. е. *Островград*. [83, с. 199] Вокруг Новгорода было много естественных водоемов: рек, озер и болот, что делало город похожим на остров посреди воды.

Славенский конец (Славно) в летописях носит и иное название — Холм. Этот топоним связан с особенностями первоначального рельефа правобережной части Новгорода, ныне плоской, но в древности возвышенной. Очертания древнего холма на Славне, покрытого теперь культурными напластованиями, хорошо прослеживаются по данным геологического бурения.

Независимо от древнескандинавских легенд о Гольмгарде, с начала X в. в арабо-персидской литературе отдельные сообщения о русах сменяются пространным рассказом о русах, живущих на острове, а также о взаимоотношениях русов со славянами. Рассказ об «острове русов» был весьма популярен, его можно встретить у арабо-персидских авторов X–XVII вв.

Первым рассказ об *острове русов* сообщает «В книге драгоценных камней» арабский ученый *Ибн Русте* (конец IX — начало X вв.): «Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером (озеро Ильмень — Авт.). Остров, на котором они живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан⁵³ русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булгар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]. У них много городов, и живут они привольно... Они храбры и мужественны... Они высокого роста, статные и смелые при набегах». [36, т. III, с. 47–49]

По словам *Ибн Русте*, русы, хотя и разделены на несколько племен, но по отношению к внешним врагам выступают единодушно. Между собой же они мало доверяют друг другу и не расстаются с оружием. То, что норманны русы не расстаются с оружием, дословно подтверждает и другой арабский источник — *Ибн-Фадлан*, касаясь колонии русов в Верхнем Приволжье⁵⁴.

Арабский ученый *ал-Макдиси* в своем труде, написанном около 966 г., сообщает важную подробность «о сыром острове русов, окруженном озером... там стояла крепость, защищающая их от врагов». [36, т. III, с. 51] Ясно, что речь идет о норманнах, обосновавшихся в Приильменском Городище.

В отличие от *Ибн Русте*, персидский историк XI в. *Гардизи* утверждает, что остров русов окружен не озером, а морем. Несложно понять,

---

⁵³ Носит титул «khāgān gūs».

⁵⁴ Приложение: «Особенности этнических общностей славян и варяго-росов в Древней Руси IX–X вв.».

что речь идет о Балтийском море на западе и Ладожском озере на востоке, до которых от Новгорода по тем временам было три дня пути. Гардизи, как и ал-Макдиси, приводят численность населения острова (Новгородской земли — Авт.) — 100 тыс. человек, сообщая, что правитель острова получает десятину с торговых операций. [36, т. III, с. 58–59]

В конце XI — начале XII вв. материалы Ибн Русте — Гардизи использовал арабский ученый *ал-Марвази*. Он сначала говорит, что русы живут на острове в море, а через несколько строк пишет о том, что остров был окружен озером. [36, т. III, с. 60]

В отличие от новгородской земли, как острова среди болот, Изборско-Мальская долина — уникальное место. Она образовалась вследствие движения ледника, здесь до сих пор растут папоротники ледникового периода. В этих местах проходит граница южной тайги и широколиственных лесов, что является редким фактором флоры и фауны. Эта безусловно экологически чистая территория издревле заселялась людьми.

На дне Изборско-Мальской долины находятся озера — Городищенское и Мальское, связанные системой рек и озер с находящемся неподалеку Псковским озером. По этому пути, вероятно, и прибыл в 862 г. в Изборск легендарный брат Рюрика Трувор.

Изборская земля — этническая родина финской народности сето, в наши дни она проживает на территории южной Эстонии и в Печорском районе. Вероятно, что южные финны сето были первыми насельниками древнейшего изборского селища.

По данным археологии, в конце VI в. начинается передвижение части славян кривичей из Верхнего Поднепровья на северо-запад, так славяне появились на изборской земле. В Изборском крае до сих пор стоят длинные курганы-могильники, типичные для славян кривичей.

Известно «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске», вошедшее в ряд поздних летописей второй половины XVII в., авторство которого приписывается митрополиту Киприану.

По *Сказанию* Изборск основан Словеном — сыном князя Скифа, давшим ему имя Словенск, которое затем перешло будущему Новгороду, также основанному Словеном. Название Словенска было изменено потом в честь внука Словена — Избора⁵⁵, сына князя Вандала. Князь Словен дал начало племени словен (или славян), живших во второй половине первого тысячелетия в бассейне озера Ильмень

⁵⁵ По мнению В. Н. Татищева город Изборск назван (связан) с именем князя Избора [146, 1768, книга I, часть I, гл. 4, с. 32].

и верхнего течения Мологи, и составлявших основную массу населения Новгородской земли. Одного из братьев Вандава звали Волхов, другого — Волховец. Сестру Словена — Илмера. Имя же брата (или друга) князя Словена — Руса прочно закрепилось в названии племен словен — Русы или Русские. Русом был основан город Старая Русса.

Сказание, вернее *сказка*, Киприана на славянскую тему — очевидная профанация истории славянского мира, подтверждение тому — утверждение Киприана, что Изборск основан Словеном в 2409 г. до н. э. (!). К сожалению, измышления Киприана были восприняты всерьез многими русскими историками, в частности, М. В. Ломоносовым и В. Н. Татищевым.

Изборск возник в регионе, где, начиная с VI в., наблюдалась концентрация как пришлого, так и местного населения, и занял в нем центральное положение. Археологи относят появление древнего изборского городища к VIII–IX вв. Вокруг него расположились более мелкие городища. Память о глубокой славянской древности изборской земли хранят характерные названия: «Славянское поле» и легендарные «Славянские ключи», бьющие прямо из скал, являющие собой природное зрелище сказочной красоты⁵⁶. В первой псковской летописи Изборск именуется Славянском.

Центром изборского городища является высокий мыс, главенствующий над обширной котловиной. С трех сторон он хорошо защищен самой природой: с восточной стороны — Городищенским озером, с северной и западной — глубоким, крутым оврагом. С южной стороны, не имеющей естественных преград, появились искусственные укрепления — два вала, сооруженные из плотной глины с мелкими камнями, — дугообразным с напольной стороны и небольшим в мысовой части городища. За укреплениями располагались, кучно и бессистемно, жилые постройки — дома с деревянными полами и печами в углу, а в самом центре на естественном плитняковом выступе — площадка около 25 м, предназначенная, возможно, для культовых обрядов. Общая площадь городища имеет подтреугольные очертания размерами около 9600 кв. м.

С городища открывается редкая по красоте панорама⁵⁷ с широкой, далеко уходящей на север Изборской котловиной. На запад и северо-запад от городища, за оврагом, простирается Словенское поле, где находилось языческое кладбище изборян — обширный курганный могильник. От него остались два кургана и несколько жальничных могил.

---

⁵⁶ «Славянские ключи»: иллюстрации, рис. 9.

⁵⁷ «Изборско-Мальская долина»: иллюстрации, рис. 8.

В 0,8 км юго-западнее городища, среди пахотного поля, есть невысокое всхолмление, называемое Чудским могильником. При раскопках, произведенных в середине прошлого столетия Ф. Крузе, здесь были обнаружены древние захоронения с украшениями финно-угорского типа.

В результате работы Изборской экспедиции под руководством В. В. Седова выяснилось, что на древнем городище практически отсутствует возможность экспонирования подлинных исторических объектов (кроме самой площадки Труворова городища, вала и рва с напольной стороны). Состояние и внешний вид иных (археологизированных) объектов абсолютно неинформативны. Большинство элементов планировки поселения, остатки сооружений и отопительных устройств после изучения были разобраны еще в процессе раскопок.

Раскопки охватили почти всю площадь древнего поселения. В результате удалось восстановить детальную картину истории Изборска на протяжении шести столетий. Культурные напластования памятника имеют толщину 1–2,5 м и подразделяются на несколько слоев и прослоек. Их анализ дает возможность выделить три основных горизонта культурного слоя, которые соответствуют трем важнейшим периодам истории Изборска.

Самый нижний горизонт, датируемый VIII–IX вв., сохранился плохо — в результате последующей строительной деятельности он был во многих местах значительно поврежден. Это главным образом черно-серый слой с многочисленными углями, золой и глинистыми прослойками. Дерево в нем не сохраняется. От построек до нас дошли в основном остатки печей и очагов, лишь в отдельных местах были расчищены остатки построек, погибших при пожарах. Постройки представляют собой срубные дома размерами от 3,5×3 до 5×4 м с деревянными полами и примитивными очагами.

Среди Изборских жилищ нижнего горизонта особняком стоят две постройки IX в. Они также срубные, но имели глиняные полы и отапливались очагами. Их размеры около 3,5×3 м. Подобные жилища хорошо известны по раскопкам поселений латгалов. Очевидно, изборские дома с глиняными полами составляли с ними один культурный регион и оставлены неславянским населением. [137, с. 57] Подобные очаги известны на соседних городищах — Псковском, Камно и Рыуге. По своему происхождению они принадлежат местному прибалтийско-финскому населению, в среде которого расселились кривичи.

Вся глиняная посуда нижнего горизонта изборского городища лепная, о гончарном круге древние изборяне понятия не имели. Основная масса посуды — горшкообразные сосуды или горшки ребристого профиля — принадлежит к хорошо известной славянской керамике VIII–X вв.

и обнаруживает аналогии в Ладоге, Рюриковом городище, Новгороде и курганных древностях. Десятая часть керамического материала нижнего горизонта Изборского городища принадлежит к баночным сосудам и круглодонным чашам, сопоставимым с глиняной посудой прибалтско-финского населения Юго-Восточной Эстонии.

Керамика, как и домостроительство, свидетельствует о том, что в состав населения древнейшего Изборска наряду со славянами входили и местные финны.

Находки инструментария и шлаков дают основание говорить о наличии в Изборске VIII–X вв. собственного железоделательного и железообрабатывающего ремесел. Об этом говорят обнаруженные на Славянском поле железоплавильные печи для обработки болотной руды, находки глиняных тиглей, каменных литейных формочек, а также шлаки и мелкие слитки бронзы. Среди железных предметов нижнего горизонта есть кузнечная наковальня, долото, серпы, рыболовные крючки, пряжки, шилья и многочисленные ножи. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и копьями.

Для определения времени возникновения изборского городища наиболее важными находками являются каменные блоковидные огнива, бронзовые равноплечная фибула и две булавки с треугольными головками. Они имеют многочисленные аналогии в материалах Прибалтики, Скандинавии и Финляндии. Хронология этих вещей разработана в археологии и хорошо известна. Эти находки дают основание утверждать, что начальная дата Изборска может быть определена временем не позднее начала VIII в. Материалы раскопок показывают, что в IX–X вв. это было уже не рядовое, а торгово-ремесленное поселение. О существовании торговли на дальние расстояния говорят находки арабских монет и гирек от весов.

Обобщая археологические данные по древнему городищу Изборска IX–X вв., можно предположить, каким он в те времена был. Изборское городище состояло из нескольких десятков бессистемно стоявших деревянных домов-клетей площадью 10–15 кв. м, отапливаемых по черному, а главным богатством его жителей была утварь из полдюжины грубых глиняных горшков и сосудов на семью. Число жителей, судя по площади городища, не превышало 300–500 человек.

В классовом отношении несомненно родовое равенство населения древнего Изборска, домов зажиточной знати не обнаружено. В этническом плане славяне преобладали над коренным финским населением, но жили совместно. В религиозном отношении, судя по центральной площадке городища — вероятно культовой — жители поклонялись одним языческим божествам.

Впервые топоним «Изборьсте» под 862 г. появляется в «Повести временных лет» — летописи, написанной в Киеве в начале XII в. Речь идет о явлении на княжение в Изборск брата Рюрика Трувора вместе с родом своим, т. е. семьей и дружиной. Археология по этому поводу однозначно свидетельствует, что перед нами фантастическая летописная легенда.

В древнем изборском городище не обнаружено следов варяжского присутствия. Трувору, его семье и дружине в городище, помимо деревянных клетей площадью 10–15 кв. м, жить было попросту негде.

Изборск стал городом лишь в середине X в., разделившись на две части — детинец и окольный посад. Детинец возникает в мысовой части, по всему периметру он окружается дубовой стеной. В детинце, судя по находкам, проживали знать и князь с дружиной. В это время Изборск становится пригородом Пскова, т. е. управляется псковским наместником. В Устюжском летописном своде XVI в. сказано об Изборске: «То ныне пригородок псковский, а тогда был в кривичах большой город». [76, с. 17] С X по XIII вв. об Изборске нет летописных известий.

Летописец приводит много исторических легенд, одна из них — явление на княжение в древний Изборск Трувора, по имени которого древнее городище именуется Труворовым. Сюда же примыкает и легенда о Труворовом могильном кресте. Хотя — православный крест на могиле князя-язычника — очевидная бессмыслица. К тому же, Труворов крест датируется XIV–XV вв. Надпись на Труворовом кресте традиционна: «ЧРЬ, СЛА, ІСЪ ХЪ НИКА» (Царь славы Иисус Христос Ника).

По поводу происхождения топонима Изборск есть ряд версий. По сказаниям-сказкам конца XVII в. новгородского митрополита Киприана, Изборск основан Словеном в 2409 г. до н. э. и назван именем внука Словена — Избора, сына князя Вандала. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, пр. 13, с. 43] Однако исторически в восточнославянском антропонимиконе имя *Избор* (*Izbor*) не встречается.

В древнерусском лексиконе слово *изборъ* означало «выбор» — в этом случае название Изборск можно толковать как «место, выбранное для поселения». [96, с. 79]

По краеведческой версии, название Изборск происходит от слова «сбор» — места, где собирались русские войска во время нападения вражеских войск. Спрашивается, о каких русских войсках может идти речь в середине IX в. и против каких вражеских войск они тогда собирались в древнем изборском городище? Если это были варяги руссы, а под вражескими войсками разумеет местных славян и финнов, то последние, судя по данным археологии, были вооружены лишь копьями, луками, серпами и ножами.

Другой разговор, что действительно, во времена Аскольда и Дира и Олега-правителя возле древнего изборского городища, по причине его удобного положения, могли собираться многочисленные отряды норманнов для выступления в поход к Днепру, Киеву и Царьграду.

Есть мнение, что Изборск означает «город у Иссы» — финское название реки Великая, на которой стоит Псков. В этом случае топоним Исубург (Isuborg) равнозначен как для древнего Пскова, так и Изборска.

Не сложно объяснить смысл топонима Изборск. Он состоит из трех оснований. К первому и последнему относятся финские и славянские этнонимы и топонимы живших в древнем городище племен. Финские «ис» — это этнонимы названий племен сето, веси. Славянское окончание «ск» типично для топонимов поселений кривичей: Смоленск, Полоцк, Менск, Витебск, Луцк... Корневое основание «бор», вероятнее всего, восходит к понятиям «оберег, оборона». Таким образом, топоним Изборск означает место «защиты-оберега, обороны», укрепленное городище, совместно живущего населения финской веси (сету) и славян-кривичей.

Летописная легенда о Труворе, безусловно, имела под собой реальные исторические обстоятельства. То, что в древнем изборском городище следов поселения варягов не обнаружено не означает, что они там никогда не были. В окрестностях Изборска найдены следы скандинавского оружия — наконечники копий и стрел. [156, с. 78]

Возможно, что Трувор явился в Изборск не на постоянное княжение, а для *сбора* дани кормления. В таком случае, можно предположить еще одно толкование топонима Изборск, как места сбора дани с живущих в округе племен веси и славян-кривичей. Дань кормления бралась с изборян вначале норманнами, а затем псковскими князьями.

Весьма вероятно и то, что как это произошло позднее с племянником Трувора Игорем, который был убит при сборе дани древлянами «как волк-грабитель», такая же судьба постигла и его дядю. Когда в первый раз, неожиданно для изборян, объявился Трувор с дружиной и стал бесцеремонно забирать их жизненные припасы, брать в полон, как образно пишет летописец: «умыкая девиц у воды», а недовольных убивать — то, из-за неожиданности нападения, Трувору удалось одержать верх над изборянами, но не смирить их. Когда же на следующий год он вновь объявился близ Изборска безнаказанно похищать и грабить, его уже ждали и попросту убили. Таким образом, Трувор навсегда исчез из «братского» окружения Рюрика.

В исторических предположениях о «деятельности» Трувора на изборской земле немаловажно выяснение вопроса, откуда он прибыл

с дружиной? В каком месте Трувор постоянно жил и княжил? Таким местом, безусловно, был находящийся неподалеку Псков.

Псковская земля занимает бассейн реки Великой вокруг Псковского озера и восточного побережья Чудского озера. Берега реки Великой были обитаемы еще в эпоху новокаменного века. В середине I тыс. на Псковской земле расселяется многочисленное племя славян-кривичей. В отличие от верхнего Поднепровья, псковские кривичи занимались прежде всего крестьянским трудом и проживали главным образом в селищах. Городищ на псковской земле было немного, к числу главных из них относится собственно городище будущего Пскова.

В древнерусских летописях первое упоминание о Пскове записано под 903 г. Когда же возник этот город, письменные источники ничего не говорят.

По данным археологии, Псков как город возникает в VIII в. н. э., т. е. за полтора–два столетия до первого упоминания о нем в древнерусских летописях. Псков возник не на пустом месте и не был основан каким — либо князем, а возник на основе более древнего славянского поселения — Псковского городища. Псковское городище не являлось родовым укрепленным поселением, но было одним из центральных поселений племенного объединения кривичей. На основе этого поселения и возник город Псков.

В отличие от древнего Изборска, где из-за почвенных условий древесные артефакты не сохранились, обусловив тем самым археологическую хронологию с вероятностью вековых допусков — в Пскове так же, как в Старой Ладогe и Новгороде, доподлинно сохранились элементы древних мостовых и стен домов, что позволяет определить время их появления с точностью до года.

В 1991–1992 гг. в Псковском Кремле были проведены археологические исследования, давшие принципиально важные данные для понимания начальной истории города. Под мощными отложениями XVII–XX вв. были открыты непотревоженные слои. Древнейший горизонт представлен погибшим в пожаре деревянным настилом, обломками сетчатой керамики, сходной с керамикой каменных могильников Эстонии второй четверти I тыс. н. э., единичными предметами из железа и кости. Радио-углеродная дата гибели горизонта — 342–428 гг. [6, с. 6–7]

Основная толща нижнего слоя сформировалась в последнюю четверть I тыс. н. э. и представлена отложениями двух периодов жизни поселения. Ранний период представлен остатками построек с земляными и глинобитными полами. Открытые очаги, обставленные камнями, и глинобитные печи на булыжном основании занимали в доме срединное положение. В слое найдены фрагменты грубой керамики

рыугетской культуры VIII–IX вв., стеклянные бусы, предметы из железа, дерева, бересты, кости, фрагменты глиняных тиглей. Из слоя пожара, в котором гибнет псковское поселение рыугетской культуры, происходит бревно с порубочной датировкой 860 г. Вышележащие отложения содержали остатки срубных построек с дощатыми полами и глинобитными купольными печами, занимавшими в доме угловое положение. Из слоя происходят фрагменты лепной керамики IX–X вв., предметы из металлов. Два столба, прорезающих слой, имеют порубочные даты 938 и 944–945 гг.

Важнейший результат раскопок 1991–1992 гг. — получение первых абсолютных датировок слоя последней четверти I тыс. н. э., позволяющих реально рассмотреть вопрос о происхождении городища при впадении речки Псковы в реку Великую.

Возникновение псковского городища относится к концу VIII в., городище было укреплено земляным валом и деревянными стенами. Топонимами псковской древности можно считать сохранившееся название одной части Пскова Городецким концом; в летописи Псковской два раза упоминается слово «городище». Псковский «городище» первоначально строился на высоком холме (части известковой скалы), протяжением с севера на юг до 400 метров. В то время он был трудно доступен. Высокие (до 20 метров), крутые и обрывистые склоны холма с запада омывала река Великая, достигая здесь 18 метров глубины. С севера и востока холм огибала река Пскова, а с южной стороны к нему примыкало обширное болото. Во время весеннего разлива воды Великой и Псковы, затопляя болото, соединялись и холм превращался в недоступный остров.

В первоначальном названии городца в устье реки Псковы, впадающей в реку Великую, а вытекающей из озера Псковицы, есть летописные разночтения. В Несторовой летописи по Кенигсбергскому списку и в некоторых других пишется Псков, а по Лаврентьевскому списку и по Новгородскому называется Плесков. В Псковской летописи в древнейших годах именуется также Плесков, но в последующих до конца только Псков: «Название Псков в древней Новгородской Летописи впервые является лишь в половине XIV в., мешается с названием Плесков и наконец заменяет его». [61, с. 255]

В. Н. Татищев выводит происхождение топонима Плесков от плеса или плескания [146, 1773, кн. II, с. 390, пр. 128] воды (огромного Псковского озера). Житие княгини Ольги производит название Пскова от реки Псковы, которая, кажется, так названа от песчаного озера и песков, из коих она вытекает и которые окружают со всех сторон Псков. Степень достоверности такого рода предположений совершенно

условна, ведь можно утверждать и прямо противоположное, что озера Псковское и Псковица, как и речка Пскова, названы людьми по имени городища в котором они жили.

Раскопки на территории псковского Кремля вскрыли древнейшее славянское поселение с земляными и деревянными укреплениями, относящееся к IX в. Археологами исследован и находящийся рядом курганный некрополь с языческим святилищем X — начала XI вв. Культовый участок, занятый курганным кладбищем, был обнаружен в междуречье Псковы и Великой, в 200 метрах юго-восточнее от линии Довмонтовой стены.

По мнению В. Н. Татищева, именно Псков, но не периферийный Изборск, был наиболее удобен для варяжской экспансии братьев Рюриковичей на северо-западе Руси: «В Плескове первый Князь был брат Рюриков Трувор». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 44, с. 515] С мнением В. Н. Татищева солидарен М. Щербатов: «Российские летописцы приписывают якобы основание града Пскова Княгине Ольге, но он уже при великом Князе Рюрике был, и в нем Князь Трувор свою столицу имел». [165, пр.,* с. 221] Возможно, что именно отряд норманнов Трувора около 862 г. основал укрепленный центр на мысу слияния Псковы и Великой рядом с древним поселением славян-кривичей, финнов и балтов, получившим именование Isuborg (borg = «крепость» на Исе, т. е. на реке Великой), выступивший под летописным именем Изборск, после этого не упоминавшийся вплоть до XII в., когда по летописям Изборск как пригород Пскова выделился в отдельную приграничную крепость.

Псковский регион насыщен археологическими артефактами варяжской древности. Огромный клад арабских и скандинавских монет IX–XI вв. найден в 1891 г. близ деревни Демшино Псковской губернии. В кладе обнаружена скандинавская фибула, относящаяся к X в., возможно из Готланда. В районе деревень Ольгин Крест и Князь-село (Кунигакюля) обнаружены погребения по обряду кремации со скандинавскими ланцетовидными копьями и топором X в. В Залахтове найдены предметы скандинавского происхождения — круглые фибулы, копьё, меч, изогнутый в огне погребального костра. Еще одна находка меча каролингского типа отмечена на восточном берегу Чудского озера.

Распространенность скандинавских топонимов в Псковской области наибольшая — 13 названий на 10 тыс. кв. км, в то время как в Новгородской области — 5 названий, а в Ленинградской области — 3 названия. [83, с. 104]

По Житию святой Ольги, ее родиной была «*весь* Выбутская, находящаяся ныне близ города Пскова, тогда еще не существовавшего». [125, с. 3] Относительно Пскова, это предположение ошибочно, что касается

Выбутово, то речь идет прежде всего об участке течения реки Великая, где река пробивает русло через известняк, образуя пороги. Это место единственно удобного брода через реку. Географически местоположение брода соответствует локальной исторической ольгинской топономики — Ольгиной горе, уже к XV в. смытой рекой, Ольгинскому берегу и деревне Ольгино.

Ольгина Гора, контролировавшая перекресток водного и сухопутного (с единственным удобным бродом) путей, стала местом укрепленного поселения, ставшего городищем. Окрестности Ольгиной горы, составлявшие округу Выбут, в конце IX–X вв. были плотно заселены: об этом свидетельствуют не только погребальные памятники-сопки, но и известные здесь селища с лепной керамикой.

Городище при Ольгиной горе располагалось в 12 км от варяжского Пскова X в. и могло быть одним из его предшественников подобно тому, как Рюриково городище под Новгородом. Погребальные камеры выбутских сопки схожи с гробницами Бирки. Здесь же обнаружены скандинавские ланцетовидные копья и фибулы. [2, с. 22–31]

Время существования в низовьях реки Великой раннегородского образования с заметным скандинавским присутствием ограничивается временными рамками от 860 до 1036 гг. [6, с. 8] Возникновение топонима Псков связано с постепенным падением политического доминирования варягов и нарастанием этнической роли славян, особенно в связи с переселением словен-ободритов из района Среднего Повисленья.

Топоним Псков состоит из двух корневых оснований, определяющих собой две преобладающих по численности совместно живущих славянских народности: древней, славян-кривичей, характерной топонимами «пск», пришедшей в эти места в конце VI в. — и новой, словен, характерных топонимами заселения «ов», пришедшими по реке Эмбах в район псковского Приильменья около IX–X вв.

Рюриково Городище, Гнёздово, Сарское Городище

По данным археологии, крепость Городище близ Ильменя была заложена в эпоху Рюрика. Кроме остатков поселения, существовавшего со второй половины IX в., здесь обнаружен более ранний культурный слой: остатки, неолитической стоянки (II–III тыс. до н. э.), поселение ранне-го железного века (I тыс. до н. э.).

Рюриково Городище

В XIX в. эта крепость, благодаря желаниям и энтузиазму местных краеведов, стала зваться как *Рюриково Городище*.

Рюриково Городище — древнейший торгово-ремесленный и военно-административный центр Приильменя. Городище построено на возвышенном участке, со всех сторон окруженным реками — Волховом, Волховцом и Жилотугом, являя собой своеобразный остров среди заливаемой поймы. Общая площадь предместий Городища достигает 10 га, к концу XX в. раскопки Городища вскрыли территорию порядка 1500 кв. м.

Городище имело выгодное расположение, его территорию со всех сторон защищали водные рубежи. С городищенского холма можно было легко контролировать проход судов из Волхова в озеро Ильмень. Местоположение Рюрикова городища имело стратегический характер, отсюда расходились водные дороги на Мсту, Шелонь, Ловать и на север к Ладоге.

Городище начинается с крепости VIII–IX вв., построенной ильменскими словенями, имевшей деревянную стену на валу. Правда, в военном отношении крепостные сооружения Городища оказались невосстановленными. Новгород был естественным образом хорошо защищен простирающимися вокруг малопроезжими болотами. Рюриковичи, обосновавшиеся на землях приильменских словен, серьезных врагов не имели. Крепостные сооружения Городища, непрерывно разрушаемые паводками, уже к X в. утратили свое военное значение.

Напротив княжеской крепости находилось древнее языческое святилище — Перынь.

По числу находок скандинавских древностей Городище является одним из самых богатых. Находки «равноплечных» и черепаховых фибул говорят о том, что здесь проживали женщины из Скандинавии. «Нельзя не отметить и определенную изысканность находок: к примеру, более половины всех обнаруженных кольцевидных булавок украшено звериным или плетеным орнаментом, в то же время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы». [106, с. 30]

Характер находок указывает, что Городище представляло собой важный торговый центр, в частности, при раскопках были обнаружены фрагменты изделий из стекла, изготовленные в византийских и сирийских мастерских.

В отличие от Ладоги, материальная культура Городища носит более выраженный воинский характер. Здесь был сосредоточен значительный военный контингент. В Городище располагалась княжеская резиденция, где жил не только князь, но и его дружина, первоначально состоящая из варягов.

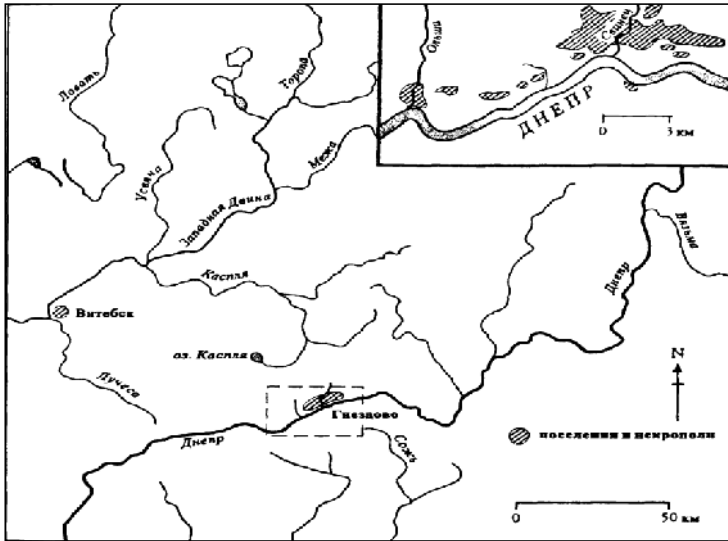
Городище было центральным укрепленным поселением среди ряда укрепленных поселений (Георгий, Холопий городок, Новые Дубовики и др.) по Ильменю, Волхову, Мсте. В Новгородской земле насчитывается не менее двадцати укрепленных поселений. Они служили не только жильем, но и были опорными и контрольными пунктами на водных дорогах, зачастую располагаясь на наиболее сложных участках рек.

Гнёздово является памятником IX — начала XI вв. одного из торгово-военных и ремесленных центров древней Руси. Здесь находился центральный узел путей: на юг — по Днепру, на север — через Ловать и Волхов к Ладоге и далее в Балтийское море, на запад — по Западной Двине, на восток, где вскоре начинался Волжский путь. В древнескандинавских сагах Гнёздово выступает под именем *Syrnes Cadar*. [32, с. 31]

Гнёздово считается первоначальным Смоленском, поскольку археологических слоев до XI в. в современном Смоленске не обнаружено.

В древние времена Гнёздово звался *Великоградом*, отличаясь полиэтническим составом населения. Здесь наряду со славянами жили балты и скандинавы. Подобное сосуществование групп различного этнического происхождения на одном поселении едва ли было возможно при родовом строе, т. е. предполагало социальную организацию раннефеодального типа.

Комплекс Гнёздова включает протянувшиеся на 5 км вдоль Днепра памятники IX–XI вв.: два городища, к которым примыкают открытые поселения — селища, и более 10 обширных курганных могильников, в общей сложности насчитывающих около 6 тыс. насыпей.

Гнёздово

Гнёздово является крупнейшим курганным могильником Восточной и Северной Европы, занимая территорию около 16 га. Из городов северной Европы, только Хедебю (24 га) был крупнее (Бирка — 13 га, Дублин — 12 га, Риббе — 10 га).

Классово-социальная дифференциация гнёздовских курганов несомненна — большие курганы знати, меньшие курганы дружинников и сотни незначительных по размерам курганов рядовых общинников и ремесленников. Социальный статус погребенной знати, по данным археологии, очевиден — это были норманны социальной верхушки Гнёздова, к которой можно отнести преуспевающих варягов — дружинников, купцов и членов их семей. [138, с. 216]

Археологические раскопки показали, что в центре поселения находилось городище — укрепленная часть города, рядом был расположен посад и кладбище (курганные могильники).

Основными занятиями населения Гнёздова были торговля и ремесло. В городе имелись разные ремесленные мастерские.

Процветание Гнёздова было связано с торговлей: в южном направлении — по Днепру с Причерноморьем, в западном — по Двине с Европой и севером — по реке Ловать с Балтийским регионом. Некоторые изделия привозные, преимущественно женские украшения из Скандинавии. Найденные отдельные предметы вооружения имеют североευропейское, западнославянское и восточное происхождение,

относящиеся к IX–XI вв. (шлемы, стрелы, боевые топоры, мечи). При раскопках найдено большое количество восточных арабских монет — дирхемов.

Курганы Гнёздова

Характер самой торговли и ремесла в Гнёздово не отражает потребностей внутреннего днепровского рынка в целом, свидетельствуя, прежде всего, о потребностях проживающей здесь феодализирующей дружинной знати.

На середину и вторую половину X в. приходится наиболее интенсивный период в жизни поселения. Не позднее середины этого столетия в центральной части Гнёздова возводятся новые укрепления. К этому же времени относятся почти все крупные курганы Гнёздова диаметром более 25 м. Погребальный инвентарь этих курганов — наиболее богатый.

Гнёздово является основным археологическим источником по изучению роли варягов на Руси, по становлению пути «из варяг в греки». Из гнёздовского археологического комплекса происходит около трети всех известных в настоящее время скандинавских языческих амулетов, найденных на территории Восточной Европы.

В курганах Гнёздова обнаружены типично скандинавские захоронения в ладье, ладейные заклепки, ледоходные шипы, каролингские мечи, боевые топоры, украшения скандинавских женщин — скорлупообразные фибулы овальной или круглой формы, железные шейные гривны с топоровидными привесками, называемыми молоточками бога Тора.

Скандинавский языческий бог Тор выступает в роли покровителя небесных стихий, защитника нижестоящих богов и людей от великанов и чудовищ, основным орудием которого был чудесный молот Мьёлльнир, точно поражавший цель и возвращавшийся обратно к своему хозяину. Култ Тора был характерен эпохе викингов.

Молоточки Тора

Один из первых исследователей гнёздовских курганов, автор единственной монографии о них, В. И. Сизов считал, что центральная часть гнёздовского курганного кладбища представляет собой место погребения варяжских купцов-воинов. Но, по его мнению, гнёздовский некрополь в целом имеет местный, славянский характер. [138, с. 11]

Из 950 курганов, раскопанных в Гнёздовском могильнике, по мнению Д. А. Авдусина, около 100 можно считать скандинавскими, таким образом норманны этнически составляли около 10% населения Гнёздово. Ю. Э. Жарнов, по итогам изучения женских скандинавских погребений в Гнёздово, считал, что скандинавам принадлежит не менее четверти гнёздовских погребений. При этом, не менее половины погребений, отнесенных к раннему периоду Гнёздова (конец IX — первая половина X в.), принадлежит норманнам. [138, с. 12, 204, 216]

Отсутствие сколько-нибудь значительной концентрации скандинавских погребений во всех группах гнёздовского могильника может служить косвенным подтверждением необособленного проживания норманнов в Гнёздово. Нет никаких свидетельств об утрате связей гнёздовских скандинавов с родиной. Наоборот, археологически уловим постоянный приток норманнского элемента, по крайней мере, в течение второй половины X в. [138, 219]

Сложная социальная структура скандинавской «общины» Гнёздова также, по-видимому, могла служить стабилизирующим фактором этнической целостности гнёздовского сообщества поселений. Известные по письменным источникам факты славянизации третьего поколения династии Рюриковичей и инфильтрации части варягов

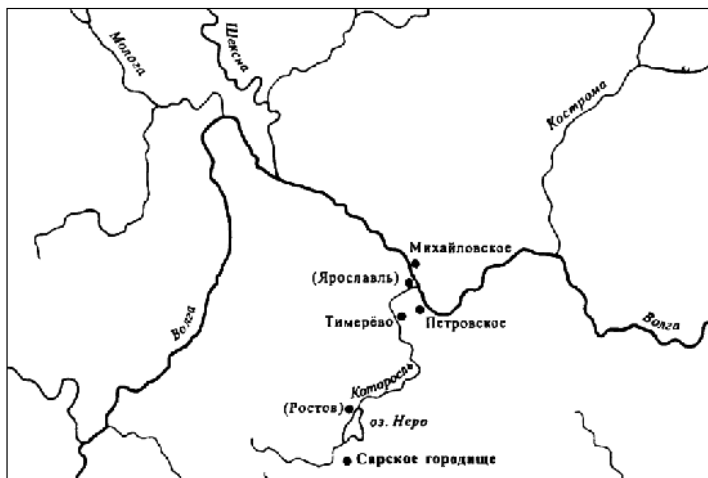

в состав местной родовой знати — очевидные проявления этнического симбиоза славян и норманнов. В то же самое время, основные интересы норманнов на Руси заключались не в колонизации наиболее выгодных мест обитания, а в добывании богатств и службе наемниками в многочисленных местных княжеских дружинах.

В середине X в. норманнам в ходе упорных боев с древлянами удалось сломить их сопротивление и выйти в среднее Поднепровье. Это создало предпосылки для прямой торговли с богатейшей страной мира — Византией. Норманны ушли к югу, постепенно осваивая предместья будущего Чернигова и Киева. Торгово-экономическая роль Гнёздова постепенно падала. Волна славянской колонизации племен кривичей консолидировалась в племенных центрах неподалеку от норманнских поселений в районе городищ Полоцка, Пскова и Смоленска.

Проникновение норманнов на земли меря было мирным, следов войн не обнаружено. Варяги избирают местом для построения своей крепости излучину реки Сары. Мерянское население постепенно собирается в непосредственной близости от варяжской крепости как центра меновой торговли.

Сарское городище — второе, после Старой Ладogi, поселение, где обнаружены наиболее ранние признаки присутствия скандинавов. Археологические находки показывают существенное значение в материальной культуре Сарского городища скандинавских находок. Среди найденного оружия — меч IX в. франкского типа, на клинке которого можно прочитать латинскую надпись: «Lun fecit» («Лун сделал»). [156, с. 78]

Сарское городище

В ходе раскопок был найден большой пласт мерянской культуры. О том, что важное место в жизни поселения занимала торговля, говорит обнаруженное в результате раскопок большое количество иноземных серебряных монет, слитков меди и олова. Были найдены разнообразные изделия — орудия труда, украшения и предметы из западной Европы, Прикамья, Волжской Булгарии, Киевской Руси. Раскопаны металлургическая, керамическая мастерская, мастерская ювелира, ряд хозяйственных построек, и даже баня. Поселение имело сложную систему укреплений. В X в. это был огромный по тем временам военноторговый город, центр на великом пути «из арабов в варяги».

В начале XI в. по неизвестной причине поселение Сарского городища перестало существовать.

По Нестору, наместник Рюрика обосновался в Ростове неподалеку от Сарского городища. Ростов стоял на реке Которосль, вытекающей из озера Неро и впадающей в Волгу.

О происхождении названия Ростов есть много предположений. Очевидно в нем новгородское распевно звучащее «о». Вероятно, что имя Ростов возникло как название города, основанного Рюриковичами, пришедшими из Новгорода. Укоренившаяся местная династия князей получила имя Ростиславов.

Поселение в районе Михайловского, находящегося в 4 км от левого берега Волги, было стратегически важным, позволяя контролировать торговлю по реке Которосль от Волги до озера Неро к Тимерево и Сарскому городищу. В районе Михайловского обнаружены артефакты, характерные для норманнов — парные черепаховидные фибулы как украшения скандинавских женщин и шейные железные гривны с подвесками в виде «молоточков Тора». [156, с. 62]

Аскольд и Дир

Подобно спорам о призвании *варягов*, (скандинавских или славянских князей), сходная полемика среди историков развернулась по поводу происхождения Аскольда и Дира.

Нестор указал на них как на варягов, но других, чем род *руси* Рюрика. По Нестору, Аскольд и Дир с родом своим, т. е. с многочисленными сородичами, ушли к Поднепровью с разрешения Рюрика. В некоторых летописях есть упоминания о неприязненных отношениях Аскольда и Дира с Рюриком, что они

по неудовольствию оставили Рюрика «не давшего им ни города, ни села». [142, т. I, гл. 5, с. 132]

В основном, помимо летописца, суждения историков об Аскольде и Дире носят характер умозрительных предположений, временами показывающих эрудицию и остроумие их авторов. Беэр пишет: «Князь Киевский Оскольд и Дир, Варяги были, как русские летописи объявляют. Оскольд, как Олай Верилий из гробовых камней объявляет: Оскел, у Сноронна Аскел и Ашкелл. Об имени Дироновом я усумневаюсь... В Елле Естляндской есть Тир. В Верилиевых гробовых женских именах Дирва... Я думаю, что Оскольд Диар в Киеве бывший назывался. Сноррон о Асгарде пишет: в городе был князем, именем Одик: там, в обычай пошло, дабы двенадцать правителей, от прочих знатнейшие. Диар, и Дроттуар, то есть господа называемые, старались о священнослужении, и народу бы суд и расправу чинили... И Оскольд из таковых Королей, прежде Рюрика Князем в Киеве был. Есть же و ي و Диар в таком же знаменовании точно имя турецкое, и кажется, что оно имя достоинства принято, от казаров». [8, с. 20–21]

Эверс высказал предположение о венгерском происхождении Аскольда и Диара, основываясь на тексте Воскресенского списка летописи: «яко гости есмь подугорской... Да придете к нам родом своим». Другое доказательство венгерского происхождения Аскольда и Диара следует из названия «угорским» места их погребения: «И убиша Аскольда и Диара, несоша на гору, и погребеша и на горе, еже ся ныгне зовется Угорское». [27, с. 228, 230] По мнению В. Н. Татищева, был всего один князь Оскольд — пасынок Рюрика. Когда киевляне попросили себе на княжение сына Рюрика, Рюрик дал Оскольда, т. к. его родной сын Игорь, или еще не родился, или был младенцем. Пасынок по сарматски пишется «тирарь». Нестор, не зная смысла словосочетания *тирарь Оскольд*, определил его как имена двух разных князей — Диара и Аскольда. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, пр. 29, с. 47–48]

В поздней *Никоновской летописи* (XVI в.) приводится славянская версия о происхождении Аскольда и Диара. В летописи пишется о потомках легендарного Кия славянских князьях-витязях Оскольде и Дире, правивших в Киеве. Согласно Масуди, Дир был самым выдающимся из славянских князей, владел многими городами и громадными территориями, в его столицу приезжали мусульманские купцы. [58, с. 336]

Есть мнение, что в Киев бежала от преследования Рюрика новгородская знать. [165, с. 195] По одной версии, братья Кий, Щек и Хорив с сестрой Лыбедью вначале разбойничали: «великую пакость новгородцам творяще», [14, с. 219] затем бежали к югу, и основали город Киев.

До Нестора, сходную версию о Дире и Аскольде излагает в середине X в. арабский ученый *Аль-Масуди*: «Первый изъ славянскихъ царей есть царь **Дира**... Подлѣ этого царя изъ славянскихъ царей живеть царь **Аванджа**... онъ воюеть съ Румомъ... и съ другими народами, но войны эти не рѣшительны». [25, с. 137]

В вопросе об Аскольде и Дире и обстоятельствах их явления на княжение в Киев большей достоверностью обладает мнение Нестора. Нестор, как русский летописец, мог, при желании, *славянизировать* как Рюрика, так и Аскольда с Диром, но, летописец, как правдивый историк, этого не сделал.

Нестор пишет: «И бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ». [79, с. 19–20] Как следует из их имен, Аскольд и Дир были разных родов. Имя Аскольд (Осколд) соответствует древне исландскому **Höskuldr**, а Дир — **Dýri**.

В частности, можно сослаться на известные имена рода Аскольда, к числу их относится знатный киевский варяг Асмуд — дядька Святослава, варяжская знать погибшая на востоке, упоминаемая на рунических камнях — Асгаут, Ассур, Асмунд, Аскель. [36, т. V, с. 27–28] Имя рода Аскольда близко к древнескандинавскому обозначению востока — **Aystr**, и восточного пути — **i Aystrvegi**.

Почему Рюрик направил Аскольда и Диру к Царьграду? Ясно, что это было не простое путешествие, а разведовательно-колонизаторская экспедиция. Рюрик к тому времени освоил торговый путь от Приильменя до Западной Двины в Европу, однако купцы норманнов в Европе на дунайском торговом пути отнюдь не доминировали, будучи ограничены ролью первичных поставщиков пушнины, рабов и воска.

Цены на дунайском европейском рынке диктовали оптовые скупщики купечества франков и немцев, забиравших большую часть прибыли себе. По «Раффельштеттенскому таможенному уставу» немцы и славяне, торгующие или покупающие на местных рынках, освобождались от налогов, ничего подобного не предусматривалось в отношении купечества русов.

Во времена Людовика Благочестивого отношения скандинавских купцов Бирки и Готланда и франко-немецкого купечества были весьма накаленными. В 830–831 гг. Людовик направил в шведскую Бирку торговую христианскую миссию во главе с Ансгаром. Дело окончилось скандалом, торговцы были ограблены, потеряв товары и корабли. Те кто уцелел и добрался до Бирки, были поражены, узрев в городе

«много богатых торговцев, изобилие всяческого добра и кучи денег». [156, с. 37]

Экспедиция Аскольда и Дира на восток к Царьграду, организованная Рюриком (**chacanus** народа **Rhos**), стала крупнейшей в европейской истории тех лет военной операцией.

Это стало для Византии полной неожиданностью, подобно «грому, грянувшему с небес». Описывая события нападения норманнов Аскольда и Дира на Константинополь, патриарх Фотий пишет о них, как о «диком племени», которое неожиданно пришло «с самого далекого севера», проделав «немыслимый маршрут». [175, р. 82, 98] Для греков тех времен «мыслимым» направлением угрозы сухопутного нападения с севера на границы Византии были земли по низовьям Дуная, куда веками вторгались славяне, венгры, авары, печенеги. Устье Дуная контролировалось восточной христианской Византией, а центрально-европейская часть Дуная — христианской западной империей франков.

Экспансия норманнов в Европе носила не только военный и грабительский характер, но и торгово-колонизаторский. Главной целью набегов норманнов было обогащение. Награбленные сокровища отправлялись на родину: «Серебро в Скандинавии эпохи викингов было предметом страсти. Где бы ни оказывались датчане, норвежцы или шведы в то время, они высоко ценили этот драгоценный металл, и приобретение его являлось одной из главных целей скандинавов, были ли они пиратами, купцами или наемниками... Именно за серебром скандинавские купцы пускались на Волгу, и именно серебром платили скандинавским наемникам за их службу английские короли и византийские императоры». [140, с. 127]

Нестор сообщает, что с Аскольдом и Диром «многи Варяги совокуписта». Наиболее удобным местом для их сбора была территория возле изборского городища. Сюда с разных направлений подходили вооруженные отряды норманнов — с Западной Двины воины Рогволда, от Пскова — дружинники Трувора, с новгородско-ладожской земли — войско Аскольда и Дира. Военная сторона экспедиции была организована Рюриком (**chacanus** народа **Rhos**) безупречно.

В это же время в верховьях Днепра, вероятно, в Гнёздове близ Смоленска и Любече, строился флот числом в 200 судов.

Следует отметить, что строительство сотен судов и сбор 10 тыс. войска варягов были совершенно неведомы христианам, ведь экспедиция Аскольда и Дира снаряжалась на землях языческих племен славян, финнов и балтов, где христианских согладатаев практически не могло быть.

Христиан язычники ненавидели, их или убивали, или продавали в рабство⁵⁸. Ангар, добравшийся до шведской Бирки в 831 г., видел в городе множество пленных рабов христиан.

Летописец пишет о ходе военной экспедиции Аскольда и Дира: «И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ, и упрошаста [и] рѣста: «чий се градокъ?» Они же рѣша: «была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сѣделаша градокъ, и изгибоша, и мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ Козаромъ». Аскольдъ же и Диръ остаа въ градѣ семь, и многи Варяги съвокуписта, и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же княжещу в Новѣгородѣ». [79, с. 20]

Сообщение Нестора об Аскольде и Дире противоречиво. С одной стороны, он пишет, что Рюрик послал Аскольда и Дира к Царюграду, с другой — что они вначале обосновались на княжение в киевском «градке на горе», став владеть землей полян, собрали много варяг и лишь после этого двинулись к Царюграду. Однако, по данным археологии, Киев как город, во времена Аскольда и Дира не существовал: «Утверждение «Повести временных лет» о том, что поход русов 860 г. начался из Киева, является, скорей всего, анахронизмом». [156, с. 86]

Летописец называет *градами* известные ему древнерусские города — Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром... Киев же, времен Аскольда и Дира, именуется *градком*, значит, он был совсем невелик. Киевский «градок на горе», местоположение которого до сих пор не определено, едва ли насчитывал 1 тыс. жителей и кормить тысячи варягов попросту не мог⁵⁹.

Если Аскольд и Дир, по Нестору, будучи в Киеве, снаряжали поход, то неясно, где они взяли огромные средства, чтобы экипировать тысячи наемников норманнов и построить сотни кораблей. Константин Багрянородный в середине X в. так описывал строительство флота росов: «Славинии — рубят в своих горах монокиды во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые монокиды,

⁵⁸ В плане отношений к язычеству, христиане также отнюдь не отличались кроткостью и милосердием, в ходе насильственного крещения уничтожая целые племена и народы. Религиозные войны тех времен на европейском северо-западе носили чрезвычайно кровавый характер — Авт.

⁵⁹ В VIII–IX вв. по данным археологии на территории Киева существовало не менее трех самостоятельных поселений — Авт.

переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их». [36, т. II, с. 160]

Также остается открытым немаловажный вопрос — откуда Аскольд и Дир, обосновавшиеся на княжение в киевском «градке на горе», имели достоверные сведения о политическом положении в Византии?

Есть стратегически важное военное обстоятельство, связанное с фактором внезапности удара: «Современник и очевидец этого нападения, константинопольский патриарх Фотий говорит в одной произнесенной по этому случаю проповеди, что Русь очень ловко смастерила набег, тихонько подкралась к Константинополю, когда император Михаил III с войском и флотом ходил на сарацин, оставив свою столицу беззащитной со стороны моря. Значит, Киевская Русь не только хорошо знала морской путь к Царьграду, но и умела добывать своевременные сведения о делах Византии; сами греки дивились нечаянности и необычайной быстроте нападения». [52, с. 172]

В этом плане возникает вопрос об источниках достоверной информации о ситуации в Константинополе, получаемой норманнами. По «Бертинским анналам», в 839 г. Людовик Благочестивый заподозрил в шпионаже неких россов, затесавшихся в посольство византийского императора Феофила. Эти подозрительные россы шли к **chacanus** народа **Rhos**.

Во времена Аскольда и Дира **chacanus** народа **Rhos** был Рюрик. Уместно предположить, что Рюрик мог иметь сведения о политическом положении в Византии от своих соглядатаев из среды норманнов, служивших в личной охране византийских императоров.

Начиная с ранней весны 860 г., в Византии занялись интенсивной подготовкой армии к новой кампании против арабов, и в начале июня император и его помощник куропалат Бардас повели византийскую армию в Малую Азию. Узнав о столь выгодной для военного набега на Константинополь ситуации, Рюрик немедленно предпринял все нужные меры по организации похода Аскольда и Дира на Царьград.

Летописец отмечает, что до прихода Аскольда и Дира в Поднепровье, киевские поляне платили дань *Козарам*. В этой связи публицист В. В. Кожин выказал предположение, что поход Аскольда и Дира на Царьград «был совершен под диктатом Хазарского Каганата». [56, с. 224]

Повод к такому предположению дает, так называемый, «Кембриджский документ» X в., в котором, в частности, сообщается, что после поражения русов в боях за хазарскую Тмутаракань «стали Русы подчинены власти козар». Г. Г. Литаврин обратил внимание на то, что правители «кочевых империй» считали своими поданными

всякий народ, потерпевший поражение в войне с ними. [36, т. III, с. 183] Известны сообщения арабского ученого Аль-Масуди (ок. 896–956 гг.): «В стране хазар люди из славян и руссов. Первый из царей славянских ад-Дир⁶⁰... Русы и славяне... [являются] войском царя (Хазар — ? Авт.) — и его слугами». При этом, тот же Аль-Масуди в другом месте пишет о русах: «Они — великий народ, не подчиняются ни царю, ни закону». [36, т. III, с. 114, 117]

Ясно, что хазары взывавшие дань с киевлян, обладали достоверной информацией о политическом положении в Константинополе, и, имея огромные денежные ресурсы, в принципе, желая натравить варягов на греков, могли организовать поход Аскольда и Дира на Царьград... Если бы не одно важное обстоятельство, ведь, по летописцу, именно Аскольд с Диром освободили киевлян от вековой хазарской кабалы. К тому же, по данным археологии, обнаруженные материальные следы «хазарского присутствия» в Киеве ничтожны. [149, с. 47–56]

«Хазарская» путаница возникла из-за толкования понятия *каган*, отождествляемого с *Каганом хазарским*. Исторически титул каган с VI в. был тюркским царским титулом. Желая придать большую значительность властителю народа *Rhos*, его особо титуловали *Chacanus*, но не общепринятым европейским титулом *князь* или скандинавским *конунг*.

Важным политическим актом государства Руси явилось принятие его Князем восточного титула *Кагана*. Как отмечал М. И. Артамонов, в тогдашней обстановке подобный политический шаг означал подчеркнутое утверждение независимости древнерусского государства рядом с его грозным соседом — Хазарским каганатом. [3, с. 336]

Арабский ученый *Ибн Русте* (конец IX — начало X вв.), говоря об *острове* новгородской земли (*ар-Русийи*), сообщает: «У них есть царь, называемый хакан русов». [35, с. 209]

Помимо Нестора, важным источником о походе Аскольда и Дира на Царьград являются свидетельства очевидца этих событий патриарха Константинополя Фотия. Он сообщает, что врага «отделяло от нас большое количество стран и царств». [175, р. 98] Северным форпостом Византии тех лет был крымский Херсон (Корсунь). Печати (*kommerkiariori*) должностных лиц Херсона, в обязанности которых входил сбор таможенных пошлин, известны с первой половины IX в.

К Херсону от Киева можно было добраться от брода по Днепру сухопутной дорогой. Географически Киев не мог быть местом

⁶⁰ ад-Дир — вполне вероятно предположение, что это совмещенное имя князей Аскольда и Дира — Авт.

отправления варягов «с самого далекого севера... по бесчисленным рекам» — таким местом были земли северо-западной новгородской Руси.

По древнерусским летописям поход Аскольда и Дира на Царьград состоялся в 866 г., по византийским хроникам — 18 июня 860 г. К стенам города подошли 200 судов, на которых плыли 10 тыс. норманнов. Плывая мимо стен Царьграда они подняли свои мечи «как бы они угрожали городу смертью от меча». [175, р. 101]⁶¹

Жители Константинополя, по Фотию, полагали, что «варварское племя» является непобедимым. Греки, укрывшись за неприступными стенами Царьграда, как и при нашествии славян с аварами на Византию в 628 г., уповали лишь на чудо, и вновь, теперь уже в 866 г., случилось такое же *чудо заступничества*, в виду того же храма *Влахернской богородицы* и с тем же результатом — разразившаяся буря разметала варяжский флот. Заслуги греков в их иллюзорно сказочной победе над росами не было никакой — это сделала за них природа.

Фотий ни одним словом не упоминает о военном поражении русских императорскими сухопутными или морскими силами. Из его слов можно заключить, что он сам не знал причины ухода русских и что русские ушли никем не тревоженные. Ничего он не говорит и о буре, поднявшейся якобы немедленно после погружения христианской реликвии в море. [175, II, р. 222] Возможно, этой бури никогда и не было.

Сообщение Фотия подтверждает письмо папы Николая I императору Византии Михаилу III от 28 сентября 865 г. В этом письме римский папа в русле политической полемики с православием, в частности, пишет: «Наконец, не мы, убив многих людей, сожгли церкви святых и предместья Константинополя, почти прилегающих к его стенам. И однако не было наложено никакого наказания на тех, кто является язычниками, иноверцами, врагами Христа... А по отношению к нам применяются предупреждения, угрозы и разные оскорбления». [72, с. 73–74] Очевидно, что под язычниками, напавшими на Константинополь, римский папа понимает норманнов Аскольда и Дира, безнаказанно ограбивших окрестности столицы Византии.

Продолжатель Феофана пишет: «Набег россов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой (правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом), а вскоре прибыло посольство в царственный город, прося приобщить их Божьему крещению. Что и произошло». [118, с. 129–130]

---

⁶¹ «Русь у стен Царьграда»: иллюстрации, рис.

Нестор сообщает несколько иную версию событий набега Аскольда и Дира. Когда норманны объявились близ Константинополя, «епархъ» послал к Михаилу цесарю, что «Русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь». Михаил «едва въ градъ вниде с патрехархомъ съ Фотьемъ», после чего они «всю ночь молитву створиша», в результате чего разразившаяся буря «смяте безбожных Руси корабли, и изби я». [79, с. 21]

Есть греческие историки, которые иначе описали эти события, произошедшие уже позже 867 г., при патриархе *Игнатии*: «Император, не имея возможности победить *россов*, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в христианство». [48, т. I, гл. IV, с. 43] М. Щербатов пишет по этому поводу: «Император Василий не токмо старался им отомстить за учиненное нападение на Константинополь, но, напротив того, заключил с ними мир». [165, с. 196]

По мнению А. Нечволодова: «заступничеством Божьей Матери был чудесно спасен Царьград от полного истребления. Русы же возвратились из своего смелого набега домой в Киев с богатейшей добычей и громкой славой». [99, часть I, с. 93]

В «*Венецианской хронике*» *Иоанна Диакона* (Ioannis Diaconi Chronicon Venetum) (рубеж X–XI вв.) сообщается, что в 860 г. «народ норманнов (Normannorum gentes) на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси». [35, с. 291]

Русские, очевидно, понимали бессмысленность штурма огромного города. Не встречая никакого сопротивления, захватив огромные богатства в окрестностях Царьграда, где стояли виллы византийской знати и зажиточные монастыри, норманны, вероятно, узнав о подходе крупных вооруженных сил неприятеля, отошли от стен Константинополя так же внезапно, как и появились.

После успешного набега на Царьград Аскольд и Дир, возвратившись в Киев, летописную дань полян Козарам перевели на себя. Хазары поняли, что на киевских Горах обосновались «серьезные люди» и сочли за благо впредь не появляться на землях полян. «В отличие от хазар, просто захватывавших славянские земли, варяги появлялись не как завоеватели, а, скорее, как союзники местной знати в борьбе племен друг с другом и теми же хазарами. В этом коренное отличие роли скандинавов-варягов от хазар». [105, с. 208–209]

В этом плане суждения историка С. М. Соловьева о княжении в Киеве Аскольда и Дира выглядят безнадежно наивными: «Киев в то время был притоном варягов. Аскольд и Дир стали вождями этой довольно многочисленной шайки... Владение, основанное варяжскими выходцами в Киеве, было основано сбродною шайкою искателей приключений». [142, т. I, гл. 5, с. 130]

Под водительством норманнских конунгов Аскольда и Дира была одержана одна из самых блестящих побед русского оружия. Не потеряв ни одного воина, взяв огромные трофеи и ценности, заставив трепетать имперскую Византию от одного только имени россов, норманны вернулись на земли полян и одним лишь своим появлением в *градке на горе* заставили бежать прочь хазарскую свору, более века грабивших полян.

Есть еще одно немаловажное обстоятельство, о котором упоминают летописи и греческие источники. Речь идет о легендарном крещении некоторых норманнов, якобы устранивших Божьего гнева, и, возможно, крещения самих Аскольда и Дира. Летописец соотносит с культом христианства места их погребения: Аскольда «на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорское, где ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святого Николу; а Дирова могила за святою Ориною». [79, с. 23]

По отсутствию каких либо достоверных артефактов о киевском периоде правления Аскольда и Дира, вопрос об их крещении относится к области легендарных предположений. Примером таких измышлений является утверждение составителей Никоновской летописи, что «бысть въ Киевѣ плачь велій» [77, с. 9] при известии о поражении Аскольда и Дира под Царьградом. В. Н. Татищев сочинил вымысел, будто князь Аскольд как крещеный христианин был назван *Блаженным*. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, пр. 31, с. 48] Митрополит Макарий рисует фантастическую картину⁶² мифического крещения руссов при Аскольде и Дире и называет имя посланного из Греции епископа — *Михаил*. «Как только прибыл к руссам епископ для проповедования им Евангелия, царь руссов созвал совет (вече), на котором присутствовали его бояре и бесчисленное множество народа, и долго рассуждали между собой о перемене веры... Аскольд и Дир сами приказали созвать вече, сами присутствовали на нем и, подобно другим, видели чудо несгоревшего Евангелия... И если бы они не крестились, то, можно сказать, и никто бы в Киеве не крестился». [88, с. 210–214] Эти фантазии о русском архиепископе по-

---

⁶² В качестве первоисточника Макарий использует Кормчую книгу, Четьи-Минеи, предисловие к Киево-Печерскому патерику.

строены на основе измышлений византийского патриарха Фотия, который в своем окружном послании к восточным церквам торжественно заявил: «Не только болгары обратились к христианству, но и тот народ, о котором много и часто говорится и который превосходит других грубостью и зверством, т. е. так называемые русские. Поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на ромейскую империю. Но теперь и они переменили эллинскую и безбожную веру, в которой прежде всего содержались, на чистое христианское учение, вошедших в число преданных нам и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость. И в них разгорелась такая жажда веры и ревность, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды». [72, с. 77]

«Глаголы» Фотия поражают, в частности, утверждение о том, что русы язычники исповедовали эллинизм, что, приняв христианство, вошли в число преданных Византии друзей⁶³, а что касается мифического христианского византийского пастыря на Руси, то никто не знает ни его имени, ни места обитания.

Измышления Фотия дружно подхватили византийские хронисты, добавляя все новые и новые «подробности» крещения русов-язычников Аскольда и Дира. В частности, Константин Порфинародный сообщает, что не Фотий, а патриарх Игнатий послал к языческой руси архиепископа, он по требованию язычников положил евангелие в огонь, и оно остается нетленным, и тогда русь, пораженная чудом, крестилась и приняла архиепископа. Этот рассказ повторен более поздними писателями: Скилицей-Кедриным, Зонарой и Михаилом Гликом. [72, с. 78]

Совершенно неясно, кого именно территориально разумели Фотий и Константин под крестившимися руссами, ни тот, ни другой не дают ни одного географического названия.

По данным археологии, в Киеве IX в. не обнаружено ни одного захоронения по христианскому обряду, его населяли сплошь язычники, хоронившие людей в могилах курганного типа. Летописные сказания о том, что на могиле Аскольда была поставлена церковь св. Николая и что «с 860 г. мы можем констатировать в Киеве существование какой-то христианской общины» [72, с. 88] — относятся к сфере легендарных вымыслов.

То, что Аскольд и Дир были похоронены в двух разных местах Киева, говорит прежде всего о том, что они были разных родов

⁶³ В действительности, «друзья-русы» в течении последующего века организовали три мощных похода на Византию при языческих князьях — Олеге, Игоре и Святославе — Авт.

и правила в отдельных поселениях Киева, где и были погребены. Киев в древности не представлял собой единого городского образования, это подтверждает древнескандинавская «Сага об Одде Стреле», в которой Киев именуется во множественном числе **Кэнугардами**. [36, т. V, с. 264]

Чтобы понять причины измышлений Фотия, нужно коснуться его личности и политической среды, в которой он жил. *Фотий*, до избрания патриархом, был государственным секретарем и командующим императорской лейб-гвардией, пройдя за шесть дней, в нарушение церковных канонов, все степени священства: монаха, чтеца, иподьякона, дьякона и священника.

Фотий (†891) был патриархом дважды: 857–867 и 877–886 гг., приняв самое активное участие в столь выгодном для Византии православном обращении Болгарии и Руси. Речь шла о христианизации восточных славян, т. е. о новых огромных церковных доходах.

Прежде всего, встал вопрос с обращением болгар, которые, заботясь о своей политической независимости, долго не делали окончательного выбора между Византией и Римом.

Вначале, на радость Фотию, болгары решили присоединиться к православию: болгарский царь Борис крестился в Царьграде в 865 г. Акт крещения Бориса и приближенных к нему сановников был совершен в тайне от поданных. Борис принял имя Михаил в честь императора Византии Михаила III, став его «духовным сыном», т. е. вассалом.

Греки, желая полностью подчинить себе Болгарию, не дали ей своего епископства, посылая на ее земли греческих священников. Это национальное уничижение было оскорбительно для свободолюбивых болгар. В 865 г. в ходе крещения населения вспыхнул мятеж знати, который был подавлен силой.

Вскоре события в Моравии потребовали союза Бориса с немецким императором, ревностным католиком Людовиком Благочестивым. В 866 г. Борис обратился к Риму. Папа сразу направил в Болгарию двух католических епископов. Византийский обычай подвергся критике и был заменен римским. Греческим священникам пришлось покинуть страну. Рим распространил свое влияние чуть ли не до Константинополя. Греки сочли это недопустимым.

Фотий при поддержке восточных патриархов представил возникшую ситуацию как борьбу всех восточных церквей против посягательств Рима. «Фотий открыто заявляет, что церковь Константинопольская считает себя свободной от правил чуждого для нее происхождения». [69, с. 66]

В ответ Рим объявил об отлучении Фотия от Церкви. Папа пренебрежительно именовал Фотия «*vestra prudential*» («простой мирянин»).

Собор в Риме (869) и последовавший за ним VIII Вселенский Собор в Константинополе (869–870) под водительством трех папских легатов утвердили анафему Фотию, своим змеиным языком, подобно «Люциферу, собравшего сборище злых и обгавленную кровью синагогу». [69, с. 118–119]

Однако тяжелая ситуация в Италии, подвергавшейся набегам сарацин, вынудила Рим пойти на примирение с Византией — восточным форпостом Запада в борьбе с исламом. Патриарх Фотий Софийским собором 879–880 г. был восстановлен в своих правах, а к берегам Италии подошел византийский флот.

Судя по всему, мифическая легенда о крещении части норманнов в эпоху Аскольда и Дира имела определенные реальные основания: «Нет сомнений, что византийские миссионеры, которые были агентами византийского правительства, после похода 860 г., появились и на Руси». [69, с. 77]

Киевская эпоха правления Аскольда и Дира по летописцу длилась 16 лет, с 866 г., времени их легендарного похода на Царьград, и до 882 г., когда варяжские конунги Аскольд и Дир были вероломно убиты Олегом-правителем.

Олег-правитель

По поводу родства Олега есть много летописных предположений. Составитель Начального свода 1090-х гг. именовал Олега *воеводой* Игоря, в некоторых летописях его звали *сродником* (родственником) Рюрика, в Раскольничьем манускрипте — *вуем* Игорю; в Прологе и житии святой Ольги — дядею Ингорю; Олега считали братом Рюрика, [146, 1773, кн. II, с. 365, пр. 61] братом жены Рюрика Ефанды, племянником Рюрика. «Судя по вероятности возраста, Олег мог быть сыном старшего, умершего до призвания, брата Рюрика». [27, ч. I, с. 149]

По родовому праву Олегу как старшему в роде Рюриковичей перешла вся полнота власти княжения на северо-западе Руси. Олег обрел статус **chacanus** народа **Rhos**, став пожизненным регентом при сыне Рюрика Игоре.

Договор Руси с Византией от 911 г., заключенный от имени Олега как «великого князя Рускаго... Нашей свѣтлости» [79, с. 32] по титулованию не более как принятая летописная форма величания

на Руси XIV–XV вв., когда составлялись основные древнерусские летописи. По арабским и византийским источникам властители Руси назывались Каганами. Первый русский митрополит Илларион (1051–1054 гг.) именовал великого киевского князя Владимира — Великим Каганом. [45, с. 72]

По ряду многих признаков Олег, будучи **chacanus** народа **Rhos**, перенес свою резиденцию из приильменского Городища в крепость древнего Пскова.

Древний Псков географически стоял на весьма выгодном месте. По реке Великой через ее верховья и притоки сравнительно легко можно было проникнуть в Западную Двину, а по притоку Великой — Черехе, через приток Шелони — Узе достигнуть Новгорода. Рядом, через Чудское озеро по реке Эмбах, был прямой выход вглубь Ливонии, а по реке Нарова к Балтике.

Удачный набег Аскольда и Дира на Царьград, возбуждал алчность воинственного Олега. Три года Олег готовился к походу на юго-восток, собирая «воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи». [79, с. 22]

В 882 г. *Олег-правитель* двинулся в поход, подчинив себе в верховьях Днепра без сопротивления древние городища кривичей в районе Смоленска и северян при Любече.

По мнению Н. М. Карамзина, когда Олег вышел к Киеву, он не желал рисковать «сражаться с единоплеменниками равно ему искусными в деле военном». [48, т. I, гл. V, с. 45] В действительности, в военном отношении войско Олега было несоизмеримо больше сил киевских варягов.

Олег, не желая массового кровопролития среди норманнов, пошел на хитрость. Он прикинулся *торговым гостем*, с которым прибыл сын Рюрика «княжичъ» Игорь. Встречать его, ничего не подозревая, вышла знать киевских норманнов во главе с Аскольдом и Диром.

Внезапно, укрывшиеся в ладье вооруженные люди Олега, напали на Аскольда и Дира. Обращаясь к ним и киевской знати норманнов, Олег предъявил им *истинного Князя* младенца Игоря, после чего *самозванцы* Аскольд и Дир были убиты.

Назначив Асмуда как старшего в родах Аскольда и Дира дядькой при Игоре, Олег тем самым привлек киевскую знать норманнов на свою сторону. Конунги Аскольд и Дир были похоронены в Киеве с подобающими им почестями.

Киев был важнейшим стратегическим пунктом на Днепре. В 23–65 верст южнее Киева начиналась полоса днепровских порогов. Местоположение Киева позволяло обеспечить безопасное прохождение порогов. Через киевский перевоз начинался сухопутный путь

в обход днепровских порогов в сторону крымского византийского Херсонеса: «Киев служил главным оборонительным форпостом страны против степи». [52, с. 173]

По мнению Нестора, Олег, расправившись с Аскольдом и Диром, остался в Киеве: «сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Русьскимъ». [79, с. 23] По данным археологии, это лишь летописная легенда, Киев как город во времена Олега не существовал, являл собой сообщество из трех крупных поселений, где окопались норманны Аскольда и Дира, собиравшие с полян дань.

В действительности Олег не мог княжить в Киеве, будучи отрезан от своих северо-западных владений сильным древлянским княжением в среднем Поднепровье. Чтобы сломить древлян, норманнам потребовались многие десятилетия.

То, что в Киеве начала X в. не было Русов (норманнов), подтверждает арабский купец и путешественник Ибн-Фадлан. [25, с. 108, пр. 4]

Вернувшись в Псков, Олег 25 лет занимался устройением северо-западной Руси, наложив дань на подвластные ему земли: новгородцы платили 300 гривен за год, древляне — шкурками черных куниц, радимичи несли дань с каждой сохи. [79, с. 23]

Олег нанес серьезный ущерб экономическим интересам хазарского Каганата, подчинив себе радимичей и северян. В 885 г. Олег: «Посла къ Радимичемъ, рька: кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте, и въдаша Ольгови по щялягу, якоже [и] Козарамъ даяху». [79, с. 23]

Наведя порядок на подвластных ему землях, Олег решил явиться к Царьграду как полноправный могущественный властитель **chacanus** народа **Rhos**. Олег знал о богатствах Византии, в 902 г. в греческом флоте служили 700 *россов*, получавших сказочное содержание в 100 литров золота в год. [48, т. I, гл. V, с. 47]

В 907 г. Олег собрал огромное многоплеменное войско, по летописцу в его состав, помимо Варягъ, входили «и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Дульбы, и Тиверци... си вси звахуться отъ Грекъ Великая Скиѡ». [79, с. 29]

Купечество Готланда и Бирки, заинтересованное в льготных преференциях в торговле с Византией, чтобы выбить их военной силой, щедро финансировало поход Олега на Царьград.

Местом сбора огромного многоплеменного войска, судя по ряду дружинных курганных захоронений и найденному в них оружию, был район Гнёздова близ Смоленска.

Флот Олега из тысяч ладей строился около Любеча на озере, вокруг которого стоял вековой лес. На месте этого озера в настоящее время сохранилось болото с характерным названием *Кораблище*.

Военные приготовления Олега в верховьях Днепра, как и во времена Аскольда и Дира, были неведомы греческим соглядатаям. В поход на Царьград двинулась армада из 2000 судов, на каждом из которых размещалось 40 воинов. Конница шла берегом.

Приход на греческие земли огромного флота Олега стал полной неожиданностью для греков. Греки перегородили цепью пролив и заперлись в стенах Царьграда.

Россы начали свирепо разорять окрестности Константинополя. В. Н. Татищев по летописям приводит подробности жестокостей и бесчеловечия россиян: «Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море». [141, т. I, гл. 5, с. 48]⁶⁴

Полководец Олег велел осуществить дотоле невиданный в древности военный маневр: «И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля; и бывшую покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяша къ граду». [79, с. 29] Греки, к ужасу своему, узрели часть русских кораблей прямо у стен Царьграда.

Устрашенные греки решили пойти на мир и выплатили огромную дань по 12 гривен на каждого воина⁶⁵, а также дань каждому городу Руси, где правил Олег. Дань Олегу была столь велика, что он повелел сшить из греческой драгоценной *наволоки*⁶⁶ паруса для варяжских кораблей.

По летописцу, Олег повесил свой щит на воротах Царьграда «показу побѣду». У норманнов поднятый щит символизировал примирение. Так, в «Саге об Стюрлауге», в частности, сообщается: «Стюрлауг велит тогда поднять щит мира и идет к Альдейгьборгу». [36, т. V, с. 276]

Весьма характерно, что Олег, получив окуп с греков на города Руси, практически не вложил никаких средств в обустройство Киева, и это понятно, ведь он на южной окраине своих владений не жил. Олег обустроивал те земли, где он в действительности жил и властвовал. При Олеге в Ладогe как родовой резиденции Рюриковичей возводится первая на территории Руси каменная крепостная стена.

---

⁶⁴ Описание зверств русов-норманнов целиком заимствовано летописцем из славянского перевода жития Василия Нового (†944). Он был схвачен греками, якобы как лазутчик, подвергнут пыткам, но чудесным образом выжил.

⁶⁵ Это около 1 млн. гривен (200 тонн серебра) — Авт.

⁶⁶ Дорогой ткани из шелка, иногда шитой золотом. Способ изготовления шелка и личинки шелкопряда греки выкрали у китайцев — Авт.

Щит Олега на вратах Царьграда

Н. И. Костомаров отмечает, что причинами походов Руси на Византию были не только сугубо грабительские цели, но и установление новых, долговременных торгово-экономических отношений, выгодных для Руси в ее связях с Византией. [60, с. 75–76]

По договору 911 г. купцы россиян (норманнов) получили огромные льготы — бесплатное содержание в Царьграде на 6 месяцев, довольствие на обратный путь, право беспошлинной торговли. [48, т. I, гл. V, с. 48–50] Русь и Византия заключили между собой военный союз. Русские получили право зачисляться в императорское войско.

Одна из главных исторических проблем эпохи правления Олега заключается в выяснении вопроса: *о какой торговле между Русью и Византией идет речь?* Нестор и последующая российская историография подразумевала, что речь шла о торговле между Киевской Русью и Византией по Днепру по летописному *варяжскому пути*.

Нестор приводит два текста договора между Русью и Византией, заключенных Олегом соответственно в 907 и 911 гг. Первый договор от 907 г. приводится летописцем в общем виде с рядом его комментариев.

По летописцу, греки в 907 г. дали Олегу «уклады на Руския грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, на Переаславль, на Полтѣськъ, на Ростовъ, на Любечъ и на прочаа города, по тѣмъ бо городомъ сядяху велиции князи, подъ Олгомъ суще». [79, с. 30] Однако

по данным археологии, за исключением древнекиевского поселения, все остальные «города», перечисленные летописцем, во времена Олега не существовали.

Текст договора 911 г. Олега с Византией, приводимый летописцем, носит сугубо юридический характер, в нем не упоминается ни один древнерусский город. В своем комментарии к тексту договора летописец утверждает, что греки после подписания договора отпустили послов Руси «во свою землю», эти послы пришли к Олегу, который «княжа в Киевѣ». [79, с. 37]

Однако, по данным археологии, никаких следов княжеских резиденций, дворов и теремов в Киеве IX — конца X вв. времен Олега, Игоря, Ольги и Святослава не обнаружено.

Таким образом, есть весьма веские основания считать, что договоры Руси и Византии времен Олега летописец по своему разумению легендарно приспособил к торгово-экономической истории киевского древнерусского Поднепровья.

Данные археологии опровергают традиционную летописную точку зрения. Древнерусские вещевые клады, зарытые с IX в. по первую половину X в. по своему инвентарю весьма скудны: «Клады и отдельные находки византийских монет IX–X вв. в Киеве крайне редки». [49, с. 124] «К X в. и вообще относится очень мало бесспорно византийских предметов, обнаруженных вдоль Днепровского пути». [156, с. 206] «VIII–IX вв. — это наиболее глухое время, когда экономические связи Византии с Восточной Европой и Закавказьем почти полностью прекратились. Даже в Херсонесе, где византийская монета всегда занимала господствующее положение, монетные находки в это время почти отсутствуют». [64, с. 11] Отдельные обнаруженные монеты, судя по характерным признакам, использовались, прежде всего, не как средство обмена, а как украшения подвески.

Варварская роскошь захоронений, говорящая о богатстве княжеско-дружинной знати, обнаруживается лишь к концу X в.

На Готланде найдено около 67 тыс. арабских, английских, германских, польских и прочих монет VIII–X вв., и среди них лишь 180 византийских. «Основная масса золотых византийских монет, найденная в Восточной Европе, относится к X–XII вв... В северных русских княжествах в этот период господствовали в обращении куфическая и западноевропейская валюта. Значение византийского серебра в русском денежном обращении, как показывает статистика византийских серебряных монет в кладах, было незначительно. Знаменательно, что золотые византийские монеты не встречаются севернее Пинска, Смоленска, Чернигова». [64, с. 15]

Киевская Русь не имела своей монетной валюты, и по этой причине существование единого древнерусского варяжского торгового пути экономически было не осуществимым.

В 1987 г. была снаряжена экспедиция Г. Лебедева, попытавшаяся на ладье пройти по летописному маршруту *из варяг в греки*, окончившаяся неудачей. Выяснилось, что волок между Ловатью и верховьями Днепра проходим лишь зимой. Хотя это не означает, что современная гидрология северо-запада была такой же, как и в X в. Известно, что массовое расселение славян в Приильменье было обусловлено, в частности, значительным улучшением местных климатических условий.

В летописях нет сведений, что у причалов Новгорода стояли киевские лодьи, а возле Киева по Днепру торговали новгородцы. В начале X в. арабский купец и путешественник *Ибн-Фадлан* сообщает, что Русы (норманны) в это время торговали по реке Итиль (Волге). В середине X в. *Константин Порфирородный*, давший описание городов Поднепровья, не сообщает никаких сведений о конкретной специфике и ассортименте товаров, которыми Русь торговала с Византией.

Летописец пишет, что в 969 г. состоялся знаменательный совет Святослава с Ольгой и боярами. В ответ на их справедливые упреки, что князь бросил Киев, Святослав сказал, что «не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь». [79, с. 66] Святослав очевидно отмечает незначительную торговую роль Киева в его время, в сравнении с торговлей в низовьях Дуная. Святослав конкретно перечисляет важнейшие товары, идущие по дунайскому торговому пути.

Путешествие по днепровско-черноморской части варяжского пути было отнюдь не легкой прогулкой. Днепровские пороги представляли собой серию подводных гранитных кряжей, девять из которых были во всю ширину Днепра. Эти пороги перекрывали собой течение реки на расстояние около 70 км.

Император Константин в середине X в. называл прохождение днепровских порогов «мучительным и страшным, невыносимым и тяжким», имея в виду закаленных воинов. Уже прохождение первого порога таило в себе серьезную опасность: «Порог этот... узок, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив на (судах), затем, нагие,

ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая ее шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу реки». [35, с. 97–98] Сходным же образом приходилось преодолевать другие днепровские пороги.

Обнаруженные осколки разбитых амфор и утерянные при грабежах торговых караванов римские и византийские монеты, говорят о незавидной судьбе тех, кто все-же рискнул форсировать на судах днепровские пороги.

Вид днепровских порогов (рисунок XIX в.)

От днепровских порогов и до устья Днепра служба оповещения византийских херсонитов тщательно следила за всеми передвижениями кораблей варяго-росов.

Путь от Киева до Царьграда занимал порядка тридцати — сорока дней. Перед тем, как выйти в море, обычно на стоянке русских судов на острове святого Еферия ладьи переоснащали для морского похода: ставили мачты, паруса и кормила, которые везли с собой.

От античной эпохи осталось весьма мало сведений об использовании Днепра для судоходства. Еще Геродот (ок. 485–425 гг. до н. э.) писал о том, что Борисфен (Днепр) судоходен лишь до области «герров». [36, т. I, с. 52]

Тот факт, что для обозначения Днепра в его нижнем, среднем и верхнем течении практиковались разные названия, говорит о том, что сквозное судоходство по всей его длине, судя по всему, отсутствовало.

Таким образом, исторически речь идет о роли Киева не как об одном из важнейших центров торговли вдоль Днепра, но как летописного торгового места «перевоза» через Днепр, где легендарный князь Кий был «перевозчиком», или держал «перевоз», т. е. контролировал и обеспечивал его безопасность.

То, что понимается под летописным варяжским путем, по времени относится лишь к концу X в., к эпохе правления Владимира Святославовича.

Князь Владимир, завоевав крымский Херсонес и взяв в жены византийскую принцессу Анну, взял под свой контроль более короткий сухопутный путь, в обход днепровских порогов, к Дунаю.

Этот путь был известен еще Геродоту, который писал, что от Истра (Дуная) до Борисфена (Днепра) — десять дней пути [36, т. I, с. 58] — это около 350–420 км.

Ряд историков обратил внимание на то, что у Нестора наблюдается весьма неопределенное размежевание между географией нижней части Дуная и Днепра, на берегах которых стояли города сходной топонимики. [108, с. 72–73]

В этом отношении есть все основания полагать, что торгово-экономическая часть договора 911 г. между Русью и Византией относилась не к торговле по Днепру, а к трансевропейской торговле по Дунаю.

Еще Геродот писал об Истре (Дунае) как «величайшей из всех рек, которые мы знаем». [36, т. I, с. 45]

Верховья Дуная достигали Рейна (это был путь во Фризию, Фландрию к Британии), а также на Эльбу и даже на Вислу к славянскому Поморью, Ютландии и Скандинавии. Причерноморское устье Дуная находилось на землях Болгарии неподалеку от границы с Византией.

С древности отмечаются этнические и торговые связи Русов с верхне и средне дунайскими территориями. Так в «Описании городов и областей к северу от Дуная или Баварском географе» (ок. сер. IX в.) сообщается о народе Руссов (**Ruzzi**). В грамоте короля Людовика Немецкого Альгхайскому монастырю (843–876) упоминается область «**Ruza-ramarcha**» (земля торгующих Руссов), находящаяся на южном берегу Дуная. [95, с. 41, 54]

Так называемый «Раффельштеттенский таможенный устав» («*Inquisitio deteloneis Raffelstettensis*») 904–906 гг. [95, с. 62–67] свидетельствует о развитой торговле купцов Руси (**de Rugis**) от славян по Дунаю в Центральной Европе, в частности, рабами и воском: рыба продавалась по цене жеребца, а раб по цене кобылы. «Некоторые специфические черты денежного счета на территории Баварской восточной марки (насколько они вырисовываются

из «Раффельштеттенского устава») оказываются производными от древнерусского. Это обстоятельство свидетельствует не только об интенсивности русско-баварских торговых связей. Ясно также, что то состояние русско-южнонемецкой торговли, которое фиксирует «Раффельштеттенский устав», конечно, не могло возникнуть в начале X в., оно — результат достаточно длительной истории и отсылает нас к предыдущему IX столетию. К такому же заключению приводят и наблюдения над формами имени *Русь* в латиноязычных источниках». [35, с. 296–297]

Устав представляет исключительную ценность, так как содержит самое древнее из точно датированных свидетельств о торговле купцов от руси. Характерно, что это свидетельство происходит с территории Баварского Подунавья.

Если рынок рабства был традиционным с античных времен, то возникновение рынка воска характерно для эпохи европейского феодализма. Славянский воск, как продукт бортничества был весьма ликвидным товаром, используемым христианами для религиозных целей. Знать Европы предпочитала освещать свои покои ароматными свечами, взамен плошек, чадящих свиным жиром. Увесистый кусок воска приносил сказочную прибыль, будучи переплавлен в сотни свечей для нужд церквей и монастырей по всей Европе.

Равным образом и православная Византия являла собой неисчерпаемый рынок для сбыта воска. Так, летописец сообщает, что в 945 г. Великий Князь Игорь Рюрикович щедро одарил послов греческих «скорою» (мехами), «чалядью» (рабами) и «воскомъ». [79, с. 53]

Под 839 г. в франкских «Бертинских анналах» приводится случай, когда в посольстве греческого императора Феофила к императору франков *Людовику Благочестивому* обнаружили норманны-русы. Несомненно, что это посольство направлялось на земли франков именно по Дунайскому пути. По этому же пути шли купцы франков в сторону Византии.

В конце X в. торговые отношения между Болгарией и Византией находились в руках греческих спекулянтов, сбывавших низкопробные товары славянам, при этом греки установили высокие ввозные таможенные пошлины. Равным образом, как свидетельствует «Раффельштеттенский таможенный устав», купечество руссов, торгующее по Дунаю было обложено большими пошлинами.

В 904 г. торговая война между Болгарией и Византией превратилась в войну настоящую, в ходе которой греки потерпели поражение и откупились большой данью. Через три года войска Олега через земли Болгарии напали на Константинополь. Таким образом, налицо

совпадение обстоятельств войн Болгарии и Руси с Византией по времени, целям и результатам.

В частности, по договору 911 г. между Русью и Византией, купцы норманнов, прибыв по Дунаю в Болгарию с рабами, пушниной и воском, имели право торговать беспошлинно. Не случайно, что одна из копий этого договора, наряду с греческим, была составлена на древнеболгарском языке.

Совершенно очевидно, что торговля Руси с Византией была невозможна без согласия на это болгар, поскольку торговые пути от Дуная и Причерноморья проходили по их землям.

Грегуар обратил внимание на найденную в 20 км от Фессалоники надпись на пограничном между Болгарией и Византией столбе, в которой упоминается Феодор, великий тархан, в подлиннике написано **ὀλγου τρῆχανου** (Олег-великий).

Известно, что Феодор вел переговоры с Византией в 895 и 913 гг. и, вероятно, подписал торговый договор, текст которого не сохранился, но имя Феодора как чиновника высшего ранга (тархана) было запечатлено на пограничных столбах.

Возможно, что киевскому летописцу был известен текст болгарско-греческого договора, подписанного прежде всего Феодором как великим тарханом, имя которого в греческой транскрипции **ὀλγου** было подобно Олегу. Отсюда и возникла летописная версия о заключении великим князем Олегом торгового договора с греками. [72, с. 109–110]

Олег вошел в историю под рядом имен: *Олег-правитель*, *Веций Олег*, как норвежский князь *Оддр* (*Одд*). Имя *Веций* связано с легендой летописца о встрече Олега с волхвами-кудесниками и беседе с ними о своей будущей судьбе.

Волхвы предрекли гибель Олегу от его любимого коня. Прошло пять лет, конь умер, а Олег был жив. Олег «посмѣся и укори кудесника, река: то ти неправо глаголють вольсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». [79, с. 38] Но «змиа из голы лба виникнувши, уклюну» князя в ногу, от чего он разболелся и умер.

Сходная легенда излагается в скандинавской саге об «Одде Стреле». Конунгу Одду языческая пророчица *вѣльва* предсказала прожить дольше, чем обычным людям, быть в разных землях могущественным человеком, но умереть от коня серого цвета: «его голова станет твоей смертью». [36, т. V, с. 259–260]

В Скандинавии, как и на Руси, в древности конь и конский череп играли большую роль в самых различных магических обрядах

и верованиях. Конь был окружен почетом, был наделен даром предвещения, использовался в различных гаданиях о будущем⁶⁷.

По летописцу: «И прозваша Ольга Вѣщїи, бяху бо людие погани и невѣголосои». [79, с. 31] Но так ли это? По существу, в летописной легенде о смерти Олега приводится философский спор Олега с прорицателями волхвами-кудесниками. При этом, Олег стоит на позициях здравого житейского рационализма, обвиняя волхвов во лжи.

Очевидный атеизм убеждений Олега привел к затруднению описания его похорон. Нестору было не ясно, по какому обряду «похоронить» Олега — языческому, или как то иначе. По летописцу, Олег был погребен в Киеве на горе Щековице: «И плакашася людие вси плачемъ великимъ». [79, с. 38]

Однако по действительной территории княжения Олег *принял смерть от коня* на родине своей юности в окрестностях Ладоги, где стоит курган, именуемый *Олегова могила*⁶⁸.

По летописям, именно Ладога, но отнюдь не Киев, была тем местом, где последний раз видели Олега живым. Есть летописная версия, что Олег ушел *за море*, где его «уклюну змиа в ногу». [35, с. 490]

В биографии *Вещего Олега* расходятся биологическая и социальная метрика его жизни. Биологическое время жизни мужчины тех лет было около 30–35 лет, и, вероятно, в этом возрасте Олег как старший в роде *варяго-руси* принял власть, став **chacanus** народа **Rhos**.

Меньший возраст Олега невозможен, ведь в этом случае, мужчины *призванного рода* Рюрика, княжившего 17 лет, были бы или детьми или юной молодежью. Олег княжил 33 года и скончался в 912 г. в возрасте 65–68 лет, по Н. М. Карамзину, «в глубокой старости».

Получается, что грандиозным походом русских на Царьград в 907 г. руководил старик-полководец. В этом плане именование Олега Вещим снимает все вопросы, ведь Вещий, в частности, значит и необъяснимо чудесный.

Оценивая роль Олега, Н. М. Карамзин писал: «Походы в Грецию способствовали к утверждению власти князей и соединению народов (древней Руси)», но «кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы». [48, т. I, гл. V, с. 76]

В. О. Ключевский отметил: «появление Рюрика в Новгороде, кажется мне, неудобно считать началом Русского государства: тогда в Новгороде возникло местное и притом кратковременное варяжское княжество. Русское государство основалось деятельностью Аскольда

---

⁶⁷ «Поклонение варяжскому кумиру»: иллюстрации, рис. 10.

⁶⁸ «Олегов курган в Старой Ладоге»: иллюстрации, рис. 32.

и потом Олега в Киеве: из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства; Киевское варяжское княжество этих витязей стало зерном того союза славянских и соседних с ними финских племен, который можно признать первоначальной формой Русского государства». [52, с. 175]⁶⁹

Игорь

Игорь был рожден от брака Рюрика с одной из своих жен *Ефандой*, [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 34] (дочерью урманского князя). В. Н. Татищев отмечает путаницу в определении даты рождения Игоря — в Раскольничьем списке упоминаются три года подряд: 873-й, 874-й, 875-й; в Нижегородском — 861-й; в Ростовском — 864-й; в Оренбургском — 865-й. [146, 1773, кн. II, с. 365, прим. 58]

После кончины Рюрика в 879 г. малолетний Игорь остался на попечении варяжского конунга Олега. Летописное явление Игоря было весьма эффектным. Потрясая младенцем Игорем, как боевой хоругвью, Олег объявил поверженным у его ног Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода» и, подняв Игоря, добавил: «се есть сынъ Рюриковъ». [79, с. 22]

При Олеге-правителе половину своей жизни Игорь был никем: «Приученный с детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законной, ибо он умел ею возвеличить государство». [48, т. I, гл. V, с. 47, с. 76.] Здесь Н. М. Карамзин не прав: вся полнота власти по родовому праву пожизненно принадлежала Олегу как **chacanus** народа **Rhos**.

Метрика жизни князя Игоря схожа с жизнью Олега-правителя: оба пришли к власти примерно в возрасте 33 лет, время властвования обоих также одинаковое — 33 года.

⁶⁹ Рассуждения В. О. Ключевского: *Русское государство времен Аскольда и Олега... Киевское варяжское княжество...* — эти эффектные словосочетания, по данным археологии, являют собой вымысел, не подтвержденный ни одним материальным фактом. О каком химерическом союзе идет речь? Витязи норманны обложили подвластные им племена славян, финнов и балтов кабальной данью, а древлян, по причине их ожесточенного сопротивления, частью истребили, а оставшихся в живых, обратили в рабство — Авт.

Летописец, по Христову образцу, отмерил подряд всем первым Русским Князьям по 33 года княжения — Олегу, Игорю, Святославу, Владимиру. За два года до смерти как Олег, так и Игорь, желая «прославить свою старость», [48, т. I, гл. IV, с. 53] совершают походы на Царьград, а за год до своей кончины Олег и Игорь заключают письменные договоры с Византией, о которых греки по существу умалчивают.

В истории тождество событий, значительно разнесенных во времени, маловероятно. Н. М. Карамзин считал хронологию Нестора по устным преданиям весьма условной. [48, т. I, гл. II, с. 26]

После смерти Олега в 912 г. Игорь стал полновластным **chacanus** народа **Rhos**. Древляне попытались «отложиться» от Игоря, вырваться из вассальной зависимости от норманнов. В ответ Игорь наложил на древлян еще большую дань, древляне же ответили упорным и ожесточенным сопротивлением.

Большую опасность представляли собой кочевники печенеги, впервые явившиеся на юге Руси в 915 г. Игорю удалось вступить в союзные отношения с печенегами, заключив договор о ненападении на 5 лет.

Значение отношений печенегов с Русью отметил император Византии *Константин Багрянородный* (905–959): «[росы] покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось. Против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с печенегами, так как печенеги имеют возможность — в то время, когда росы удалятся от своих [семей], — напад, все у них уничтожить и разорить... ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа печенегов... и устраивают резню». [35, с. 95]

Война с древлянами и умиротворение печенегов требовали больших расходов. В 941 г. Игорь решил явиться с дружиной к Царьграду, заявить свои права по договору между Олегом и Византией и взять дань с греков.

Греки, резонно считая, что к договору 911 г., не подписавший его Игорь не имеет отношения, встретили дружину Игоря мощной армией и флотом и после упорных боев на суше и на море вынудили его отойти. Враги Руси в Византии и Хазарии ликовали, неизвестный хазарский еврей донес в Испанию весть, что «царя Руссии» македоняне (греки) победили огнем. [50, с. 66]

По летописцу, Игорь не уныл, желая отомстить грекам за свою неудачу. Заметным образом дружина Игоря не была ослаблена. Через два

года Игорь собрал огромное союзное войско из Варягов, Руси, Полян, Словен, Кривичей, Тиверцев, Печенегов и двинулся на Византию «в лодьях и на конихъ».

Сбор союзного войска, как и во времена Олега-правителя, происходил в верховьях Днепра в районе Гнёздова, флот строился в Любече. Греки, через своих осведомителей от херсонитов, имели представление о мощи войск Игоря и были уstraшены вестью, что Русь идет «бецисла корабль».

Греки отправили послов, встретивших войска Игоря на Дунае, на границе империи. Послами были *лучшие боляре*, высшие сановники Византии. Они предложили Игорю заключить новый мир, поднеся ему дань. По летописцу, греческий император «моля и глаголя» Игоря, писал ему: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к той дани». [79, с. 45]

В 944 г., путем торжественного обмена посольствами, был заключен новый договор, с целью *обновления ветхого прежнего мира* между Русью и Византией. Договор подписали посланники от Князя Руского и Великих Царей Греческих пока «сияеть солнце и весь миръ стоять». [79, с. 46]

От Руси договор подписали 45 вельмож норманнов и 7 славян, как полномочных лиц *всех людей Русской земли*. [48, т. I, гл. IV, с. 54] Среди них: представители князя Игоря, его жены Ольги, сына Святослава.

По содержанию договор Игоря 944 г., где значилось равенство торговли для греков и русских, был менее выгоден договора Олега 911 г., в котором русские имели большие льготы в торговле с Царьградом.

Весьма опасаясь военной мощи Руси, в договоре 944 г., чего раньше не было, оговаривались права Византии на Корсунскую землю (Херсонес) в Крыму и земли по устью Днепра, которые Русь была обязана покидать зимой.

Договор 944 г. Руси и Византии, как и во времена Олега, касался прежде всего торговли купцов-русов, приходящих по Дунаю на земли болгарского Причерноморья и затем в Царьград. Киев с Византией в то время не торговал.

Вековые археологические раскопки показывают, что в погребальном инвентаре киевского некрополя вещей византийского происхождения почти нет, найдено всего 4 византийских монеты: «Ничтожное количество отдельных случайных находок византийских монет IX–X вв. отмечалось и при рассмотрении нумизматических кладов тех времен, найденных на территории Киева». [49, с. 215]

В то же время, начиная с середины X в., по археологическим находкам отчетливо видны связи киевского Поднепровья с арабским

Халифатом. Прежде всего речь идет о найденных многочисленных арабских диргемах X в., превращенных в украшения подвесок.

Весьма сомнительными в летописных преданиях об Игоре выглядят причины его гибели в 945 г. при сборе дани с древлян. Нестор пишет, что дружинники Игоря, вдруг, впав в «нагую» бедность в сравнении с «изодевшимися оружием и одеждой» слугами воеводы Свенельда, потребовали от Игоря идти с ними за данью на древлян. «И послуша ихъ Игорьъ, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, [и] насилише имъи мужи его». [79, с. 53]

Собрав дань, Игорь отпустил дружину домой, а сам, размыслив рече: «похожу и еще», и с малой частью дружины вернулся «желая больша имѣнья». Древляне же, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря вместе с его людьми.

Греческие историки, [71, с. 44] и вслед за ними Нестор, пишут о неумеренной алчности и корыстолюбии варягов. Норманны нанимались византийскими императорами как воинская элита, которой платили огромные деньги наличным золотом и серебром, от этого обстояательства и проистекают стенания византийских историков о безмерной алчности варягов.

Дружина Игоря не могла быть *босой и нагой* уже на следующий год после столь удачного похода на Царьград, в ходе которого греки в обмен на мир выплатили каждому воину Руси 12 гривен, на которые можно было безбедно жить многие годы. По ценам тех лет — 12 гривен это 2,5 кг чистого серебра. За 1 гривну давали 1000 белок, за 2 — коня, за 4 — ладью.

Если русским воинам при походе в 944 г. на Царьград досталась добыча, золото и серебро, то что можно сказать о самом Великом князе Игоре — он стал безмерно богат. Поэтому Игорь так щедро одарил послов греческих «скорою» (мехами), «чалядью» (рабами) и «воскомъ». [79, с. 53]

О богатстве дружины Игоря говорит и то, что воины-язычники Игоря дали клятву соблюдать вечный мир с греками на священном холме, где стоял Перун, положив к ногам идола оружие, щиты и золото.

Варяги-язычники не отделяли Перуна от скандинавских богов Тора и Одина, которым было принято приносить жертву золотом и серебром. По скандинавским верованиям, возвращаться домой необходимо было с деньгами в виде золота и серебра. На эти деньги на родине обзаводились семьями, содержали престарелых родных, а большую часть сокровищ зарывали кладами *на потом, на будущую безбедную загробную жизнь*.

Клятва дружины Игоря

После похода на Царьград и заключения выгодного мира с греками, Игорь, находясь в апогее славы и могущества, решил окончательно смирить древлян. О самих древлянах есть много мнений. Это племя отличалось от племен, составивших ядро древнерусской народности, по происхождению, по обрядам, и по диалекту. По Нестору, поляне и древляне были славянами, первые жили по Днепру в открытых пространствах полей, вторые — западнее в лесах.

Нестор предвзято относится к древлянам, которые «живяху звѣринскимъ образомъ, живущее скотьски», [79, с. 12] относительно полян, имеющих «бяху мужи мудри и смыслени» [79, с. 9] В. Н. Татищев пишет: «Здесь Нестор о древлянах нечто по злобе хульное указывает, ибо о них выше сам сказал, что однородны полянам». [146, 1773, кн. II, пр. 30, с. 358]

Поляне и древляне были этнически разными славянами, исторически пришедшими на Днепр с разных сторон — придунайского юга и европейской западной Двины. Лев Диакон сообщает о древлянах как о германцах. [71, с. 57]

Чувствуя *западный* тип древлян, Нестор, так их недружественно охарактеризовал относительно полян, предки которых явились на Днепр с подвластных православной Византии придунайских земель. Мнение Нестора об отсталости древлян не объективно, но выражает стремление опорочить древлян, которые долгое время сопротивлялись христианизации и включению их в состав Киевской Руси.

Древляне, по данным археологии, знали гончарное, кузнечное, ткацкое и кожевенное ремесло, и в этом отношении несколько не уступали полянам, но даже, например, в искусстве строительства крепостей, превосходили полян.

Разный этнотип древлян и полян, как западных славян и славян южных, характерно выразились в их отношении к пришлым варяжским порабителю. Если *кроткие* поляне с времен Кия подчинялись хазарам, а затем конунгам норманнов Аскольду, Диру и Олегу, то древляне как исконно славянское племя отличались органическим свободолюбием, ожесточенно сопротивляясь хазарам, норманнам и княжескому Киеву.

Можно высказать предположение об источнике предания летописца о причине гибели князя Игоря. В *Повести временных лет* есть места, обладающие большой степенью выразительности в передаче исторических деталей, явно описываемых их очевидцами и участниками. Это касается событий восстания волхвов 1071 г., в подавлении которого принял активное участие *Янь Вышатич* — княжеский воевода-каратель.

Свои последние годы в старости Вышатич провел в Киево-Печерском монастыре рядом с Нестором. Под 1106 г. летописец отметил: «В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живь лѣто 90... отъ него же и азъ много словеса слышахъ, еже и вписахъ в лѣтописаньи семь». Нестор льет в адрес Вышатича патоку христианского благочестия: «Живь по закону Божью, не хужий бѣ первыхъ праведникъ... бѣ бо мужъ благовъ и кротокъ и смѣренъ». [79, с. 270–271]

В действительности, это *кроткий Божий праведник*, истязая славянских волхвов, замучил их насмерть. В начале волхвов, зверски избивая, скальпировали, выдрал им вместе с кожей усы и бороду особым орудием пыток — *проскепом*. Затем, истекающих кровью, умирающих людей, повесили на дубе, что, по мнению Нестора, стало свершением «отъ Бога по правдѣ». [79, с. 173]

Много раз в жизни Вышатич оружием, в угоду киевским князьям, выколачивал дани и подати с подневольных людей, *примучивая* их. Возможно, что в свете рассказов Вышатича и родилось предание летописца, в котором явление Игоря к древлянам был преподнесено как несправедный набег корыстолюбивого князя с малой дружиной за доплатительной данью.

Да, собственно, о какой дани идет речь? Древляне были не богаты, жили ремесленными промыслами и трудами земледельцев, не отличались прибыльной торговлей, которая носила вид натурального товарообмена. Археологический вещевой инвентарь древлянских курганов маловыразителен и скуден, денег в них практически не обнаружено.

Поход Игоря на древлян не был походом за данью, но стал естественным продолжением процесса феодализации киевской Руси, принявшей форму военного порабощения.

По договору 944 г. Руси с Византией, Поднепровье распалось на три области. В верхнем Поднепровье близ Смоленска властвовали норманны.

В центре Поднепровья находилось сильное древлянское княжение, на землях которого стояло много городищ и укрепленных пунктов, даже на болотах⁷⁰. Известны около 20 древлянских укрепленных городищ VII–IX вв. Древляне, помимо новых, использовали древнейшие укрепления еще со скифских времен. Древлянские городища были хорошо защищены валами, эскарпами и рвами. При сооружении валов использовались не только земля, глина и дерево, но и местный гранит, которым укрепляли насыпи.

С времен Аскольда и Дира, несмотря на все усилия, норманны не могли сломить упорное сопротивление древлян. Повторялась одна и та же картина, когда армада кораблей норманнов плыла вниз по Днепру, древляне вроде соглашались платить дань, но когда флот у норманнов отсутствовал, древляне от дани *откладывались*.

Единственно, что удалось норманнам с времен Аскольда и Дира, так это окопаться на киевских горах, на стратегически важном пункте начала сухопутного пути в Херсонес. Низовья Поднепровья вплоть до устья Днепра контролировались херсонитами, русам там было запрещено жить.

По существу, несмотря на принятое летописное политическое построение древнерусской истории, следует признать, что присутствие норманнов в бассейне Поднепровья вплоть до конца X в. было не доминирующим: «Могильники IX–X вв., расположенные у древнерусских городов — Киева, Чернигова, Смоленска, нередко изображались как аристократические кладбища дружинной знати, а сама знать к тому же рассматривалась с позиций более или менее откровенного норманизма. Такое понимание древнерусских городских некрополей IX–X вв. глубоко ошибочно». [49, с. 138]

Игорь после удачного похода на Византию решил с помощью сухопутных войск окончательно сломить древлян. Вероятно, что Игорь с малой дружиной пошел на прямые переговоры о вассалитете с военной знатью древлян и, после нарушения уже достигнутых договоренностей, был зверски убит.

⁷⁰ Имеются в виду, так называемые, «болотные крепости», небольшие укрепленные островки на болотах, где в случае опасности отсиживались местные жители — Авт.

Показательна ответная месть жены Игоря княгини Ольги, к ней также прибыли на переговоры послы древлян, которых также зверски убили. Изуверство с обеих сторон не случайно. Византийский историк Лев Диакон сообщает, что плененного Игоря древляне, привязав к деревьям, заживо разорвали на части. Летописец пишет, что первое посольство древлян Ольга живьем закопала в землю, а второе сожгла заживо. Тем самым, обе воюющие стороны взаимно устрасали друг друга.

Первый русский митрополит Иларион воздаёт должное заслугам Игоря, который «мужеством и храбростью прославился в странах многих». [45, с. 73] При княжении Игоря Русь более трети века сохраняла свое державное могущество, обретенное при Олеге-правителе. Кичливая Византия договором, заключенным с Игорем, вновь была унижена и на десятилетия поставлена вровень с молодой Русью.

К редкой особенности Игоря относится родовой стиль его владения, когда князь в сложных случаях, как это бывало в походах на Царьград и на древлян, советовался с дружиной, выполняя общую дружинную волю.

P. S. Помимо летописных данных и свидетельств греческих источников, немаловажное значение имеют древние скандинавские источники об эпохе Игоря, в частности, «Сага об Ингварре Путешественнике». [36, т. V, с. 243–252] В ней рассказывается о походе на восток норманнов под руководством шведского хёвдинга Ингварра.

Историческая достоверность этого похода засвидетельствована руническими надписями, установленными вблизи озера Меларен, в которых превозносится храбрость воинов, участников похода Ингварра.

Ряд сюжетных мотивов композиционно весьма сложной «Саги об Ингварре» может быть идентифицирован с обстоятельствами похода Игоря на Византию, что, в таком случае, является уникальным свидетельством перепетий похода от их непосредственных участников.

Отцом Ингварра был знатный конунг Эймунд, а мать была дочерью могущественного человека. В это время Гардарикой (Русью) правил конунг Олав (древнерусский Олег — Авт.). Ингварр, повзрослев, стал тяготиться ролью подчиненного Олава. Он решил набрать свою дружину, покинуть страну и отправиться на восток за богатствами.

Дружина Ингварра отплыла в поход на 30 кораблях, это вполне реальное количество судов для тех времен, в сравнении с мифическими летописными сотнями или греческими тысячами кораблей норманнов.

В поход на восток дружина Ингварра плыла по средней самой большой реке (Днепр), протекающей между двумя другими реками (Западной и Северной Двиной). Преодолевая днепровские пороги

и водопады, дружинники Ингварра с помощью канатов вытягивали суда для обхода порогов по суше.

Во время похода дружина Ингварра подстерегали различные напасти, они встретили великана и летающего дракона.

Встреча с драконом особенно интересна: чудовище, извергая из пасти яд и огонь, уничтожило один из кораблей флотилии Ингварра. Судя по всему, перед нами в сказочной форме предстает один из эпизодов морского сражения норманнов с врагом, использующим «греческий огонь», т. е. с византийцами вблизи их владений.

Ингварр погиб от эпидемии, но его сын Вальдимар на одном корабле прорвался к Миклогарду (Константинополю), какова судьба остальных судов норманнов никому не известно.

Княгиня Ольга

По русским летописям, греческим и европейским хроникам, Ольга носила три имени — от рождения ее звали *Прекраса*, по отцу — Гостомысловна. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 35] Второе имя — Ольга, она «приняла, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к (ней)». [48, т. I, гл. V, с. 47] После крещения Ольгу назвали Еленой.

Об имени Елена, принятом Ольгой, есть ряд мнений. Еленой звали мать императора Византии Константина. Скорее всего, имя «Елена» было дано Ольге в честь жены Константина VII (944–959), такова была практика IX–X вв. [95, с. 111]

Происхождение Ольги до настоящего времени остается невыясненным. По этому поводу есть ряд версий, которые условно делятся на *северные* и *южные*.

По первой северной версии Нестора, в 903 г., когда Игорь повзрослел, он «хожаше по Олзѣ и слушаше его и приведоша ему жену отъ Пскова, именемъ Олгу... [а] сани ее стоять в Плесковѣ и до сего дне». [79, с. 28, 59]

Правда, на основании одного из поздних списков летописи из Румянцевского музея отмечалось, что в Пскове стояли не сани, а сени. Сени — самостоятельная и основательная постройка — вполне могли сохраниться (относиться) ко временам летописным.

Православная церковь, канонизировавшая Ольгу как первую равноапостольную святую, выдвинула разновидность северной *славянской*

версии, по которой Ольга «происходила из знаменитого рода: она была правнучка Гостомысла, того славного мужа, который начальствовал в Великом Новгороде до тех пор, пока по его совету, не был призван от Варягов на княжение русское Рюрик с братьями. Родиной Ольги была *весь* Выбутская, находящаяся ныне близ города Пскова, тогда еще не существовавшего». [125, с. 3]

Архимандрит Леонид (Каверин) пишет: «Легенда «о Выбутской *веси*», как известно, принадлежит къ циклу местныхъ легендъ позднейшаго времени, когда св. Ольга уже сделалась героинею народныхъ сказокъ. В XVI в. появилось въ русской письменности пространное житие св. Ольги (Степенная книга), въ которомъ говорится утвердительно (какъ будто это было уже доказано), что св. Ольгу... «произведе Плесковская страна... отъ *веси*, именуемая Выбутской, близ предель Немеческия власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода не княжеска и не вельможеска, но отъ простыхъ людей»; [55, с. 6] но говорится все это голословно, безъ всякихъ ссылокъ на какое-либо свидетельство, на основании местныхъ преданий, ни кемъ и ничемъ не проверенныхъ. Житие это приписывается (по надписанию на одномъ изъ списковъ) известному Сильвестру иерею, сперва Новгородскому, а потомъ Московскому. Такое бездоказательное мнение о месте родины св. Ольги, однакоже, было принято последующими писателями русской истории, безъ всякихъ возражений»⁷¹.

Славянская версия вызывает серьезные трудности в оценке временных аспектов жизни Ольги. Если Ольга была по рождению *Прекрасой Гостомысловной*, то должна была выйти замуж за Игоря в возрасте около 100 лет.

Из летописи Нестора следует, что сын Ольги Святослав родился в 942 г., когда Игорю и Ольге было около 60 лет. Возможно, что формальный брак Игоря с Ольгой был весьма ранним. С. М. Соловьев отмечает: «Женили князья сыновей своих также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лет, дочерей иногда отдавали замуж осьми лет». [142, т. III, гл. 1, с. 13] По «Устюжскому» летописцу, Игорь взял Ольгу, когда ей было 10 лет. [76, с. 19]

В. Н. Татищев обратил внимание на то, что легенда об Ольге — по рождению *простого* рода, невероятна, ведь «все князи и прежде и после женились на дочерях княжеских, а на крестьянских ни единого». [146, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 48] С. А. Геденов, имея в виду, как ценилась знатность происхождения на княжеской Руси, пишет: «Одного ответа Рогнеды на предложение Владимира достаточно для опровержения

---

⁷¹ «Русская старина», июль 1888, с. 216.

нелепой басни об избрании Олегом в жены Игорю неизвестной и простого рода Псковитянки». [27, ч. II, прим. 105, XXXVI] Ф. Энгельс, рассуждая о роде у германцев, отмечает несомненные пережитки отмершего матриархата, что можно «видеть в том уважении германцев к женскому полу, которое для римлянина было почти недостижимым... девушки из благородной семьи признавались самыми надежными». [89, т. 21, с. 137]

По летописным православным преданиям, Ольга основала Псков⁷². Случилось так, что на пустынном каменном мысе между реками Псковой и Великой было Ольге чудное знамение. Пораженная им, Ольга воскликнула: «На месте сем будет церковь Святой и Неразделимой Троицы и град велик». [50, с. 223]

Сочинители версии основания Пскова Ольгой намеренно игнорируют то обстоятельство, что, по Нестору, Ольга не могла основать Псков, ведь Игорь взял в жены Ольгу из Пскова, уже бывшего городом.

По Иоакимовской летописи, Ольга в 948 г. «послала в отечество свое, область Изборскую, с вельможами много золота и серебра и повелела на указанном от нее месте построить град на берегу Великой реки и, назвав его Плесков, населить людьми, отовсюду призывая». [146, 1773, кн. II, гл. IV, с. 41] В этой же летописи озвучена разновидность северной славянской версии, по которой Ольга была «рода Гостомыслова из Изборска... [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 35] Княжна Изборская... [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 47, с. 556] ибо тогда Пскова еще не было». [146, 1773, кн. II, пр. 76, с. 373]

По данным археологии, Изборск времен Ольги являл собой скопище убогих хижин размерами от 3,5 × 3 до 5 × 4 м с примитивными очагами. Древние изборяне, как и киевляне тех лет, не имели понятия о гончарном круге и лепили руками из глины убогую утварь. Спрашивается: о каких княжениях в условиях нищеты обитания идет речь... где эти мифические князья и княжны жили... в жалких лачугах?... да они рассыпались в прах, как только их раскопали.

К северным версиям относятся и ряд преданий о варяжском происхождении княгини Ольги. Имя Ольга совпадает с женским варяжским именем *Хельга* — значащим жена князя, княгиня-правительница. Очевидна близость варяжских имен Ольги и Олега-правителя, вдобавок, именно Олег выбрал в жены Ольгу Игорю.

Есть северные версии о немецком происхождении Ольги, как родственнице германского императора Оттона I. Эти версии объясняют

⁷² Предание об основании Пскова Ольгой возникло в XVI в. в Псковской редакции Жития св. Ольги Василия-Варлаама — Авт.

связи Ольги с европейским католицизмом. В целом: «Из преданий о происхождении Ольги можно принять за верное только одно, что она была родом из северных областей». [142, т. I, прим. 204, с. 300]

Есть ряд южных версий происхождения Ольги, по одной из них: «Женился князь Игорь во Плескове, поя за себя княжну, именем Олгу, дщерь князя Тмутаракана Половецкого» (рукописный Синописис Ундольского). [14, с. 279]

В *Слове о полку Игоревом* упоминается название города Плесеньск⁷³ (возможно, возле Киева), город с таким же именем был и в Галицком княжестве. Прикарпатский Плеснеск являл собой громадное городище (VII–VIII вв. — 10–12 га, до X в. — 160 га, до XIII в. — 300 га).

В. Н. Татищев отмечает: «Также ведома у болгаров Плискова тем же именем, которым она Плесковия (Псков) недалеко от нас в расстоянии находится». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 16, с. 210] Лев Диакон называет Плиску Плискувой. [71, с. 73]

В одном из рукописных сборников XV в. (возможно Владимирский летописец⁷⁴), обнаруженном в 80-х гг. XIX в. в собрании А. С. Уварова архимандритом Леонидом (Кавелиным), сообщается не дословное повторение записи первоначальной летописи под 903 г., о том что Олег взял своему воспитаннику и сроднику Игорю жену из Плескова, именем Ольгу, но совсем иное. Летописец XV в. пишет:

«Игоря же (Олегу) жени въ Болгарехъ, поять же за него княжну именемъ Олгу». Итакъ, вотъ письменное свидетельство, идущее изъ XV в., о том, что еще до написания пространнаго жития св. Ольги (въ XVI в., и прибавим в Новгородской области, русский летописецъ во Владимирской области зналъ, что св. Ольга была родомъ из Болгарии и происходила не из поселянокъ, а была болгарская княжна. А из этого уже само собой истекаетъ заключение, что подъ Плесковымъ первоначального летописца онъ имель причины разуметь не Псковъ, а тотъ древний болгарский городъ Плесковъ, который был основан, какъ упоминается выше, Константиномъ Великимъ.

Если же нынешний Псковъ и назывался в древности Плесковым, то не потому, чтобы онъ былъ родиною св. Ольги, а разве потому, что онъ былъ основанъ по воле св. Ольги и назван Плесковымъ въ честь ея роднаго города въ Болгарии...

---

⁷³ «Злато слово», М., 1986, с. 429.

⁷⁴ Так называемый «Новый Владимирский летописец». Обнаружен архимандритом Леонидом, настоятелем Троице-Сергиевой лавры, в 1887 г. Является одним из поздних списков «Повести временных лет» с изменениями, внесенными переписчиком.

Признав же, согласно по свидетельствам летописца XV в., болгарское происхождение Ольги, мы получаемъ черезъ то иное, более достоверное и целесообразное освещение важнейшаго изъ событий нашей древней истории: принятия ею христианской веры; при чемъ, хотя отрывочныя, но достаточно определенные известия о ея духовном наставнике и спутнике въ Царь-градъ, болгарском пресвитере иеромонахе Григории... Какъ известно, Константинъ Багрянородный въ своемъ описании приема Ольги упоминаетъ и о ея духовникеъ, пресвитере Григории, присутствие котораго при виликой княгине, какъ легко догадаться, было не по вкусу грекамъ»⁷⁵.

Среди русских историков версию о болгарских корнях Ольги поддерживал Д. И. Иловайский. [46, с. 441–444]

Обстоятельства крещения Ольги в православии также говорят о ее болгарском происхождении. Примерно в то же время, что и Ольга, в 858 г. болгарский царь Борис решилъ принять православие, долго лавируя между греками и католиками. По летописям, и Ольга, недовольная греками, тоже отправила послов к католикам. В истории тех лет нет доподлинных случаев крещения северной знати варягов в православии. Постепенно скандинавская знать язычество сменила на католицизм.

В пользу болгарского происхождения Ольги говорит внешний облик ее сына Святослава, доподлинно описанный византийским историком *Львом Диаконом*. Святослав предстает перед нами как этнотип смешанной крови. От матери, болгарки княжны Ольги, Святослав унаследовал южно-сарматские черты лица, а от отца, князя Игоря — ярко синие глаза викинга. [71, с. 82] Одна из жен Святослава была Предслава — болгарская княжна. [165, с. 237] По древнеболгарски «олга» входит в составную часть титула военачальника на одной из надписей Первого Болгарского царства. [101, с. 36] Из истории известно, что первым европейским славянским государством было Болгарское царство, образованное около 650 г. Первой столицей Болгарского был город Плиска (Плискува), затем Преслава, а главной крепостью Доростол.

Выбор Олегом-правителем⁷⁶ болгарской княжны как невесты Игоря — наследника Великого Князя Русского — сулил блестящие династические и геополитические перспективы для Руси. Русь обретала влияние над большей частью ареала Черноморья (Русского моря) и, через Дунайские болгарские земли, начинала главенствовать на славянском юге Европы.

⁷⁵ «Русская старина», июль 1888, с. 217–221.

⁷⁶ Летописец пишет по поводу решения Олега: «И бысть мудра велми» («Русская старина», июль 1888, с. 223).

«Назначение» в 903 г. Ольги в жены Игорю не случайно. В это время Олег замыслил грандиозный поход на Царьград, для успеха которого, необходимо было обеспечить проход русской тяжелой конницы по болгарским землям юга Причерноморья.

Вполне вероятно, что Олег в походе на Византию, учитывая болгарское родство Ольги, находился в союзных отношениях с царем Болгарии Симеоном. Его царствование с 893 по 927 гг. было отмечено наивысшим расцветом культуры Первого Болгарского царства и, вместе с тем, непрерывными войнами с Византией, от которой Симеон домогался признания за собой титула не только светлости, но и «величества», равного императорскому титулу «базилевс» — царь.

Олега с Симеоном сближает не только хронология, но и титул «великий над князьями князь», несколько искаженный переводом, но почти точно воспроизводящий титулатуру Симеона, сохранившуюся в так называемом *Изборнике Святослава 1073 года*: «великий в князьях князь». [101, с. 37]

Представляет интерес «клятва оружием», описанная в договоре 911 г. и в тексте *Повести*, согласно которой «некрещеная русь полагают щиты и мечи свои обнаженные, обручи свои и прочее оружие». Анализируя язык договоров, И. И. Срезневский приводил в качестве параллелей к обряду описания внешнего вида царя Симеона и его бояр в парадном вооружении, полностью отвечающем перечню: с гривной на шее, обручами на руках и в кованных поясах. [142, с. 24–25, 41–43]

В свете *болгарской версии* о происхождения княжны Ольги в *славянской* перспективе рисуется картина сватовства к Ольге князя древлян Мала, ведь они были славянской крови: «Древлянский князь Мал не Норманн, не варяг; он единственный нам известный по имени, не покорившийся варяжской династии князь, от прежних *словенорусских* князей». [27, с. 118]

Нестор, словами В. Н. Татищева, *по злобе охулил древлян*, представив их звероподобными язычниками, живущими в лесах. Древляне, в отличие от большинства славянских племен, не подчинились Хазарскому Каганату. Равным образом и пришлых варяжских порабитителей древляне встретили ожесточенным сопротивлением.

Понятия «волк» и «варяг» однокоренные, поэтому смысл обращения послов древлян к Ольге: «муж твой убит как волк и грабитель» — можно понимать не только буквально, но и в этническом плане: «муж твой убит как варяг-грабитель».

Славянские послы древлян, народа, который десятилетиями вел упорную борьбу с пришлыми варяжскими порабитителями, обратились к славянской киевской княжне Ольге с предложением «стать

женой князя Мала» — т. е. династически объединиться, и изгнать варягов со славянских земель. Услышав такое предложение, Ольга, вполне естественно, ответила послам древлян: «Люба ми есть рѣчь ваша». [79, с. 54–55]

По *Степенной книге*, древляне, желая вступить в союз с Ольгой, *умыслиша*: «и сами свободни отъ дани будемъ, и наше будетъ достояніе». [55, с. 8]

Рождению славянского союза в Поднепровье, направленного против норманнов, мешало существенное кровное обстоятельство — единственный малолетний сын Ольги Святослав, отцом которого был варяжский князь Игорь, а дядьками знатные варяги Асмуд и Свенельд.

Суть предложения древлян Ольге, А. Нечволодов комментирует так: «Убивши русского князя, Древляне задумали совсем упразднить княжий род. [99, часть I, с. 120–121] По Нестору, древляне решили захватить Святослава «и створимъ ему, якоже хоцемъ». [79, с. 54]

Невнятный ответ послов древлян Ольге о дальнейшей судьбе ее сына Святослава встревожил княжну, и она обратилась к Свенельду и Асмуду, которые без труда убедили Ольгу, что Святослава ожидает судьба его отца — неминуемая гибель от рук коварных древлян.

Таким образом, вначале сугубо экономический конфликт между славянскими древлянами и пришлыми варяжскими князьями по поводу размера вассальной дани вскоре принял характер политического и этнического противостояния, что могло быть разрешено обычным для тех лет, радикальным образом — уничтожением в Поднепровье одной из враждующих этноэлит — древлянской или варяжской. Материнский инстинкт княгини Ольги стал выше голоса ее славянской крови.

Южно-болгарская версия происхождения Ольги, несмотря на свою привлекательность и оригинальность доводов, все же рождает ряд вопросов, на которые отнюдь не просто ответить. Главный из них, почему династический союз между Игорем как наследником Великого Князя Русского и знатной болгарской княжной остался совершенно неведом современникам, болгарским и греческим источникам. Брачный союз такого уровня должен по определению иметь публично значимый характер. Если он был тайнам, тогда в смысле династических притязаний политический статус такого брачного союза ничтожен.

В древнерусской исторической эпохе тех лет были прецеденты династических союзов существенного уровня и масштаба. В частности, брак внука Ольги князя Владимира с византийской принцессой Анной. Он был описан в греческих и летописных источниках с такой массой подробностей, которая позволяет не сомневаться в их исторической реальности.

Версия о болгарском происхождении Ольги рождает ряд вопросов по поводу конкретных обстоятельств ее реализации. Резиденция Олега как **chacanus** народа **Rhos** находилась во Пскове. Сведений о том, что Олег или его представители посещали Болгарию с целью сватовства нет никаких. Ясно также и то, что появление династического союза Руси и Болгарии заставило бы насторожиться Византию, и ни о каком неожиданном нападении на Константинополь Олега не могло быть и речи.

По всей совокупности обстоятельств, исторически более правдоподобной выглядит северная версия происхождения княгини Ольги. Эта версия становится еще более убедительной, если допустить, что Ольга была дочерью Олега. Такую возможность происхождения Ольги предполагают *Типографская летопись* (конец XV в.) и более поздний *Пискаревский летописец*: «Нѣцыи же глаголють, яко Олгова дчи бѣ Олга». [148, с. 9]

В таком случае складываются воедино сразу четыре существенных фактора: 1. Корневое сходство имен Олега и Ольги; 2. Знатное варяжское происхождение Ольги; 3. Рождение Ольги в Пскове, где находилась резиденция Олега как **chacanus** народа **Rhos**; 4. Династический статус брачного союза Игоря и Ольги, инициатором которого, по летописцу, был именно Олег.

Если Ольга была дочерью Олега, то это позволяет объяснить ряд исторических обстоятельств и, прежде всего, придать более реальный вид летописной хронологии. Олег мог «назначить» Ольгу женой Игорю, когда она была еще в пленках. Это отнюдь не означало, что Игорь должен был дожидаться своей суженой в целомудрии безбрачия еще лет 15. Это были времена родового патриархата, и можно не сомневаться, что Игорь был окружен целым сонмом «жен» для повседневного пользования.

Ольга не была первой и единственной женой Игоря, как это полагалось по православным канонам, а была одной из жен норманна князя-язычника, как было тогда принято. Известно, что во время правления Игоря, изгнанный король Норвегии Канут нашел убежище на Руси, видимо, благодаря тому, что отдал князю Руси в жены свою сестру: «Игорь окромья Княгини Ольги имел других жен, между которыми, может статья, была и сия Княжна Норвежская. Хотя неизвестно нам, ни когда он на ней женился, ни когда она скончалась». [165, 213–214]

По летописным источникам и их комментариям, Игорь, попав в *семейство* Олега и Ольги, предстает пред нами менее значимой фигурой, в сравнении с ними. Вдобавок, они были разной крови, мать Игоря Ефанда была рода ингров, Олег же и Ольга были чистокровными руссами.

По *Житию*, Игорь при первой встрече с Ольгой, увидев ее и прельстившись девичьей красотой, тут же решил ее изнасиловать. Но целомудренная Ольга не далась ему, своими добродетельными укорами она устыдила Игоря, «чтобы он не надеялся превышающей силою над ней воспользоваться, иначе могила ей станет убежищем от его наглости». [165, с. 201] Пришлось Игорю, чтобы овладеть Ольгой, вначале на ней жениться.

Семейные коллизии отношений Ольги и Игоря характерно выразились в преданиях и легендарном фольклоре. В среднем Поднепровье к Ольге укоренилась стойкая неприязнь.

В 1890-х гг. фольклорист и историк Н. И. Коробка записал в Овручском уезде, на месте столицы древлян Искоростеня, множество сказаний о княгине Ольге, повествующих о ее жестокости и коварстве. По одной из легенд, Игорь купался в реке «в костюме Адама», в это время мимо по берегу шла Ольга с войском. Публичный вид «срама» мужа настолько оскорбил ее целомудрие, что, впад в ярость, она решила его убить. Разъяренная фурия гналась за нагим Игорем десять верст, пока его не настигла. Есть легенда, что Игорь был убит Ольгой только за то, «шо з нею спорив». [50, с. 112]

В отличие от Игоря, воинственная Ольга окончательно решила *древлянский вопрос*. После гибели Игоря, отношения с древлянами вступили в фазу переговоров о форме вассалитета. Предложение о замужестве Ольги с князем Мала политически являло собой паритетный вариант равноправного династического союза древлян и норманнов. К Ольге явилось два дипломатических посольства древлян, что говорит о длительности и сложности переговорного процесса. Возникает естественный вопрос, где находилась Ольга, когда к ней на переговоры явилось посольство древлян?

По Нестору, по смерти Игоря в 945 г. Ольга «же бяше в Киевѣ съ сыномъ съ дѣтьскомъ Святославомъ», [79, с. 54] там же находилась и варяжская знать. Летописец приводит ряд названий местности *гор киевских* и местоположение огражденного княжеского дворца: «дворъ княжъ бяше в городъ... двор теремный». К настоящему времени, хотя археологические раскопки в Киеве идут более 150 лет, ни малейших следов княжеского «стоящего надъ горою дворъ теремный» не найдено.

Летосписатели XIV–XV вв. по Нестору, с времен Аскольда и Дира, исходя из статусных соображений, *сажали* на княжение в Киеве норманнскую знать Рюриковичей. Для придания убедительности норманнской истории Киева, Нестор ссылается на зримые ему городские ориентиры, перенося их названия в древние времена на места захоронения варяжских киевских князей: Аскольда на горе, ныне называемой

Угорской, где ныне стоит Ольгин двор, на его могиле поставили церковь святого Николы; Дира похоронили на месте, за ныне стоящей церковью святой Ирины; Олега похоронили на горе называемой Щековицей, могила эта сохранилась «и до сего дни». По кончине Олега и Ольги киевляне «плакашася вси плачемъ великимъ».

По мнению Г. В. Вернадского, под киевским летописным Ольгиным (Олминым) двором следует разуметь двор мадьярского воеводы Олома, который был расположен на холме возле Киева. Эта гора была известна как поселение угров (т. е. мадьяр) — Угорское⁷⁷.

Судя по данным археологии, речь идет не о княжении норманнов в Киеве, а о нахождении на его территории, с времен Аскольда и Дира, военного гарнизона варягов: «первые киевские князья и их дружинники поддерживали свой престиж не богатством своего убора и не пышностью придворных церемоний... а прежде всего мечом». [49, с. 226]

Известны захоронения военной дружинной знати в могилах срубного типа на территории Киева дохристианских времен. Часть их, несомненно, принадлежит норманнам. В погребениях найдено оружие норманнов — боевой топор, меч франкского типа IX–X вв. Обнаружены парные погребения, когда мужа «на тот свет» сопровождала одна из его жен. Такой обычай у норманнов-русов подробно описан Ибн-Фадланом.

Дважды найдено характерное женское украшение в виде крестообразной подвески. Такие же крестовидные подвески обнаружены в погребениях X в. в скандинавской Бирке. Найдены многочисленные скандинавские украшения — скорлупообразные фибулы. [49, с. 212, 217–218] Скандинавские украшения фибулы были широко распространены на землях древней Руси, они обнаружены в погребениях Приладожья, Верхневолжья, Владимиро-Суздальской земли, в Гнёздово и Шестовицах близ Чернигова.

Ближайшие аналогии фибул из Киева имеются среди находок в Эстонии и на Готланде.

В середине X в., во время событий древлянского похода Ольги, император Византии Константин Багрянородный написал военный историко-географический трактат «Об управлении империей» (лат. *De Administrando Imperio*). В отличие от Нестора, Константин, как современник, по существу сообщает совершенно уникальные сведения, в том числе и по древней Руси.

Константин Багрянородный описывая города Руси, стоящие по Днепру, не выделяет в числе их Киев как главный, сообщая о нем как

---

⁷⁷ [18] Распространение Хазарского и Мадьярского контроля над южно-рускими племенами.

о крепости, но не городе. Константин пишет, что ребенок Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии находился в **Немогарде**, [36, т. II, с. 158–159] и наиболее вероятно, что там же находилась и его мать княгиня Ольга.

Не вдаваясь в суть многовековой полемики среди историков, какой город следует разуместь под Немогардом, наиболее вероятным городом, выступающим под этим именем, можно считать **Великоград** (Гнёздово) как первоначальный Смоленск.

В Гнёздово обнаружен крупнейший древнерусский дружинный курганный комплекс, отсюда начинали свой поход по Днепру и затем к Царьграду дружины норманнов Аскольда и Дира, Олега и Игоря. Из Гнёздова вышел Игорь с дружиной в свой последний поход на древлян.

По версии летописца, поскольку был разлив, посольство древлян «лучшие мужи, числом 20» приплыли в Киев на лодье. Однако, судя по всему, древляне прибыли в Киев на лодье не сколько из-за половодья, сколько из соображений безопасности. Неожиданно напасть на людей, находящихся на корабле, сложнее, чем напасть на них на суше. После расправы над Игорем древляне опасались ответной мести Ольги.

«Присташа подъ Боричевымъ» близ Киева, послы древлян объявили Ольге цель своей дипломатической миссии как предложения династического брачного союза с их «добри суть» князем Малом. Ольга лицемерно объявила — «люба ми есть рѣчь ваша» — и, вопреки законам славянского гостеприимства, отправила посольство древлян *с двора теремного* обратно на лодью. Древляне не возражали, им было безопасней ночевать, находясь в лодье на Днепре.

«Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ, вне града». «Заутра» Ольга послала объявить послам древлян «честь велику», предложив им прибыть в *княжий двор теремный* на лодье, на руках киевлян. Послы древлян согласились, допустив тем самым роковую ошибку, лишив себя возможности при опасности бегства по воде. Киевляне понесли на руках «гордящегося» послов на *двор теремный* «в лодьи... и несъше, вринуша е въ яму я с лодьею». [79, с. 55]

«Приникъши» к яме, Ольга осведомилась у впавших в смертный ужас людей — Добра ли им честь? — а затем велела засыпать землей древлян заживо в яме, в лодье, ставшей им гробом.

Затем обманом Ольга вызвала в Киев второе древлянское посольство из «лучшие мужи» и организовала их изуверское убийство, повелев сжечь живьем в бане, и «изгорѣша вси».

Расправа Ольги над первым посольством древлян

Характерная особенность казни состояла в том, что когда баню с послами заперли, Ольга лично повелела зажечь ее от двери. В районе выбутских порогов, у деревень Ерусалимская и Ерошиха были раскопаны 8 крупных сопок, в семи из которых были найдены сложенные из бревен и плах погребальные камеры, в которых производилось сожжение умершего на месте, причем — через специальное топочное отверстие. Эта деталь поразительно напоминает повеление Ольги — зажечь «от дверей».

В античное время, как и в эпоху средневековья, намеренное убийство безоружных послов мира считалось одним из самых гнусных преступлений.

Поражает обстоятельное и, в какой-то мере, даже одобрительное описание православным летописцем изуверских бесчинств над древлянскими послами будущей *святой равноапостольной* княгини Ольги.

По *языческой версии* древлянских событий: «Эпическим отголоском массовых человеческих жертвоприношения при погребении «царя русов» — киевского князя Игоря — является летописный рассказ об Ольге и древлянах». [128, с. 281–282] По другой версии, древлянский князь Мал, убивший варяжского князя Игоря, как победитель, имел исконное родовое право собственности и на семью, и вдову побежденного, которые он, естественно, и обозначил своим брачным предложением княгине Ольге. [14, с. 285]

Вероятны и иные версии картины летописных событий. Можно предположить, что древлянское посольство приплыло к Ольге, находящейся не в Киеве, а в Гнёздово (Великоград).

В отличие от Киева, Великоград, стоящий на Днепре, был одним из крупнейших городов Европы середины X в. Данные археологии свидетельствуют о постоянном нахождении и проживании на его территории отрядов норманнов и варяжского купечества.

По описанию арабского путешественника Ибн-Фадлана и данным археологии, известен обычай норманнов сожжения своей знати вместе с кораблем. В районе Гнёздова-Великограда обнаружены такие захоронения.

В этом плане, если свести воедино картину летописной расправы Ольги над двумя посольствами древлян, то перед нами возникнет типично норманнский обряд погребения: сожжение в ладье, последующее насыпание кургана, тризна, погребальный пир.

В скандинавском эпосе есть ряд сказаний, совпадающих с летописным сюжетом о сожжении людей в связи со сватовством. Речь идет о гибели *Харальда*, во время его сватовства к шведской королеве *Сигрид Гордой*. Вместе с Харальдом прибыли и шесть других женихов знатных конунгов. Сигрид распорядилась построить для них отдельный дворец, а ночью велела напасть на них с огнем и мечом: «Сторел там дом и те семь конунгов со своими людьми, которые находились внутри, а те, кому удалось выбраться, были убиты. Сигрид сказала, что так она отучит мелких конунгов от того, чтобы приезжать к ней из других стран свататься к ней». [36, т. V, с. 226]

Еще одно косвенное соображение в пользу того, что расправа над послами древлян произошла в Великограде, но не в Киеве. Речь идет о причине, по которой послы древлян двинулись на переговоры не по суше, а по реке на корабле. Если это было вызвано соображениями безопасности, то в таком случае, более был выгоден путь на переговоры в направлении против течения Днепра в сторону Гнёздова-Великограда, но не по течению реки в сторону Киева. Бегство на лодье по течению реки дает существенно более высокие шансы на спасение.

Расправа Ольги над двумя древлянскими посольствами стала прелюдией начала войны норманнов с древлянами. Ольга: «собра вои многи и храбры, и идее на Деревьску землю. И изидоша Деревляне противу... [Ольга] повелѣ дружинѣ съчи Деревляны; и исѣкоша ихъ 5000». [79, с. 56]

Изображение летописцем похода Ольги рисует зловещую картину уничтожения древлянского княжения, столица древлян Искоростень была подожжена вместе с жителями. Летописная «хитрость» Ольги

по использованию голубей и воробьев для подожжения Искоростеня описана в древнескандинавских сагах как уловка по использованию диких птиц в качестве бессознательных поджигателей.

Когда «людые из града побѣгоша», Ольга повелела «люди овыхъ изби, а другия работѣ предастъ мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на ня дань тяжьку». [79, с. 58] Перед нами возникает трагическая картина «уничтожения *Российскими войсками* этого подлейшего народа». [165, с. 219] «Целый народ был объявлен в рабстве». [60, т. 1, с. 71]

Данные археологии подтверждают трагедию древлянского Искоростеня — город был полностью уничтожен огнем в середине X в. Раскопки вскрыли мощные крепости городищ Искоростеня, которые были практически неприступны для норманнов: «И стоя Ольга лѣта и не можаше взятии града. Тогда «мудрая» Ольга «умысли сице»: повелела обложить древлянские крепости дубьем-колодьем и сжечь их вместе с жителями.

Поражает, что в современном Корыстене в Житомирской области, стоящем на руинах пепелища древлянского Искоростеня, стоит памятник княгине Ольге, организовавшей сожжение заживо далеких предков жителей этого города. Не случайно, что церковники изъяли из Жития святой княгини Ольги летописные эпизоды погрома древлян: «месть относилась к языческому периоду в жизни Ольги. Приняв крещение, она смыла с себя прежние грехи — в том числе и грех древлянских убийств. Более того, известно, чем тяжелей грех, тем выше подвиг добровольного преодоления его». [50, с. 98]

В *Степенной книге* царского родословия приводится самодержавно-охранительная версия по поводу массовых казней древлян, называемых «господоубийцами, врагами, ненавидящих над ними власти царской, и того ради да примут месть, чтобы прекратилась дерзость в Русской земле промышляющих злое на самодержавных. Да прочие не навькнут убивать государствующим ими в Руси, но со страхом да повинуются величию царствия Руския державы начальникам». [55, с. 10]

Авторы *Степенной книги*, митрополиты Киприан и Макарий, льют патоку христианской морали добродетельного брака: «Кто не удивится сея блаженья Ольги премудрости, и мужеству, и целомудрию? — восклицают они, по завершению рассказа о зверской расправе над древлянами. — Аще и не крещена бе, и земнаго царствия власть управляя, по лишению мужа не изволи посягнути ко другому мужеву, уподобися горлицы единомужней». Эта добродетель Ольги оказывается главной, что касается пролития княгиней моря крови безвинных людей, стариков и детей, то это отнесено к заботам матери

о «добропытном устроении скипетродержании Руския земли сынови своему, с ним тогда в любви пребываше». [55, с. 10]

По летописцу, Ольга, «иде по Дервьѣстѣй земли... съ дружиною», изгнала древлянских старейшин и ввела свои законы: «уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища». [79, с. 58]

Ловища — это феодальные охотничья угодья Ольги. Важнейшей резиденцией *становищем* Ольги стал заложенный ей в 946 г. город-крепость Вышгород, названный летописцем Вышегородом, т. е. городом находящимся выше Киева по Днепру. По летописцу, Вышгород стал Ольгин-градом: «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» [79, с. 58]

Вероятней всего, в строительстве и обустройстве Вышгорода принимали участие прежде всего рабы из числа пленных древлян, многие из которых сооружали подобные крепостные сооружения у себя на родине.

Константин Багрянородного сообщает об одновременных «градах» в Киеве и Вышгороде в середине X в. Примерно об этом же пишет летописец, по которому 2 части «дань тяжку», возложенной на древлян, «идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ». Речь идет о киевской дружинной знати — «мужей», которым Ольга отдала часть пленных древлян в рабство.

По летописцу, на следующий год после похода на древлян, Ольга отправилась в Новгород, затем в Псков, ставя по рекам Мсте и Луге погосты для сбора оброков и дани «и ловища ея суть по всей земли». Ряд историков (А. Шахматов, М. Грушевский, Д. Лихачев и др.), находящихся в плену концепции несторовского *киеву центризма*, поставил под сомнение путешествие Ольги в Новгородскую землю.

Однако, если исходить из обстоятельств начала войны Ольги с древлянами по направлению от гнёздовского северо-запада к Вышгороду, то совершенно понятен ее обратный путь. Киев как город в то время еще не существовал, Вышгород лишь начал строиться. Ольге со двором на юге негде было жить. Поэтому она вернулась обратно к себе на родину в Псков и стала обустраивать близлежащие к городу земли.

Две части дани, наложенной Ольгой на древлян, пошли на обустройство Киева. С времен Ольги археологически прослеживается коренной перелом в технике строительства в киевском граде. На смену примитивным полуземлянкам полян, живущих на холмах, пришел северный тип срубных домов из бревен с горизонтальной кладкой, стоящей на сваях, началось строительство в низменном Подоле, его торговой части рядом с Днепром.

Один из самых известных эпизодов жизни Ольги связан с обстоятельствами ее крещения в православной Греции. Из летописных

преданий следует, что одной из причин крещения Ольги в православии в 955 г. (по греческим данным в 957 г.) стали ухаживания за ней императора Константина.

Ольга не ответила сразу отказом императору на предложение стать его «дополнительной женой», а решила сперва креститься, после чего ее брак с Константином стал невозможен: «Хрестоматийный рассказ о путешествии княгини Ольги в Царьград и ее крещении там содержит «Повесть временных лет». Удивительно, но рассказ этот построен по законам все того же фольклорного, почти что сказочного повествования. Само крещение Ольги в изложении летописца выглядит событием во многом случайным и никак не мотивированным. Перед нами очередное подтверждение исключительной хитрости многоумной княгини, которой удастся *переключать*⁷⁸, т. е. обмануть самого византийского императора с той же легкостью, с какой в предыдущих летописных сюжетах она обманывала древлянских послов и несчастных жителей Искоростеня... перед нами возникает сюжет наивной сказки о том, как русская княгиня посрамила похотливого византийского царя». [50, с. 150–151]

В. Н. Татищев в летописном описании крещения Ольги отмечал ряд несуразностей: «О сватании Ольги оставляю на рассуждение каждого рассмотреть лета ее. Нестор хотя ни лет ее жизни, ни рождения не объявил, но того довольно, что она в 903 г. с Игорем обручена, овдовела в 945 г., быв в супружестве 42 года, вдовствовала до крещения 10 лет; и если она при сочетании 15 лет была, то крестилась 67. В Прологе положено, что жила 75, то должна была родиться в 894 г., следственно, обручена 9 лет, чему быть нельзя; и хотя можно подумать, что в году брака ошибка, то и по такому счислению надлежало ей в крещение счислять 61 год, когда она к браку уже способною быть не могла. Но скорее, думаю, что о сем сватанье некто, не рассмотрев лет, выдумав к похвале Ольги, после Нестора внес, или сам Нестор поверил нерассудному сказанию». [146, 1773, кн. II, прим.132, с. 391]

М. Щербатов пишет: «Как же можно было Императору влюбиться в ее красоту... (хотя, конечно) могла она еще остатки прежней своей красоты сохранять... Но мне, что она более всего воспламенила сердце Императора своим наследством всю пространную *Россию* иметь... Политические виды, конечно, могут и престарелому лицу красоту придать». [165, с. 222–223]

---

⁷⁸ Ольга не знала греческого языка, общаясь с императором Константином через переводчиков. В таких условиях «переключать» императора было практически невозможно — Авт.

Н. М. Карамзин считал обстоятельства летописного описания крещения Княгини Ольги: «древними баснями, типа народных сказок не согласных ни с вероятностями рассудка, ни с важностью истории». [48, т. I, гл. VI, с. 57]

Есть много комментариев к картине крещения Ольги. М. В. Ломоносов пишет: «Маловероятное обстоятельство при крещении сея государыни повествует Нестор, то есть о пленении любовью греческого царя к Ольге, и что он перехищен ею был прятием от купели, дабы после не мог требовать как восприемник с нею супружества. Ежели сие было подлинно, то много верить мы должны: первое, что Ольга, после сочетания с Игорем прожив пятьдесят два года, могла еще прельстить царя красотою; второе, что царь греческий и его бояре такие невежды и толь недогадливы и, словом, простачки были больше, нежели древляне, затем что о ближнем кумовстве, супружестве препятствующем, не могли вспомнить. Обстоятельства по возвращении Ольгине в Киев, Нестором показанные и другими писателями яснее изображенные, о том рассуждать принуждают, что то учинено было Ольге в насмешку. Ибо царь греческий от просвещенной крещением и в Киев возвратившейся Ольги посольством требовал обещанных даров: воску, белых мехов, рабов и войска за его дары в благодарность. Ольга ответствовала, что царь ее обидел, коварствовав ея старости. За дарами бы пришел сам и постоял бы у ней в реке Почайной, как она стояла у него в купели. С таким ответом послы тщетно возвратились». [85, с. 80]

Император Константин Багрянородный, оставивший ряд сочинений, о крещении Ольги не упоминает вообще, хотя сообщает о двух своих встречах с *архонтиссой Эльгой Росены*.

В произведении, называемом «О церемониях византийского двора» (*De ceremoniis Aulae Byzantinae*), описан церемониал приема Ольги в Константинополе, устройтелем которого был сам Константин. Он сообщает, что на прием вместе с Ольгой явилась целая толпа (около 90 человек) ее близких, родственниц, служанок, послов и купцов. Грекам всех их пришлось кормить и всем раздавать подарки деньгами. Ольга получила мелким серебром сумму в денежном эквиваленте 0,7 фунта золота, все остальные, на каждого человека, получили в десять раз меньше. [36, т. II, с. 146]

Спрашивается, почему Константин в отношении подарков *архонтиссе Эльги Росены* оказался столь скуп? Ответ очевиден — во время торжественного приема совершался греческий церемониал проскинеса (ритуального простирания ниц перед императором), Ольга же лишь немного наклонила голову.

Ольга и ее многочисленная свита, будучи в гостях у Константина, рассчитывали на более значимую сумму подарков деньгами, но на всех получили лишь фунт золота. Послы же греков, явившись в Киев, по летописцу, довольно нагло заявили, что Ольга, будучи в Царьграде много получила, поэтому должна также в ответ прислать «многи дары», а именно: челядь (рабов), воскъ, скъру (меха) и вои (т. е. войско) в помощь. [79, с. 61]

Ольги в Киеве не было, вероятно, она находилась неподалеку в Вышгороде. Послы греческие, тщетно простояв на киевской речке Почайя, вернулись восвояси.

Известно, что приняв крещение от константинопольского патриарха Полиевкта (†970), Ольга вернулась в Киев в сопровождении лишь простого духовника пресвитера Григория. Таким образом, Ольга не пошла на установление Русской православной епископии. После своего крещения Ольга никаких связей с Византией не поддерживала.

Недовольство греками подвигло Ольгу через два года после крещения в Царьграде отправить в 959 г. посольство к германскому королю Оттону I (†973), сопернику Константина Багрянородного. В хронике *Регинона Прюмского* (†915) сообщается: «В 959 г. послы Елены (Helenaе), королевы ругов (Rugorum), крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников». [95, с. 107]

Еще в 955 г. Оттон I получил официальное разрешение римского папы Агапита II устраивать епископии так, как ему заблагорассудится. По мнению С. М. Соловьева, на самом деле к ревностному католику немецкому королю Оттону I явились «лжепослы» — ловкие проходимцы из варягов, которые несколько раз принимали крещение и являлись «послами» ко многим дворам, чтобы получать дары и хороший прием: «так они объявили себя послами Елены русской и просили епископа для русского народа». [142, т. I, прим. 217, с. 302]

Регинон Прюмский пишет, что в 961 г. «Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, чего ради он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его [спутников] были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся». [95, с. 108]

Помимо финансово-экономических обстоятельств крещения Ольги, несомненны и факторы политические: «В середине X в., накануне официальной христианизации, Русь вела политику активного лавирования между Западной и Восточной церквями — точно так же, как столетием раньше в аналогичной ситуации вели себя Моравия

и Болгария. Такая политика вполне понятна. Ведь принятие христианства на государственном уровне отнюдь не исчерпывалось крещением княжеского семейства и его окружения. Главным было создание в стране церковной организации, а это, в свою очередь, было невозможно без включения в уже существующие церковно-юридические структуры, т. е. без подчинения тому или иному церковно-юридическому центру. В расчет могли приниматься только Рим или Константинополь. Таким образом, христианизация на своем первом этапе была задачей по преимуществу внешнеполитической». [36, с. 305–306]

С религиозной точки зрения, крещение Ольги в православии не имело никакого значения как для знати местных племен, так и для самих норманнов: «Ни один предмет из церковного обихода и ни одно строение нельзя с уверенностью отнести к тому 15-летнему периоду, который Ольга прожила в Киеве, после принятия христианства». [156, с. 206] Летописец признает, что в это время, слыша о крещении, люди *ругахуся тому*: «Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродство есть». [79, с. 61–62]

Характеризуя княгиню Ольгу, В. Н. Татищев пронизательно замечает: «Ольга, сама, будучи происхождения славянского, славянам преимущества и имена славянские сыну и внучатам дала, а варяжские и сарматские уничтожила». [146, 1773, кн. II, пр.106, с. 383]

Одной из жен Святослава была *Малуша*. По Нестору, Малуша была славянкой, ее отец был Малк Любечанин, а братом известный новгородец Добрыня. [79, с. 68] Есть версия, что Добрыня был сыном последнего родового князя древлян Мала. Малушу забрала себе ключницей княгиня Ольга⁷⁹. По другой версии, [100, с. 43] Малуша была дочерью древлянского князя Мала, княгиня Ольга обратила ее в рабыню, т. е. сделала *малою*, *малушей*. От брака Святослава с Малушей родился князь *Владимир* — будущий креститель Руси. Клеймо «робичич» — сын рабыни — сопровождало Владимира в течение всей его жизни.

Ольга скончалась в 969 г. в глубокой старости, по летописцу, в Киеве, завещая похоронить себя по христианскому, не языческому обряду: «не творите трызны над собою». [79, с. 66] В *Степенной книге* митрополиты Киприан и Макарий сообщают, что Ольга обратилась с предсмертной просьбой к Святославу, прося похоронить ее: «равно со землею. Могилы же надо мною да не дерзнет никто же сыпати⁸⁰... исполни завѣтъ мой». [79, с. 24] Святослав выполнил волю матери.

⁷⁹ Славянская энциклопедия. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003, с. 365.

⁸⁰ Могилы надо мной не сыпать — не насыпать над могилой языческий курган.

Где была погребена Ольга летописец не сообщает, хотя описывает места погребения других киевских князей — Аскольда, Дира, Олега. В 1007 г. внук Ольги князь Владимир перенес мощи блаженной княгини в киевскую Десятинную церковь пресвятой Богородицы. Иаков Мних (†1072) в сочинении «Памяти и похвале Владимиру» писал: «Бог прослави тело рабы Своей Олены, и есть в гробе тело ее честное, и неразрушимое пребывает и до сих дней». [88, с. 419] Возле мощей блаженной Ольги начались чудеса и исцеления.

«Память и похвала Владимиру» дошла до нас в списках XV–XVII вв. По Иакову Мниху: «И ино чудо слышите о ней: гроб камен мал в церкви Святыя Богородицы, ту церковь создал блаженный князь Владимир, и есть гроб блаженныя Ольги. И на верху гроба оконце сотворено — да видети тело блаженныя Ольги лежаще цело». Но не всем было явлено чудо нетления мощей: «Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежаще цело и дивится чуду таковому — толико лет в гробе лежаще телу неразрушившемуся. Достойно похвалы всякой тело то честное: в гробе цело, яко спя, почивает. А другим, иже не с верою приходят, не отворится оконце гробное, и не видит тела того честного, но только гроб». [88, с. 419]

Понятно, что мало кто из людей в толпе паломников, прильнувших к оконцу в гробе Ольги, признавался, что ничего не видит в темноте гроба. Слепленные религиозным экстазом, люди зрели «светящееся яко солнце» тело блаженной Ольги, а недужные «исцелялись». На радость монашествующей братии росли толпы страждущих к гробу Ольги, зримо множилось церковные вклады и пожертвования. Хотя, по сути, это культовое действие являло собой глумление над прахом княгини Ольги и ее посмертной волей, быть похороненной равно с землею.

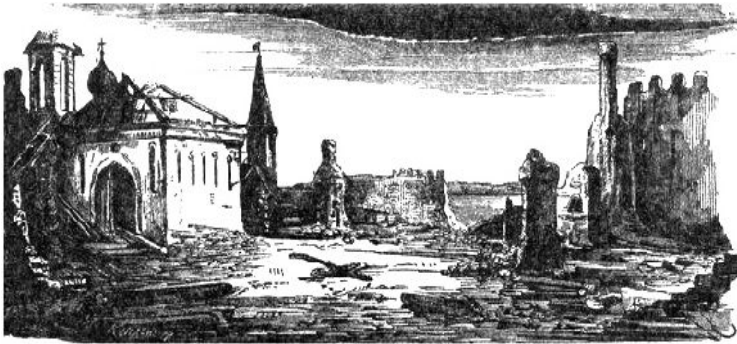
Следует отметить, что в древнейших летописях *Лаврентьевской* и *Ипатьевской*, а также в своде *Никоновской* летописи под 1007 г. сообщается: «Перенесени святии въ святую Богородицю» [79, с. 127], но о самих святыхнях ничего не говорится. По *Софийской* летописи, в 1007 г. вообще ничего не было.

2 января 1204 г. произошло невиданное злодеяние в истории древней Руси. Сын Андрея Боголюбского Рюрик с князьями Ольговичами, «не жалея казны своей, не жалея отечества, наняли множество половцев и взяли приступом Киев. Варвары опустошили дома, храм Десятинный, Софийский, монастыри; умертвили старцев и недужных; оковывали цепями молодых и здоровых; не щадили ни знаменитых людей, ни юных жен, ни священников, ни монахинь... Город пылал, везде стонали умирающие, невольников гнали толпами. Киев никогда еще не

видел подобных ужасов в стенах своих». [48, т. III, гл. III, с. 216] Были разграблены могилы древних князей, с праха которых глумливо содрали одежды: «И створися велико зло в Русстѣи земли, якого же зла не было отъ крещенья надъ Киевомъ... и порты блаженныхъ первыхъ князей, еже бяху повеѣшали в церквахъ святыхъ, на память собѣ, то положиша все собѣ в полонь... положиша трупие рабъ твоихъ брашно птицамъ... пролияша кровь ихъ аки воду». [79, с. 397–398] Киев навсегда перестал быть политическим центром древней Руси.

6 декабря 1240 г., в день святого чудотворца Николы, несметное войско Орды ворвалось в Киев: «одна часть народа заперлась в церкви, другие же бились с Татарами». [60, с. 193] Плано Карпини лично свидетельствовал: «Из десятков тысяч домов в Киеве осталось едва ли 200 домов, а людей их держат в тяжком рабстве» [17, с. 25], живущие в котором завидовали спокойствию мертвых.

Монголы осквернили могилы древних князей *Ольги, Владимира, Ярослава* — варвары давили княжеские черепа и кости, втоптывая их в грязь. Почитаемая гробница Ольги была засыпана. Древний Киев исчез навсегда, спустя столетия являя собой жалкие развалины.

Развалины Киева после ордынского погрома

При раскопках руин древней Десятинной церкви в 30-х гг. XVII в. погребение княгини Ольги вновь «открыл» Киевский митрополит Петр с характерным именем *Могила*.

В XVIII-м столетии могила Ольги вновь была загадочно сокрыта. Вековые раскопки на месте древней Десятинной церкви сопровождались непрерывными слухами, что могилу блаженной Ольги вот-вот найдут.

В 1939 г. экспедиция ленинградского ученого М. Каргера обнаружила тайники на месте руин древнего храма. В одном из них лежал

женский скелет и украшения из золота. Появилась версия, что это могила Ольги. По мнению археологов — «Это абсолютная бессмыслица, никакой княгини Ольги там нет».

Пока одной из самых интересных находок называют два кирпича с нацарапанными на них буквами «с» и «Н», которые, за не имением ничего более существенного, претендуют на звание самой древней рукописной славянской надписи.

Среди нескольких уцелевших в Киеве саркофагов, относимых к эпохе Киевской Руси X в., имеются два шиферных: один из них находится в Киевском Историческом музее, другой, найденный в раскопах Десятинной церкви, — в Государственном архитектурно-историческом заповеднике «Софийский собор». Оба они представляют собой каменные ящики с прямыми стенками и крышкой, довольно примитивно изготовленные и не имеющие никаких знаков или рельефов. Отсутствие знака креста показывает, что в них погребали князей или дружинников еще до принятия христианства.

При раскопках на участке Десятинной церкви были обнаружены и мастерские по обработке шиферных плит. Сам материал — красный шифер (пиррофилитовый сланец) — добывался в Овруче; из него сделаны были многие архитектурно-декоративные детали в Десятинной церкви и в Софийском соборе.

Три других саркофага, экспонированные в Софийском соборе, представляют не только исторический, но и несомненный художественный интерес. Первый из них — шиферный, также из Десятинной церкви, — был найден Б. В. Фармаковским и Д. В. Милеевым в 1908 г. Покрывающий его орнамент и вся его композиция имеют ярко выраженный византийский характер.

Саркофаг датируется X–XI вв. Он являет собой по композиции как бы жилище, дом, сложенный из семи скрепленных отдельных плит, крытый двускатной кровлей⁸¹. Укоренилось расхожее мнение, что в этом саркофаге якобы была похоронена блаженная княгиня Ольга. Действительно, в саркофаге был обнаружен женский костяк. Однако, по Иакову Мниху, Ольга была положена во «гроб камен, мал», в котором «наверху гроба оконце сотворено», дабы можно было лицезреть благоверную княгиню. В данном же саркофаге никакого «оконца» нет, да и по размерам он отнюдь не маленький.

---

⁸¹ «Киевский шиферный саркофаг X–XI вв.»: иллюстрации, рис. 38.

Святослав

Святослав был первым князем Руси, носившим славянское имя. По Ипатьевскому списку, Святослав родился в 942 г.: «В се же лѣто родися Святославъ у Игоря». [78, с. 28]

По летописям, как это естественно и должно быть, Святослав ребенком находился при матери княгине Ольге и дядьках норманнах Свенельде и Асмуде в Киеве.

В действительности, по данным археологии, в Киеве середины X в. никаких княжеских построек не обнаружено.

По сообщению императора Византии *Константина Багрянородного*, около 948–952 гг.: «приходящие из внешней Руси⁸² в Константинополь моноксилы⁸³ являются одни из Немогарда (**Nemogard**), в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Руси, а другие из крепости Милински (Смоленск), из Телиуцы (Любеч), Чернигоги (Чернигов) и из Вусеграда (Вышгорода). Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава (Киев)». [36, т. II, с. 158–159]

Большинство российских историков, по времени и летописному описанию географии варяжского пути, в сообщении Константина под Немогардом разумели Новгород, «сажая» в него на княжение ребенка Святослава, что по реальным обстоятельствам совершенно невероятно.

Княгиня Ольга как мать не могла послать своего единственного малолетнего сына наследника на далекий северо-запад, по летописям, сама оставаясь в Киеве.

По данным археологии, Новгород как город в то время не существовал. Под 953-м г. датируется самая древняя из новгородских построек, исследованная археологами. [168, с. 34] «Сидеть» Святослав мог лишь в небольшой крепости прильменского Городища. Спрашивается — зачем, с какой целью?

Есть единственное, но совершенно несерьезное объяснение мнимого северо-западного княжения Святослава: «Городище вполне может быть отождествлено с «**Nemogardas**», где, по словам Константина VII, еще ребенком был поставлен на княжение Святослав, сын князя Игоря.

⁸² В миропонимании греков к «внешней России» относились земли верхний Днепра и отдаленный новгородский северо-запад, к «внутренней России» — Киевская Русь — Авт.

⁸³ Моноксил — челн-однодревок, управляемый силой одного (моно) гребца.

Символическое присутствие на этом месте князя-ребенка указывает на его важное значение». [156, с. 64, 194]

В князе, как таковом, древние новгородцы общинники не нуждались, его с дружиной и челядью было не прокормить. Военного гарнизона норманнов в Городище, который, по данным археологии, жил с семьями, обустроив свои огороды, было вполне достаточно для сбора дани и обеспечения безопасной торговли в регионе Приволховья.

Летописец не мудрствуя лукаво сочинил исторически совершенно нелепую монархическую легенду, будто в 970 г., прознав, что Святослав «сажает» на Руси на княжение своих сыновей, в Киев явилась депутация новгородского *людье* «просяше князя собѣ», угрожавшая Святославу, что в случае чего они сами найдут себе князя. [79, с. 67–68]

Самые ранние упоминания княжеских резиденций в Новгороде связаны с рассказом о событиях времени Ярослава Мудрого (рубеж X–XI вв.).

А. Н. Кирпичников, рассуждая о **Немогарде**, высказал предположение, что Константин Багрянородный ошибся, судя по всему это был **Невогард**, т. е. город возле озера Нево, так в древности называлась Ладога. [51, с. 40]

Однако в этом случае возникает естественный вопрос, где жил Святослав в Старой Ладоге со своей челядью и дружиной, ведь за все годы археологических раскопок старолadoжского поселения не обнаружено никаких следов дворцовых сооружений, времен Рюрика, Олега и Игоря?

Ни Новгород, ни тем более Старую Ладогу нельзя идентифицировать с Немогардом, не вступая в противоречие с сообщением Константина Багрянородного. Он пишет, что речь идет о плавании моноксил вниз по Днепру, но не по озеру Ильмень или по Ловоти, пересыхающие летом истоки которой теряются в непроходимых болотах.

Реально на моноксиле от Новгорода до Константинополя по «варяжскому пути», описанному летописцем, доплыть невозможно. Попытки в наше время осуществить реконструкцию похода на ладье из Новгорода в Киев окончились неудачей.

Есть достаточно разумная точка зрения, высказанная В. А. Пархоменко, что под Немогардом кроется название другого города, расположенного южнее Новгорода. [110, с. 34, прим. 8]

Nemogard в прямом смысле слова означает не имеющий (**Nemo**)⁸⁴ названия город (**gard**).

---

⁸⁴ **Nemo** — никто лат.

По Константину Багрянородному, этот город стоял на берегу Днепра, находясь западней Милински (Смоленска). Единственным реальным местом нахождения Немогарда был район древнейших поселений неподалеку от Смоленска с характерным названием *Гнѣздо*.

Летописец начала XII в. и его последующие переписчики XIV–XVI вв., толкуя о Новгороде времен Рюрика и Смоленске времен Олега, идентифицировали современные им Новгород и Смоленск с древнейшими селищами на их местах.

Но лишь в середине X в. начался процесс обособления и развития Смоленска как племенного городища славян кривичей. Длительное время поселения Гнѣдова и Смоленска одновременно существовали друг с другом, выступая в описании Константина как отдельные города — Немогард и Милински.

Перечисляемые Константином Багрянородным древнерусские приднепровские города приводятся в европейской (Немогард), греческой (Милински, Телиуцы, Чернигоги) и славянской (Вусеград) транскрипции.

Судя по всему, после похода Игоря Рюриковича на Константинополь, император Константин уделял пристальное внимание региону Приднепровья, пользуясь сведениями христианских соглядатаев из среды греков, славян и норманнов.

Свой первый поход Святослав совершил еще 4-х летним ребенком: в начале боя киевских варягов с древлянами, он начал сражение, бросив в сторону врага копье, воодушевив варяжских воинов: «князь уже почаль; потягъете, дружина, князь». [79, с. 57]

Святослав рос, воспитывался и жил⁸⁵ в дружинной среде: «Его войско и есть «народ»... он живет в среде своих воинов, ест и пьет вместе с ними, одевается так же, как они». [30, с. 63] По сообщению Константина Багрянородного, Святослав в возрасте 6–10 лет проживал в Немогарде (Гнѣздове), в тех местах, которые по данным археологии отличны массовыми находками оружия и курганами дружинных захоронений.

В отношениях с дружинниками Святослав придерживался обычаев родовой военной демократии принятой среди норманнов. Для варягов Святослав был пожизненным военным вождем: «войны многи творяше. Ходя въз по собѣ не возяше... ни шатра имяше, но подъкладъ поставъ и сѣдло в головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху». [79, с. 63]

⁸⁵ Судьба преопределила Святославу и погибнуть вместе с дружиной — Авт.

Исконная простота быта Святослава и его отношений с соратниками была близка сердцу монаха-летописца, в то время как безобразия его времени — убийства, кровопролитья, свары, зависти, братоненавиденья, клеветы — вызывали у него гневное обличение: «аки свинья в калѣ грѣховнѣмъ присно валяющесе и тако пребываемъ... Доколѣ не насытитесе злобѣ вашихъ?... не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе?». [79, с. 164–165]

Святославу была органически чужда роскошь, он отказался ехать вместе с матерью, ее служанками, послами и купцами в Царьград, где Ольга, рассчитывая на пышный прием и богатые подарки, крестилась в православии. Не желая кланяться императору Византии, 15-летний Святослав демонстративно послал в Константинополь вместо себя своего двоюродного брата.

Впервые в древнерусской военной истории Святослав сформировал не личную дружину из нескольких сот человек, но дружинное войско из нескольких тысяч отборных воинов.

Дружинное войско служило Святославу не за деньги, а за добычу с воинских походов. Содержание дружинного войска не требовало огромных денежных расходов, однако дружинное войско могло существовать лишь в условиях непрерывных и успешных завоевательных походов.

Использование отборного войска, вместо многочисленного и разноплеменного воинства, давало возможность Святославу осуществлять быстрые, внезапные для врага переходы и неожиданные наступательные действия.

Образно пишет об этом М. В. Ломоносов: Святослав «перелетал неприятельские земли наподобие орла и ударял на них леопардовым стремлением». [85, с. 81] Лев Диакон пишет о Святославе: «он был мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным». [71, с. 44]

По возрасту великим походам и грандиозным державным замыслам Святослава можно по праву назвать *древнерусским Александром Македонским*.

Летописец, хотя и был православным монахом, о жизни и деяниях князя-язычника Святослава иногда писал в восторженных тонах. В частности, это касается летописной легенды о воинском благородстве Святослава, который, нападая на врагов, заранее предупреждал их: «хочю на вы ити». [79, с. 63] «В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести». [48, т. I, гл. VII, с. 62]

С военной точки зрения, лишение себя по соображениям *рыцарского благородства* преимущества внезапного и неожиданного удара по врагу совершенно бессмысленно. Доподлинно известных случаев такого рода *благородства* Святослава нет. Но Святославу было

органически чуждо коварство и вероломство, он всегда соблюдал все договоренности с врагом, даже в ущерб собственным интересам.

Святослав формировал дружинное войско, имея в виду военно-стратегическую задачу выхода руссов-норманнов на Волжский серебряный торговый путь, находящийся под контролем Хазарского Каганата и исламской Булгарии.

Летописный рассказ о дани киевских полян хазарам относится к древнейшим преданиям, в нем звучат явно отрицательные эмоции к хазарам. «Хазария традиционно была врагом в истории становления Руси, врагом постоянным, упорным, жестоким и коварным». [132, с. 263]

Каганат возглавлялся иудеями во главе с царем, основой военного могущества которого была 12 тыс. мусульманская гвардия наемников-хорезмийцев, получавших денежное жалованье. Известен документ времени правления (нач. X в.) Кагана Хазарии Вениамина, в котором, в частности, пишется: «страх {перед воинами Хазарии царил среди народов} вокруг нас, и они не смогли подняться {воевать} против власти Хазарии». [156, с. 131]

Хазарский Каган Иосиф самодовольно писал о себе как о «могучем царе, которого не обращают в бегство (никакие) войска и не заставляет отступать назад вид (никаких) полчищ». Касаясь истории хазарских иудеев, Иосиф сообщил: «Всесвятой... дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами... С помощью Божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня». Иосиф кичливо пишет о своем предназначении: «Я охраняю устье реки (Волги) и не пускаю русов, приходящих на кораблях, проходить морем, чтобы идти на исаильтян. Я веду с ними войну». [36, т. III, с. 197, 198, 205]

«Святослав хотел не только разгромить Хазарию, но и овладеть основными ее территориями на Волге, на Керченском проливе и на Дону с тем, чтобы полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в экономике Русского государства. Это был хорошо рассчитанный удар, в результате которого хазары лишались базы для своего дальнейшего паразитического существования и, утратив экономические основы своего военного могущества, переставали быть опасными для Руси. Ближайшим поводом для похода Святослава могли быть препятствия, чинимые болгарами и хазарами русским купцам». [3, с. 429]

В 964 г., выйдя с Придонья, в ходе похода по Приокской земле славянских *вятичей*, Святослав освободил славян от дани хазарскому Каганату. Решающее столкновение Руси с хазарскими иудеями стало неизбежным.

Хазарский Каганат в VIII–IX вв.

В 965 г. Святослав стремительно вторгся в Хазарию, прорвавшись к Итилю — южной столице хазар. В сражении Святослав наголову разгромил наемную мусульманскую гвардию, предводимую Каганом царем Иосифом, после чего осадил северную хазарскую столицу Саркел. Пленив Иосифа, Святослав сокрушил Хазарский Каганат, подчинив себе огромный южный регион Приазовья, Прикаспия и Прикавказья.

После разгрома Каганата, хазарские иудеи бежали в Крым и на запад в Европу, а сами хазары приняли мусульманство.

Хазарская Тмутаракань при Святославе стала южным русским княжеством, центром русского присутствия на Кавказе и Причерноморье⁸⁶.

Тогда же Святослав занял Корчев (Керчь) на восточной оконечности Крыма, вплотную подойдя к Херсонесу — столице византийских владений в Тавриде.

Во времена Святослава начинается активное расселение славян в регионе северного Причерноморья и Приазовья.

⁸⁶ По мнению Н. Арцыбашева, с большей степенью вероятности завоевание русскими Тмутаракани следует отнести ко времени похода Владимира на Херсонес в 988 г. [Арцыбашев Н. О Тмутаракани. М.: ВЪ Университетской Типографии, 1828, с. 101].

Белая Вежа (хазарский Саркел) на Дону и Тмутаракань на Керченском проливе обеспечивали связи Руси с Кавказом и открывали путь из Днепра на Волгу и Каспийское море.

В 966 г. Святослав, вступив в Средневожье, разгромил государство мусульманских булгар. В ходе 3-х летнего похода Святослав освободил народы Приволжья, в том числе славян, от тяжелой кабалы хазарского ига и торгового грабежа булгарских купцов. Что разгром был очень силен пишет современник этих событий *Ибн-Хаукаль* (976–977): «в настоящее время ни из Булгара, ни из Буртаса, ни из Хазара не осталось и следа». [25, с. 218–219] Ибн Хаукаль называет Волгу «Нахр ар-рус», [105, с. 115, 159] то есть *Русская река*.

Усиление могущества русского государства при Святославе обеспокоило Византию. Русь вплотную подошла к Крыму, к месту стратегических интересов греков. В Византии рассчитывали повлиять на политику Святослава через его мать княгиню Ольгу, принявшую в 955 г. православие. Ольга стала упрашивать Святослава быть христианином, бросить военные походы и мирно княжить с ней на землях Руси.

Житие *Георгия Амастрийского* (IX в.) рисует образную сущность насаждения христианства среди язычников варваров, под влиянием которого «люди более свирепые, чем волки, становятся кроткими овцами». [36, т. II, с. 130]

Из истории Византийской империи известно, что покорение или подчинение варваров считалось одной из доблестей правителя ромеев. Юстиниан I (†565 г.) прибавил к своему титулу эпитет «Антский», хотя лично ни одной победы над антами-славянами не одержал. Ромеи считали себя центром мировой империи, а свою историю — историей Мира.

Византия для достижения целей имперского гегемонизма, в частности, использовала испытанное средство — христианизацию варварских народов. Принятие христианства часто превращало врагов империи в ее союзников и вассалов.

Святослав прямодушно ответил Ольге, что если он примет иной закон христианский, то его варяжская (языческая) дружина этого не примет, он же, князь-воин Святослав, без своей дружины станет никем. «Христианство было отвергнуто Святославом, так как он и его бояре хорошо знали, что за крещением последует вассалитет по отношению к Византии и очередной цесарь охотно назовет его «сыном» в феодальном смысле». [68, с. 200]

Поскольку по христиански смирить Святослава не удалось, греки решили столкнуть в войне двух своих опасных соперников — Русь и Болгарию. Византия в то время, воюя с арабами, опасалась Болгарии и с 927 г. платила ей дань.

Отношение греков к Болгарии тех лет изложено в труде Константина Багрянородного «Об управлении государством», где он назвал болгар «богомерзким народом». Он преподавал своему сыну наследнику наставления, каким образом можно вредить Болгарии. Столь же негативные оценки получили в этом сочинении другие явные или потенциальные противники империи Русь, Хазария, угры.

Открытый разрыв отношений Болгарии и Византии произошел в 966 г. Император Византии *Никифор Фока*, впад в неистовство, заявил болгарским послам: «Горе ромеям, если они, силой оружия обратившие в бегство всех неприятелей, должны, как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени!.. Неужели я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань? — Он тут же приказал отхлестать послов по щекам и сказал им: «Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами». [71, с. 36] Ромеи презрительно именовали скифами все близлежащие к ним славянские народы — болгар, венгров, а росов Святослава звали *тавроскифами*.

По византийскому церемониалу «проскинесису» все прибывшие на прием к императору, в том числе иностранные послы, проходили обряд поклонения — падали ниц, распластавшись на полу тронного зала. Этот обряд совершался дважды — в начале и конце приема. «Проскинес» символизировал власть императора Византии, а один из его титулов звучал как «космократор» — владыка мира.

Византийский император *Никифор Фока*, учитывая союзный договор между Русью и Византией, оберегая жизни благородных ромеев, решил использовать войска Святослава против болгарского царя Петра. В 967 г. к Святославу прибыл посол императора, знатный патриций, наместник Византии в Крыму, сын херсонесского стратига *Калокир* с дарами, в том числе лишь одного золота около 450 кг. [99, ч. I, с. 140]

Это золото нельзя рассматривать как плату греков Святославу за наем русских войск. На деньги греков можно было нанять около 3500 воинов сроком на один год. Этих сил было явно недостаточно для похода на Болгарию. По договору Игоря с Византией от 944 г. русские князья должны были помогать союзной им Византии.

Однако после встречи Святослава с Колокиром дело приняло неожиданный для Византии оборот. Святослав «соединился с Калокиром узами побратимства». [71, с. 44] Это единственно известный случай побратимства Святослава с кем либо.

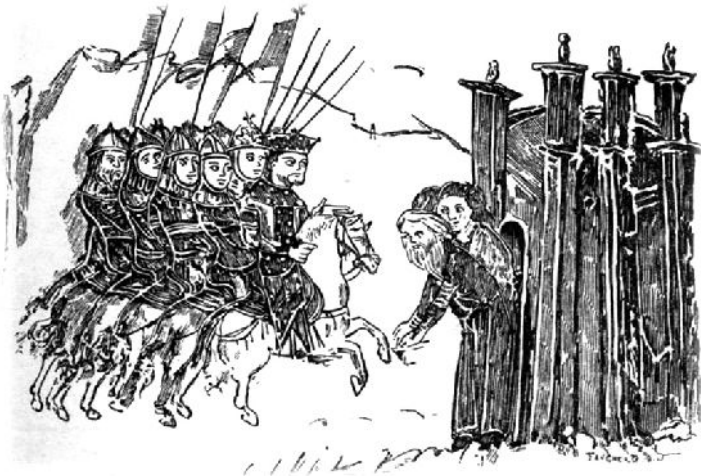
Это «побратимство» стало по сути формой братского союза между киевской Русью и Херсонесом, что коренным образом изменило политическую ситуацию не только в северном Причерноморье, но и на юге Европы вообще.

Калокир предложил Святославу помочь стать ему греческим царем, а за военную помощь, взять себе Болгарскую землю. По византийскому историку *Скилице* (род. после 1040 г.), Колокир обещал Святославу сделать русов «на всю жизнь своими союзниками и друзьями». [36, т. I, с. 220] Колокир указал Святославу, что его поход не вызовет затруднений, поскольку он имеет *болгарское родство* по материнской линии.

Союз с Херсоном в приготовлении похода на Болгарию позволял Святославу использовать фактор внезапности. Херсониты не предупредили болгар о выходе в Черное море сотен кораблей русов.

В 967 г. войско Святослава на кораблях вошло в устье Дуная и вступило в Болгарию. Болгарский царь Петр, собрав 30 тыс. армию, попытался вступить в бой с русами. Не выдержав мощного натиска войска Святослава, ринувшегося на неприятеля прямо с кораблей, болгарское войско попросту разбежалось.

Часть болгарских воинов вошло в войско Святослава. Восемьдесят болгарских городов по Днестру и Дунаю добровольно сдались Святославу без боя. Одновременно и Угры (Венгры) выразили Святославу «любовь и согласие твердое». [146, 1773, кн. II, гл. IV, с. 45]

Сдача болгарского града дружине Святослава

Царь Петр, ошеломленный разгромом войска, скоропостижно скончался.

Святослав обосновался в столице Болгарии Преславе, назвав ее Переславлем на Дунае, а мощную болгарскую крепость Доростол сделал своей военной базой. Устье Дуная — торговой магистрали южной Европы — оказалось под контролем Руси.

В 968 г., узнав об отсутствии войск Святослава, печенеги вышли к Днепру и, по летописцу, осадили Киев.

В действительности осада печенегами Киева была маловероятна. Для окружения обширного киевского поселения, состоящего из ряда крупных районов, требовалось большое войско. Если целью набега печенегов на Киев был грабеж как главный смысл военных походов тех времен, то в Киеве, по данным археологии, в то время грабить было нечего. Местные жители в массе своей жили не богато. Киевская дружинная знать ушла со Святославом в болгарский поход.

По летописцу, Ольга затворилась в киевском граде с детьми Святослава, печенеги «оступиша градъ в силѣ велицѣ, бецислено множество около града, и не бѣ лъзѣ изъ града вылѣсти». [79, с. 64] По данным археологии, единственными киевскими укреплениями в то время были рвы, преодолеть которые печенегам не составляло никакого труда.

Наиболее вероятно, что летописная осада печенегами касалась не Киева, а находящейся неподалеку крепости Вышгород, резиденции Ольги, где она затворилась с семейством. Печенеги осадили Вышгород желая разграбить княжескую резиденцию, имея в виду пленение Ольги с княжичами с целью богатого их выкупа.

Узнав о нашествии печенегов, Святослав, оставив флот и основную массу войск в Болгарии, с малой дружиной стремительно вернулся из Болгарии на киевские земли, печенеги, не приняв боя, ушли в степи.

Летописец пишет, что в 969 г. состоялся знаменательный совет Святослава с Ольгой и боярами. В ответ на их справедливые упреки, что князь бросил Киев, Святослав высказал им свое видение будущего великой Руси: «Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моея, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъъ злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чехъ же, из Угоръ сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь». [79, с. 66]

В этом знаменательном ответе Святослава обозначена существенно иная перспектива развития Руси. Святослав понимал слабость *варяжской* геополитической конфигурации страны, центром которой был Киев, имеющий южные границы, которые сложно было защитить

от набегов народов Великой Степи. Святослав наметил юго-западную *середи́ну* Русской земли по Дунаю как южный центр европейского славянства вообще⁸⁷.

Планы Святослава имели под собой глубокий исторический смысл устройства столицы славянского мира на землях прародины славян, ведь по Нестору, славяне в глубокой древности *от племени Афетова* явились на Русь с берегов Дуная, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска». [79, с. 5]

Святослав впервые в древнерусской истории обозначил доктрину русского «панславизма» и попытался практически воплотить ее в жизнь. Под *Русской землей* Святославом разумелось не имперское государство, как об этом пишет Г. В. Вернадский⁸⁸, но широкая федерация славянских народов (болгар, венгров, чехов, славян Приволжья, киевлян, древлян, поляков⁸⁹, новгородцев): «Действия Святослава приводят к заключению, что он замыслил соединить в одно целое великий род Славян... Русь стояла бы во главе славянского союза... Средоточием и огромной силой всего славянского народа... Была бы в середине Европы, занимая две ее трети, и тогда не славене северо-запада были бы онемечены, а напротив, немцы ославлены». [20, с. 15]

О том, что поход Святослава в Болгарию не был колонизаторским говорит и то, что у Святослава не было конницы, с помощью которой можно было контролировать захваченные земли. Войска Святослава на судах пришли по Дунаю, русские гарнизоны стояли лишь в Преславе и Доростоле: «Мы не видим ни одного факта, свидетельствующего намерения Святослава завоевать Болгарию. Русские и болгарские воины дрались рядом против греков под Аркадиополем, Преславой, Доростолом». [131, с. 179]

Когда Святослав захватил болгарскую столицу Преславу, он оставил наследника болгарского престола Бориса во дворце при его полномочиях и царской казне. Борис остался при всех регалиях царской власти, включая венец и пурпурные одежды. Святослав обосновался в своей резиденции, которая находилась в положенном отдалении от дворца Бориса в Преславе.

Греки же весной 972 г., взяв штурмом Преславу: «все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов

⁸⁷ В XIII в. замыслы Святослава о юго-западном направлении развития Руси пытался воплотить в жизнь *Даниил Романович Галицкий* — Авт.

⁸⁸ [19] Великое приключение: Святослав.

⁸⁹ В. Н. Тагищев сообщает, что Святославу на помощь из Киева шли венгры и поляки. [146, кн. II, 1773, с. 51]

и грабили их добро. Так они достигли царского дворца». [71, с. 72] Болгарский царь Борис был пленен ромеями и отправлен заложником в Константинополь, его царская казна была разграблена, а Преслава переименована в Иоаннополь.

После кончины княгини Ольги в 969 г., Святослав, похоронив мать по христианскому обычаю, поделил русские земли на три части между сыновьями: Ярополку отошли киевские земли, Олегу — древлянские, Владимиру — новгородские.

В это время произошли серьезные события на Балканах. Греки, поняв, какую ошибку они совершили, дав возможность обосноваться в устье Дуная Святославу, заключили союз с новым болгарским царем Борисом. В Царьграде произошел дворцовый переворот, к власти пришел честолюбивый греческий вельможа *Иоанн Цимисхий*.

Адекватную оценку личности человека дают его дела и поступки, это в полной мере относится к Цимисхию, в частности, имея в виду обстоятельство его восхождения на трон Византии. Иоанн был двоюродным братом благочестивого императора Никифора. Впав в немилость императора из-за пьянства и распутства, Иоанн, затаив злобу, удалился в провинцию.

Благочестие Никифора было столь велико, что опечаленный после смерти отца дурными предчувствиями, Никифор покинул супружеское ложе и решил спать на полу, укрываясь плащом монаха. Императрица Феофано сошлась со сластолюбивым Иоанном и упростила Никифора простить Цимисхия, допустив его ко двору.

Феофано (ее имя по гречески значило «Богом явленная») по происхождению была гречанка-простолюдинка, дочь харчевника. Феофано отличалась исключительно красотой. В судьбе Македонской династии «Богом явленная» Феофано сыграла зловещую роль. Современники приписывают злодейским интригам убийственной красавицы Феофано смерть трех императоров — Константина, Романа, Никифора.

Иоанн вступил с Феофано в сговор с целью свержения Никифора с престола. Иоанн нанял банду убийц, которых постепенно посылал к Феофано, их она укрывала в своих покоях. Вскоре, словами Льва Диакона, «злодейское сообщество было готово к ужасному преступлению, готовясь породить страшное беззаконие». [71, с. 47] Выждав удобный момент, заговорщики проникли в спальню императора, найдя его спящим на полу. Окружив Никифора, его стали бить ногами и резать мечами. Никифор, обливаясь кровью, закричал: «Богородица, помоги мне!». Иоанн, чтобы пресечь мольбы Никифора, выбил ему мечом зубы, в то время как его сообщники растерзали его тело.

Императорская стража, услышав шум и крики, стала ломиться в закрытые двери спальни. Иоанн, не растерявшись, велел отрезать голову Никифору и предъявить ее страже. Поняв, что служить отрезанной голове бесполезно: «они выпустили мечи из рук, запели на другой лад и в один голос провозгласили Иоанна василевсом (императором) ромеев». [71, с. 50]

Картина восхождения Цимисхия на императорский престол, с одной стороны, рисует его как вероломного убийцу, с другой — типична для нравов византийского двора. Через пять лет Цимисхий умер в страшных мучениях, будучи отравлен медленным ядом: «у всех, кто приложил руку к убийству (Никифора), было отнято имущество и, очутившись в крайней нищете, они, подлые, подло и жизнь свою закончили». [71, с. 50] В. Г. Белинский заметил о Византии, что она «в отношении к цивилизации, могла подарить России только обыкновение чернить зубы, белить лица и выкалывать глаза врагам и преступникам»⁹⁰.

Цимисхий, злодейским образом утвердившись на троне императора Византии, вскоре обратил внимание на болгарские земли, подчиненные Святославу. Иоанн решил вступить с ним в переговоры, отрядив к нему послов, предложив Святославу покинуть Болгарию в обмен на деньги и владение Керченским проливом. Греки указали на свое право на земли Болгарии, когда болгарам, бродившим по югу Европы, византийский император Константин Погонат (668–685) разрешил поселиться на придунайских землях. Северной границей Византийской империи греки считали Дунай.

Святослав хорошо знал предысторию юга Европы, где славяне жили еще тогда, когда Византии и в помине не было, к тому же далекими предками киевлян были славяне, пришедшие с придунайских земель. Святослав по материнской линии имел болгарскую кровь и вытекающие отсюда права. Иоанн предложил Святославу Керченский пролив, хотя фактически, после разгрома Хазарского Каганата, Святослав уже расселил свое дружинное войско в этих местах в Приазовье.

Мирные предложения Цимисхия вызвали у Святослава явный сарказм. Лев Диакон пишет: «Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами (болгарами); он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью». Святослав ответил Цимисхию логикой несокрушимого довода: поскольку Византия есть Восточная Римская Империя, то «на земли Европы она не имеет никакого права и пусть убирается в Азию». [71, с. 56]

⁹⁰ Белинский В. Г. Соч. в 13 тт., М., 1953, т. V, с. 129.

В ответ Цимисхий заявил, что греки христиане свято чтут «непоколебимый мир, доставшийся нам от отцов» и если Святослав не покинет Болгарию, то станет нарушителем «заключенного в давние времена мира». [71, с. 57] Это единственное место в византийской историографии, где косвенно признаются договоры Византии с Русью от 911 и 944 гг.

Цимисхий лгал, утверждая, что Святослав нарушил мирный договор от 944 г. Игоря с Византией. Выполняя союзнические обязательства по просьбе императора Никифора Фоки, Святослав ввел войска в Болгарию, отнюдь не являющуюся территорией Византии. Княгиня Ольга, мать Святослава, была по происхождению болгарская княжна, что в династически кровном отношении давало право Святославу не обращать внимания на грозные реляции узурпатора и вероломного убийцы Цимисхия, вдобавок, армянина по происхождению.

Цимисхий, не сдерживая ненависти, заявил Святославу, что если он добровольно не уйдет из Болгарии, то греки выгонят его силой: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, — ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи». [71, с. 57]

Если в ответе Цимисхия отвлечься от преувеличенных домыслов греков о разгроме войск Игоря под Константинополем летом 941 г.⁹¹, то в словах Иоанна намеренно злобным был комментарий обстоятельств, возможно вымышленных, гибели отца Святослава Игоря. Иоанн знал, что Святослав был язычником, среди которых был чтим культ предков, и намеренно его обесчестил, нагло глумясь над памятью Игоря. Именно поэтому ответное послание Иоанна так «рассердило Сфендослава, он был охвачен варварским бешенством и безумием». [71, с. 57]

Святослав, вернувшись обратно, стремительно ворвался на Балканы и после ожесточенного сражения вернул себе Переяславль на Дунае. Святослав, вступив в союз с венграми и печенегам, по Скилице, собрал 38 тыс. боеспособных воинов. [36, т. II, с. 220]

---

⁹¹ См. приложение «О боевых действиях варяго-россов против византийского флота».

В 970 г., в двух днях пути от Царьграда, в битве под Аркадиополем (Адрианополем) союзное войско русов, болгар, венгров и печенегов, предводимые Святославом, разгромили ромеев. Летописец пишет: «И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бежаша Гръци». Святослав «за малом бо бѣ не дошелъ Царяграда». [79, с. 69–70] Поражение греков подтверждает армянский историк XI в. Степанос Таронский, который в своей «Всеобщей истории» отметил, что когда завязался бой Кир-Жана (Иоанна Цимисхия) с русами (русами): «рузы обратили в бегство оба крыла греческого войска». [131, с. 49]

По хвастливым измышлениям византийца Скилицы, 12 тыс. войско ромеев наголову разгромило союзное войско скифов Святослава, обратив их в позорное и беспорядочное бегство: «их мертвые тела наполнили равнину... число пленных превысило число убитых... ромеи же потеряли в сражении 25 (? — Авт.) человек убитых, но ранены были почти все». По тому же Скилице, в одном из сражений под Доростолом доблестные ромеи наголову разгромили конных варваров, не имея ни одного раненого, потеряв убитыми лишь три лошади. [36, т. II, с. 222, 228]

После битвы под Аркадиополем греки запросили перемирия и выплатили Святославу огромную дань, в том числе за каждого *убитого* воина: «И даша ему дань; имашеть же и за убьеня, глаголя: «яко род его возметь». [79, с. 70] «Мужественный, но излишне доверчивый, Святослав положился на слова Греков; вышел из Фракии, не заняв теснин Балканских. Греки не замедлили обнаружить свое вероломство». [20, с. 12]

В конце года, зимой Цимисхий призвал из Малой Азии лучшее греческое войско, состоящее из тяжелого конного легиона «бессмертных»⁹², сплошь закрытых панцырями⁹³, 15 тыс. отборнейших гоплитов и 13 тыс. всадников.

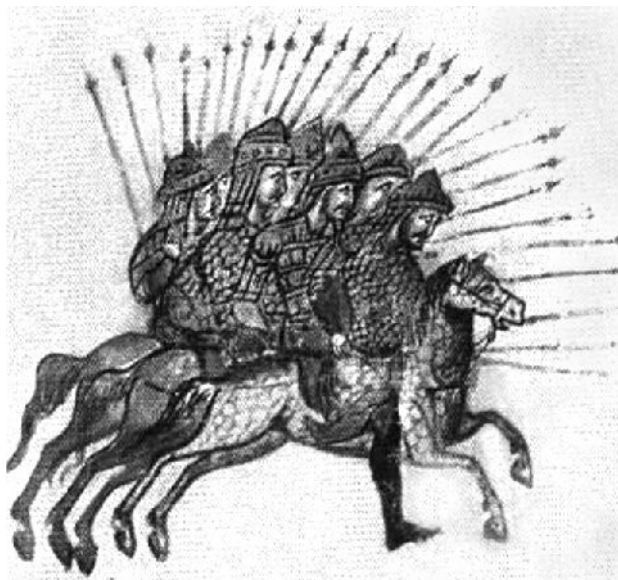
Весной 971 г. Цимисхий, нарушив перемирие со Святославом, неожиданно, в дни перед праздником Святой Пасхи, обрушился на Преславу. Русские войска в составе 8,5 тыс. воинов не имели конницы. Не было в Преславе и Святослава.

Греки при помощи осадных орудий и камнеметов после ожесточенного двухдневного штурма взяли Преславу. Лев Диакон пишет, что на стороне росов сражалось много болгар и жителей города. [71, с. 72] Скилица сообщает, что ромеи, догоняя бегущих скифов, убивали их, «а женщин и детей захватывали в плен», [36, т. II, с. 225] т. е. многие

⁹² Отряды «бессмертных» набирались из родственников погибших воинов.

⁹³ Панцири греков были столь мощными, что они не использовали щитов. Этих воинов называли клибанофорами-броненосцами — Авт.

защитники города были из местных жителей. Русские войска во главе с военачальником Сфенкелом, который был третьим по достоинству после Святослава, с боем вырвались из Преславы и ушли к Доростолу.

Византийская конница (миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы)

Византийский историк Лев Диакон, свидетельства которого считаются одним из основных источников, явно очерняет обстоятельства нахождения Святослава на болгарских землях. Греки ненавидели как славян, так и росов, и эта ненависть имела многовековую историю. Со времен легендарного похода на Царьград Аскольда и Дира. Византия была унижена договорами с языческой Русью от 911 и 944 гг., уязвившими имперское высокомерие благородных ромеев.

Со страниц труда Льва Диакона в адрес росов, они же скифы и тавроскифы, льются потоки ненависти, лжи и клеветы: «все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко на подкупы... Говорят, что, с бою взяв Филиппополь, Сфентослав со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей... скифы рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев... в бою росами руководило их врожденное зверство и бешенство... начав подбирать своих мертвецов, они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю

предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра»⁹⁴.

Собственно, первым ударился в дикие измышления о звероподобных склавинах (славянах) монах константинопольского монастыря Акимитон *Псевдо-Кесарий* (середина VI в.): «склавины... с удовольствием поедают женские груди, когда они наполнены молоком, а грудные младенцы при этом разбиваются о камни, подобно мышам... (Они) питаются лисами, и лесными кошками, и кабанам, перекликаясь же волчьим воем». [134, с. 254] Тему звероподобных росов поддержал Скилица: «Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивали павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей». [36, т. II, с. 228]

К численным данным, приводимым греческими историками, нужно относиться как к весьма условным величинам. По фантазиям Иоанна Скилицы, окруженное войско Святослава насчитывало 330 тыс. воинов. [36, т. II, с. 226] Лев Диакон был скромнее Скилицы, он сообщает, что Святослав поднял на войну с Византией «все молодое поколение тавров, набрав, таким образом, войско, состоявшее, кроме обоза, из 60 тыс. цветущих здоровьем мужей». [71, с. 44]

Возникает вопрос, какова могла быть реальная численность русских войск Святослава в его походе на Болгарию?

Из самого описания многочисленных боев ромеев с войсками росов, приводимыми Львом Диаконом, следует, что войска Святослава отличались высокой выучкой и воинским мастерством, это была кадровая армия, но никак не народное ополчение, набранное из «молодого поколения тавров». Мнение Льва Диакона о народном характере войск Святослава было, судя по всему, мнением высшего руководства

⁹⁴ Лев Диакон. История. М., Наука, 1988, с. 44, 56, 70, 74, 78.

Эпизод с кровавым жертвоприношением грудных младенцев и петухов — один из самых лживых, выдуманных Диаконом. Конечно, он не писал о том, что на Бычьей площади Константинополя возвышался пустотельный медный бык, возведенный по приказу светоча христианства Феодосия Великого, законодательно запретившего языческие культы. По надобности под быком разводили огонь и, открыв дверцу в медном боку, засовывали внутрь быка живых людей — язычников и еретиков — зажаривая их живо. Столичная православная толпа обожала такие зрелища. В VII в. вождь греческих скамаров-язычников был казнен на Бычьей площади. Византийские врачи-садисты в пристройке церкви св. Фомы отрезали ему ноги и руки. Затем придворные медики живо вскрыли тело несчастного, чтобы наблюдать действие органов человеческого тела. Только потом еще живой обрубок человека кинули в раскаленные недра медного быка. [135, с. 285]

Византии. В этом плане не случайно, что Святослав гордо сообщает о своей армии императору Цимисхию: «мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а *мужи крови*, которые оружием побеждают врага». [71, с. 57] Весьма показательно это явно языческое определение Святославом воина-профессионала как *мужа крови*.

Костяк войск Святослава составляли росы — варяги рода руссов, обосновавшиеся в Причерноморской Руси, которых Лев Диакон именовал тавроскифами, и примкнувшие к ним варяжские дружины других родов норманнов. Известно, что в войска Святослава влились конные отряды печенегов, венгров и самих болгар. Поскольку Лев Диакон называет древлян с германцами, то вполне возможно, что в дружинное войско Святослава вошли варяги даны (датчане) и *сезонное европейское воинство*, пришедшее в Поднепровье с Западной Двины.

О численности русских войск в Болгарии можно судить по приводимой Львом Диаконом численности русского гарнизона в Преславе в 8,5 тыс. человек. Кроме Преславы, войска Святослава стояли в окрестностях военной базы в Доростоле. Очевидно, что в Преславе стояла меньшая часть войска, а в Доростоле большая, при примерном соотношении 1/3. Косвенно это соотношение подтверждается сообщением Льва Диакона, что командующий русским гарнизоном в Преславе Сфенкел был *третьим по достоинству после Святослава*⁹⁵.

Можно предположить, что в болгарский поход со Святославом вышло порядка 25 тыс. человек. В боях под Преславой русские понесли тяжелые потери, и, если из окружения Сфенкел вывел половину уцелевших воинов, то в Доростоле русских войск к началу боев с Цимисхием было около 20 тыс. человек.

Лев Диакон сообщает, что в боях под Преславой и Доростолом у Святослава не было обученной конницы. Союзные росам венгры и печенеги покинули Святослава, возможно, из-за того, что Святослав запретил им грабить болгар.

Греческой тяжелой коннице Святослав успешно противопоставил построение войска в битве в виде «стены щитов». Стену из щитов составляли воины, стоявшие так тесно, что их щиты перекрывали друг друга. Воины первой линии свои копья упирали в землю, направляя их острия на всадников, воины второй линии обороны острия копий направляли на лошадей врага. Это было подвижное укрепление, проломить которое конница не могла. Эта тактика боя

---

⁹⁵ По Льву Диакону [71, с. 78], вторым по достоинству после Святослава был Икмор, погибший, как и Сфенкел, в боях под Доростолом — Авт.

была типична для норманнов, так, в безымянной исландской поэме о *Харальде Сигурдарсоне* упоминается что перед боем люди конунга «встали щитом к щиту». [36, т. V, с. 66]

Русским войскам, по сообщению Льва Диакона, противостояла отборная армия Византии из 30 тыс. человек в составе 15 тыс. пехотинцев-гоплитов и 15 тыс. всадников.

В действительности у греков воинов было больше. Цимисхий выслал к Доростолу мощный флот. К началу военной кампании в Константинополе было 300 боевых кораблей. [71, с. 68] Если около 200 из них пришли к Доростолу, то их экипаж состоял из 20 тыс. человек, из них — 10 тыс. воинов.

Таким образом, общая численность войск Цимисхия под Доростолом была не менее 40 тыс. человек, т. е. вдвое больше войск Святослава. Такое соотношение отвечало канонам военной науки, по которым войска, штурмующие крепости, должны иметь существенное превосходство по численности над обороняющимся противником.

Бои под Доростолом шли с весны и до середины лета, но греки так и не одолели росов. Чтобы объяснить это обстоятельство, Лев Диакон объявил численность армии Святослава в 60 тыс. человек. По Льву Диакону, у росов после боев в Доростоле осталось в живых 22 тыс. воинов, остальные 38 тыс. погибли. [71, с. 81]

По летописцу у Святослава было 20 тыс. воинов, из них 10 тыс. варягов. Греки же выслали против Святослава 100 тыс. человек. [79, с. 68]

Вопрос о численности войск Святослава в болгарской компании до наших дней является предметом исторических споров и диковинных предположений.

Типичными из них являются измышления Г. В. Вернадского: «Святослав напал на Болгарию, ведя за собой не менее чем сорокатысячную армию, имея Калокира во главе шестнадцатитысячного вспомогательного подразделения греков. К осени северная Болгария была наводнена русскими... Оставив сильный гарнизон для поддержки Переяславца, Святослав повел свою дружину назад из Болгарии на Киев (968 г.)»⁹⁶. Приводимые Г. В. Вернадским, численные данные — вымышлены им, к тому же он не отличает войска от дружины. Дружина по определению не может состоять из десятков тысяч воинов.

К области явно предвзятых измышлений относится сообщение Льва Диакона, о том, что, по слухам и разговорам, Святослав, взяв Филиппополь, со свойственной ему «бесчеловечной свирепостью»

⁹⁶ [19, Великое приключение: Святослав].

посадил на кол 20 тыс. оставшихся в городе жителей. [71, с. 56] Реально, население Филиппополя в середине X в. не превышало 5 тыс. человек.

Вопрос, кому в середине X в. принадлежал Филиппополь — грекам или Болгарам, решить сложно. Исторически Филиппополь входил в состав Византии. Так, в боях с аварами и славянами в конце VI в. греческий полководец *Коментиол* отвел войска в Филиппополь, где греки перезимовали. [135, с. 271]

Границы Болгарии были изменчивы, точно установить эти изменения и решить кому принадлежал Филиппополь в 970 г. по источникам и картам не удастся. Считалось, что Болгары жили в Мезии, а Филиппополь находился в феме Фракия, то есть принадлежал империи. Горные массивы Родопы и Стара Планина расположены так, что являлись естественной границей, и город Филиппополь оставался у ромеев. Лев Диакон называет Филиппополь по-гречески.

Филиппополь в южной Болгарии был одним из самых провизантийски настроенных городов. В Филиппополе проживало много греков, и наверняка репрессии Святослава обрушились прежде всего на них. Перед нападением на Святослава Цимисхий отвел часть войск в приграничные с Болгарией области зимовать там и не допускать набегов росов на византийские владения.

Таким образом, войска Византии оказались в прямой близости от Филиппополя, возможно, и в нем. «Появление Святослава в Филиппополе в 970 г. объяснялось не его военными действиями против болгар, а стремлением изгнать из южной Болгарии греческие войска магистра Склира и патрикия Петра». [131, с. 179] При этом Святослав не предпринял никаких военных действий против западной Болгарии, где укрепилось антивизантийское правительство «комитопулов».

У Святослава не было конницы, его войска не могли далеко отходить от Преславы и Доростола, вероятно, что на Филиппополь напали союзные Святославу печенеги и венгры. На это указывает и казнь жителей города посадением их на кол. Славянам язычникам и варягам (росам), этот тип казни людей был не известен. На Руси начали сажать на кол людей лишь в эпоху зверств Ивана Грозного. [38, с. 43]

А благородные ромеи людей на кол сажали, даже своих, греков. Византийский историк начала VII в. *Феофилакт Симокатт* сообщает, что во время войны со славянами «ромеи, возгордившись достигнутыми успехами, впали в роскошь, а затем погрязли в пьянстве и из-за него погубили плоды своих побед, начав пренебрегать дозором... Тогда-то побежденные, собравшись вместе, отплатили ромеям за набег... На рассвете стратег Приск посадил на кол начальников караула, да и некоторых воинов подверг жестокому бичеванию». [135, с. 25]

Лев Диакон предуведомляет решающее сражение греков с росами при Доростоле описанием очередного зверства Святослава, который видя, что болгары стали переходить на сторону греков, «созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму». [71, с. 73]

Византийские историки пишут, что часть болгар сидела в Доростоле в оковах в тюрьме, в частности, Скилица утверждает, что Святослав держал в заточении 20 тыс. пленных (? — Авт.). [36, т. II, с. 227]

Кто были эти люди? Несомненно, что большая часть из них была лазутчиками и соглядатаями Цимисхия. Лев Диакон сообщает, что перед началом похода на Святослава, Цимисхий предписал «посылать по бивуакам и [занятым] врагами областям переодетых в скифское платье, владеющих обоими языками (болгарским и греческим — Авт.) людей, чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору». [71, с. 58]

В войсках Святослава было много болгар, весьма вероятно, что некоторые из них были наймитами греков. Доростол кишел соглядатаями ромеев, избобличенная часть которой сидела в оковах или была публично казнена по суровым законам военного времени.

Часть болгарской знати изменила Святославу и перешла на сторону Цимисхия: «По пути [Иоанн] взял город, называемый Плискувой, Динию и многие другие города, которые отвергли власть скифов и переходили на сторону ромеев». [71, с. 73]

Придунайские болгарские города снабжали Доростол хлебом, потеря их лишала войска Святослава продовольствия, тогда как греки снабжали свою армию при помощи флота.

Много болгар, входивших в войска Святослава, были христианами в православии. Расправа Святослава над изменившей ему болгарской знатью и соглядатаями Цимисхия по Иоакимовской летописи обрели религиозный вид террора в отношении дружинников-христиан росов и возвращения Святослава из Болгарии в Киев, с целью разорения православных храмов и погубления всех душ христианских. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 37] Безвестный сочинитель Иоакимовской летописи придумал легенду об убийстве в 971 г. Святославом его, якобы родного, брата Улеба «за Христианство». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 47, с. 556]

В действительности греческие историки, даже при всем своем недоброжелательстве к Святославу, не приводят ни одного случая глумления Святослава и его воинов над христианами и их храмами. В то же самое время Лев Диакон признает, что родственник

Цимисхия, магистр Иоанн Куркуас, павший в боях с росами, «понес, таким образом, кару за [преступления], совершенные им против святых храмов, — ведь говорят, что он разграбил в Мисии (Болгарии) много [церквей] и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды». [71, с. 78]

Известно, что мать Святослава, княгиня Ольга, пыталась обратить своего сына в христианство. Святослав против христианства не возражал, говоря матери, что если он примет ее веру, то его языческая варяжская дружина уйдет от него.

Святослав как язычник чтит и уважал своих предков, родителей, семью. Когда печенеги бежали с киевских земель, Святослав «приде Киеву, цѣлова матьєр свою и дѣти своя и сѣжалися о бывшемь отъ Печенѣгъ». Когда умерла Ольга: «плакася по ней сынъ ея... плачемь великомь». [79, с. 66] Святослав никогда не глумился на верой своей матери, над тем, что было ей свято и дорого, и все измышления древнерусских летописцев по этому поводу, восходят к византийской традиции бездоказательного очернения язычников росов.

Решающее сражение русских с греками развернулось возле крепости *Доростол*. Цимисхий блокировал Доростол с суши, построив на холме напротив Доростола мощный укрепленный боевой лагерь, окружив его рвом. Вскоре греческий флот из нескольких сот кораблей вошел в Дунай, блокировав Доростол со стороны реки. Святослав был окружен с суши и воды и лишен возможности получать подкрепления и продовольствие.

Окруженные русские войска, проявляя героизм, активной обороной выматывали силы врага, крушили камнеметы и осадные машины ромеев, вынудив греков ввязаться в трехмесячные бои. В Доростоле сражались все взрослые, включая женщин.

Доростол «хотя и переполненный людьми, не сдался под натиском голода, болезней и штурмовавших его императорских войск. Прошло более двух месяцев, война шла с переменным успехом. 21 июля 971 г. русам удалось на какое-то время отбросить византийскую армию от стен города. Как признается Скилица: «исход войны был все еще не ясен». [36, т. II, с. 231]

Скилица сообщает о ночном рейде 2 тыс. отряда руссов, который по Дунаю, разгромив греческие дозоры и аванпосты, набрав провизии, благополучно вернулся в Доростол. [36, т. II, с. 228–229]

В ходе боев обе стороны понесли большие потери. Сложилась патовая ситуация, руссы не могли вырваться из окружения, а ромей не имели сил сломить упорство Святослава. У русов кончалось продовольствие, а до Цимисхия доносились тревожные известия

о заговорах в Константинополе. В сложившихся условиях заключение мира между Святославом и Цимисхием, очевидно, соответствовало их интересам.

Когда греческий император Цимисхий, в вызолоченных доспехах, окруженный свитой сверкающих золотом всадников, явился на переговоры со Святославом, он был удивлен, увидев великого Князя Русского гребцом в ладье: «он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами». [71, с. 82]

То, что для *кичливых благородных ромеев* было немислимым делом, для норманнов Святослава было нормой общепринятых взаимоотношений: «С точки зрения викинга, никакая должность на судне не была зазорной для мужчины, и к ним не было пренебрежительного отношения у народа, который почти ни во что не ставил социальные различия, команда судна была почти на одной ноге с его капитаном. Один из Олавов, когда в молодости ходил походами вдоль Английских берегов, сидел на веслах на своей собственной ладье. Точно так же, когда правящий конунг или ярл выходил в море на своем длинном корабле, он, как правило, вступал в должность рулевого. Команда же набиралась из его телохранителей, дружинников и личных друзей». [47, с. 91]

Лев Диакон отметил, что в нарушении всех церемониалов, Цимисхий был вынужден сойти с коня и склониться к сидящему перед ним в ладье Святославу, который свободно обратился к императору Византии на греческом языке. Святослав сидел на простой скамье русской лодьи, а император Византии Цимисхий почтительно стоял подле русского полководца.

Следует отметить, что Святослав не случайно явился на встречу с Цимисхием по Дунаю на лодье. Это был единственно возможный вариант более или менее безопасной встречи с коварным Цимисхием.

Встреча Святослава с Цимисхием (художник В. П. Верещагин)

Между русскими и греками был заключен договор о мире. Святослав предложил условия мира, но он не сдался на милость победителя. Греки обязывались беспрепятственно пропустить руссов домой и обеспечить их продовольствием на дорогу. Русь в свою очередь обязалась не претендовать на греческие владения в Крыму и Болгарию и выступать союзником Византии. [71, с. 81] Обе стороны договорились о свободной торговле между собой.

Мирный договор 971 г., заключенный Святославом с греками, на Византии и Руси оценивали по-разному. Греки считали, что они победили, заставив Святослава уйти с Дуная. Но, греки признавали, что они победили русских не столько в бою, сколько благодаря помощи сил небесных.

Цимисхий, изготовившись к походу на русских, поднял крестное знамя и отправился молиться в храм Христа Спасителя, оттуда в славную церковь Софию, потом в храм Богоматери Влахернской, главной избавительницы Царьграда от нападений Руси. Иоанн молился в храмах «о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом». [71, с. 68]

По греческой легенде, в решающий момент битвы при Доростоле внезапно с небес обрушилась на полки Святослава страшная буря и расстроила ряды русских воинов, при этом некто на белом коне явился впереди греческих полков и ободрил их. Впоследствии распространилось мнение, что грекам помогли великомученик Федор Стратилат

в союзе с самой Богородицей. [71, с. 80–81] Так, предводимые верой в Святое заступничество, греки смогли одолеть русских.

По летописцу, у Святослава было много даров от греков и всякого имения. Находясь с дружиной в Доростоле, Святослав держал с ней совет: воевать дальше или заключить мир с греками, взять дань и вернуться на Русь, а если не дадут дани, то вернуться и покарать их: «Люба бысть рѣчь си дружинѣ». [79, с. 70] Цимисхий же, узнав о мирном предложении Святослава, весьма обрадовался и велел записать его как письменную хартию. Лев Диакон также отмечает, что Цимисхий «с радостью принял мирный условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медимна на каждого»⁹⁷.

После заключения мирного договора Святослав еще три месяца находился в Болгарии и лишь осенью на судах выступил домой. После ухода войск Святослава земли северо-восточной Болгарии стали византийской провинцией, болгарский царь Борис был публично лишен своих царских полномочий, став поданным Цимисхия. «Расколота, залитая кровью, ограбленная и униженная Болгария была окончательно сломлена Византийской империей», [131, с. 183] на двести лет попав в греческое иго.

Чего стоили союзники греки, видно из последующих событий. Пока Святослав был в Болгарии, греки отправили из Переяславца на Дунае к печенегам священника *Феофила Евхаитского* с вестью: «се идет вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много у Грекъ». [79, с. 72]

Возле днепровских порогов печенеги устроили засаду, блокируя Святославу волок судов через пороги.

Место засады печенегов в Белобережье было приграничной территорией между Русью и Византией. По договору 944 г. особо оговаривались права греков «Корсунской страны». русские могли находиться здесь летом, а греки зимой. Из ряда источников, в том числе так называемой «Записки греческого топарха», следует, что греки в нижнем Поднепровье имели поселения, в частности, Борион. [72, с. 301–304]

Гибель Святослава с войском в Белобережье в битве с печенегами с летописных времен стала предметом многовековых обсуждений, в частности, вопроса: *почему легендарный полководец Святослав, сокрушивший Хазарский Каганат, победивший греков при Андрианополе, отразивший натиск легиона бессмертных на крепость Доростол, погиб в сражении с печенегами, которые, как показали незадолго до этого события близ Киева, бежали прочь, как только услышали о приближении дружины Святослава?*

⁹⁷ [71, с. 81] Такого запаса хлеба хватало примерно на 1,5 месяца — Авт.

Для понимания существа трагедии в Белобережье, немаловажно выяснение вопроса о том, о каких войсках Святослава идет речь. Вместе со Святославом в болгарский поход отправилось 20 тыс. дружинное войско, в массе своей вышедших из региона Азовско-Причерноморской Руси. Дружинное войско Святослава выполнило свою основную боевую задачу, взяв откуп-дань с греков, и вернулось обратно на места своей постоянной дислокации, проживания. Именно такое решение принял совет дружины и Святослава, обсуждая дальнейшие перспективы войны с греками.

По летописцу, к Днепру отправилось не дружинное войско, а «маломъ» дружина Святослава. Для Святослава было весьма важно, вернувшись домой, часть греческой дани передать родам и семьям погибших, что давало возможность Святославу набрать новых воинов в свою поредевшую дружину.

Попав в засаду, и не имея возможности, по малочисленности дружины, защитить проход судов через пороги, Свенельд, ближайший соратник Святослава, держа с ним совет, предложил князю бросить ладьи с имуществом, и на «конях» прорваться к Киеву. Вернуться ни с чем, бросив на растерзание врагу пеших воинов, многие из которых были больны и ранены — это было для Святослава невыносимым делом.

Святослав предложил свой план разгрома печенегов. Свенельду пробиться в Киев «на конях», собрать княжеские дружины Ярополка, Олега и Владимира и вместе с ними совместным со Святославом ударом разгромить печенегов.

Тщетно ожидая помощи, Святослав был вынужден зимовать с дружиной в Белобережье: «и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладь великъ». [79, с. 72] Пришлось съесть лошадей, уход на конях стал невозможен.

Весной 972 г. при прорыве через пороги Святослав погиб, выступив один со своей измученной голодом и болезнями малой дружиной против полчищ печенегов, возможно, и местных греков. Сбылась летописно пророческая речь Святослава, сказанная им перед боем с Цимисхием: «Нам некуда деться... если ляжем здесь костью, то мертвые не знают позора... Станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь. И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». [79, с. 69] Так и погибли все вместе сражаясь с врагами под красным стягом⁹⁸.

В русской историографии по поводу действий Свенельда сложились разные версии. М. М. Щербатов считал, что Свенельд «спася

---

⁹⁸ «Последний бой Святослава»: иллюстрации, рис. 47.

в несчастном бою, бывшем на порогах, и пришел уведомить Ярополка о смерти его отца». [165, с. 238]

В какой-то мере это подтверждает Лев Диакон, сообщивший, что немногие русы все же вернулись домой. И. Д. Беляев пишет: «Каким же образом спасся Свенельд, мы не знаем, да и знать не имеем нужды; но, что он спасся, в этом ничего нет мудреного, не на каждом же бою все погибают; да и ни откуда не видно, чтобы Печенеги смогли истребить всю дружину Святославу, иное дело, им нужна была хорошая добыча и смерть грозного Святослава, о которой просили их Болгары или греки, а за Свенельдом им не было нужды хлопотать». [7, с. 377]

По Устюжскому летописцу: «Свиндел же убежа з бою». [153, с. 22] С. М. Соловьев пишет: «мы знаем, каким бесчестием покрывался дружинник, оставивший своего вождя в битве, переживший его и отдавший тело его на поругание врагам». [142, т. I, гл. 6, с. 160]

Как же Свенельд, который, с пленок опекал и воспитывал Святослава, бросил его с обессиленной дружиной на погибель?

Ситуационно ответ на этот вопрос ясен: а кто ждал возвращения Святослава? Его мать княгиня Ольга умерла, сыновей же, бывших при своих княжениях, с возвращением Святослава с воинской славой и данью ожидал новый передел власти.

Явившийся в Киев Свенельд понимал, что 11-летний Ярополк будет игрушкой в его руках: «всегда яко младенец предан под власть своим Вельможам». [165, с. 238]

Свенельд, еще со времен Игоря, был киевским воеводой, у него была собственная дружина, ему беспрекословно подчинялись варяжские наемники.

Вскоре судьба жестоко покарала Свенельда. В 974 г. сын Святослава древлянский князь Олег, узнав, что в его охотничьи уголья вторгся сын Свенельда Лют, убил его, возможно, что это была кровная месть за преданного отца.

Церковники злорадно отметили трагическую гибель Святослава и глумление печенегов над его телом, не простив князю его отказ от крещения и войну с православной Византией. По Львовской летописи (XVI в.) Святослав погиб «за премногую его несытость». [87, с. 63] По Иоакимовской летописи, Святослава настигло возмездие и «казнь от Бога». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 37]

Спрашивается, что это за Бог такой, который санкционирует казнь единственного сына первой русской святой княгини Ольги, отрезая у мертвого князя Святослава голову и распиливая ее на части? Речь идет о древнем тюркском обычае, представляющем собой один из важнейших ритуалов благодарения и служения Богу Неба Тенгри: питье

из черепа побежденного врага как религиозный акт овладения силой и способностями погибшего.

В историографии с времен древнерусских летописателей сложился предвзятый неблагоприятный взгляд на Святослава: «Усилиями А. Л. Шлёцера и Н. М. Карамзина в первой трети XIX в. была сконструирована историографическая концепция событий, в которых Святослав выступает как любитель военных приключений... завоеватель Болгарии, как правитель, не думающий о государственных интересах своей страны». [131, с. 56]

А. С. Королев приводит выборку мнений ряда русских историков о Святославе: «корысть представляется единственною целью походов» (И. Ф. Г. Эверс, 1826 г.); «имел в виду только один грабеж за установленную плату» (А. Чертков, 1843 г.); «не государственные виды руководствовали Святославом; он был исключительно вождь дружины» (А. Ф. Гильфердинг, 1850-е гг.); «искатель приключений с пылким воображением» (М. П. Погодин, 1871 г.); «не думал нисколько о государстве и, совершенно бросив его на произвол судьбы, он мечтал только о том, чтобы сравняться в славе с своими норманнскими предками, чтобы искать единственно военных приключений и военных доблестей» (Е. Е. Голубинский, 1880 г.); «предпринимал войны и походы по самым разнообразным поводам, иногда в целях наживы, иногда в видах завоевательных, иногда благодаря просто тому, что ему "не сиделось"» (С. А. Корф, 1908 г.); «двигателями оказываются не государственные интересы, а хищнические инстинкты» (А. А. Шахматов, 1916 г.). [59, с. 264–265]

Добавим к этому списку американско-русского историка Г. В. Вернадского, посвятившего Святославу главу своего труда «Киевская Русь» (1948) с характерно нелепым названием «Великое приключение: Святослав».

Оценивая деятельность Святослава, ряд историков считали Святослава не совсем русским. Н. М. Карамзин писал о безрассудном желании Святослава «перенести столицу государства на берега дунайские». [48, т. I, гл. VII, с. 64] После смерти княгини Ольги: «Княжение Святослава кончилось на Руси; он отдал все свои владения здесь сыновьям и отправился в Болгарию навсегда». [142, т. I, гл. 6, с. 157]

Но, судя по Нестору и ряду летописных комментариев, Святослав никогда не отрекался от Руси. Первый русский митрополит Илларион (1051–1054) в своем «Слове о законе и благодати» с воодушевлением пишет, что крестивший Русь Владимир был «внуком старого Игоря, сына же славного Святослава. Те в лета своего владычества мужеством и храбростью прославились во странах многих, и победами,

и крепостью поминаются ныне и прославляются. Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли. Сей славный — от славных родился, благородный — от благородных». [45, с. 73]

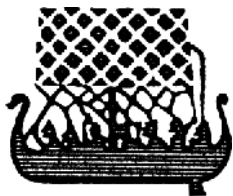
Княжа в болгарской столице в Преславе, Святослав, имея определенные династические права, мог присвоить себе царский сан, но он этого не сделал. После смерти болгарского царя Петра, Святослав оставил его сына Бориса при всех царских полномочиях.

В решающие моменты сражений Святослав обращался к своей дружине с пламенными патриотическими речами: «Уже нам некуда деться. Волею или не волею придется биться с греками. Так не посраммим же Земли Русской». [79, с. 69] В последней битве при Доростоле Святослав, ободряя воинов, говорил: «Если мы теперь постыдно уступим Грекам, то где же слава Русского меча, без труда побеждавшего врагов; где слава Русского имени, без пролития крови, покорявшего целые страны. До этой поры Русская сила была непобедима». [99, ч. I, с. 157] Лев Диакон образно передает речь Святослава: «Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!» [71, с. 79]

Общую оценку внешней политики Святослава дал академик Б. А. Рыбаков. Он убедительно выразил взгляд на Святослава как на выдающегося государственного деятеля Древней Руси, как на блестящего полководца, на деле разорвавшего кольцо враждебных Руси соседних государств. Два новых важнейших центра влияния Руси укрепились на берегах Черного моря — Придонье на Востоке и Переславль на Западе, близ устья Дуная.

Образно выражаясь, Святослав взмахом своего меча очертил величественные границы древней Руси, в дальнейшем утерянные на века. Лишь 500 лет спустя, в эпоху Ивана Грозного, Московская Русь целой неимоверных усилий вернулась в Приволжье. А выход России к Дарданеллам и Придунайским славянским землям так и остался в области несбывшихся грез русского царизма.

Русская Нормандия Придонья

Во II в. до н. э. в степях Поволжья и Приуралья возникло новое сильное племенное объединение, возглавлявшееся роксоланами. *Роксоланы* — буквально «светлые, белые аланы». Перейдя Дон, роксоланы заняли междуречье Дона и Днепра. Вместе с другими народами роксоланы напали на римские границы и заставляли Рим платить себе дань.

Впервые этноним «рус» (**hrus**) упоминается в сирийской хронике VI в. *псевдо-Захарии Митиленского*. В ней говорится, что племя русь — рослый и сильный народ — обитало в первой половине VI в. севернее Азовского моря, где-то по Дону или за Доном. [137, с. 111] Вероятней всего, речь идет о роксоланах.

В книге перса *Ат-Табари* (†922–923), именуемой «История царей» (написанной ок. 914–915), сообщается, что в первой половине VII в. у мусульман было два врага — Хазаре и Русы: «которые суть враги цѣлому міру, въ особенности же Арабамъ, а воевать съ ними, кромѣ здѣшнихъ людей, никто не умѣеть». [25, с. 74]

Эти Русы, по мнению Табари, находились к западу от Хазар около Черного моря. Возможно, что под Русами, судя по их воинственности, исторически выступили норманны Придонья.

По мнению Г. В. Вернадского, уже к середине VIII в., задолго до волжского и днепровского путей, донской речной путь находился под контролем скандинавов⁹⁹.

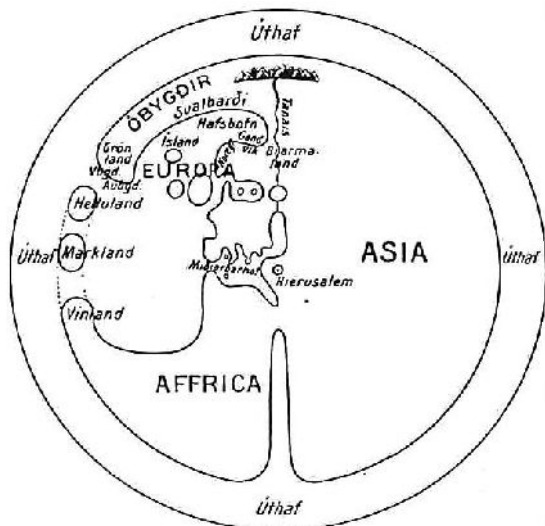
Лев Диакон, толкуя о легендарном Ахилле, утверждает, что он происходил из городка Мирмикион, лежащего у Меотидского озера (Азовского моря). Лев Диакон описывает «скифский» внешний облик Ахилла явно нордического типа: «белокурые волосы, светло-синие глаза, привычка сражаться пешими, характерный покрой накидки, скрепленной застежкой». [71, с. 78–79]

Немало следов древнейшего знакомства норманнов с Доном сохранилось в сагах, в которых Дон именуется Ванаквисль. «Ванаквисль буквально означает «устье ванов». Ваны (др.-сканд. Vanir) — группа самых древних и мудрых богов плодородия в германо-скандинавской мифологии.

В германо-скандинавской мифологии помимо богов *ванов* существовали *асы* — смертные полубожества-воины. Верховным богом и вождем асов был *Один*. Ему поклонялись викинги.

⁹⁹ [18] Гл VII. Скандинавы и русский Каганат (737–839).

Снорри Стурлусон — Круг Земной

Судя по всему, от мифологических асов шло название одного из древнескандинавских родов, к летописным конунгам которых относятся Аскольд и Асмунд.

Сообщения арабских источников об «острове руссов» среди болот может иметь и южное истолкование, по которому легендарный Асгард находился в болотистой дельте реки Кубань.

По мнению Г. В. Вернадского, в Придонье в середине VIII в. возникло скандинавское протогосударство, именуемое им как *Русский Каганат*, имевший флот в Азовском и Черном море. В связи с этим особое внимание вызывает фрагмент из хроники *Феофана Исповедника*, повествующий о «русских кораблях» в византийском флоте. Рассуждая о кампании Константина V против булгар (773 г.), Феофан говорит, что сначала Константин направил против булгар свой основной флот, состоявший из двух сотен кораблей (*chelandia*), а затем сам вышел в море со своей флотилией *русских кораблей* (*ρουσιαχελανδια*)¹⁰¹.

Из Азовского региона как своего опорного пункта купцы-русы путешествовали в IX в. вплоть до Багдада. «Танаис, река славян» (Дон) был первым участком их пути, согласно *Ибн-Хардадбеку* (ок. 820–890). Следующим участком была нижняя Волга а третьим — Каспийское море. [36, т. III, с. 31]

¹⁰¹ [18] Гл VII. Первый Русский Каганат.

Экономически Придонье находилось на весьма выгодной территории, на которую ответвлялся поток товаров, идущий из Приволжья в направлении северного Причерноморья и далее к Византии и югу Европы.

Арабский путешественник *Ал-Мукаддаси* (конец X в.) приводит впечатляющий список товаров, идущий из Приволжья: «меха соболя, белки, горноста, куниц, лисиц, бобров, зайцев, козы, воск, стрелы, большая рыба (осетровые), высокие шапки, рыбий клей, моржовый клык, касторовое масло, амбра, юфть (мягкая кожа), мед, орехи, соколы, мечи, кольчуги, береза, рабы из славян, овцы, крупный рогатый скот». [36, т. III, с. 95–96]

Значительная часть этого несметного богатства приволжских товаров шла через Хазарию в Придонье. Ренты с торгового оборота в низовьях Дона было вполне достаточно для оседлого обитания норманнов в этих местах.

По мнению А. Л. Шлётцера, походы на Византию времен патриарха Фотия совершали не славяне под водительством Аскольда и Дира, но «Понтийские Руссы». [164, с. 315] А. Л. Шлётцер интуитивно верно предугадал смысл событий, но в частности был не прав. Так, нет достоверных сведений о славянах тех времен, совершавших морские набеги. Славяне были оседлыми земледельцами, по необходимости умеющими плавать по рекам и озерам.

Появление в северном Причерноморье норманнов неминуемо вызвало их противостояние с хазарами, по летописям, приведшим к освобождению Аскольдом и Диром полян от дани хазарскому Каганату.

Помимо весьма противоречивой летописной киевской версии похода Аскольда и Дира на Царьград, есть определенный смысл рассмотрения донского варианта этого похода. Аскольд и Дир, *испросившись у Рюрика с родом своим* в поход к Царюграду, могли отправиться из Приладожья не на запад в сторону Пскова и Смоленска, а на восток в Верхневолжье и затем выйти к Дону — родине своих богов.

Дон судоходен — на протяжении 1500 км на нем нет порогов. Строить специальный флот для войска Аскольда и Дира не было особой необходимости, ведь он уже был у азово-причерноморских норманнов. По мнению Г. В. Вернадского, вероятней всего, именно так и было, военная кампания против греков была предпринята совместными усилиями Аскольда и Дира и Русского каганата в Придонье¹⁰².

¹⁰² [18] Гл. VIII. Образование Киевской Руси (839–878 гг.). Распространение Хазарского и Мадьярского контроля над южно-русскими племенами.

Однако есть один, но решающий довод против донской версии. Речь идет о единственных достоверных свидетельствах патриарха Фотия — современника этих событий. По Фотию, россы подошли к Царьграду, по «немыслимому» маршруту. Значит, греки предполагали «мыслимый» маршрут движения флота россов.

Таким маршрутом был выход флота россов из внутреннего Азовского моря через Керченский пролив в Черное море. Этот маршрут не мог быть неожиданным для греков, поскольку находился под пристальным вниманием херсонитов.

По летописям, после удачного набега на Царьград в 860 (866) г., войска Аскольда и Дира вернулись обратно в Киев, что практически невероятно. Проход по Днепру сотен судов и тысяч воинов от устья до порогов на расстояние 500 км и форсирование порогов против течения было делом по существу невозможным. Речь могла идти о десятках судов и сотнях воинов, которые вернулись в Киев.

Это обстоятельство отмечает Никоновская летопись, по которой: «Възвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царяграда въ малъ дружинъ», [77, с. 9] поселившись, как это было принято у норманнов, отдельным гарнизонным поселением, которое могли прокормить подвластные им поляне.

Основная масса кораблей и дружинников Аскольда и Дира, вошла в Азовское море и осело в Придонье «с родом своим», т. е. с семьями. Норманны Придонья слыли воинственным народом, приверженным к морским разбоям. Перс *Ибн-Русе* «В книге дорогих ценностей» (ок. 903–925 гг.) пишет о русах: «На коне смелости они не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях». [36, т. III, с. 49]

Расцвет *русской Нормандии* связан с эпохой Олега-правителя, когда после удачного похода на Царьград в 907 г. началось массовое расселение норманнов рода руси в Придонье-Приазовье. В дальнейшем оседлое место проживания на юге русов-норманнов идентифицировалось рядом названий как *Руси северопонтийской, таврической, придонской, приазовской...*

Известен термин Константина Багрянородного для северо-западного побережья Черного моря: **Χρυσός Λευόμενος** (греч. — «золото, осветленный») [152, с. 160], как место жительства массы «белых» людей. Русский Великий Князь Олег в договоре Руси 912 г. с греками три раза выступает как «светлость», под рукой которого были «светлые». [79, с. 32] И это понятно, ведь Олег, как и его сподвижники из дружины варяго-росов, были белокуроыми представителями нордической северной расы на юге.

В отличие от северо-запада, где норманны-русы были в явном меньшинстве относительно местного балтского, финского

и славянского населения, и по этой причине, жившие в обособленных укрепленных поселениях, норманны Придонья по своей многочисленности и сильному флоту не нуждались в особых крепостях, свободно расселяясь среди местного населения, частично ассимилируя с ним, принимая в какой-то мере их нравы и обычаи.

О явно тюркском стиле одежды русов сообщает перс *Ибн-Русте*: «[Русы] носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен». [36, т. III, с. 49–50] По Льву Диакону, внешний облик и одежда Святослава были весьма колоритны — одежда белая как у славян, а выбритая голова с клоком волос как знак княжеского достоинства была типичным знаком отличия у тюркских степных народов.

Военизированная русская Нормандия Придонья не являла собой нечто исключительное в древней истории народов и государств. Еще Платон в своем «Государстве» обрисовал касту воинов, живущих в составе единого целого с народом и его правителями. В древнеиндийской истории военная каста кшатриев являла собой основу властной организации общества. В древней Ассирии большая часть взрослого населения входила в постоянное войско, носившее название «царский отряд».

В конце VIII в. арабский географ *Ибн Хордадбех* Черное море звал «море ал-Хазар». [43, с. 125, с. 279] Но уже в 943 г. арабский географ *Масуди* определял Черное море как «море русов, по которому не плавают другие племена, и они обосновались на одном из его берегов». [93, с. 196] «Важно въ высшей степени извѣстіе Масуди, что Черное море называется Русскимъ по прибрежнымъ его обитателямъ, ибо только допуская существование Черноморской Руси можно будетъ объяснить, почему византийскіе хронографы отождествляютъ имя Русь съ Тавроскиѳами». [25, с. 154]

Хазары, в виду нарастающей мощи русской *Нормандии*, приняли серьезные меры по укреплению своих рубежей. Хазарский Каганат построил непрерывную линию из более 100 белокаменных крепостей, стоявших на высоких мысах, с которых реки просматривались на обширном пространстве. Крепости были воздвигнуты около конца VIII в. На то, что они были построены в одно время, указывает сходство их планировок. Крепости стояли друг от друга на расстоянии 10–20 км, образуя целостную цепь по правому берегу Дона, Оскола и Северского Донца.

В крепостях находилась местная иудейская знать с охраной. Около крепостей располагались селища с кузнями и мастерскими по производству оружия.

Археологические раскопки хазарских крепостей и окрестностей вокруг них показали следующее: «хазарское пограничье... было заселено семьями, все мужское население которых несло воинскую службу... Военизация населения касалась... не только мужчин, но и женщин, многие из которых похоронены с оружием, воинскими поясами, сбруей и конями. Судя по всему, основной функцией крепостей была не охрана пограничья, а проведение в жизнь наступательной политики каганата на западных и северо-западных соседей». [112, с. 278, 282]

Около 833 г. хазарский каган направил посланников к императору Феофилу с просьбой прислать опытных инженеров для строительства крепости на Дону, необходимой для защиты от врагов. По мнению Г. В. Вернадского, под врагами следует понимать азовских русов норманнов¹⁰³.

С помощью новой крепости хазары рассчитывали преградить путь русам от Азовского моря к Волге и одновременно отрезать их от севера, от родины в Скандинавии. Такая политика была также продиктована и экономическими соображениями. Именно по верхне-донскому пути норманны Причерноморья получали с севера меха.

Император Феофил согласился помочь хазарам, воздвигнув на левом берегу Дона крепость Саркел (Белая Вежа).

Расправа Олега-правителя над Аскольдом и Диром привела к разрыву единого княжения норманнов от Придонья до Поднепровья. Олег, после удачного набега на Царьград, вернулся на северо-запад, в частности, занялся обустройством Ладоги.

Древнерусскому летописанию были неизвестны весьма важные события, принимавшие все более зримые очертания с начала X в. на землях *русской Нормандии*. Невнятно сообщают о них и византийские историки. Основной корпус сведений о русах северного Причерноморья можно почерпнуть из восточных арабо-персидских и еврейских древних источников.

С времен Олега русы Придонья усилились до того, что начали самостоятельные походы на судах в сторону богатого мусульманского Прикаспия. Это было единственно возможное направление походов для южных русов, находящихся между мощными государствами — иудейским Хазарским Каганатом и православной Византией.

Осенью 910 г. разведывательная флотилия русов из 16 судов появилась в Южном Прикаспии, однако по своей малочисленности все русы были перебиты мусульманами. В 912–913 гг. около 500 кораблей русов направились в район Прикаспия. Им пришлось просить Кагана

---

¹⁰³ [18] Гл. VII. Политический кризис в северном Причерноморье (831–839 гг.).

хазарского пропустить их через его владения, обещая Кагану за это *половину воинской добычи*. После тяжелых боев на обратном пути, не смотря на то, что Каган получил свою оговоренную долю, его мусульманская гвардия неожиданно напала на русов, спаслись лишь немногие из них. [36, т. III, с. 114–116]

При Игоре русы Придонья-Приазовья еще более усилили свое влияние в регионе северного Причерноморья и Прикаспия, и не только потому, что после удачного похода Игоря на Царьград новые массы дружинников варягов стали расселяться в русской Нормандии, но и по причине мирных отношений, налаженных Игорем с печенегами.

В сочинении перса *Ибн Мискавайха* (†1034) под названием «Книга испытаний народов и осуществления заданий» есть уникальный рассказ о походе русов на Прикавказский город Барда в 944–945 гг., рисующий облик и нравы южных русов тех лет.

Русы предстают перед нами великим народом, крупного телосложения, имеющим большую силу. Они не знают отступления, пока не победят врага, или сами не погибнут. Вместе с оружием, в частности мечами, они несут с собой необходимые для проживания орудия труда — топоры, пилы, молоты и прочее.

Русы сражаются пешими, но приплывают по морю и рекам. Разгромив оборонявшие город войска, русы, войдя в город, успокоили его жителей, сообщив им, что отныне они будут властвовать над ними, не преследуя их за веру как мусульман. Русы вступали в бой лишь с теми, кто побивал их камнями с криками «Аллах акбар», и с отрядами султана, которые пытались отбить у русов город.

Часть благоразумных горожан согласилась с новой властью, но были и те, кто поддерживал отряды султана. Русы, уничтожив часть непокорных, других взяли в заложники и предложили им свободу за выкуп. Ближе к зиме у русов стало кончаться продовольствие и начались эпидемии. Поняв, что дальнейшее проживание в городе губительно для них, русы, захватив добычу, погрузились на корабли и удалились.

Ибн Мискавайха передает удивительный рассказ, рисующий храбрость русов. Один из них, светлый лицом и безбородый юноша и четверо его друзей, отдыхали в городском саду. Прознав об этом, мусульмане окружили сад и толпой внезапно напали на пятерых русов. Русы стояли насмерть, не сдаваясь в плен: «И был тот безбородый из оставшихся. Когда он понял, что его возьмут в плен, то он влез на дерево, рядом с ним, и не прекращая ранить себя кинжалом, бывшим с ним, пока не упал замертво». [36, т. III, с. 105]

Костяк дружинного войска Святослава составили русы Придонья-Приазовья. Греческий историк Лев Диакон именует воинов Святослава

тавроскифами, сообщая, что у Святослава было под рукой войско из десятков тысяч молодых, пышущих здоровьем тавроскифов. [71, с. 44] Именно от Дона двинулся Святослав со своим войском в поход на хазар.

Одним из ключевых аспектов стратегических планов Святослава было его стремление обосновать Русь Дунайскую, наподобии Руси Приазовской, переселив с нее в Болгарию избыток свободного молодого населения — воинов с их семьями. Экономической основой Дунайской Руси могла быть рента с торгового оборота по Дунаю — крупнейшему торговому пути в Европе.

Наличие семей у дружинников Святослава не вызывает сомнения. Скилица сообщает, что в боях с русами под Доростолом «снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев». [36, т. II, с. 230]

Походы Святослава в Болгарию и основание им столицы Руси — Переславля на Дунае имели геополитическое значение. Святослав под своим началом стремился объединить три Руси — Поднепровскую, Приазовскую и Дунайскую.

Говоря о грандиозных несбывшихся планах Святослава на Балканах, Н. М. Карамзин отметил, что для этого ему вначале нужно было надежно овладеть Бессарабией, Молдавией и Валахией, выгнав оттуда печенегов, чтобы «непрерывной цепью завоеваний соединить Болгарию с российскими владениями. Но сей князь излишне надеялся на счастье оружия и на грозное свое имя победителя козаров. [48, т. I, гл. VII, с. 64]

С этими доводами Н. М. Карамзина трудно согласиться. У Святослава было дружинное войско, костяк которого составляли норманны. Это войско могло существовать лишь в походах за воинской добычей или с экономической ренты контроля крупных торговых путей.

У Святослава не было конницы, с помощью которой можно было держать под своей властью большие территории. Норманны колонизировали лишь земли вблизи морских берегов и по судоходным рекам.

Воинские походы Святослава были связаны только с реками и морями. Еще ребенком Святослав выступил с дружиной норманнов по Днепру на древлян, по Дону шел на Хазар, по Волге — на булгар, по Дунаю — на болгар и греков, и погиб в бою с печенегами возле днепровских порогов.

Касаясь обстоятельств возвращения Святослава из Болгарии, Скилица приводит уникальные сведения об именах соратников Святослава: «Скончались архонты росов **Несислав** и **Иерослав** и был избран править росами родственник скончавшихся **Зинислав**». [36, т. II, с. 233]

Возможно, речь идет о погибших под Доростолом князьях из Русской Нормандии и о выборе вместо них, по законам родового права, нового князя *Зинислава*.

Что касается славянской транскрипции имен князей русов, то, по данным археологии, в то время началось проникновение славян в северное Причерноморье, да и сам Святослав носил славянское имя.

Арабский ученый *Аль-Масуди* (ок. 896–956 гг.) пишет, что на Дону (Танаису) «много поселений славян и других народов, живущих на севере». [36, т. III, с. 118]

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА «РУСЬ»

Нескончаемые споры идут вокруг толкования происхождения этнонима *Русь*? «До сих пор не объяснено удовлетворительно ни историческое происхождение, ни этимологическое значение этого загадочного слова». [52, с. 200–201] Х. Ловмяньский, ссылаясь на Брюкнера, отмечает: «Кто верно объяснит название Руси, найдет ключ к выяснению ее первоначальной истории». [83, с. 163]

«Начальным фактом русской истории следует считать водворение на русской равнине славянской колонизации. Когда и как совершилось это водворение, в точности неизвестно»¹⁰⁴. По мнению В. Н. Татищева: «Некоторые же народы, переходя, для мест сами себе названия придумывали и тем в историю путаницу внесли. Об этом самый хороший пример, что мы, славяне, или венецы, имя руссов приняли». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 10, с. 75–76] «Происхождение этнонима *рось-русь* остается невыясненным, однако несомненно, что он не славянский». [137, с. 111]

По арабо-мусульманским источникам, созданным до 860 г., речь идет только о Славянах и не пишется о Русах.

«У греков имя *русь*, или *рось*, задолго до Рюрика знаемо было... по летописи Иоаким от начала пришествия славян область Новгородскую *Русь* именует». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 30, с. 380] «Круг выводит имя Руси от греческого *ῥοῦσιος, ῥοῖης*, соответствующего по смыслу формы *οἱ ῥανθοι* которую Греки обозначали народности германского происхождения. Имя *ῥως* означает — красные. [27, с. 397–398, 400] «Лиутпранд счел нужным украсить... словопроизводством русского имени от прилагательного *ῥοῦσιος, ῥοῖης* русский и красный». [27, с. 526]¹⁰⁵

Если византийские источники знают, в сущности, только один вариант основы *ῥως*, то западноевропейские отличаются большой пестротой: *Rhos, Ruzara, Ruzzi Rugi, Ru(s)ci, Ru(s)zi, Ruteni*. Лингвистические наблюдения и хронология первых упоминаний о Руси в немецких источниках независимо друг от друга приводят нас

---

¹⁰⁴ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: Россия. С.-Петербург, 1898, с. 446.

¹⁰⁵ [81, с. 96].

к важному заключению: начало достаточно интенсивных контактов носителей имени *Русь* с представителями южнонемецких диалектов приходится на IX в. [35, с. 297, 298]

Летописец, рассказывая о разделении земли тремя сыновьями библейского Ноя, упоминает народ Руси среди других народов севера Европы: «Варязи, Свеи (шведы), Урмане (норвежцы), Готе (готландцы), Русь, Агняне (англичане)». [79, с. 4]

По мнению А. Л. Шлёдера: «первое название *Руси* не должно входить *здесь* въ изчисленіе, а вставлено *сюда* переписчикомъ». [164, с. 62]

Действительно, как следует из дальнейшего несторовского летописания, Рюрик явился на земли словен «с родом своим именем Русь», т. е. этноним Русь является обозначением рода варягов, но не народа как коренной этнической общности высшего уровня организации в сравнении с родом и племенем.

В VI в. сирийские и византийские источники упоминают названия «рус» и «рос». Византийское эсхатологическое миропонимание, начиная с V в., по отношению к варварским народам, угрожавшим ромеям, восходило к библейскому пророчеству Иезекииля: «Вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала!» (Иез. XXXIX). Текст Иезекииля применен в первый раз в житии *Василия Нового*: «Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос и Ог и Мог». [15, с. 89]

Когда в IX в. на исторической арене появились росы, эсхатологическое сознание византийцев связало их с библейским «Рош». Первым такое сближение произвел патриарх Фотий. В X в., рассуждая о походе Святослава, Лев Диякон ссылается на божественного Иезекииля, сказавшего: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос». [71, с. 79] Это схоластическое отождествление и побудило византийцев называть варягов росами, а Русь словом *Ῥώζ* (Рос).

Обсуждение происхождения этнонима «Русь» идет, главным образом, в русле этноплеменных и географических теорий.

Этноплеменные теории основываются на ссылках на названия древних племен и народов, извлеченных в основном из античных и арабских источников разной степени достоверности и фантазий их авторов. Главное — это уловить близкое созвучие букв или просто буквы «р». Таким образом выводят понятие «Русь» от росомонов, роксоланов, борусков, пруссов, ругов, рутенов, руянов, рустров и т. д. и т. п.

Так, А. Г. Кузьмин привел доводы об этнической общности народностей ругов, русинов [98, с. 7] и росов на территории Европы VI–XII вв. В Австрии в г. Зальцбурге в катакомбах при церкви св. Петра находятся останки св. Максима и его учеников, которые были убиты вождем русинов Одоакром в 477 г. Это засвидетельствовано плитой, на которой

написано по-латыни: «Лета господня 477. Одоакр вождь русинов (ру-тенов), геппиды, готы, унгары и герулы, свирепствуя против Церкви Божией, блаженного Максима с его 50 товарищами». [75, с. 100]

Что касается ругов, то по мнению Э. Цёлльнера (E. Zollner), на Среднем Дунае, в середине V в. н. э. недолгое время существовало государственное образование германского племени ругов, разгромленное в 488 г. римским полководцем Одоакром. Несмотря на исчезновение самих ругов, название некогда населявшейся ими территории как «страны ругов» (Rugiland) продолжало жить в языке окружающих народов; поэтому-то они и называли «ругами» славян, когда эти последние примерно в VI в. осели в стране ругов». [35, с. 265]

Первое надежное упоминания «Русь» как этнонима, за 500 лет до призвания Рюрика, относится еще к событиям IV в. (Иордан. О происхождении гетов) в форме «росомоны» — народ Рос или «люди с реки Рось». В древности предпочитали форму: «Правда росская, росские письмена, Рось». Собственно, видимо, отсюда и проистекает название «Россия».

Византийский историк *Никифор Григор* упоминает о знакомстве Греков с Руссами, уже в начале IV в. Он пишет, что Константин Великий пожаловал некоего Русса (*ὁ Ρωσιχός*) саном Стольника.

В источниках IX в. самое раннее зафиксированное в греческом памятнике сообщение о нашествии на византийский город в Малой Азии Амастриду содержится в «Житии Георгия Амастридского»: «Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве». [35, с. 90]

Там же говорится, что этот народ «двинулся от озера Пропонтиды», под которым в данном случае нередко понимают Азовское море, хотя *Пропонтида* — обычное название Мраморного моря.

Вопрос об авторе и датировке «Жития Георгия Амастридского» дискусионен. Кроме «Жития Георгия Амастридского», упоминаний народа **рос** в грекоязычной литературе до середины IX в. не существует.

По географическим условиям есть три точки зрения на происхождение этнонима Русь — южная, северная и обобщенная.

Одним из первых в российской историографии южную теорию происхождения этнонима Русь обосновал М. В. Ломоносов. По его мнению, внешняя схожесть названий дает повод считать, что этноним Русь проистекает от имени роксоланов, древнего народа, упоминаемого античными авторами. [85, с. 48]

По В. О. Ключевскому: «Русью или правильнее Росью в обширном смысле назывались почти все восточнославянские племена, в IX в. обитавшие в бассейне верхнего и среднего Днепра. Поляне, северяне, дреговичи и прочие суть только ветви этого племени. Прежде, с I в. н. э. приблизительно, оно было известно под именем антов или роксолан, издавна обитавших в Восточной Европе, в странах приазовских и приднепровских. Название этого племени произошло от имени, которое носили многие реки Восточной Европы и в корне которого скрывается понятие реки вообще. Впоследствии Русью в тесном смысле стала называться та ветвь роксоланского племени, которая соединила остальные ветви в одно государственно целое, именно — поляне»¹⁰⁶.

С. М. Соловьев отмечает, что «название *русь* было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, *русь* на берегах Черного моря была известна прежде половины IX в., прежде прибытия Рюрика с братьями». [141, т. I, гл. 3, с. 119] «Датировка имени Русь имеет неуклонную тенденцию к удревнению именно на Юге». [152, с. 158]

Анализ корневых этнонимов **Ro-Ra-Ru** Азовско-Черноморской Руси приводит академик О. Н. Трубачев. [152, с. 159–160]

Русская земля — выражение, впервые появляющееся в Игорево́м договоре 944 г., — получило географическое значение: так называлась в основном Киевская область, где гуще осаживались пришлые варяги («поляне, яже ныне зовомая русь», по выражению Начальной летописи). При объединении славян вокруг киевских полян, возникло общее понятие «Русь», которую населяют русские. Характерно, что именно на землях полян сохранилось больше всего гидронимов, связанных с именем «Русь» — Рось, Росава, Роставица...

«Северную» теорию происхождения этнонима Русь высказал еще Нестор. Летописец считал понятие «русь» обозначением варягов: «идоша за море къ Варягомъ, к Русі. сице бо тиі звахуся... отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля». [79, с. 18–19]

С. М. Соловьев пишет по этому поводу: «Это мнение древнейшее, древнейшее в науке, древнейшее в народе. Свидетельство русского летописца подтверждается свидетельствами иностранными: известием, находящимся в Бертинских летописях, что народ *рос* принадлежит к племени *свеонов*; известием Лиутпранда, епископа кремонского, о тождестве руссов с норманнами». [141, т. I, гл. 3, с. 118] Лиутпранд в середине X в. писал: «В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют **ῥοῦσιος**, **русиос**, мы же по месту их жительства

¹⁰⁶ [53] «Наброски по варяжскому вопросу», т. VII, с. 139.

зовем «норд-маннами». Ведь в тевтонском языке *норд* означает *север*, а **ман** — человек; отсюда — «нордманны», т. е. «северные люди». [81, с. 96–97]

«Есть свидетельство, что береговой район центральной Швеции, обращенный к Аландским островам и Финляндии, в XIII в. назывался «страной **rodhen**» или просто «**rodhs**». [156, с. 53]

В. Н. Татищев отмечает: «Славяне — данники русские. Гл. 37 и 38 показано, что славяне, от Дуная в древние времена, переходя, около Днепра и на восточной стороне населились, в местах, которыми прежде сарматы обладали, гл. 20. Олег же, а прежде Оскольд, придя, сих славян себе покорили и данниками сделали, о чем Нестор предел за пределом показывает... Потом вся сия страна Русь именована». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 16, с. 222]

Имя Руси является впервые в исторических источниках в 839 г. в «Бертинских анналах», где приводится случай, когда в посольстве греческого императора Феофила к императору франков *Людovicу Благочестивому* были люди, которые звали себя *россами (Rhos)*. Латинское *Rhos* есть перевод греческого *Ῥῶζ*. Людовик, расспрашивая этих людей, узнал, что они принадлежали к народу шведскому (*Sueones*). [35, с. 288–289]

«По крайней мере, мы знаем, что какой-то народ *шведский* в 839 г., следственно еще до пришествия князей варяжских в землю Новгородскую и чудскую, именовался в Константинополе и Германии *россами*». [141, с. 25–26]

Сообщение «Бертинских анналов» о прибытии «русского» посольства к франкскому императору Людовику I — древнейшее точно датированное известие о Руси.

В латинском «Описании городов и областей к северу от Дуная или Баварском географе» (ок. сер. IX в.) приводится множество названий народов, заселявших в то время центральную и восточную Европу, в частности Руссы (**Ruzzi**). Это одно из первых европейских этнических упоминаний имени Русь, по своей графике, несомненно, нордического древневерхненемецкого происхождения. [95, с. 41]

По-настоящему известными в Византии народ **рос** и его название становятся после 860 г., когда войско росов осадило Константинополь. Описание осады сохранилось в нескольких произведениях, среди которых наиболее ценные принадлежат патриарху *Фотию*, свидетелю и участнику этого события. Фотий оставил две гомилии (речи-беседы), в заглавиях которых говорится о нашествии росов.

В 867 г. Фотий направляет «Окружное послание» «восточным патриархам», где снова говорится о нападении в 860 г. на Константинополь

«народа, ставшего у многих предметом частых толков, превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам, — так называемого [народа] рос». [35, с. 93] Это первое актовое упоминание Руси.

Схожим по содержанию и по форме к свидетельствам патриарха Фотия является небольшой текст о нашествии россов в близком по времени агиографическом памятнике «Житии патриарха Игнатия» *Никиты Пафлагона* (род. ок. 885 г.).

«Русами» звали варягов, напавших на Севилью в 844 г. Договор с греками (912 г.) начинается словами «Мы от *рода Рускаго* (далее идут имена норманнских конунгов) посланных Олегом, великим князем Русским». [79, с. 32] Лев Диакон, описывая события на Балканах последней трети X в., по канонам Геродота именует славян скифами (тавроскифами), войска Святослава, идущие на Византию, называет «нашествием росов», а Святослава именует «катархонтом войска росов». [71, с. 44, 45]

По П. Я. Чаадаеву: «Новое государство, образованное многочисленными славянами, подчиненными Руссам или варягам, стало в последствии обширной русской империей». [158, с. 512]

Н. И. Костомаров, рассуждая о происхождении названия Русь, в частности, пишет: «Мы находим действительно это название на берегу Балтийского (Варяжского) моря, при устье Немана, которое и до сих пор сохранило название Русь, а правый берег его называется местом русским. Как далеко в глубокой древности простиралось это название в географическом объеме, невозможно определить; но есть свидетельства, указывающие на существование названия Руси в смысле страны на побережье Немана. Так в XIV в. историк Тевтонского Ордена Петр дюисбургский помещает страну Руссию на побережье Немана, при его устье... У Титмара Пруссия граничит с Руссию... Что за нижней частью Немана название Русь принадлежит глубокой древности, указывает и название Пруссия, сокращенное слово Порусия, т. е. страна, лежащая по реке Русь. Это географическое название дано земле этой Славянами... Немаловажным подтверждением вероятности происхождения призванных Варягов из Пруско-Литовского мира¹⁰⁷ служит

¹⁰⁷ Мнение Н. И. Костомарова о вероятности происхождения призванных Варягов из Пруско-Литовского мира исторически спорно. По летописцу, Варягов призвали из-за моря. Если речь идет о *варяжском пути* (Новгород-Ладога-Нева-Финский залив-Прибалтийское побережье Немана) — то путь туда и обратно требовал не менее месяца. В то же время сухопутный путь от Новгорода до Немана занимал 2–3 дня, однако этот наиболее удобный *способ призвания* не состоялся. К тому же Н. И. Костомаров игнорирует то, что летописец сообщает чисто скандинавские имена призванных варягов рода руси — Авт.

существование части Прусской улицы в Новгороде и этнографическое название ее обитателей — Пруссы... всегда отличавшихся особым аристократизмом». [61, с. 26–28]

В пользу «северной» теории происхождения этнонима Русь говорит наличие на новгородской земле богатой топонимии: Руса, Порусье, Околорусье, Руська на Волобже в Приладожье. *Руция* — было латинизированным названием Руси по скандинавским сагам.

В. Н. Татищев придерживался *финской теории* рождения северной Руси: «Фины с руси дань брали, и довольно вероятно, что Рюрик по наследию Финов владение к Руси присовокупил... Иоаким паче всех сие утверждает, что Рюрик из Финляндии». [146, 1769, книга I, ч. II, гл. 31, с. 391]

Если учесть, что варяги (шведы) в основном двигались на земли славян через территорию финнов, то в мнении В. Н. Татищева есть определенный рациональный смысл.

А. А. Шахматов определял слово «русь» от финского Ruotsi, значащее швед, шведский пришелец. [139, с. 154] В. А. Брим считал, что финское **Ruotsi** произошло от древне шведского слова **drôt** — толпа дружинников. [12, с. 8] При совмещении слова «Ruotsi» со славянским «Рось» возникло слово Русь.

А. Б. Широкоград придерживается мнения тех историков, «которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsî», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах. Отсюда следует, что русью первоначально называли не какое-то племя, а двигающуюся по воде дружину». [163, гл. 1]

На исконное значение слова **рос** как самоназвания скандинавов, связанного с обозначением плаваний на гребных судах, возможно, указывает их обозначение как «дромитов» (от названия дромон — больших византийских кораблей) в хрониках *Псевдо-Симеона* и *Продолжателя Феофана*. [35, с. 101–102]

Н. М. Карамзин считал Русь производным словом от имен первых князей Рюрика, Трувора, Синеуса. [48, т. I, гл. IV, с. 41] Он пишет: «историки находят основательные причины думать, что Несторовы *варяги-русь* обитали в королевстве шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, **Roslagen**. Жители ее могли в VII–IX вв. быть известны в землях соседственных под особенным названием... Финны, имея некогда с Рослагеном¹⁰⁸ более сношения, нежели

---

¹⁰⁸ Рослаген — часть береговой полосы шведской провинции Упланд, жители которой издавна строили корабли для морских плаваний — Авт.

с прочими странами Швеции, донныне именуют всех ее жителей *россами, ротсами, руотсами*. [48, т. I, гл. II, с. 25]

По С. М. Соловьеву, под варягами разумелись дружины наемников, искавших удачи на морях или в странах дальних. Название *варяги* образовалось у скандинавских и германских народов. На востоке у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было слово *русъ* (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. [141, т. I, гл. 3, с. 119] «Византиец Симеон Логофет объясняет прямо корневое слово *Ῥῶς* в соотношении со словом корабль. Этот корень слова в приведенном значении найдем в языках славянском, германском, финском и других языках». [141, т. I, пр. 149, с. 291]

Ламбин, поддерживая С.М. Соловьева, пишет: «Никакого народа Русь никогда и нигде не бывало, и ни откуда к нам не приходило, а пришли к нам из-за моря три брата «с роды своими», и привели с собою «всю Русь, т. е. всю дружину, называвшуюся Русью (*Róds*), как назывался и самый род княжеский. Эта дружина была скандинавская морская». [27, с. 407]

Не менее важными, чем *финские*, В. Н. Татищев считал и *карельские* корни северной Руси, имея в виду страну карелов Баярмию. По Иоакимовской летописи славянский князь Буриовой «имел тяжкую войну с Варягами, многократно побеждая их, и владел Баярмией». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 33] Сыном князя Буриового был легендарный новгородский первокнязь Гостомysl.

С. Геденов считал Русью славяно-варяжское племя, жившее на острове Рюген. Варяги же звались от Полабского слова *warang* (меч). [53, т. VII, с. 148]

По становлению древнерусской государственности очевиден приоритет северного происхождения этнонима Русь.

Государство имеет три существенных атрибутивных признака — территорию, население, публичную власть. В несторовском перечислении славянских земель, племен и народностей этнонимы, близкие к руси, отсутствуют, сам же этноним русь не славянский.

Нестор указывает, что русь, с одной стороны, — понятие этническое как название рода Рюрика, с другой — понятие политическое, характеризующее тип власти варяго-росов, установившийся на землях словен, кривичей и полян во времена Олега-правителя. Норманны на Руси IX–XI вв. являли собой именно правящий класс, осуществлявший административную и военную власть на славянских землях, к тому же класс экономически доминировавший в прибыльной торговле на *пути из варяг в греки*.

Известно определение греческим императором *Константином Порфирородным Невогарда*, под которым историки разумеют Новгород, находящийся «во внешней Руси» (*ἀπό τῆς ἐξω Ῥωσσίας*), а «внутренней Руси» как киевского княжения полян. [36, т. II, с. 158–159]

В IX в. арабы различали норманнов, русов и славян. Арабские писатели отмечали этническую разницу между русами (росами) и славянами. Ибн-Хаукаль под 969 г. пишет: «руссы — народ варваров, живущий в стороне булгар, между ними и славянами по реке Итиль». [131, с. 44]

В. О. Ключевский замечает по этому поводу: «Что касается до Руси, то арабские и византийские писатели X в. отличают ее как особое племя от славян, над которыми она господствовала, и *Константин Багрянородный* в перечне днепровских порогов отчетливо различает славянские и русские их названия как слова, принадлежащие совсем особым языкам». [52, с. 157]

Для каждого из семи днепровских порогов приводятся два их названия — **по русски** (древнескандинавски) и по славянски, сохранившимся до наших дней.

По Нестору, под стены Царьграда вместе с Олегом пришли корабли как русы, так и славян. Паруса у русы были попрочней — из *наволоки*, а у славян похуже — *копринные* (крапивные). Ветер поднял паруса русы, а славянские изорвал. [79, с. 31]

В. О. Ключевский вкладывал в этноним **русь** социальный смысл, значащий элиту союза славянских племен: «Княжеская дружина, служа орудием администрации в руках киевского князя, торгуя вместе с купечеством больших городов, носила вместе с ним специальное название *руси*. В X в., по Константину Багрянородному и арабским писателям, **русью** назывался высший класс русского общества, преимущественно княжеская дружина, состоявшая в большинстве из тех же варягов». [52, с. 201]

Б. Д. Греков также считал, что в Новгороде слово *русь* вначале обозначало высшую военную элиту, как это следует из древнейшей части «Русской правды»¹⁰⁹.

В XI в. «русин», по *Русской Правде*, — это «гридин, любо коупчина, любо ябетник, любо меченик», т. е. представитель дружины, купечества, боярско-княжеской администрации. Княжеская власть гарантировала «русину» полноценную виру, штраф за посягательство на его имущество, достоинство и жизнь.

---

¹⁰⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 116.

По А. Елисееву, анализ слова «рус» показывает его тесную связь с красным цветом, как цветом военного могущества, «цветом воинов, князей, королей. Он символизировал воинское сословие у индоариев, иранцев и кельтов. Например, в ведической Индии красный цвет принадлежал варне (касте) кшатриев, т. е. воинов... Вообще, красный цвет имел большое распространение в Древней Руси. Красные стяги были стягами киевских князей, они видны на старинных изображениях, о них говорит «Слово о полку Игореве». Согласно былинам, красный цвет широко использовался для раскраски русских боевых кораблей». [40, с. 203–219]

Арабский ученый *ал-Мас'уди* пишет о русах: «Византийцы называют их «русийа», что означает «красные». [36, т. III, с. 118]

Основа «рус» в значении «красный» встречается во многих индоевропейских языках, к примеру, в литовском «gusvas» (темно-красный), в латышском «gusa» («ржавчина»), а также в латинском «russeus», «russus» («красный, рыжий»). По-французски «красный» — rouge, по-итальянски — rosso, по-испански — rojo, по-немецки — rot, по-английски — red, общеславянская основа — rus.

Одно из первых упоминаний о славянах сделано сирийцем *Аль-Ахталем* (вторая половина VII в.): «Какъ бы подлинно видишь въ нихъ толпу Славянъ (Сакалиба) красныхъ (или рыжихъ, русыхъ». [25, с. 2] Очевидно, что красный цвет лиц славян означает, румянец на белой коже их лиц. О красном цвете лиц славян упоминают также *Масуди*, *Ибн-Фадлан* говорит тоже самое о Руссах.

Собственно к восточным славянам слово *русь* стало применяться только с XI в. К этому времени несколько поколений варягов, господствующих в области Поднепровья, полностью ассимилировались с коренным славянским населением, перенесли свое этническое имя *русь* на подвластных им славян. Так слово *русь* из этнического понятия стало географическим понятием собирательного типа, относящегося, прежде всего, к землям киевского, черниговского и переяславского княжений.

В это время окружающие их княжения — смоленское, полоцкое, ростовское, муромское, галицкое, волынское и новгородские словене свои земли русскими не называли. Так, в Краткой редакции Русской Правды налицо различие «словен» — насельников Севера (Новгорода) и «русин» Киевской Руси.

Сейчас у историков нет сомнений, что древние новгородцы — это славяне, очень рано отделившиеся от основной массы европейского западнославянского населения, что подтверждается лингвистическим анализом новгородских берестяных грамот. [42] С. А. Гедеев

пишет: «Новгородские местности носят западные названия: Волоотово, Прусская улица, Боркова, бискупля, Иворова. Боркова улица указывает на знаменитый и древнейший в Помории род Борков». [27, с. 347]

Новгородцы считали себя жителями новгородской земли, находящимися под покровом святой Софии. Они клялись не русской земле, а святой Софии.

В берестяной грамоте № 105, относящейся к середине XII в., говорится, что упомянутый в ней человек ходил на Русь в Переславль. Поездки новгородских епископов в Киев означали, что они *иде в Русь*. В 1257 г. новгородская летопись сообщает: «приде вести из Руси зла», что татары требуют дани от Новгорода. То есть Русь для новгородцев даже в середине XIII в. была другой частью страны. Только с начала XIV в. стали появляться летописные записи, из которых следовало, что новгородцы считают себя русскими людьми.

С другой стороны, еще долгое время спустя после «воссоединения Севера и Юга» при Олеге-правителе южане не считали Русью ни северный Новгород, ни западные княжества, ни тем более восточные.

По И. И. Срезневскому: «Воду почитали Славяне стихией, изъ которой образовался миръ. Земля, по ихъ понятію, выплыла изъ моря». [143, с. 19] В VI в. византийский историк *Прокопий Кесарийский*, говоря о вере славян, отметил: «почитают они реки и нимф и некие иные божества». [134, с. 185]

«Когда составители «Повести временных лет» пытались объяснить, в какой части света находится их земля, они оперировали прежде всего названиями рек и речных путей. Имена племенам нарекались в соответствии с этими названиями». [156, с. 15] П. Й. Шафарик (1795–1860) заметил, что в праславянском языке река называлась **rusa** — река, как чисто славянское слово, имеющее более 20 топонимов, производных от корня *рус*: русло, русалка... [27, с. 417, 423] В. И. Даль отметил в словаре имя *Рус* как *сказочное чудовище днепровских порогов*.

«Если «руса» — это река, извечное место поселения наших предков, с которой неразрывно была связана их жизнь,...то обобщающий этноним русы значит «живущие на реках, жители рек, речной народ». [159, с. 389]

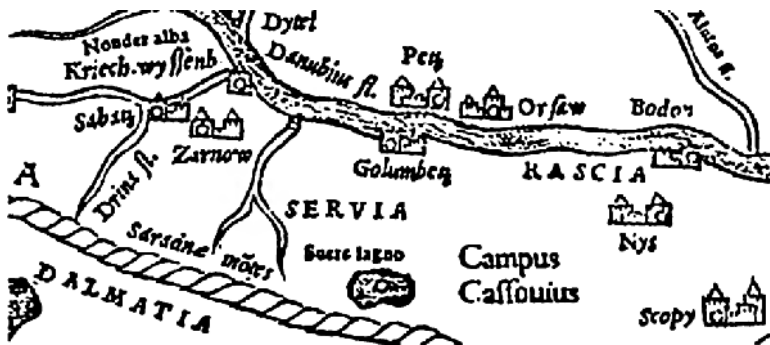
В. О. Ключевский образно пишет, что русский народ «на реке оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов — и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она — его неизменная соседка: он жался к ней, на ее берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжение значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она — готовая летняя и даже

зимняя ледяная дорога. Русская река приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности. В Древней Руси расселение шло по рекам, и жилые места особенно сгущались по берегам бойких судоходных рек». [52, с. 74]

«В Древней Руси были обычными определения страны по протекающей в ней реке. Выражения «повоевать Волгу», «ходить на Дон» — обычны в древнерусском языке... Так же точно и в «Слове о полку Игореве» реками обычно определяются страны, расположенные по этим рекам: по Дону, по Волге, по Немиге, по Дунаю и др... В связи с этим определением стран по рекам стоит и распространенный в Древней Руси символ победы: испытать воды из реки побежденной страны. Владимир Мономах, говорится в летописи, пил золотым шлемом из Дона, покорив страну половцев (Ипатьевская летопись, под 1201 г.). Юрий Всеволодович, захватив Тверь, напоил коней из Тверцы и угрожал новгородцам напоить своих коней из Волхова (Новгородская I летопись, 1224 г.)». [82, с. 203]

Термин **Россия** впервые употреблен в середине X в. «В книге церемоний» императора Византии Константина Багрянородного. В южнославянских памятниках именование государства *Рос(с)ия* появляется с 1387 г., в самой России — со второй половины XV в.

Серьезную путаницу внесли исторические источники, авторы которых по незнанию, случайным и произвольным образом пользовались понятиями, сходными со словом Россия. Известна старинная карта Сербии, на которой присутствует область **Рассия** (*Rascia*). [13, с. 64–66]

Есть грамота «русского императора» Уроша (1266) и монеты **Рассии**. На монете царя Стефана (1193–1224) страна названа **RASIE**. На старинной карте обозначено западно-украинское княжество **Руссия**, столица которого — город Львов.

В. Н. Татищев приводит случай, названный им «неприличным сказанием», когда раннесредневековый латинский историк Саксон Грамматик Россию прозвал Грецею, поскольку «руссы не токмо Греческие письма употребляют но и веру Греческаго испоседания содержатъ». [146, 1769, кн. I, ч. II, гл. 17, с. 253] По Адаму Бременскому, Балтийское море «наподобие пояса простирается по областям Скифии до самой Греции». [35, с. 275] Для Адама Бременского Киев как столица Руси, а значит, и вся Русь были частью Греции.

Наиболее полные данные по европейским русским были добыты в ходе Русской антропологической экспедиции. Она была организована Институтом этнографии Академии Наук СССР и продолжалась с 1955 по 1959 гг. Руководил экспедицией крупнейший советский антрополог В. В. Бунак. Было обследовано более 100 групп русских, проживающих на территории России, где в XIV–XVII вв. сложился русский народ. Полученные данные говорят, что некоторые расовые признаки у русских отличны от среднего европейского уровня. Так, для них свойственны большие размеры носа — его высота и ширина, а также — толщина губ. По пигментации глаз и волос русские в целом оказались светлее среднего европейца. [22, с. 31]

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБЪ ОБОЖАНІИ СОЛНЦА

У ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

Опубликовано в 1846 г. в «Журнале министерства Народного просвещения» (№ 7, с. 1–25) исправляющим должность Экстраординарного Профессора Харьковского Университета И. Срезневским¹¹⁰

«Что солнце было обожаемо Славянами, об этом сохранилось нам несколько преданий, летописных и народных. Древнейшее из этих преданий принадлежит Арабскому Писателю X в. Масуди. В своих «Золотых Лугах», описывая храмы Славянские, он замечает, что в одном из этих храмов сделаны были в куполе отверстия и настройки, для наблюдения точек восхождения солнца, и что там были вставлены драгоценные камни с начертаниями, предсказывающими будущее. У другого Арабского Писателя, Ибраима бен-Весиф Шаха, читаем, утвердительное известие, что солнце было обожаемо языческими Славянами и что один из народов Славянских праздновал семь праздников, названных по именам созвездий, важнейший из которых был праздник солнца. Не знаем, о каких Славянах говорят тут Масуди и Ибраим бен-Весиф Шах; впрочем, слова их могут быть отнесены ко многим из народов Славянских тем более, что солнце, как знаем из преданий, было боготворимо Славянами повсюду.

Так, начиная с Русских, уже в слове о полку Игоревом находим несколько выражений, более или менее ясно намекающих, что обожание солнца было еще живо в XII в. В самом начале похода Игорева

---

¹¹⁰ Сокращенный текст статьи приводится на современном русском языке.

солнце давало воинственному Князю несчастные знаменья: «**Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою все своя вои прикрыты и рече Игорь к дружинеѣ своей: братіе и дружино! Луцежъ бы потяту бытии неже полонену быть... и жалость ему знаменіе заступи**». Потом Игорь выехал в поход: «**Солнце ему тьмою путь заступаше**»; но он продолжал свой несчастный путь¹¹¹. Когда же половцы одолели, когда слух о поражении Игоря в битве с Половцами дошел в Русь, жена Игоря «**Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ**» и обращается к солнцу как бы с укоризною, зачем оно не помогло ее мужу: «**аркучи: свѣтлое и трѣсветлое слѣнце! Всѣм тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои! Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тулы затче**». В Летописях встречаются также выражения, намекающие на старинное верование в участие солнца в делах человеческих: «сего не потерпя солнце лучи скры» — «**погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголютъ невѣгласи: снѣдаемъ солнце**».

Не мудрено, что наши проповедники должны были упрекать народ за такие остатки язычества, и увещевали его бросить суеверия, противные учению Христианскому... Не смотря однако на все увещания, не смотря на утверждения, подобные тому, какие находим у Кирилла Туровского («**ужо бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце**»), народ не мог отстать от своих старинных понятий, передовал их из рода в род и сохранил до сих пор несколько суеверных преданий о солнце как о существе божественном. Рассказывают в сказках, что солнце есть царь, что оно владеет двенадцатью царствами, и в каждом поставил господином одного из своих двенадцати сыновей, двенадцати солнц, что сам Царь-Солнце живет в солнце, а сыновья его живут в звездах, что Солнцевы девы всем им прислуживают, умывают их, убирают и поют им песни. Верят, что солнце, предвидя несчастные события, дает знать о них людям и останавливается на пути или

---

¹¹¹ По астрономии, действительно, 1 мая 1185 г., как это описывается в Слове, произошло солнечное затмение. А. Н. Робинсон [*Злато слово*, М., 1986, с. 25] высказал предположение, что лично для Игоря затмение значило нечто большее, чем просто тревожное предзнаменование. В роду князя Игоря солнечной символике предавалось особое значение, в частности, солнечное затмение предупреждало о возможности близкой смерти одного из членов рода. Игорь, решивший начать поход на половцев, вопреки грозному знаменью, тем самым, во имя интересов защиты Русской земли, гордо бросил вызов всемогущему року. Развитие темы «солнечного знаменья» в контексте Слова («лучше быть убитым, чем полоненным») находилось в русле языческих представлений, о том, что смерть в плену, означает неминуемое вечное рабство «на том свете», еще более подчеркивает личное мужество князя Игоря, решившего несмотря ни на что, выступить против врага — Авт.

скрывается в тучах, будто само их пугаясь. Верят, что оно помогает людям, счастливит их, но что и преследует недостойных, заслуживших его немилость и гнев. Так, в одной из сказок об Иване-Царевиче, Царь-Солнце указывало ему путь к отцу и убивало чародеев, леших и всех нечистых, ему мешавших... Даже в самих обрядах народных сохранились прежние языческие обряды поклонения солнцу: в начале весны (особенно в Светлое Воскресенье) и в начале осени (особенно под Петров день) выходят «караулить» солнце, как оно «играет», ночью раскладывают огни где-нибудь на высоте и, встретя солнце, приветствуют его песнями...

Сводя все эти указания на поверья о солнце как свидетельства о старинных языческих верованиях Славян, можем заключить, что в числе этих верований были распространены между язычниками-Славянами следующие. Солнце было обожаемо в двух видах: как видимое небесное светило, занимающее средину света, все освещающее; и как бог, как Царь-Солнце... Царство его воображали где-то за морем, в стране вечного лета и вечной жизни, откуда семена жизни залетают и к нам; а чертоги его должны были быть на высоких, священных горах. Там, как верили, Царь-Солнце восседает на своем пурпурном, золототканном престоле, окруженный своим двором и родней. Девы ему прислуживают, его убирают, заплетают ему волосы и поют песни: из них главные две — Заря утренняя и Заря вечерняя. Семь звезд ангелов-судей и семь вестников, летающих по свету в образе хвостатых звезд, готовы к услугам. Звезда Денница смотрит за его ретивыми белыми конями. К его семье принадлежит дядя солнца, старый месяц, семь его внучат, и все Солнцевы сестры. В чертогах Царя-Солнце бывают празднества весной, летом и осенью: тогда и на земле празднуют в честь ему... Солнце было обожаемо, как святой владыка неба, земли и людей. Верили, что от него зависят звезды и ветры, урожай и погода, верили, что людям добрым солнце помогает, преступных наказывает: одним дает счастье, других преследует, убивает. Солнце обожали как защитника сирот и покровителя семейного покоя и счастья: вот почему всякая семья должна была иметь его образ как символ его благодати. Верили, что солнце, принимая участие в делах человеческих, предсказывает бедствия знаменаниями... Человеку представлено было допрашивать солнце о будущем, гадать по лучам его, по заре утренней и вечерней. К солнцу как владыке всего обращались с молитвою не только в беде или болезни, но и постоянно каждый день и в особенные дни года, весной, летом и осенью, и зимою...

Солнце было обожаемо под различными названиями, или, правильнее выражаясь, мифология славянская представляет несколько божеств солнечных связанных, вероятно, узами родства. К божествам солнечным принадлежали: Хорс-Даждьбог, Волос¹¹², Сварожичь, Радогаст, Святовид, Яровит, Ясон и прочие.

Название *Хърса* = *Хорса* читаем в Летописи Несторовой: Владимир поставил идол Хорса вместе с идолами Перуна и пр. В Похвале Князю Владимиру также упоминается о Хорсе. О веровании в Хорса поминает и Слово Христороубца. В Сказании о побоище Мамаевом Хорс (Хурс = Гурс = Русь) стоит в числе божеств, которым поклонялся Мамай и которые, впрочем, почти все славянского происхождения, известны Нестору. Важнейшее место о Хорсе находится в «Слове о полку Игоревом»: **«Всеславъ Князь... великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше...»**. Тут, очевидно, рисуется Князь Всеслав, обгоняющий бег солнца... Наш ученый Прейс справедливо сравнивал слово Хорс с Ново-Персидским именем солнца *Хор* или *Хур* с именем Царя Персидского *Кореш* = *Хореш*, означавшим также солнце, как об этом знали и Греки...

Даждь-бог. Уже из Нестора видим, что Хорс и Даждь-бог были одно и то же... Под именем внука Даждь-бога я понимаю Владимира, известного и в народных песнях и сказках под именем «Красного солнышка»: Певец мог его назвать внуком бога солнца, как назвал и Баяна внуком такого же бога солнца, Велеса¹¹³. Самое ясное указание, что Даждь-бог есть солнце, находим в Ипатьевской летописи: **«И по семь царствова сынъ его (Свагора) именемъ Солнце, его же наричють Даждь-богъ»**, и ниже: **«Солнце Царь сынъ Свароговъ, еже есть Даждь-богъ...»**. В наречии Хорутанском, в Каринтии, сохранилось и до сих пор слово этого корня — **«дъжница»** — ранняя заря.

Волос = *Велес* было также названием бога солнца¹¹⁴...

---

¹¹² Предположение И. Срезневского о вхождении славянского бога Волоса (Велеса) в группу солнечных божеств весьма субъективно и сомнительно. Летописец впервые упоминает Волоса как «скотьего бога», которым, наряду с Перуном, клялись на оружии мужи и воины Олега в 907 г. [79, с. 31]

¹¹³ Здесь И. Срезневский, в угоду своей концепции, намеренно искажает смысл Слова, в котором Певец пишет о Бояне как «внуке Велеса» [«Злато слово». — М., 1986, с. 33], но, отнюдь не как о внуке бога солнца — Авт.

¹¹⁴ Для доказательства этого утверждения И. Срезневский приводит настолько малоубедительные доводы, что рассматривать их не имеет смысла. Важней другое, понять, какое реальное содержание вкладывали язычники в обожание Волоса (Велеса). Летописец в своих комментариях договоров Руси с Византией от 907 и 971 гг., помимо Перуна, по сути формулой одного вида квалифицирует Волоса как «скотьего бога». Что касается Перуна, то в обширных исторических комментариях

Сварожичь — сын Сварога... Ипатьевская летопись говорит о Солнце Дажь-боге Сварожиче, а Слово Христороубца Сварожичем называет какой-то огонь, которому поклонялись...

Радогаст есть тот же Дажь-бог Сварожичь...

Святовид также назывался Сварожичем... Святовид, по описанию Саксона Грамматика, изображался с четырьмя головами: это напоминает Индийского Брахму — тоже солнце — который представляем был также с четырьмя головами...

Яровит, подобно Святовиду, был тоже божеством солнечным... Яровиту был посвящен щит, почитавшийся столь священным, что к нему никто не смел прикоснуться: не мудрено, что и этот щит, как щит и у древних, был символом небесного свода и власти солнца...

Хазары

Еврейское присутствие в Северном Прикавказье фиксируется уже на рубеже I тыс. н. э. На протяжении I–VII вв. численность еврейского населения в этом регионе увеличивается, что связано с закатом Иудеи и смещением мировой экономической активности в сторону Шелкового пути, а также с экспансией исламского арабского Халифата на Ближний Восток.

В VII в. в ходе завоевания Ирана арабским Халифатом могущество иудеев на востоке было серьезно подорвано, иудейское население

клятва ему, как правило, рассматривалась в контексте определения Перуна дружинным богом. Но исторически, как свидетельствует новгородское языческое святилище Перынь, у мирных славян земледельцев с именем Перуна народное поверье связывало некоторые травы и цветы, которым приписывались магические свойства. В планировке святилища, судя по всему, отражена форма одного из таких, посвященных Перуну, цветков. Что касается Волоса, то под «скотским богом» кроется поклонение богу мира животных, окружающих людей. Сообщество одно-коренных слов несомненно: животворящий, животное, животина, живот... Жизнь («живот его») земледельца-трудника была неразрывно связана с миром животных. Славян кормила не только «мать-земля», но и животные, которые жили вместе с людьми, леса и реки вокруг них, населенные живыми существами. В лихую годину, голод, когда гибли посевы и горели жилища, спасали прежде всего скот, животину. С ними бежали в леса и болота, уходя от врага. Когда московский Ирод Иван Грозный осуществлял свой злодейский план извести *людие* новгородское «под самый корень», то царские зондеркоманды опричников уничтожали поголовно все живое в окрестностях Новгорода до 250 верст, скот убивали вместе с людьми. Дружинники русы Олега и Святослава на оружии давали крепкую двойную клятву соблюдать мир с греками — Перуну как покровителю воинов и Волосу (Велесу) как покровителю живого мира — Авт.

постепенно мигрирует в Византию, Европу и Хазарию. В 723 г. византийский император *Лев Исаврянин* издал указ об обязательном крещении евреев. Часть из них притворно перешла в христианство, но многие другие предпочли бежать в хазарскую Тавриду.

Первоначально Хазария была тюркским ханством, господствовавшим над местными племенами благодаря своему военному превосходству. Евреи постепенно осваивались на плодородных землях Хазарии в качестве грамотных людей, занимая все более важные посты и должности при хазарской знати.

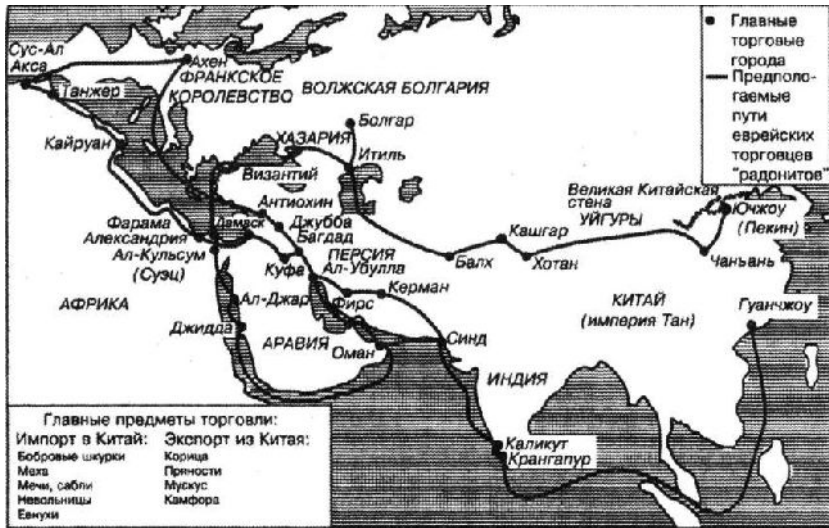
Выбор верушкой хазар государственной религии иудаизма позволял им сохранять самостоятельное положение между исламским арабским миром и христианской Византией.

В начале IX в. Каган Хазарский царь *Обади* утвердил иудаизм: «Он обновил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги) и дома учения (хедеры) и собрал множество мудрецов израильских». [57, с. 30] «Они приняли религию Израиля, которой бог освятил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов». [36, т. III, с. 198]

Вокруг Кагана сомкнулось кольцо избранных — иудейских раввинов. Ниже располагались выходцы из Хорезма, из числа которых набиралось чиновничество и элитная гвардия. Хорезмицы принесли с собой ремесла, военные знания в области вооружения и строительства крепостей.

Хазарский Каганат являл собой новое иудейское Царство на стыке мировых торговых путей раннего средневековья, наряду с историческим Царством израильским. Еврейский сановник из Кордовы *Хасдай ибн Шафрут* в своем письме Кагану хазарскому *Иосифу* определял хазарское государство как страну «уцелевшего остатка Израиля... царства у иудеев... они обладают силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают (на войну) по временам... Господь (Бог Израиля) да прибавит к ним в тысячу раз больше таких, как они... чтобы ликовать вследствие многочисленности святого народа». [36, т. III, с. 188, 191, 192, 195]

В экономике Хазарии большую роль играла транзитная торговля, спекулятивная перепродажа. Хазария во многом имела черты типично паразитического государства. Основой процветания Каганата был контроль торговли в огромном регионе Приволжья и Каспийского (Хазарского) моря. В середине X в. ежегодный доход царя Хазар составлял 100 000 золотых: «и эта сумма получается только от многочисленных купцов, приходящих в страну из всех стран». [36, т. III, с. 190]

Торговые пути еврейских купцов, IX–X вв.

(По М. Гилберт. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990)

Осев в крупнейших городах вдоль мировых торговых путей, иудейские купцы создали касту купцов-радонитов («знающих дороги»). Они общались между собой на древнееврейском языке посвященных, служившем для средневековых евреев тем же, чем латынь для европейцев. Как пишет *Ибн-Ал-Факиф*: Купцы-иудеи, которых называют рахданнийа. Они разговаривают по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски». [36, т. III, с. 35] Вокруг купцов-радонитов осела огромная масса иудеев, только в Иране их было 600 тыс. [173, с. 420]

Процесс перераспределения богатств и ресурсов между Европой, Византией и Востоком, в частности, шел по линии трансконтинентальной торговли мехами и рабами, вывозимыми из северо-восточной Европы в обмен на арабское серебро, китайский шелк и византийские паволоки.

Хазарский Каганат контролировал рынки рабов, мехов и арабского серебра, господствуя на основных речных торговых магистралях — Волге, Доне, Днепре, бассейне Черного и Каспийского морей. На Волге Хазария контролировала ее устье (Итиль), на Днепре хазары наложили дань на киевских полян.

Судя покладам куфических монет, главной торговой магистралью хазар был Дон. Безопасность на Дону обеспечивалась укрепленным Саркелом и системой хазарских крепостей.

Еврейский торговец (фрагмент миниатюры XII в.)

С Дона торговый путь шел к Оке, оттуда к Верхней Волге и далее в Приладожье и на Балтику к варягам. Сидевшие по Оке под властью хазар вятичи уже в IX в. аккумулировали массу серебра за услуги по транзиту мехов и рабов.

В пользу того, что работорговля в IX в. занимала определяющее место в связях Запада с Востоком, свидетельствует то, что именно она приносила наибольшие доходы и прибыли.

Стоимость раба на севере не превышала 1,5 марки или 100 дирхемов, что составляло приблизительно 300 г серебра. В Византии же он стоил в три раза дороже, а на Арабском Востоке разница могла возрасти до пяти раз. Наибольший доход приносила торговля рабынями. Пленницы из северных земель ценились особенно высоко. Белая рабыня, совершенно ничему не обученная, могла быть продана за 10–15 тыс. дирхемов, т. е. в 200 раз дороже первоначальной цены. [109, с. 86]

До X в. евреи господствовали в торговле Запада и Востока: «город евреев» (Йахудийа) в Исфагане был деловым кварталом этой персидской столицы... Один еврей контролировал всю ловлю жемчуга в Персидском заливе... На Востоке их специальностью были также денежные дела... Мы располагаем сведениями о двух евреях-банкирах... *Йусуфе ибн Пинхасе* и *Харуне ибн Имране*, у которых в начале X в. визир (второе, после халифа, лицо в арабском государстве) сделал заем в сумме 10 тыс. динаров. Оба они, по всей вероятности, основали фирму, ибо также смещенный в 918 г. визир *Ибн ал-Фурат*

заявил, что он имеет на счету у обоих этих евреев 700 тыс. динаров». [92, с. 381]

Еврейский сановник из Кордовы *Хасдай ибн Шафрут* в своем письме Кагану хазарскому *Иосифу*, в частности, сообщал: «Царствующий у насъ царь собираетъ сокровища золотыя и серебряныя, также драгоценныя вещи... Ежегодные доходы его, какъ мне было сказано, состояютъ 100 000 червонцевъ; это есть его доходъ отъ однихъ только иностранныхъ купцовъ, торговые дела которыхъ, какъ и все до нихъ касающееся, идутъ чрезъ меня и по моимъ приказаніямъ (хвала Господу за Его многія милости ко мне!)». [24, с. 101]

Источником обогащения Востока в торговле с Русью было неравенство меновой торговли, при использовании основным средством денежного обращения арабской валюты — серебряных *дирхемов*. Арабское серебро наводняло славянские и скандинавские земли вплоть до XI в., когда истощились восточные серебряные рудники.

Сами славяне вначале обходились меховыми деньгами кунами (мордочки куниц) и ногатами (беличьѣ лапки и ушки)¹¹⁵. С появлением сильных княжений на Руси в качестве денег стали использоваться гривны (200 гр. серебра), ее крупные обрубки — рубли и более мелкие части — резаны. В IX в. одна славянская гривна по весу была равна 25 арабским дирхемам.

Об огромных масштабах волжской торговли в 923 г. писал арабский посол и путешественник *Ибн-Фадлан*. С ним в низовья Волги прибыл громадный караван в составе 3 тыс. лошадей, не считая верблюдов, 5 тыс. торговцев, слуг и охраны. Торг со славянами шел прямо у волжских берегов.

Ибн-Фадлана поразили многочисленные украшения молодых славянок, особенно монисты и гривны на их шеях из чистого золота и серебра. [52, с. 78] Бесхитростные славянки с радостью меняли свои бесценные украшения на яркую восточную бижутерию — бусы из цветного стекла и крашеной обожженной глины. Одна зеленая бусина стоила 1 дирхем, за который славяне отдавали 18 (! — Авт.) беличьих шкурок. [141, т. I, пр. 401, с. 320] Мех куницы оценивался в 2,5 дирхема за шкурку. [25, с. 264]

Торговля по Волге арабского Халифата со славянами обогащала посредников из хазарского Каганата. Еврейский путешественник второй половины IX в. *Эльдад га-Данид*, посетивший Северный Кавказ — южную часть Хазарского каганата, — писал о живущих там иудеях: «Они не имеют хлебопашцев и все покупают за деньги». [24, с. 17]

¹¹⁵ От беличьего ушка возникло понятие «полушка» — Авт.

Паразитический характер Каганата базировался на хазарской валюте, в качестве которой применялись иудейские псевдо дирхемы. В труде нумизматолога А. А. Быкова «Из истории денежного обращения в Хазарии VIII–IX вв.» показано, что в Каганате изготавливались арабские монеты — дирхемы, которые чеканились весьма небрежно «лишь бы на первый взгляд северо-западных волжских народов монета хазар походила на привычные им арабские дирхемы... на монетах был знак, который напоминал понимающим об (истинном) происхождении монет». [21, с. 67–68] Иудейский денежный фальсификат чеканился в Итиле, в административном центре Каганата.

«Гордые Константинопольские Императоры, множество раз и взаимно вступают в родство с (хазарскими) Каганатами. В VIII и IX столетиях, сила их достигла до высочайшей степени и распространилась также на север до Киева, как видно здесь у Нестора». [164, с. 242]

Ибн-Фадлан сообщает: «Хазаре и царь ихъ — всѣ Евреи; Славяне и всѣ сосѣдствующіе народы находятся въ его власти, онъ обращается с ними какъ со слугами (рабами), и они повинуются ему покорно». [25, с. 92–93]

По летописцу, поляне, обижаемые древлянами и другими соседями, без сопротивления подчинились хазарам и согласились выплачивать им дань. Под 859 г. летописец перечисляет славянские племена, платившие дань хазарам. Это пограничные со степью племена — поляне, северяне, вятичи, радимичи — занимавшие практически половину территории восточных славян.

Летописные списки противоречиво сообщают о типе дани славян хазарам, перенося современную им картину XIV–XV вв. на события многовековой давности.

По летописям, радимичи в 885 г. и вятичи в 960 г. платили дань хазарам «щялягами». Этот термин является славянизированной производной от готского **skilliggs**, древнескандинавского **skillinr**, англо-саксонского **scilling**, откуда происходит английское слово «шиллинг».

Шиллинг — общее название ряда западноевропейских монет. Как монета шиллинг чеканился в Германии с XIV в., в Дании и Нидерландах — с XV, в Англии — с XVI в. Чеканенная в Германии в XIV в. монета в 1 шиллинг имела вес 1,39 г серебра.

Летописная дань славян хазарам «щялягами-шиллингами» была совсем небольшой, например, в сравнении с данью в 300 гривен (60 кг серебра), которой обложил Олег новгородцев.

Очевидно, «щяляг-шиллинг» был для нищих монахов летописателей XIV–XV вв. серьезной суммой, поэтому они ее и «определили» в виде дани славян хазарам.

По *Ибн-Фадлану*: «на царе славян лежала дань, которую он платил царю хазар от каждого дома в его стране по шкуре соболя». [54, с. 78] По *Лаврентьевской летописи* в 859 г.: «Козари имаху На Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ имаху бѣлѣй вѣверицѣ (белая шкурка белки) отъ дыма». [79, с. 18]

Белая белка альбинос очень редка. Из-за того, что мех белой белки могли иметь лишь очень богатые люди, мех белой белки получил название «Монарх». В этом плане дань славян хазарам шкурками «бѣлѣй вѣверицѣ» была весьма тяжелой. Дань по дыму значила, что она бралась от всех очагов славянских, где жили люди, и где работали.

По существу, поляне не могли платить дань хазарам «бѣлѣй вѣверицѣ». Где ее могли добыть древние жители Киева или земледельцы, умеющие сеять и убирать жито, но отнюдь не стрелять из лука белке в глаз или ставить на нее капканы. Да и таких лесов, где обитали во множестве белки, тем более белые, на землях полян не было.

Летописец сообщает о еще одной дани полян хазарам: «и вдаша от дыма меч», [79, с. 16] пускаясь в назидательные рассуждения по этому поводу, мол, не к добру для хазар была эта дань, ведь, вскоре, владеть будут Русские князья Козарами «до днешняго дне».

Таким образом, для летописца дань полян мечами Козарам имела, прежде всего, символическое значение. Да и откуда у мирных земледельцев полян могли быть мечи в каждой семье?

Железо в те времена было редкостью и весьма ценилось. Из него изготавливались прежде всего сельскохозяйственные орудия — наральники, сошники, мотыги, косы, серпы; орудия труда — топоры, тесла, скобели; бытовые орудия — ножи, шилья, гвозди, пряжки, подковы, а из оружия — наконечники стрел, копья.

Железа было мало, и качество его было весьма низкое. В открытом археологами «Железном» острове южных славян так называемой «пеньковской культуры» (V–VII вв. н. э.) обнаружено металлургическое производство, включающее в себя 25 примитивных горнов-домниц, способных за сутки произвести около 50 кг малокачественного зашлакованного железа. [16, с. 41–43]

Среднего качества сталь дляковки оружия производилась путем нагревания железной руды до 1200 градусов в печи вместе с органическими материалами такими, например, как кости. Затем из субстанции выковывались пруты со стальной поверхностью. Потом их переплетали с другими прутами, содержащими меньший процент углерода и ковали клинок, на котором прослеживались очертания разных составляющих.

Сильно углеродистые режущие поверхности лезвий, как правило, выковывались в основное полотно.

В персоязычном трактате «Пределы мира от востока к западу», написанном неизвестным автором около 982 г., в частности, сообщается, что из города русов, т. е. норманнов, но не славян, под названием **Куйа.а** (Киева) вывозят различные меха и ценные мечи. Клинки их таковы, что если их согнуть вдвое, то, как только отводится рука, они принимают прежнюю форму. [35, т. III, с. 56] Безусловно, что речь идет о торговле франкскими мечами купцами русов, но не о их производстве.

Считать, что в те времена каждая семья полян имела дорогой меч, совершенно несерьезно. Как известно, уровень ремесленных навыков полян позволял им лишь лепить из глины убогую кухонную утварь. К настоящему времени найдено лишь два меча с клеймом славянского кузнеца. Из тысяч раскопанных курганов на землях древней Руси курганы с находками мечей единичны.

По данным археологии, на территории древнего Киева мечи в обычных захоронениях не обнаружены. В погребениях, условно относящихся к дружинным, найдены немногочисленные предметы вооружения: железные наконечники копий, дротиков, стрел, ножи, один кинжал и один боевой топорик. [49, с. 161]

У норманнов мечи передавались из поколения в поколение. Их ценность возрастала с прошествием времени. Личное оружие ценилось выше обычного. Для всего рода (клана) мечи являлись символами общественного положения, счастья и богатства. В сагах часто рассказывалось о мечах, которые использовались как боевые, хотя им было уже более 200 лет. Древние мечи служили символами связи с предками, выражением мощи и влияния. Сломанные мечи перековывались в наконечники копий.

Византийский историк начала VII в. *Феофилакт Симокатт* сообщает, что к императору Византии доставили трех безоружных пленных славян. На вопрос императора, почему славяне не вооружены, последнее простодушно ответили, что они «не обучены носить на теле оружия: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной». [135, с. 17]

Известный арабский ученый *Ибн Русте* в «Книге дорогих ценностей» (ок. 903–925 гг.) пишет о славянах: «Их оружие — дротики, щиты и копьа, а другого у них нет». [36, т. III, с. 45]

Археологи не обнаружили никаких укреплений вокруг поселений славян эпохи пеньковской культуры, лишь позднее возникают немногочисленные укрепленные городища, что зримо подтверждает мирный образ жизни славян тех лет.

Предположение [16, с. 184] о том, что хазарские поработители разоружили каждый дым (дом) полян, отобрав у них мечи, совершенно нелепо. Столь же нелепо предположение о том, что поляне за серебро

покупали франкские мечи у приезжих купцов-русов, чтобы потом отдавать их хазарам в виде дани. [156, с. 121]

Легендарный рассказ о хазарской дани Н. М. Карамзин назвал «басней, изобретенной уже в счастливые времена оружия Российского, в X или XI вв.». [48, т. I, гл. II, с. 23] По мнению Х. Ловмянского, легенда о «славянских мечах» была летописным предсказанием будущего господства Святослава над хазарами. [83, с. 147] Эта легенда отразила собой память о длительной эпохе господства хазар над полянами, господства, основанного на грубом принуждении силой оружия.

Откуда летописцу пришла мысль о дани полян Козарам мечами? Вероятно, от греков, страдавших от набегов племен Великой Скифии. Так, Константин Багрянородный пишет о вывозе мечей из «скифских земель». Ф. Л. Гринберг обращает внимание на то, что Константин Багрянородный, говоря о мечах, употребляет слово «σπάρινεός», означающее «прекрасный, исключительной красоты юноша». [30, с. 59–60] Значит, речь идет не только о торговле оружием, но и о торговле рабами — славянскими невольниками: «Основной товар, поставляемый Европой, — рабы — являлся монополией еврейской торговли». [92, с. 376]

Судя по всему, «взять дань мечами» означало... взять дань молодыми людьми. Меч символизировал «мужскую единицу» рода, могущего носить оружие. Отсюда проистекает толкование понятий «мечники, меченоши» как первейших людей княжеской дружины.

Поляне платили дань Козарам не только юношами, но и девушками. По Радзивиловской летописи: «А Козаре имаху дань на полехъ, и на Съвере, и на Вятичехъ: имаху по **бълъ дъвечи** (т. е. прекрасной девицей — Авт.) отъ дыма». [164, с. 267]

Это зримо иллюстрируется летописной миниатюрой, где два хазарина-иудея берут дань у полян. К левому хазарину подводят группу связанных славянских девушек, к которым хазарский иудей похотливо тянет свои ручонки¹¹⁶. Одна из былин русского эпоса рисует такую картину: «Налетало Чудо-Юдо поганое, требовало себе на обед красну девицу». [119, с. 261]

По *Аль-Масуди* в середине X в. Бурджане (восточные болгары) также привозили в Константинополь девушек и мальчиков из племени славян. Ибн-Хаукаль в «Книге путей и государств» (ок. 976 г.), в частности, пишет, что помимо других товаров, из Европы на восток везут мужских и женских невольников, взятых в плен в войнах с Франками и Галицианами: «сверхъ сего славянскіе эвнухи, которые весьма

¹¹⁶ Дань полян хазарам»: иллюстрации, рис. 21

почитаются, их привозятъ изъ страны Франковъ, гдѣ ихъ оскопляютъ и продаютъ еврейскимъ купцамъ». [25, с. 126, 222]

Дань полян хазарским иудеям славянской молодежи была кровно унижительна. Греческий патриарх Фотий говорил о русских из-за их зависимости от Каганата как народе *не почетном, считаемым наравне с рабами*. [99, ч. I, с. 308] Нестор пишет, что евреи во времена Моисея унизили Египет, унизили они данью и земли полян, но это было не навсегда, теперь же владеют Русские князья Козарами «до днешняго дне». [79, с. 16]

Идеология Хазарского Каганата базировалась на библейских сказаниях о богоизбранных иудеях. Иудейский царь Давид «народ, бывший в городе, вывел и положил под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами аммонитскими (Цар. 12, 31)... опустошал Давид ту страну, и не оставлял в живых ни мужчины, ни женщины» (Цар. 27, 9). Иудейский пророк Моисей вопрошал: «для чего вы оставили в живых всех женщин? Итак, убейте всех детей мужеского пола и всех женщин (Чис. 31, 15–17)... А в городах сих Народов, которых господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души (Втор. 20, 16)... И взяли город и... все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом (Нав. 6, 19–20)». Некий еврей, поданный царя Хазарии Иосифа, повествуя о войне императора Византии «злодея Романуса» с Хазарией, пишет: «пошел Песах в гнев на города Романуса и перебил [всех] от мужчин до женщин». [35, с. 228]

«До IX в. никаких соперников в господстве над Северным Причерноморьем и примыкающими к нему лесостепными областями Поднепровья у хазар не было. Хазарское государство в течение по меньшей мере полутора столетий было полным хозяином южной половины Восточной Европы и представляло собой мощную плотину, запиравшую Урало-Каспийские ворота из Азии в Европу». [3, с. 262]

Освобождение славян от хазарского кабального ига пришло с варяжского севера. Рюрик первым вторгся в сферу хазарских торгово-экономических интересов, послав своих мужей-наместников в район Ростова и Муром в 860-е гг.

Борьба с Хазарским каганатом норманнских князей Аскольда и Дира, Олега, Игоря и Святослава была упорной и длилась более века.

В честь 1040 годовщины разгрома князем Святославом Игоревичем иудейского Хазарского Каганата в Белгородской области установлен памятник, на котором Великий князь Русский Святослав попирает рухнувшего хазарина со звездой Давида на щите.

Святослав, попирающий хазарина (скульптор В. Клыков)

Миграция евреев в Хазарию не прекращалась на протяжении четырех веков, вплоть до монгольского нашествия, когда иудеохазары устремились в Восточную Европу, а позже в Центральную Европу, где они смешались с проживавшими здесь еврейскими общинами.

Согласно данным генетики, основным ядром, сформировавшим субэтническую группу центрально- и восточноевропейских евреев, были мигранты из Хазарии, несшие в своих генах информацию о кавказских, тюркских и иранских народах, с которыми они контактировали несколько веков, Ближнего Востока (V–VII вв.), Месопотамии (V–XII вв.) и, возможно, Европы (V–XII вв.). Миграция иудеохазар в Восточную Европу шла одновременно с постепенным распадом Хазарского каганата.

Наиболее многочисленную группу профессиональных торговцев в раннее средневековье составляли именно евреи, которые тем самым недаром названы и в «Раффельштеттенском таможенном уставе» (904–906 гг.), из которого можно также заключить, что основным предметом их торговли были рабы; это вполне согласуется с данными о раннесредневековой работорговле в Европе.

Восточноевропейские рабы, поступая в Западную Европу, далее шли транзитом к двум крупнейшим невольничьим рынкам раннего средневековья: в Венецию и в Кордовский халифат. Основная масса рабов на венецианский рынок доставлялась, видимо,

с восточного славянского побережья Адриатики. Часть их происходила из Франкской державы, о чем прямо говорят договоры IX в. между Венецией и королями Италии.

Разрешения на транзитную торговлю рабами были предметом особых привилегий, так, например, привилегия, выданная до 825 г. Людовиком Благочестивым раввину *Домату* и его племяннику *Самуилу*. Немногочисленный класс купцов в собственном смысле слова, пользовавшийся покровительством властей; состоял преимущественно из евреев.

Работорговля, наряду с торговлей восточными товарами, довольно рано привела еврейских купцов на восток державы Каролингов, тогда как исконным ареалом их наибольшей торговой активности в каролингскую эпоху было Средиземноморье: Испания и Южная Франция. [95, с. 93, 100]

Особенности этнических общностей славян и варяго-россов в Древней Руси IX–X вв.

Есть известный письменный источник — описание путешествия по Волге арабского посла *Ибн-Фадлана* в 923 г., составленный им самим, [54] в котором рисуются быт и нравы славян и норманнов русов на землях Приволжья. Наблюдения *Ибн-Фадлана* о быте приволжских руссов с высокой степенью вероятности можно отнести и к другим колониям поселениям варяго-россов на землях Руси.

Ибн-Фадлан был секретарем посольства, отправленного Халифом Багдада к Аль-Хасану, повелителю приволжской Булгарии, через Среднюю Азию в обход Хазарии. *Ибн-Фадлан* отмечает, что он пишет о том, что он сам видел в стране турок, хазар, русов, славян, башкир и других народов (197а).

Ибн-Фадлан пишет о славянах и русах как о разных народах, в тексте его записок сообщается, что у русов и славян были свои цари (князья, вожди). Арабский историк середины X в. *Ибн-Хаукаль* сходным образом сообщает: «Русы же — варварский народ, живущий в столице булгар, между ними и славянами на реке Атиль». [35, с. 230]

В ходе своего путешествия *Ибн-Фадлан* посетил земли славянского княжения, расположенного на Верхневолжском левобережье в районе легендарной Артании. То, что это были славяне (или близкие к ним финны меря), по всей совокупности географических, этнических, экономических и социальных признаков, не вызывает сомнения.

Это племя жило на обширной территории среди рек и озер, покрытых лесами, где росли березы, из которых жители собирали березовый

сок. Его жители были земледельцами, они сеяли просо, ячмень, пшеницу, имели домашний скот, лошадей, ловили рыбу, охотились, собирали мед.

Перед нами возникает типичная картина позднеродового общества. Местная община владела всей землей. Каждый, кто что-либо посеял, собирал урожай на себя и свою семью.

Царь (князь, вождь) не имел права на землю и на посевы земледельцев. Ему давали раз в году от каждого дома шкуру соболя. Если дружина шла в набег на соседей с целью грабежа, то царь имел вместе с дружинниками свою оговоренную долю.

Царь жил среди крестьян общинников без охраны, временами свободно посещая базары и свадьбы жителей. Все жители носили шапки, как символы личного достоинства, которые снимали с головы, почтительно приветствуя царя.

Каждая славянская семья имела свой дом. Дом царя был отличен большими размерами и богатством внутреннего убранства. Рабов среди вольных славян не было.

Характерна именно для родового общества, иерархия семейных отношений. Было принято младшим уважительно служить и оказывать знаки внимания старшим. Рожденные дети, пока не станут взрослыми, жили и воспитывались в семье деда, но не отца. Тем самым обеспечивались лучшие условия для рождения родителями обширного потомства. Соблюдался патриархальный родовой закон наследования по линии старших братьев, но не старших сыновей.

Славяне рисуются Ибн-Фадланом опрятными, чистоплотными, целомудренными людьми. Случаи прелюбодеяния или воровства наказывались беспощадным образом: воров и прелюбодеев убивали.

Славяне жили не замкнутым образом, у них были купцы, которые торговали мехами соболей и черных лисиц, медом.

Торги с другими народами происходили в определенных местах возле крупных рек, на рынках, которые бывали во всякое время года и где продавалось много полезных товаров.

Ибн-Фадлан пишет, что от страны славян, в которой он был, до ближайшего рынка было расстояние в один дневной переход на лошади, а сам рынок был расположен на огромной реке Атиль (Волге), текущей в страну Хазар.

Достигнув Волги с огромным торговым караваном Ибн-Фадлан сообщает: «я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль». [54, с. 78]

Из последующего текста Ибн-Фадлана явствует, что под русами следует понимать варяго-россов одной из их колоний поселений в верхнем Приволжье.

Судя по всему, колонии поселения русов были временными: «В поисках прибыли мало связанные между собой вооруженные отряды торговцев передвигались время от времени на огромные расстояния. Их деятельность не требовала наличия долгосрочных поселений и поэтому они по большей части не оставили следов, которые остаются при создании укреплений... Многие, возможно даже большинство русов, пересекавших восточные земли, не собирались там окончить свои дни: они были перелетными птицами, приобретающими серебряные монеты и возвращающимися домой в Скандинавию». [156, с. 73]

По свидетельству Ибн-Фадлана, можно примерно оценить число взрослых русов в приволжской колонии — во дворце царя (вождя, князя) русов рядом с ним пировали «четыреста мужей из числа богатырей его сподвижников, находящихся рядом с ним». [54, с. 83]

Ибн-Фадлана поразил внешний облик русов, их оружие и одежда. Внешний вид русов явно нордический — это были молодые, румяные, стройные и красивые люди. Полвека спустя о росах Святослава византийский историк Лев Диакон пишет сходным образом как о молодых, пышущих здоровьем людях.

Ибн-Фадлан отмечает, что, в отличие от славян, русы были поголовно вооружены — у каждого из них был топор-секира, меч и нож. С оружием русы никогда не расставались. Опытный взгляд Ибн-Фадлана отметил, что мечи у русов плоские, европейского франкского типа.

Одежда у русов одинакова, как воинская униформа, они носили плащи-накидки, покрывающие один бок. Свободная рука руса, покрытая татуировками изображений растений, вещей и людей, все время была готова взяться за оружие. Лев Диакон сходным образом отмечает у росов Святослава: «покрой одежды (накидки) скрепленной застежкой, привычку сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза». [71, с. 79] В дальнейшем русские князья также носили длинный плащ (корзно), застегивавшийся на правом плече. [34, с. 45]

Молодых русов окружал сонм жен, их шеи были украшены рядами монист из золота и серебра. Достаток мужа в 10 тыс. дирхем (огромное состояние — Авт.) отмечался одним рядом монист на шее его жены. Ибн-Фадлан видел девушек руссов, украшенных буквально горами монист-ожерелий (210а), своей красотой приводящих арабских купцов в восторг.

Из наблюдений Ибн-Фадлана следует, что взрослое мужское население поголовно вооруженных русов было весьма богато. Царь русов возлежал на огромном троне-ложе, инкрустированном драгоценными самоцветами, в то время как трон царя славян был покрыт лишь коврами и парчой.

Источниками богатства русов были торговля пушниной и рабами — пленными и девушками-наложницами. [54, с. 78] Русы продавали рабов с приволжских рынков в Булгарию и Хазарию.

Экономика русов, в отличие от славян земледельцев, живущих своим трудом, носила сугубо паразитический характер.

Несмотря на то, что русы жили по рекам в больших рубленых домах из дерева, Ибн-Фадлан пишет о них как о «грязнейших тварях Аллаха», весьма скупо употребляющих воду для мытья (2106).

Органическая нечистоплотность русов, разительно отличающих их от чистоплотных славян, была следствием их происхождения. Они родились и росли в Скандинавии, скалистые земли которой отнюдь не изобиловали чистой водой.

Весьма характерно в этом отношении прозвище одного из норвежских конунгов — *Вишвобородый*. [36, т. V, с. 98] В саге о *Харальде Прекрасноволосом* повествуется о первом короле, объединившем Норвегию. Он не сразу получил такое красивое прозвище, вначале его называли *Харальдом Косматым* за то, что в течение десяти лет он не мыл и не стриг волос.

Еще одним свидетельством скандинавского происхождения русов был варяжский обычай захоронения — сожжения мертвых вместе с кораблем: небогатых людей в специально построенной маленькой лодке, а знатных — в настоящих больших судах (2126).

«Корабль — жилище викинга» — таким был один из главных принципов жизни норманнов. Большую часть жизни викинг проводил на воде и в последний путь из жизни к Богам он отправлялся в своей боевой ладье.

Каждого молодого руса окружали жены, девушки-наложницы и служанки. Ибн-Фадлана поразили нравы, картины откровенно скотского блуда среди русов, разительно отличных от законов славянского целомудрия. Блудная картина варяжских семейно-брачных отношений подтверждается Нестором, который, характеризуя сына Святослава князя Владимира в его языческий период жизни, пишет о нем как о несытом в блуде, подобно Соломону. [79, с. 78] Кроме пяти «законных жен», у Владимира был огромный гарем — 300 наложниц в Вышгороде, 300 — в Белгороде, 200 — в Берестове.

С точки зрения брачных отношений, русы находились в состоянии родовой полигамии, где муж (глава семьи) был собственником своих жен и детей.

Блудная брачная полигамия среди русов была обусловлена реальными факторами этнической ассимиляции варяжских колонизаторов поселенцев на славянских землях. Количество местных жен

и наложниц определялось достатком их варяжских мужей. Если у киевского князя Владимира были сотни жен, то в приволжской колонии рядом с царем русов на троне-ложе находилось 40 девушек, часть из занималась любовью с царем, другие его поили и кормили, третьи убирали испражнения царя. Окружающие царя пирующие дружинники русы имели всего двух девушек — наложницу и служанку.

Ибн-Фадлан сообщает о грандиозных совместных дружинных пирах: во дворце царя русов рядом с ним пировали 400 мужей (из числа) богатырей, его сподвижников, царь русов возвышался на драгоценном престоле, прямо к которому подводили боевого коня. [54, с. 83]

Структура семьи у славян и русов кардинально отлична. В славянской патриархальной семье единой родовой общностью жили три поколения — дети, родители, деды. Демография колонии-поселения русов иная. Возраст мужчин-русов примерно одинаков — это молодежь, стариков среди них нет, т. е. этническая общность русов возникла и существовала сравнительно небольшое время.

Жены, наложницы и служанки у русов несомненно местные славянки. Ибн-Фадлан упоминает лишь об одной женщине-старухе, с двумя дочерьми, явно варяжского рода, характеризуя ее как «ведьму», которая по варяжским законам распорядилась, подобно «ангелу смерти», всем обрядом похорон умершего знатного руса.

По форме семейной организации колонии поселения приволжских русов — это типичная фратрия, или, как ее называет Ф. Энгельс, «в буквальном смысле братский род». Фратриарная организация исторически и этнографически существовала у многих племен, представляя собой форму родового сообщества в виде системы общих связей происхождения, взаимопомощи, совместного отправления традиционных церемоний и религиозных обрядов. [89, т. 21, с. 101, 103–104, 109, 112–113]

Институт наследования у славян и русов отличен. Имущество и собственность умершего славянина наследовал его род в лице отца или старшего брата.

Полигамная семья руса-мужа, состоящая из жен, наложниц и множества их детей, по Ибн-Фадлану, наследовала и распорядилась лишь третью денег умершего, остальные средства тратились на обряд похорон и общественные поминки.

Фактически, после смерти руса его семья распадалась. Жены и наложницы, в зависимости от достатка умершего, имели средства в виде драгоценных украшений и денег. Ибн-Фадлан пишет, что у каждой жены руса на груди было прикреплено кольцо из железа, меди, серебра или золота, символизирующее количество денежных средств ее мужа (210а).

По реальным жизненным обстоятельствам жены и наложницы умерших русов или возвращались в свои коренные славянские семьи, к родителям и родственникам, или находили себе новых мужей.

Немаловажен вопрос о судьбе рожденных в полигамной семье детях. Беременные жены и наложницы русов, становясь временно негодными для блуда, возвращались к своим родителям или родственникам, где рожали и выкармливали детей.

Если это были девочки, то со временем, в случае удачи, их ожидала судьба матерей — замужество за русом. Мальчики, как правило, уже с детства возвращались в дружинную среду своих отцов, именно таких мальчиков имел в виду Ибн-Фадлан, говоря об отроках среди русов. Ибн Русте сообщает о древнем обычае среди русов: «отец новорожденного мальчика клал перед ним меч и объявлял, что это будет его единственным наследством; остальное нужно добыть с помощью меча. [171, р. 40–41] Находки детских деревянных мечей в Старой Ладоге и Городище подтверждают сообщение *Ибн Русте*.

Русские летописи пестрят сведениями о детях и отроках, прислуживающих дружинникам, составляющих молодшую княжескую дружину. По Нестору, варяжский князь Святослав Игоревич рос и воспитывался в дружинной среде, уже в возрасте четырех лет его посадили на боевого коня.

Процесс становления и развития дружинной среды как военной элиты древнерусского государства имел свои существенные особенности. Легендарное призвание братьев Рюриковичей сопровождалось приходом на словенские земли варяжской военной дружины рода русов из нескольких сот воинов, позволявшая им контролировать лишь крупные племенные центры — Ладогу, Рюриково Городище, Белоозеро, Изборск. Со временем, с установлением родства Рюрика с варяго-инграми и приходом варяжских дружин других родов (Аскольда и Дира), Рюрику удалось установить свое господство на северо-западе Руси.

Олегу для организации похода на Византию военных ресурсов, имеющихся в его распоряжении варяжских дружин из нескольких тысяч человек было недостаточно. В поход Олег привлек десятки тысяч вооруженных, охочих до грабежа людей со всех подвластных ему земель от Волхова до Днепра.

В эпоху правления Олега быстро развиваются крупные варяжские военные поселения колонии на славянских землях в Приильменье, Поднепровье, Приволжье. Сообщение Ибн-Фадлана о приволжской колонии русов относится ко времени правления Олега и Игоря.

Немаловажен вопрос о демографическом приросте численности взрослого мужского населения колонии поселения русов.

В так называемой франкской «Хронике Фредегара» (VII в.), в частности, пишется, что франкский купец Само, выступивший с оружием со своими товарищами-франками против врагов славян гунно-аваров, был выбран славянами за доблесть своим королем. Он царствовал 35 лет: «Было у Само 12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей». [135, с. 367]

Ибн-Фадлан упоминает о дружинниках русах числом 400 человек. Каждый из них имел наложницу, которые менялись после беременности. Репродуктивность такой семьи руса была не менее 10 детей в год (половина мальчиков, половина девочек). Через 20 лет выросло новое мужское поколение своей численностью многократно превышающих число своих отцов.

Колония поселение такого количества людей прокормить уже не могла и начинался массовый исход молодых людей на отхожий военный промысел, в телохранители, княжеские дружины, а затем и в войска дружинного типа.

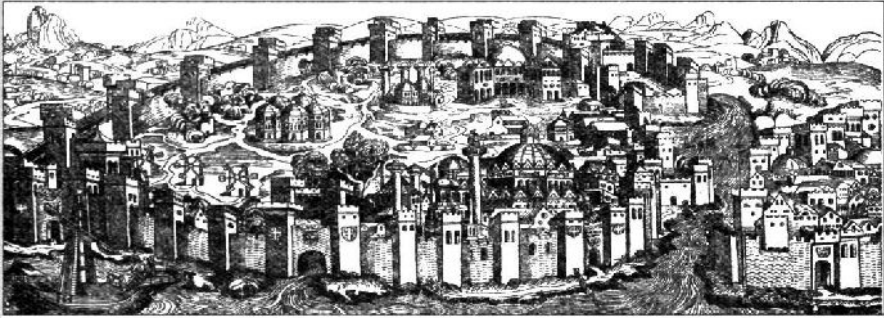
Дружинное войско не могло появиться сразу и вдруг, необходимо было время для становления в 2–3 поколений русов. Это время пришлось как раз на правление Святослава. Святослав в своих грандиозных походах на Приволжье, Болгарию и Византию опирался не просто на варяжскую дружину, а на дружинное войско из тысяч молодых русов. Об этом пишет византийский историк Лев Диакон, утверждавший, что Сфендослав (Святослав) поднял на войну с ромеями молодое поколение тавров, пышущих здоровьем мужей (росов) в 60 тыс. воинов [71, с. 44] (по русским летописям 20 тыс.).

Принятие христианства при Владимире разрушило полигамные семьи колоний поселений варягов, на смену которым пришли приграничные поселения крепостного типа («богатырские заставы») с моногамными семьями, существенно более низкой рождаемости.

О боевых действиях варяго-россов против византийского флота

В вековой борьбе варяго-россов с Византией флот, наряду с сухопутными войсками, играл решающую роль в успехе всей военной компании. Это хорошо видно на примере боевых походов на Византию Аскольда с Диром, Олега, Игоря и Святослава.

Константинополь, окруженный по суше мощными укреплениями, был одним из самых многолюдных в Европе. Для сухопутных войск врага город был практически неприступен.

Константинополь

Слабым местом обороны города был пролив: по воде противник мог выйти прямо под стены Царьграда¹¹⁷.

По сообщению *Феодора Синкелла*, в 626 г. при нашествии аваров, славян и персов на Византию, хаган аварский велел привести огромный славянский флот моноксилов, везущих разноплеменные народы, чтобы с помощью их «превратить в сушу весь залив Золотой Рог... Он считал, что именно это место подходит для нападения на город». [135, с. 85]

Невероятно, что легкие славянские моноксилы плыли под стены Константинополя издалека с Дуная или Черного моря. Судя по всему, они строились неподалеку.

При подходе с моря под стены города славяне закрывали моноксилы досками для защиты экипажа судов от камней, стрел и дротиков обороняющихся византийцев.

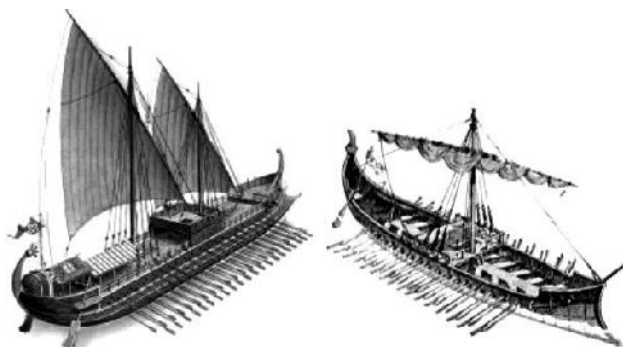
Греки уделяли особое внимание развитию мощного флота. Его ударной силой был быстроходный дромон¹¹⁸ — основной тип византийского тяжелого боевого корабля в V–XII вв.

Дромон имел 1–2 ряда весел, высокие борта, боевые площадки на носу и корме, где располагались галереи для лучников и находились катапульты. Мощная катапульта метала снаряды весом в 500 кг на дистанцию до 1000 метров.

Длина судна была 30–50 метров, ширина 6–7 метров, носовая часть оснащалась тяжелым тараном. От таранов противника дромоны были защищены броней. В зависимости от размера, экипаж составлял от 100 до 300 человек, из них около 60 воинов.

¹¹⁷ Крестоносцы взяли штурмом в 1204 г. Константинополь со стороны залива, используя мощный флот — Авт.

¹¹⁸ Греч. **δρόμος** — путь, бег, скорость.

Византийские дромоны

Дромоны снабжались специальными сифонами-огнеметами для поражения «греческим огнем» кораблей врага. Обычно сифоны огнеметов ставились на специальной площадке на носу дромона. На дромонах X в. устанавливались, как правило, три сифона. Ими управляли сифонарии, находящиеся в деревянных укрытиях на носу корабля. «Греческий огонь» метали также в снарядах-горшках, которые взрывались при падении.

Греческий огонь представлял собой жидкость из смеси смолы, нефти, серы, селитры и канифоли, которая выбрасывалась из сифонов, устроенных в виде бронзовых чудищ с разинутыми пастьми¹¹⁹. Секрет его приготовления содержался в строгой тайне, ее нарушителям грозила мучительная казнь.

При малейшем контакте с водой жидкость вспыхивала. Пожар только разгорался при тушении водой, его гасили вином, уксусом или песком. Нефть в составе греческого огня легко горела на поверхности воды. Селитра, позднее вошедшая в состав пороха, делала процесс возгорания смеси чрезвычайно бурным. Легко воспламеняющаяся сера помогала смеси быстро вспыхивать, а канифоль сгущала состав, уменьшая риск протекания сифонов.

Иногда сифоны ставили на специальные стойки, чтобы их можно было поворачивать в разные стороны под довольно большим углом. Максимальная дальность сифонов составляла 25 м.

Изначально греческий огонь применялся на флоте, являя собой страшную угрозу медленным деревянным кораблям. Именно греческий огонь давал превосходство византийскому флоту над противником.

---

¹¹⁹ «Огнедышащий византийский дромон»: иллюстрации, рис. 29.

Греческий огонь был впервые применен в 678 г. От адской смеси греческого огня практически не было защиты. Как писал византийский историк *Лев Диакон*: «мидийский (греческий) огонь» мог даже и камни обращать в пепел». [71, с. 81] В 1139 г. 2-м Латеранским собором применение греческого огня как бесчеловечного оружия массового поражения людей было осуждено и запрещено.

Возможности применения дромонами греческого огня в бою были ограниченными. Для эффективного использования огнеметов требовалось безветрие, небольшое волнение, выучка и слаженные действия экипажа, особенно гребцов. Из-за большой инерционности 500-тонного дромона огнеметание на ходу представляло страшную угрозу самому судну. Наибольший эффект поражения противника огнеметом достигался при дистанции в 15–20 метров, если дромон стоял, а затем быстро отходил от зоны горячей воды.

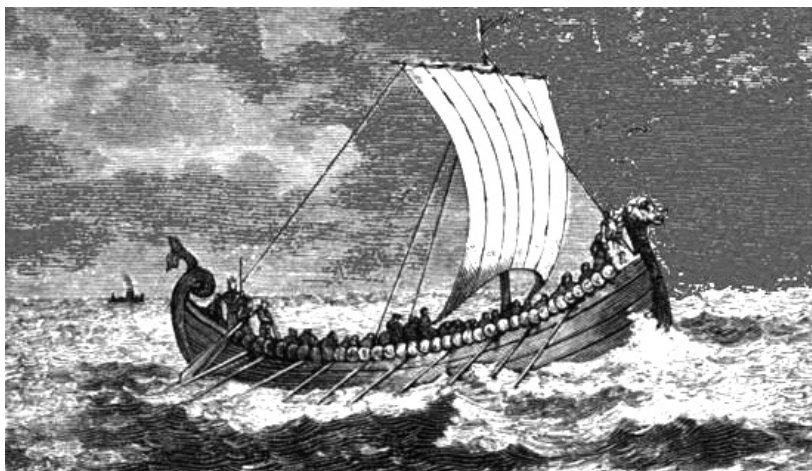
Как правило, в морском бою быстроходный дромон, имея мощный гребной ход, настигал судно противника и сокрушал тараном его кормовую часть с рулевым управлением. Затем, беспомощный, потерявших ход корабль врага сжигался греческим огнем вместе с экипажем. После этого выбиралась новая жертва и начиналось ее преследование с тем же финалом беспощадного уничтожения.

Выход в Черное море варяго-россов, издревле знакомых с морскими походами, показал, что у Византии появился новый и грозный соперник, столь сильный, что Черное (Хазарское) море по летописцу стало называться морем Русским. [79, с. 7]

Флот варяго-россов состоял из легких кораблей¹²⁰. Для увеличения вместимости судна к долбленому из целого дерева килевого основания корпуса по бокам наращивались борта из досок. Экипаж лодьи составлял около 50 человек, воины при этом были и гребцами. Лодьи варяго-россов, при необходимости, волоком на катках перемещались по берегу, обходя препятствия речных порогов.

Одним из решающих отличий варяго-россов от греческого флота был состав экипажа кораблей: «у лодьи викингов было одно преимущество, отличавшее ее от боевых кораблей Средиземноморья... На ее борту не было рабов. На ее веслах сидели воины и свободные люди. Судьба невольников на южных галерах, работающих под ударами кнута, практически не менялась в результате сражений, менялся только владелец». [47, с. 92]

¹²⁰ «Лодья варяго-россов»: иллюстрации, рис. 17.

Варяги на Черном море

Первый морской поход норманнов россов относится к набегу в 866 г. флота Аскольда и Дира в составе 200 судов на окрестности Царьграда. Греки в то время не имели крупных сухопутных и морских сил и ничего, кроме молитв, вызвавших легендарную «бурю», разметавшую варяжский флот, не могли противопоставить россам.

В действительности, возможно, что греки попросту откупились данью. Ограбив окрестности Царьграда, варяго-россы Аскольда и Дира вернулись в Киев.

Поход Аскольда и Дира против Византии показал, что для полного успеха военной компании, помимо крупных сухопутных сил, нужна серьезная поддержка флота. Именно это обстоятельство имел в виду Олег-правитель, в течение нескольких лет готовивший грандиозный поход на Царьград.

В 907 г. Олег собрал огромное войско. Днепр покрылся 2000 судов, в каждом из них размещалось 40 воинов, конница шла берегом.

Войдя в греческие земли, Олег начал свирепо разорять окрестности Царьграда. «Греци замкоша Судь¹²¹, а градъ затвориша». Олег, чтобы обойти цепь, протянутую по заливу между двумя каменными сторожевыми башнями, велел поставить часть лодей на колеса и по суше миновать заграждение: «И видевшее Греци и убояшася»¹²².

---

¹²¹ Т. е. закрыли цепью пролив Босфора. В мирное время цепь лежала на дне залива, в случае опасности ее поднимали над водой — Авт.

¹²² [79, с. 29], «Корабли Олега на колесах»: иллюстрации, рис. 26.

Греки основные сухопутные и морские силы держали на арабском фронте в Средиземноморье. Выход сотен людей варяго-россов прямо под стены Византия (Царьграда) ошеломил ромеев. Оставалось одно — заключить мир с Олегом и откупиться огромной данью. С тех пор греки стали всегда держать часть флота в проливе близ Константинополя.

По кончине Олега, сын Рюрика Игорь стал новым Великим князем Русским. Летом 941 г. Игорь решил явиться с 10-тыс. войском к Царьграду и предъявить свои наследственные права по договору между Олегом и Византией.

Болгары предупредили греков о воинственных намерениях Игоря. Греки, резонно считая, что к договору 911 г. не подписавший его Игорь не имеет никакого отношения, встретили варяго-россов во всеоружии — мощной 40-тысячной группировкой армии и флота.

Войсками греков руководили лучшие полководцы Византии — патрикий Фока и стратег Федор. Между греками и варяго-россами завязался упорный бой, по летописцу: «брани межю ими бывши зли одва одолѣша Гръци». Войско Игоря «на ночь взлѣзоша в лодыи» и отошло от берега. Ночью неожиданно на лодыи варяго-россов обрушился флот дромонов стратега Федора: «со огнемъ, и пушати нача трубами огонь на лодѣ Руския, и бысть видѣти страшно чудо. Русь же видящи пламянь, взмѣтахуса въ воду морьскую, хотящее убрести; и тако прочии възвратишася въсвои». [79, с. 44]

По *продолжателью* Феофана морское сражение произошло днем: «Одинадцатого июля четырнадцатого индикта (941 г.) на десяти тысячах судов¹²³ приплыли к Константинополю росы... происходят же они из племени франков. Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу... патрикий, расположившийся у входа в Евксинский понт... неожиданно напал на них на Иероне... Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми». [118, с. 262]

Если отвлечься от греческих измышлений, то о реальной численности варягов и их флота есть много беспристрастных европейских свидетельств: «Мы знаем из истории, что в тех же столетиях Норманны с малыми средствами совершали великие подвиги. Так, в 820 г.

¹²³ Греки, фантазируя, посадили 10 тыс. войско Игоря на 10 тыс. кораблей.

на тридцати судах они опустошили всю западную часть Франции, в 841-м на шестидесяти семи судах вошли в Луару, взяли приступом Нант и долго производили набеги и грабежи по всей Бретани, в 845-м на ста двадцати судах явились в Сент, овладели Парижем, Бове и другими городами и взяли с французского короля Карла Лысого 7 тыс. фунтов серебра окупы; несколько позже на ста судах ходили из Франции в Средиземное море, грабили и опустошали берега Испании и северной Африки, завоевали острова Болеарские и простерли свои успехи до верхней Италии, в 861-м на двухстах судах были на Сене и громили всю северную Францию, в 866-м повторили это же самое на пятидесяти судах, в 988-м только на семи судах вышли на берега Кента в Англии и овладели островом Тенетом, в 1002-м на восьмидесяти судах входили в Темзу, овладели обоими берегами этой реки и заставили английского короля Этельрида деньгами откупиться от их дальнейших разорений... Безграничная отвага, умение пользоваться обстоятельствами и опытность в мореходстве — вот главные причины успеха этих, едва не баснословных походов». [20, с. 16]

Лиутпранд епископ Кремонский, в сравнении с греками, реальной оценивает число кораблей Игоря: «Королем этого народа был {тогда} Игорь; собрав более тысячи судов, он пришел к Константинополю. Император Роман, услышав об этом, весьма встревожился, ибо отправил свой флот против сарацин для защиты островов. Проведя в размышлениях немало бессонных ночей, — Игорь в это время опустошал морское побережье, — Роман узнал, что в его распоряжении есть еще 15 полуразрушенных хеландий¹²⁴, которые народ оставил {дома} из-за их ветхости. Услышав об этом, он велел прийти к нему... кораблестроителям, и сказал им: «Сейчас же отправляйтесь и немедленно оснастите те хеландии, что остались {дома}. Но разместите устройства для метания огня не только на носу, но также на корме и по обоим бортам». Итак, когда хеландии были оснащены согласно его приказу, он посадил на них опытнейших мужей и велел им идти навстречу королю Игорю. Они отчалили; увидев их в море, король Игорь приказал своему войску взять их живьем и не убивать. Но добрый и милостивый Господь, желая не только защитить тех, кто почитает Его, поклоняется Ему, молится Ему, но и почтить их победой, укротил ветры, успокоив тем самым море; ведь иначе грекам сложно было бы метать огонь. Итак, заняв позицию в середине русского {войска}, они {начали} бросать огонь во все стороны. Руссы, увидев это, сразу стали бросаться с судов

---

¹²⁴ Хеландия — название византийского тяжелого военного корабля, вмещавшего до 500 человек.

в море, предпочитая лучше утонуть в волнах, нежели сгореть в огне. Одни, отягощенные кольчугами и шлемами, сразу пошли на дно морское, и их более не видели, другие, поплыв, даже в море продолжали гореть; никто не спасся в тот день, если не сумел бежать к берегу. Ведь корабли руссов из-за своего малого размера плавают и на мелководье, чего не могут греческие хеландии из-за своей глубокой осадки. Чуть позже Игорь с большим позором вернулся на родину. Греки же, одержав победу и уведя с собой множество пленных, радостные вернулись в Константинополь. Роман приказал казнить всех {пленных} в присутствии посла короля Гуго, то есть моего отчима». [81, с. 97]

Формулировка: «Игорь с большим позором вернулся на родину» — один из штампов хвастливого греческого историописания. Так, события нашествия на Константинополь в 626 г. аваров, персов и славян, греки также заключили словам, что нападавшие «с великим позором вернулись в родные края». [135, с. 273]

Ясно, что картина разгрома флота Игоря в составе 1000 судов (по греческим данным 10 000 судов¹²⁵) 15-ю ветхими хеландиями, обрисованная отчимом Лиупранда, очевидная фантазия. Эту историю отчим Лиупранда, будучи послом короля Гуго при дворе императора Романа, судя по всему, услышал от лстивых царедворцев византийского царя. К этой же области вымыслов относятся утверждения царедворцев о полном разгроме противника и массовом пленении росов, после чего Игорь с позором вернулся домой.

По *Лиутпранду* и Нестору, разгром флота Игоря стал финалом набега росов на Константинополь. Но, по *продолжателю Феофана*, морское сражение было лишь ярким эпизодом начала нашествия войск Игоря на Византию. Потерпев неудачу в попытке прорваться по водам залива к стенам Царьграда, Игорь высадил войска в окрестностях Византия, разбил их на отряды и начал свирепо разорять пригородные дворцы, виллы и богатые храмы ромеев.

Греки самыми зловещими красками рисуют бесчинства варваров росов: «Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена, а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и растреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они вязали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов». [118, с. 263]

Нестор дословно включил в свою летопись описание продолжателем Феофана злодеяний росов на греческой земле. Однако Нестор

¹²⁵ «Греки от страха число судов увеличили» [146, кн. II, с. 382].

иначе описывает ход военной компании. Вначале 10 тыс. войско Игоря ворвалось на греческие земли и «почаша воевати Вифиньския страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлагоньски земли, и всю страну Никодимийскую поплѣнише». [79, с. 43] Только потом, спустя время, с юга подошла отборная 40-тыс. армия греков патрикия Фоки с Македоны и флот стратега Федора из Фракии. Ночью, напад на лодьи росов, используя греческий огонь, ромеи вынудили Игоря отступить.

Летописец пишет, что росы, вернувшись в Киев, главной причиной своего отступления назвали применение флотом противника греческого огня: «пришедши в землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшем и о лядьнѣмъ огни: «якоже молонья, рече, иже на небесѣхъ, Грьци имуть у собе, и се пушающе жежагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ». [79, с. 44] Я. Н. Щапов замечает, что явно преувеличивая мощь «ляднѣмъ огни», дружинники Игоря стремились оправдать свое отступление. [167, с. 205]

Известие о «ляднѣмъ огни» так потрясло Русь, что вошло в века, будучи красочно передано Нестором. Когда греки подкрались тихо ночью к лодьям варяго-россов и стали жечь их со всеми людьми заживо, и им нельзя было помочь, гибнущим в страшных муках адского пламени, прямо на глазах своих товарищей, которые ничего не понимая, не могли спасти умирающих и тонущих — эта страшная картина осталась навсегда в памяти дружинников Игоря.

Это обстоятельство позволяет, в частности, объяснить бесчинства росов по отношению к православным священникам и храмам на греческой земле. Варяго-россы были язычниками, и по своему разумению идентифицировали греческий огонь, как огонь небесный, пришедший на помощь грекам.

Варяго-россы были уверены, что помощь небес в виде нисхождения небесных молний как лодейного огня обеспечивают грекам их жрецы и храмы, поэтому именно их воины Игоря крушили с особым остервенением, мстя за гибель своих товарищей.

Не менее очевидно и то, что византийские иерархи, стремясь сохранить в тайне суть греческого огня, намеренно облекали факты его применения в религиозные покровы молитв, обращений к Богу и Влахернской Богородице, благодаря помощи которых, бури и молнии сходили с небес на воду и уничтожали флот нечестивых варваров.

В этом плане сообщение вернувшихся дружинников Игоря о применении греками лодейного огня, в частности, означало и то, что варяго-россы в ходе боевых действий поняли реальную суть устрашающего оружия греков и приняли действенные меры по борьбе с ним.

Это ясно следует из текста сообщения Лиутпранда о том, что корабли руссов из-за своего малого размера плавают и на мелководе, чего не могут греческие хеландии из-за своей глубокой осадки. Лодьи варяго-россов по быстроходности отнюдь не уступали грекам, и, в случае опасности, выходя на мелководе, или приткнувшись к берегу, оставались вне зоны поражения греческим огнем.

Не менее интересно сообщение Лиутпранда, что греки для борьбы с флотом варяго-россов специально оснастили дромоны (хеландии) дополнительными огнеметами для поражения росов с разных направлений. В действительности, применение в бою дромонов, ведущим огонь из огнеметов по разным сторонам по курсу движения корабля, превращало судно в огнедышащий вулкан. Находясь в эпицентре зоны горящей на воде нефти, тяжеловесно весельный дромон был обречен на неминуемую гибель.

Ясно, что Лиутпранд сообщал во многом хвастливые домыслы ромейских царедворцев о непобедимых и всесильных дромонах, за которыми крылась глубокая озабоченность греков реальной ситуацией борьбы с флотом варяго-россов. Из византийских источников лишь *Житие Василия Нового* приписывает «греческому огню» решающую роль в победе над россами.

Россы, оправившись от первых неудач на море и «хотя мстить за прежнее свое нещастие», [146, 1773, кн. II, с. 28] присмотревшись к лодейному огню, стали постепенно переходить от пассивного бегства к агрессивно наступательной тактике массированных атак дромонов с разных сторон. Именно поэтому греки стали экстренно менять устройства огнеметания сифонов.

Дромон, атакованный с разных направлений 5–6 лодьями варяго-россов, в лучшем случае, мог поразить греческим огнем 1–2 судно противника, но другие, взяв хеландию на бордаж, неминуемо побеждали греков по своей численности.

Варяго-россы одновременно были гребцами и воинами, в то время как у греков лишь треть экипажа умела владеть оружием, а рабы на веслах дромонов встречали россов как своих освободителей.

В древнескандинавской «Саге об Ингварре Путешественнике» приводятся уникальные сведения об одном из эпизодов морского сражения флота норманнов с греками.

Доплыв до места, где река разделяется на рукава (вероятно, это дельта Дуная — Авт.) флотилия *Ингварра* увидела 5 «островов», которые передвигались по направлению к ним. Это были мощные боевые греческие корабли дромоны с сотнями людей экипажа. Ингварр приказал своим воинам быть начеку.

Флот россов (миниатюра Мадридского списка Скилицы)

Один из «островов» подплыл к флотилии Инварра и обрушил из камнеметов на норманнов град камней, но воины Ингварра, прикрывшись щитами, отразили удар.

Тогда греки применили свое грозное оружие — «греческий огонь». «Они принялись раздувать кузнечными мехами ту печь, в которой был огонь, и от этого возник сильный грохот. Там находилась медная труба, и из нее полетел большой огонь на один корабль, и он в считанные минуты сторел дотла. Когда Ингварр увидел это, он пожалел о своей потере и велел принести ему трут с освященным огнем. Затем он согнул свой лук и, положив на тетиву стрелу, зажег конец стрелы освященным огнем. И эта стрела с огнем полетела из лука в трубу, выступающую над печью; и перекинулся огонь на самих [врагов] и в мгновение ока сжег остров... И подошли другие острова. Но как только Ингварр слышит шум раздуваемых мехов, стрелял он освященным огнем и разбил он тот дьявольский народ». [36, т. V, с. 250–251]

Продолжатель Феофана признает, что морское сражение 15 июля отнюдь не окончилось разгромом россов, боевые столкновения переместились в окрестности Византия, орды варваров росов бесчинствовали, а 40 тыс. армия патрикия Фоки два месяца ничего не могла с этим поделать. Из греческого Жития святого Василия Нового известно, насколько большую территорию Византии охватил набег варяго-россов — от Ираклии (Гераклеи) на Черном море до Никодимии на Мраморном море, стоявшими друг от друга на расстоянии 200 км.

15 сентября произошло второе сражение, в ходе которого, по уверениям греков, росы были окончательно и наголову разбиты. Но несмотря на ликование по этому поводу в Константинополе, продолжатель Феофана сообщает истинную причину ухода войск Игоря из Византии: «Однако надвигалась зима, у росов кончалось продовольствие, они...

поэтому решили вернуться домой». [118, с. 263] При этом, варягоссы покинули пределы Византии на лодьях, т. е. сохранили свой флот.

Сражения греческого флота с варяго-россами выявили слабую маневренность массивных и неповоротливых дремонов, что подвигло ромеев начать постройку нового типа судов гальотов (Galaio) с экипажем до 200 человек. Гальоты, употреблявшиеся преимущественно для метания греческого огня, имели один ряд весел, меньшие укороченные размеры, были весьма поворотливы и быстроходны.

Большое значение флота как для греков, так и для варяго-россов вывилось в сражениях Святослава с отборными войсками греческого императора Цимисхия под Доростолом весной и летом 971 г.

Флот Святослава, на котором прибыло в Болгарию 20 тыс. россов, был весьма большим. Лев Диакон рисует впечатляющую картину, когда в низовьях Дуная с сотен судов стремительно высадились, выставив вперед щиты, тысячи россов Святослава, против натиска которых не смогла устоять 30 тыс. фаланга мисян (болгар). [71, с. 44]

В ходе многомесячных боев в Болгарии флот греков из нескольких сот кораблей вошел в Дунай и блокировал Доростол с реки. Суда Святослава отошли на мелководье близ крепости, став недоступными для греческих огненосных дремонов. В одной из вылазок из окруженного греками Доростола, 2000 россов на 50 судах ночью вышли на Дунай и смелым набегом на врага пополнили осажденным запасы продовольствия.

Сражение под Доростолом завершилось мирным договором, по которому Святослав мог выйти из Доростола с огромным имуществом и ценностями и покинуть Болгарию.

Не исключено и то, что Цимисхий, до этого уже нарушивший мирное соглашение со Святославом, рассчитывал выманить Святослава из крепости Доростол, напасть на варяго-россов и окончательно их разгромить. А. Н. Сахаров пишет: «для Византийской империи военное и дипломатическое коварство стало своего рода нормой. Многочисленные перемирия и миры, заключенные греками с окружающими государствами, уплата ими дани, огромных контрибуций нередко являлось лишь средством выиграть время, усыпить бдительность противника, обмануть его, а потом нанести ему неожиданный удар». [131, с. 160]

Иногда греки, якобы для выплаты дани на каждого воина противника, запрашивали его численность, получая тем самым нужные разведывательные данные. Летописец пишет что греки говорили: «мы против силы Святославлей воевать не можемъ, но возьмите дань на все ваше войско, колико есть при Святославе, по договору, только

объявите, сколько вашего войска. Сие спрашивали они коварно, чтобъ узнать силу Святославлю, ибо Греки издревле лъстивы и коварны. Посол же [росов] отвечалъ имъ: есть насъ 20 000, но подлинно не было более 10 000». [79, с. 68; 146, кн. II, с. 51]

Святослав, уже познавший коварство Цимисхия, заключив с ним мирный договор, принял неожиданное для греков решение — остался в Доростоле до конца лета, дал отдых изнуренному в боях войску, привел в порядок лодьи и приказал построить много новых. К осени, к полному изумлению ромеев, из крепости Доростол в Дунай под красным стягом вышла мощная эскадра Святослава¹²⁶. Вступить в бой с флотом варяго-россов Святослава Цимисхий не решился.

«Двукратный поход Святослава на Дунай бесспорно принадлежит к самым блестящим морским походам Русских, и по цели, и по первоначальным успехам, и по примерам самого доблестного мужества». [20, с. 15]

О достоверности Иоакимовской летописи

Характерной особенностью так называемой Иоакимовской летописи является то, что по ряду ее сведений славянской тематики, она имеет уникальный характер, не имеющий подтверждения в древнерусских летописях, ведущих свое начало от Нестора.

В. Н. Татищев отметил, что в Иоакимовской летописи есть то, «что у Нестора нет». Оригинал Иоакимовской летописи неизвестен. В. Н. Татищев, по его словам, имел дело с тремя «тетрадками, нового, но худого письма», которые ему прислал его свойственник игумен Мелхисед Борщов. Вскоре, Мелхисед умре, а его пожитки, включая книгу в виде связанных тетрадок обернутых кожей, списанных им в Сибири, бесследно исчезли. [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 29–51]

По мнению В. Н. Татищева, автором летописи следует считать епископа Иоакима, который был «сведущ более Нестора». *Иоаким* (†1030) стал епископом в Новгороде в 991 г.

Иоаким упоминается в Летописи Новгородской первой Младшего извода в статье 989 г., в рассказе о крещении новгородцев, он именуется там «архиепископом Акимом Корсунянином».

В летописи Новгородской второй (Новгородская летопись Малиновского) в статье 988 г. сообщается, что в Новгород пришел епископ Иоаким, «требища разори и Перуна посече» и оставался епископом

---

¹²⁶ «Возвращение Святослава из Болгарии»: иллюстрации рис. 45.

новгородским 42 года, пока на его место не заступил его преемник Ефрем.

В конце XVIII в. среди одних из первых русских историков М. М. Щербатове и И. Н. Болтине возникла полемика по поводу достоверности Иоакимовской летописи.

По мнению И. Н. Болтина: «Призвание Славянами Новгородскими Рурика с братьями на княжение, по причине их родства с Гостомыслом, видится более с обстоятельствами сходными по Иоакиму, нежели по Нестору; по первому и род Руриков и повод к избранию его известны, а по последнему и то и другое остается в темноте». [10, с. 15]

М. М. Щербатов считал, что отрывок Иоакимовской летописи, приводимый В. Н. Татищевым, не соответствует критериям исторической подлинности: «Неоспоримые правила в разборе древних сочинений суть: чтобы он в таком месте найден был, где бы не можно было сомневаться о его справедливости; второе, чтобы древность его письменами и всеми видимостями соответствовала времени, в котором полагают, что он был написан; третье, чтобы слог его и описуемые деяния согласны были с тем, что вероятнейшие современные Писатели повествуют о том; четвертое, чтобы кто из Писателей ближайших веков поминал о сем писателе». [166, с. 12–19]

По мнению А. Л. Шлёцера: «Первый и единственный источникЪ древнѣйшей Руской исторіи есть НЕСТОРЪ», поэтому так называемая Иоакимовская летопись явно «ложная». Как можно «бессмысленный отрывок, уродливое произведение несведущего монаха (обнаруженное В. Н. Татищевым в 1721 г. у сибирского раскольника) принять за сочинение первого Новгородского епископа Иоакима, который был родом Грек». [164, с. 394, 381, 425]

В. Н. Татищев, считавший епископа Иоакима автором летописи, исходил из прямолинейного соображения — поскольку Иоаким был учен и жил среди новгородцев 42 года, то именно он имел возможность за 200 лет до Нестора собрать уникальные сведения по истории новгородских словен.

В действительности, по ситуационной логике событий тех лет в Новгороде, а также по историческим сведениям и археологическим данным, считать епископа Иоакима автором летописи, значит существенным образом исказить историю древних новгородцев.

Есть все основания полагать, что, несмотря на то, что Иоаким 40 лет жил среди новгородцев, но жил он изолированно от них, под княжеской охраной, в атмосфере всеобщей ненависти, и поэтому собрать какие-либо доподлинные сведения о древней славянской истории от местных жителей не имел возможности.

По летописям, для крещения в 991 г. Новгорода был послан из Киева князем Владимиром военный отряд с воеводами *Добрыней* и *Путьтой* и епископом *Иоакимом Корсунянином*.

Древние новгородские словене, покинувшие под напором католических крестителей свою родину в балтийском Поморье, вновь подверглись нашествию христиан, но уже православных.

Под военной охраной рыцарей и дружинников шли на земли славян искоренять язычество христианские «святители», которых никто никогда из славян не звал.

Среди новгородцев, где княжеской власти противостоял вековой авторитет волхвов, особо выделялся волхв *Богомил*, прозванный за свое красноречие *Соловьём*. «Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече и поклялись все не пускать его в город, не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда Добрыня пришел, то новгородцы разметали большой мост и вышли против него с оружием». [52, т. I, гл. 7, с. 177]¹²⁷

Сражение длилось двое суток. Первый натиск православных крестителей новгородцы отбили. Тогда Иоаким призвал на помощь ростовский полк, [52, пр. 257, с. 308] который, неожиданно напав на новгородцев, зажег ряд домов, грозя сжечь весь город. Не хотевших креститься детей, женщин, стариков — дружинники стали избивать: «Добрыня же, собрав войско... немедленно идолы сокрушил, деревянные сжег, а каменные, изломав, в реку бросил; и была нечестивым печаль велика. Мужи и жены, видевшие то, с воплем великим и слезами просили за них, как за настоящих их богов. Добрыня же, насмехаясь, им вещал: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут, какую пользу вы от них можете надеяться получить?». [146, 1768, кн. I, ч. I, гл. 4, с. 38–39]

Увидев, поверженных, не могущих себя защитить¹²⁸ идолов, новгородцы смирились — дружинники плетью погнали их в Волхов креститься, мужчин выше моста, женщин ниже. «Тогда многие язычники,

---

¹²⁷ Арабский ученый *Ибн-Русте* в «Книге драгоценных сокровищ» в 30-х гг. X в. писал: «Есть у них знахари (жрецы и волхвы), изъ коихъ иные повелевають царю (князю), какъ будто они начальники ихъ (Русовъ)». [25, с. 269]

¹²⁸ Н. И. Костомаров отмечает существенную разницу в летописных картинах свержения Перуна в Киеве и Новгороде. Если киевский Перун безропотно уплыл, стенав под плетками дружинников, то новгородский Перун, уплывая прочь по Волхову, кинул на прощание на новгородский мост свою палку: «завещающа грядущим поколениям междоусобия и драки, которые должны были происходить на этом самом мосту. То было как-будто проклятие от древней веры народу, который ее оставил и променял на другую». [61, с. 262]

чтобы отбыть от крещения, объявили, что крещены... Иоаким велел всем крещеным надеть на шею кресты, а кто не будет иметь на себе креста, тому не верить, что крещен, и крестить... Вот почему есть с тех пор бранная у новгородцев поговорка, как их «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». [141, т. I, гл. 7, с. 177]

Археологические раскопки академика В. Л. Янина показали, что на Софийская стороне и Людином конце Новгорода бушевал страшный пожар, точно датируемый дендрохронологическим методом временем крещения 991 г., к этому же времени относятся несколько кладов, хозяевам которых так и не пришлось вернуться к своим очагам.

Несмотря на то, что Иоаким Корсунянин 40 лет просидел епископом среди новгородцев, его православная миссионерская деятельность, как и его преемников, епископов Ефрема и Федора, была безуспешной.

В 1071 г., спустя 80 лет после крещения, языческие волхвы подняли восстание в Новгороде: «И бысть мятежь в граде». Епископ Федор с крестом, с князем и дружиной, вышел к восставшим и обратился ко всем: «Кто верует волхву — идите к нему, кто верует кресту — идите ко мне». К епископу подошли князь с дружиной, а к волхву весь народ. Видя, что *люди* за волхва — князь Глеб, взявший потихоньку топор, зарубил волхва, люди же, увидев его мертвое тело, разошлись. [79, с. 175–176] Но судьба наказала вероломных, вскоре епископ Федор странно умер, а князь Глеб бежал из Новгорода и погиб где-то за Волоком.

В 1534 г., спустя более 500 лет после *крещения Руси*, архиепископ *Макарий* в борьбе с укоренившимся язычеством *новгородской чуди* предписывает властям «в селгах, деревнях и лесах разорять, истреблять огнем языческие мольбища, дерева и камни», [29, с. 86] требуя отдавать язычников под княжеский суд. Однако это не помогало: «в Водской земле, еще в XVI в., было язычество». [60, т. 1, с. 263]

В принципе, помимо простых новгородских словен, епископ Иоаким мог узнать какие-либо интересующие его исторические сведения от новгородской родовой знати, но такая возможность была практически невероятна.

К родовой знати относится знать жреческая, военная и имущественная. Словенские волхвы, как носители традиционных вековых обычаев, могли сохранить и хранили предания старин, но именно волхвы прежде всего беспощадно истреблялись новоявленной христианско-княжеской властью. Военной знати у новгородских словен, более века находящейся под властью варяжских князей Рюриковичей, по существу не могло быть.

Что касается знати имущественной, торговой, то она только складывалась и находилась в зависимости от норманнского купечества.

В дальнейшем, новгородская торговая знать, существовала в зыбком состоянии возможного разорения и непостоянной удачи обогащения.

Еще один вопрос об авторстве Иоакимовской летописи упирается в очевидно доминирующую славянскую тему. Однако Новгород тех лет отличался полиэтническим составом населения, где вместе со словенами жили финские и балтские племена, но о них, их культуре и преданиях Иоакимовская летопись хранит гробовое молчание.

Если автором летописи считать епископа Иоакима, то получается, что свою христианскую миссионерскую деятельность он обратил лишь на словен, но не на большинство остальных новгородских жителей, не считая акции их поголовного крещения, вылившейся в глумление над языческой верой людей и уничтожение их языческих святилищ.

Еще один немаловажный вопрос — с какой стати новоявленный новгородский епископ Иоаким, до этого бывший монахом в Корсуні, вдруг проникся интересом к генеалогии словенских князей, факт сам по себе невероятный для греческих историков.

Все они без исключения с середины V в. пишут о славянах, в лучшем случае, как о примитивных варварах, в худшем, как о кровожадных славянских полчищах непрерывно вторгающихся с северного берега Дуная на земли цивилизованной Византии.

Греческие историки упоминают лишь о военных вождях славян и их старейшинах, называя их имена, но никак не о славянских князьях, которые в условиях родового самоуправления попросту не существовали.

Описывая события нападения русов на Константинополь 18 июня 860 г., патриарх Фотий подчеркивает очень низкое происхождение нападающих — «непонятого, незначительного народа, считающегося наравне с рабами»... Они являются армией без начальника, снаряженной так, как снаряжают рабов... и у них нет вождя (князя — Авт.)». [175, р. 98]

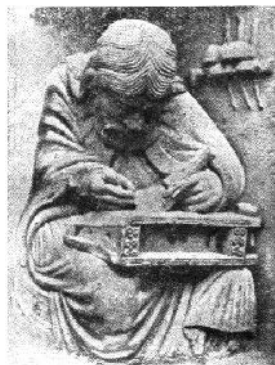
Собственно, и Нестору генеалогии славянских князей неизвестны, он упоминает лишь имена двух князей — Кия и Мала. Относительно Кия летописец не был уверен в его происхождении, не то он был простым перевозчиком на берегу Днепра, не то князем, основавшим Киев. О Мала Нестор пишет как о древлянском славянском князе.

Отвечая на вопрос, почему грек Иоаким, христианин, священник, испытывал столь странный интерес к генеалогии новгородских славянских князей, С. Ляшевский высказал предположение, что Иоаким был родом из таврических руссов, т. е. стремился излагать прошлое своего народа. [33, с. 86]

Однако в действительности таврические русы были норманнами, являя собой костяк войска Святослава, но отнюдь не славянами, и причем здесь Иоаким, которого летописи определяют как грека.

Говоря о греческих епископах, пришедших на русские земли, первым из которых был Иоаким Корсунянин, В. О. Ключевский пишет: «В далекую и темную скифскую митрополию шли не лучшие греки. Они были равнодушны к местным нуждам и заботились о том, чтобы высылать на родину побольше денег, чем мимоходом кольнул им глаза новгородский владыка XII в. Иоанн в поучении своему духовенству. Уже в то время слово грек имело у нас недоброе значение — плута: таил он в себе обман, потому что был он грек, замечает летопись об одном русском архиерее». [52, с. 329]

Вообще вольнолюбивые новгородцы не испытывали особого интереса и почтения к княжеским генеалогиям — ни к славянским, поскольку они им были не известны, ни к варяжским, как поработителям славян, ни к киевским великокняжеским, ни, собственно, к князьям новгородским. Первая Новгородская летопись Старшего извода начинается с 1026 г. — с киевского князя Ярослава, почтившего новгородцев знаменитыми «вольностями» за их услуги и помощь.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авенариусъ В. П.* Книга былинъ. — С.-Петербургъ: Типографія М. Стасюлевича, 1880. — 355 с.
2. *Александров А. А.* Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы Псковской земли // Памятники средневековой культуры. Открытые версии. — СПб., 1994.
3. *Артамонов М. И.* История хазар. — Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. — 523 с.
4. *Балтин-Кольский А.* О рунической надписи из Старой Ладogi // Скандинавский сборник IV. — Таллин: Эстонское государственное издательство, 1959.
5. *Барашков А.* Узелковое письмо древних славян // Наука и религия. № 4–5. — М.: Знание. — 64 с.
6. *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Первые абсолютные даты Псковского городища и проблема происхождения и крещения Города в Пскове // Язычество, христианство, церковь. — М.: Институт российской истории РАН, 1995. — 90 с.
7. *Беляев И. Д.* История России от древнейших времен. Т. 1. Соч. Сергея Соловьева // Московитянин. — 1851, № 18. Сентябрь. — С. 377.
8. *Безръ Феодиль Сигефръ.* Диссертация о варягах / перевод с латинского языка в 1747 году Кирияка Кондратовича. — Издано Императорской Академіей наукъ, 1767. — 56 с.
9. *Боголюбов Н. П.* История корабля. Т. I. — М.: Типографія Л. Θ. Снегирева, 1879. — 354 с.
10. *Болтинъ И. Н.* Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова. — Во Граде Св. Петра, печатано въ Императорской Типографіи иждив. И. Глазунова. 1793. — 160 с.
11. *Болтинъ И. Н.* Примечанія на исторію древнія и нынешнія России Г. Леклерка. Т. I. — Печатано въ типографіи Горнаго училища, 1788. — 615 с.
12. *Брим В. А.* Происхождение термина Русь // Россия и Запад. Т. 1. — Пг., 1923.
13. *Бычков А. А.* Происхождение славян. — М.: АСТ: Астрель, 2007. — 252 с.
14. *Бычков А. А., Низовский А. Ю., Черношвитов П. Ю.* Загадки Древней Руси. — М.: Вече, 2005. — 320 с.
15. *Веселовский А.* Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // Журнал Мин. нар. Просвещения. — 1889, № 26.
16. *Видейко М. Ю.* Украина: от Антов до Руси. — К.: Крион, 2009. — 240 с.
17. *Иоаннъ де Плано Карпини.* Исторія Монгаловъ. Вильгельмъ де Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны. — С.-Петербургъ: Издание А. С. Суворина, 1911. — 224 с.
18. *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. — М.: Аграф, 1999. — 448 с.
19. *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. — М.: Аграф, 1999. — 412 с.
20. *Висковатов А. В.* Краткий исторический обзор морских походов русских. — С.-Петербургъ: въ Типографіи Морскаго Министерства, 1864. — 170 с.
21. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М., 1974.

22. Восточные славяне. Антропология и этническая история / под ред. Т. И. Алексеевой. — М.: Научный мир, 2002. — 342 с.
23. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства съ остатками язычества въ древней Руси. Т. II. — М.: Печатки А. И. Снегиревой, 1913. — 308 с.
24. *Гаркави А. Я.* Сказанія еврейских писателей о хазарахъ и Хазарском царстве. — С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1874. — 162 с.
25. *Гаркави А. Я.* Сказанія мусульманских писателей о хазарах и русских. — С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1870. — 308 с.
26. *Гаркави А. Я.* Дополненія къ сочиненію Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. — С.-Петербургъ: Въ типографіи А. О. Цедербаума, 1871. — 41 с.
27. *Гедеоновъ С. А.* Варяги и Русь. — С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1876. — 569 с.
28. *Глазырина Г. В.* Сведения о «Конунгах Руси» в сагах о древних временах // Политическая структура древнерусского государства. — М.: Тезисы докладов института Российской истории РАН, 1996. — 110 с.
29. *Гордиенко Н. С.* Крещение Руси: факты против легенд. — Л.: Лениздат, 1986. — 288 с.
30. *Гримберг Ф. Л.* Рюриковичи или семисотлетие «вечных» вопросов. — М.: Московский лицей, 1997. — 308 с.
31. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). — М.: Аспект-Пресс, 1998. — 398 с.
32. *Джаксон Т. Н.* Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 207 с.
33. *Додонов И. Ю.* Истоки славянской письменности. — М.: Вече, 2008. — 384 с.
34. Древняя одежда народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1986. — 273 с.
35. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой и др. — М.: Логос, 1999. — 608 с.
36. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон и др. — Тт. I–V. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009–2010. — С. 348, 379, 251, 506, 380.
37. *Дурасов Г. П.* Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // Советская этнография. — 1978, № 3. — М.: Наука.
38. *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России: Репринтное издание. — Белгород: Пилигрим, 1994. — 235 с.
39. *Екатерина II.* Письмо Великому Князю Павлу Петровичу от 6.2.1787. Русская старина, т. VIII, 1873, ноябрь. — С.-Петербургъ: Типографія В. С. Балашева, 1873. — 196 с.
40. *Елисеев А.* Древние русы: народ и каста // Русь и Варяги. Сборник статей по истории средневековой Руси и Европы. — М.: Метегалактика, 1999. — 320 с.
41. Западно-русскія (Литовская) лѣтопись. — С.-Петербургъ: Типографія М. А. Александрова, 1907. — 650 с.
42. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 872 с.
43. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. — Баку: Элм, 1986. — 428 с.
44. Изборник: Повесть временных лет. — М.: Художественная литература, т. 15, 1969. — 799 с.

45. *Иларион*. Слово о Законе и Благодати. — М.: Столица, Скрипторий, 1994. — 144 с.
46. *Иловайский Д. И.* Исторические сочинения. Часть третья. — М.: Товарищество Типолиитографии И. М. Машистова, 1914. — 455 с.
47. *Каттер Д. П.* Викинги Британии. — СПб.: Евразия, 2003. — 272 с.
48. *Карамзин Н. М.* История государства российского. — М.: ЭКСМО, 2004. — 1021 с.
49. *Каргер М. К.* Древний Киев. — М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, Т.1, 1958. — 580 с.
50. *Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 376 с.
51. *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. — Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1984. — 276 с.
52. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. — Пг.: Четвертая Государственная Типография, 1918. — 464 с.
53. *Ключевский В. О.* Сочинения в 9-и тт. — М.: Мысль, 1989.
54. Книга Ахмада Ибн-Фадлана посла Аль-Муктадира к царю славян. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. — 193 стр. + 33 табл.
55. Книга Степенная царского родословия. ПСРЛ, том 21. — С.-Петербургъ: Типография М. А. Александрова, 1908. — 349 с.
56. *Кожин В. В.* Правда против кривды. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. — 512 с.
57. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. — 134 с.
58. *Кондуфор Ю. Ю. и др.* История Украинской ССР в 10 тт. Том 1. — Киев: Наукова думка, 1981. — 422 с.
59. *Королев А. С.* Святослав. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 351 с.
60. *Костомаровъ Н. И.* Исторические монографии и исследования. Том 1. — С.-Петербургъ: Издание Д. Е. Кожанчикова. — 1863. — 504 с.; Том 7 — 1868. — 419 с.; Том 12. 1872. — 462 с.
61. *Костомаров Н. И.* История Новгорода, Пскова и Вятки во время удельно-вечевого уклада, т. 7. — С.-Петербургъ: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1868. — 448 с.
62. Краткий гидрологический очерк Ладожского озера. ЦАМО, фонд 17, опись 1221, дело 216. 1941. — 85 с.
63. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. — М.: Издательство АН СССР, 1961. — 118 с.
64. *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. — М.: Издательство АН СССР, 1962. — 86 с.
65. Ксантенские анналы // Историки эпохи Каролингов. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. — 279 с.
66. *Куйо М. Куев.* Черноризец Храбър. — София: Изд-во на Българската Академии на Науките, 1967. — 451 с.
67. *Лазарев Е.* Валам, Россия в миниатюре // Наука и религия. — 1991, № 9. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
68. *Лазарев Ю. Г.* Летопись древней Руси: что скрыто между строк? — М.: ЭКСМО, 2010. — 320 с.
69. *Лебедевъ А. П.* История разделения церквей в IX–XI вв. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. — 415 с.
70. *Лебедевъ А. П.* Церковная историография въ главныххъ ея представителяхъ съ IV-го века до XX-го. — С.-Петербургъ: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1903. — 610 с.

71. *Лев Диакон*. История. — М.: Наука, 1988. — 237 с.
72. *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. — 552 с.
73. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма (сб. статей). — М: Наука, 1970. — 235 с.
74. *Леонидъ (Кавелин) архимандритъ Тр.-Серг. лавры*. Откуда Родомъ была св. великая княгиня русская Ольга? // Русская старина. Том 59. — С.-Петербургъ: Типографія В. С. Балашева, 1888. — 696 с.
75. *Лесной С.* Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. — 384 с.
76. Летописи Устюжские и Вологодские XVI–XVIII вв. ПСРЛ. Том 37. — Л.: Наука, 1982. — 228 с.
77. Лѣтопись Патріаршая или Никоновская. — С.-Петербургъ: Въ Типографіи Эдуарда Праца, 1862. — 256 с.
78. Лѣтопись по Ипатскому списку. — С.-Петербургъ: Издание археографической комиссии, 1871. — 703 с.
79. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. — С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наук, 1872. — 512 с.
80. Летопись Радзивилловская. — М.: Глаголь, Искусство, 1994. — 936 с.
81. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. — М.: Русская панорама, 2006. — 192 с.
82. *Лихачев Д. С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — СПб.: Logos, 1998. — 560 с.
83. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. — М.: Прогресс, 1985. — 304 с.
84. *Лозинский С. Г.* История папства. — М.: Политиздат, 1986. — 382 с.
85. *Ломоносовъ М.* Древняя Россійская исторія. — С.-Петербургъ при Императорской Академіи Наукъ, 1766. — 140 с.
86. *Лорци Иозеф.* История церкви. Т. 1. — М.: Христианская Россия, 1999. — 511 с.
87. Львовская лѣтопись. — С.-Петербургъ: Типографія М. А. Александрова, 1910. — 418 с.
88. *Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. — 3053 с.
89. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения в 50 тт. Второе издание. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981.
90. *Мельникова Е. А.* «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Политическая структура древнерусского государства — М.: Тезисы докладов института Российской истории РАН, 1996. — 110 с.
91. *Меркулов В. И.* Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Труды Института российской истории РАН. Вып. 7. — М., 2008.
92. *Мец Адам.* Мусульманский Ренессанс. — М.: Главная редакция восточной литературы; Наука, 1973. — 473 с.
93. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI веков. — М.: 1963.
94. *Назаренко А. В.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / под ред. В. В. Седов. — Л.: Наука, 1985.

95. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. — М.: Наука, 1993 — 240 с.
96. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — М.: Наука, 1983. — 208 с.
97. Нестеренко А. Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. — 320 с.
98. Несторовский П. А. Бессарабские русины. — Варшава: Типография «Сатурн», 1905. — 176 с.
99. Нечволодовъ А. Сказания о русской земле. — С.-Петербургъ: Государственная типография, 1913. — 1140 с.
100. Никитин А. Аз, Святослав, князь русский // Наука и религия. — 1991, № 9. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
101. Никитин А. Олег. Князь или воевода? // Наука и религия. — 1991, № 6 — М.: Знание, 1991. — 64 с.
102. Новгородские и псковские летописи. — С.-Петербургъ: Въ Типографіи Эдуарда Праца, 1848. — 364 с.
103. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. — С.-Петербургъ: Издание Археологической Комиссии, 1888. — 531 с.
104. Новгородская четвертая летопись. — Петроград: Типография Я. Башмаковъ и К°, 1915. — 320 с.
105. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М.: Наука, 1990. — 264 с.
106. Носов Е. Н. и др. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя — С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. — 412 с.
107. Острогорский М. Учебникъ русской истории. — П.: 1916. — 176 с.
108. Паль Лин фон. Тайны Киевской Руси. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009. — 351 с.
109. Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. — Петрозаводск: Карелия, 1990. — 153 с.
110. Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). — Л.: Госиздат, 1924.
111. Петрухин В. Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. — М.: Наука, 1983. — 234 с.
112. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М.: Наука, 1989. — 285 с.
113. Подосимов А. В. Страны света в дохристианской картине мира восточных славян // Язычество, христианство, церковь. — М.: Институт российской истории РАН, 1995. — 90 с.
114. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Часть 1. — Л.: Госиздатель, 1925. — 204 с.
115. Поповъ М. И. Славенскія древности, или Приключенія славенскихъ князей. Ч. 1–3. — С.-Петербургъ: Типография Морского кадетскаго корпуса, 1770–1771. — 425 с.
116. По следам древних культур — Древняя Русь. — М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. — 360 с.
117. Поснов М. Э. История христианской церкви. — М.: Высшая школа, 2005. — 648 с.
118. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. — СПб.: Алетея, 2009. — 400 с.

119. *Прозоров Л. Р.* Святослав Храбрый — Русский бог войны. — М.: Яуза: Эксмо, 2009. — 512 с.
120. *Пселл Михаил.* Хронография. — М.: Наука, 1978. — 319 с.
121. *Пушкин А. С.* Собрание соч. в 10 тт. Том 1. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. — 643 с.
122. *Пчелов Е. В.* Рюриковичи: история династии. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 478 с.
123. *Пчелов Е. В.* Рюрик. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 316 с.
124. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. — СПб.: Алетейя, 2009. — 400 с.
125. *Равноапостольная Ольга.* Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. — 32 с.
126. *Раннехристианские церковные писатели.* — М.: Интербук, 1990. — 255 с. 127.
127. *Рассел Бертран.* Почему я не христианин. — М.: Политиздат, 1987. — 340 с.
128. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М.: Наука, 1981. — 606 с.
129. *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 320 с.
130. *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. — С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. — 110 с.
131. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. — М.: Международные отношения, 1982. — 240 с.
132. *Сахаров А. Н.* Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии. — Л.: Лениздат, 1986. — 320 с.
133. *Свириин К. М.* Языческие святилища Северо-Запада древней Руси — в VIII начале XI вв. // «Новгород и Новгородская Земля. История и археология» (Материалы научной конференции) Новгород, 24–26 января 2006. Выпуск 20.
134. *Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.).* — М.: «Восточная литература» РАН, 1994. — 472 с.
135. *Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.).* — М.: «Восточная литература» РАН, 1995. — 590 с.
136. *Священные книги Ветхаго и Новаго Завета.* — Вена: Изданы Обществомъ распространения Библии въ Великобритани и въ другихъ странахъ, — 1877. — 1024 с.
137. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. — М.: Наука, 1982. — 328 с.
138. *Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города).* — М.: Издательство Московского университета, 1991. — 264 с.
139. *Советская историография Киевской Руси.* — Л.: Наука, 1978. — 279 с.
140. *Сойер П.* Эпоха викингов. — СПб.: Евразия, 2006. — 351 с.
141. *Соловьев С. М.* Сочинения в 24 томах. — М.: Мысль, 1988–1993.
142. *Срезневский И. И.* Договоры с греками. Русское слово. — М.: Просвещение, 1986. — 173 с.
143. *Срезневский И. И.* Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ. — СПб въ типографіи К. Жернакова, 1848. — 96 с.
144. *Стурлусон Снорри.* Круг земной. — М.: Наука, 1980. — 691 с.
145. *Сумцов Н. Ф.* Символика славянских обрядов. — М.: «Восточная литература» РАН, 1996. — 296 с.

146. *Татищевъ В. Н.* ИсториЯ Россійская. Книга первая. Часть первая. ИмператорскІй МосковскІй Университетъ, 1768. — 224 с. Часть вторая, 1769. — 600 с., Книга вторая. 1773. — 536 с.
147. Тверская лѣтопись. — С.-Петербургъ: въ типографіи Леонида Демиса, 1863. — 540 с.
148. Типографская лѣтопись. ПСРЛ, т. 24. — Пг.: 2-я Государственная типографія, 1921. — 272 с.
149. *Толочко П. П.* Миф о хазаро-иудейском основании Киева // Київ і Русь. — К., 2008.
150. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.-Л.: Наука, 1966. — 350 с.
151. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. — 230 с.
152. *Трубачев О. Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. — М.: Наука, 2005. — 286 с.
153. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. ПСРЛ, т. 37. — Л.: Наука, 1982. — 228 с.
154. *Филин П. В.* Образование языка восточных славян. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. — 293 с.
155. *Филипчук А. М.* Имущество варяго-русского наемника в Византии в XI в. // Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. — М.: Тезисы докладов института Российской истории РАН, 2008. — 251 с.
156. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси 750–1200. — С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. — 624 с.
157. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. — Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1980. — 256 с.
158. *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х тт. Т. 1. — М.: Наука, 1991. — 798 с.
159. *Чивилихин В.* Память. Книга вторая. — Л.: Лениздат, 1983. — 637 с.
160. Что думают ученые о «Велесовой книге». — СПб.: Наука, 2004. — 228 с.
161. *Чулковъ М. Д.* АБЕВЕГА русских суеврїй. — Печатано въ Москвѣ, въ Типографіи у содержателя Ф. Гиппіуса, 1786. — 326 с.
162. *Шартран Р., Дюрам К., Харрисон М., Хит И.* Викинги — М.: Эксмо, 2008. — 192 с.
163. *Широкоград А. Б.* Северные войны России. — М.: АСТ, 2001. — 848 с.
164. *Шлѣйцер А. Л.* Несторъ. Рускія лѣтописи на Древлѣ — Славенскомъ языкѣ. Часть I. — Въ Санкт-Петербургъ: Печатано въ Императорской типографіи, 1809 года. — 476 с.
165. *Щербатовъ М.* Исторія російская. Томъ 1. — Въ Санкт-Петербургъ при Императорской Академіи наукъ, 1770. — 396 с.
166. *Щербатовъ М.* Письмо князя Щербатова генерал-майору Болтину. — М.: Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1789. — 150 с.
167. *Щапов Я. Н.* Русская летопись о политических взаимоотношениях древней Руси и Византии // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. — М.: Наука, 1972. — 439 с.
168. *Янин В. Л., Аleshковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. — 1971, № 2.
169. *Annales Fuldenses.* — Hannoverae, 1891.

170. *Høst, Gerd.* Et oppsiktsvekkende runefunn i Russland. — «Aftenposten», 13.12.1957.
171. *Ibn Rusta.* Kitab al-A`lak al-nafisa. Ed. T. Lewicki. — Gdansk, 977. T. II.2.
172. *Jordanes.* Romana et Getica, III. 21 (MGH, Auctores Antiquissimi. Vol. 5).
173. *Klim Otakar.* Mazdak und die Juden. — Archiv Orientalni., Praha, 1956, XXII.
174. *Nerman B.* Die Verbindungen Zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jungeren Eisenzeit, VHA, 40 (1929).
175. *Photios.* The Homilies of Photios Patriarch of Constantinople. — Cambridge, Mass., 1958.
176. *S. Prudentii annalesive Annalium Bertinianorum pars secunda.* Ab anno 835 usque ad 861 PL. T. CXV. P. 1852 Col. 1375–1420.

Михайлов Сергей Михайлович
ОТ РЮРИКА ДО СВЯТОСЛАВА

Монография

Адрес редакции:
199178, Санкт-Петербург, 12-ая линия В. О., д. 13-а, к. 207

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,2. Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Русская коллекция СПб»
Санкт-Петербург, 13 линия В. О., д. 30, оф. 4
Тел./факс: (812) 327-49-46
e-mail: russian@collection.spb.ru